

100

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Издание С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

1887

5-6

КНИГА ПЯТАЯ

М А Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1887

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

- I. Узакононенія и распоряженія правительства XXX-XLV.
 II. Уголовно-судебная экспертиза. *Владимира Фукса* 1 — 39.
 III. Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ
И. Рабиновича 40 — 125.
 IV. Налоги и повинности сельскаго населенія *А. Тютрюмова*. 126—186.
 V. Иностранная юридическая хроника. Лекція проф. Ферри противъ
 сантиментальной филантропіи нынѣшнихъ тюремныхъ порядковъ.—
 Бернская сессія международной тюремно-пенитенціарной комиссіи и
 ея подготовительные труды для будущаго С.-Петербургскаго тюрем-
 наго конгресса.—О самой комиссіи и пересмотрѣ ея парижскаго
 регламента.—О шансахъ международной объединительной политики
 тюремныхъ конгрессовъ въ области карательнаго законодательства.—
 Нападки на судъ присяжныхъ; жалобы на слабость репрессіи и не-
 цѣлесообразность карательной системы въ германской юридической
 прессѣ и литературѣ: требованіе отъ уголовного правосудія большей
 строгости, какъ знаменіе времени *Н. Я.* 187—223.

Замѣтки.

- VI. Изъ уголовной практики мирового суда *И. Щеловитова* . 1 — 40.
 VII. О третейскомъ судѣ *А. Гауера* 41 — 44.
 VIII. По поводу „резюме“ предсѣдателя суда *И. Закревскаго* . . 44 — 54.
 IX. По поводу 702 ст. уст. гражд. судопр. *А. Гольмстена* . . 55 — 59.

Приложенія.

- X. Руководство по уголовному процессу соч. Ю. Глазера; переводъ
 съ нѣмецкаго *А. Лихачева* 301—316.
 XI. Законъ „объ укрѣпленіи титуловъ владѣнія“ примѣняемый
 въ колоніяхъ Британской Имперіи *Р. Минцова* 1 — 16.

Касс. рѣш. сданы на почту 10 мая гражд. 17—18 листы.

См. на слѣд. стр.

Рес. Мюл. 13, 1905

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го марта по 15-е апрѣля)

ОТДѢЛЪ I.

А) Высочайшія повелѣнія.

31) *Объ офицерахъ и чиновникахъ, не подлежащихъ зачисленію въ запасъ арміи или флота.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Статью 277 устава о воинской новинности (свод. зак. т. IV кн. 1, изд. 1886 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

„Въ запасъ не зачисляются офицеры и чиновники, приговоренные судомъ къ исключенію изъ службы, или къ отставленію отъ оной, или же къ заключенію въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, а также увольняемые отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ, равно какъ офицеры, удаляемые изъ войскъ по приговору суда общества офицеровъ“.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 3 февраля Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 262).

32) *О кредитѣ на содержаніе канцелярій правительствующаго сената.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

1) Отпускъ суммъ, ассигнуемыхъ нынѣ на содержаніе канцелярій департаментовъ 3, 4, 5, межеваго и герольдіи правительствующаго сената, а также сенатскаго архива, продолжить до 1 января 1888 года, съ тѣмъ, чтобы суммы эти расходовались на точномъ ж. гр. и уг. пр. кн. в 1887 г.

основаніи Высочайше утвержденного 10 мая 1865 г. мнѣнія государственнаго совѣта о мѣрахъ къ уравнительному распредѣленію занятій между чинами канцелярій правительствующаго сената;

и 2) Предоставить министру юстиціи войти въ соображеніе о дальнѣйшемъ сокращеніи штатнаго состава канцелярій тѣхъ судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, въ коихъ это признано будетъ возможнымъ, а въ особенности канцелярій 3 и 5 департаментовъ, съ тѣмъ, чтобы часть имѣющей освободиться отъ такового сокращенія суммы была обращена на производство остающимся на службѣ лицамъ ежегодныхъ добавокъ къ получаемому ими содержанію, а остальная часть поступила въ свободные ресурсы государственнаго казначейства; и за тѣмъ о предположеніяхъ своихъ по сему предмету внести въ государственный совѣтъ особое представленіе ко времени разсмотрѣнія въ ономъ смѣты министерства юстиціи на 1888 годъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе 24 февраля Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 265).

33) *О вознагражденіи лицъ, завѣдывающихъ смотрительскою или хозяйственною частью въ зданіяхъ судебныхъ установленій.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Предоставить министерству юстиціи право разрѣшать отводъ свободныхъ въ зданіяхъ судебныхъ установленій помѣщеній тѣмъ изъ служащихъ въ сихъ установленіяхъ должностныхъ лицъ, на коихъ будетъ возложено завѣдываніе смотрительскою или хозяйственною частью, съ одновременнымъ прекращеніемъ производства такимъ должностнымъ лицамъ квартирныхъ денегъ, а также выдавать означеннымъ чиновникамъ вознагражденіе за труды ихъ по завѣдыванію упомянутыми зданіями изъ остатковъ отъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на содержаніе личнаго состава тѣхъ судебныхъ установленій, въ коихъ эти должностныя лица состоятъ на службѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе 24 февраля Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 288).

34) *О конвенціи о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенной между Россією и Великобританією (Извлеченіе).*

Министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ министру юстиціи, что Государь Императоръ удостоилъ, въ 9 день декабря 1886 г., Высочайшей ратификаціи заключенную 12 (24) ноября 1886 года между Россією и Англією конвенцію о взаимной выдачѣ преступниковъ.

Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена была въ Лондонѣ 21 января (2 февраля) 1887 года на таковую же англійскую.

КОНВЕНЦІЯ

О взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россією и Великобританією 12 (24) ноября 1886 года.

(Обмѣнъ ратификацій состоялся въ Лондонѣ 21 января (2 февраля) 1887 года.)

Статья I.

Высокія договаривающіяся стороны обязуются взаимно выдавать лицъ, которыя, будучи преслѣдуемы или осуждены за преступленія или проступки, совершенные на территоріи одной изъ договаривающихся сторонъ, укроются въ территоріи другой стороны въ случаяхъ и при условіяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ договоромъ.

Статья II.

Выдача будетъ производиться за слѣдующіе преступленія и проступки:

1) Предумышленное убійство или покушеніе на таковое убійство, или заговоръ или подстрекательство, имѣющіе цѣлью совершеніе этого преступленія

2) Убійство не предумышленное.

3) Поддѣлка или уменьшеніе достоинства монеты, выпускъ въ обращеніе поддѣльной или уменьшенной въ достоинствѣ монеты.

4) Подлогъ, поддѣлка или порча или выпускъ въ обращеніе подложнаго, поддѣльнаго или измѣненнаго въ своемъ достоинствѣ.

5) Растрата или кража.

6) Истребленіе или поврежденіе чужой собственности, когда совершенное преступное дѣяніе подлежитъ наказанію уголовному или исправительному.

7) Полученіе посредствомъ обмана денегъ или другихъ вещей.

8) Преступленія противъ законовъ о несостоятельности.

9) Обманъ (злоупотребленіе довѣріемъ), учиненный управляющимъ, банкиромъ, агентомъ, комиссіонеромъ, опекуномъ или попечителемъ, или директоромъ, или членомъ, или должностнымъ лицомъ какого-либо общества, на сколько это дѣяніе наказуется по дѣйствующимъ законамъ.

10) Лжеприсяга или подговоръ свидѣтелей къ дачѣ ложныхъ показаній.

11) Изнасилованіе.

12) Плотское соитіе съ дѣвицею, имѣющею менѣе 16 лѣтъ отъ роду, или покушеніе на это дѣяніе.

13) Покушеніе на цѣломудріе, учиненное съ насиліемъ.

14) Умышленное употребленіе какихъ-либо снадобій или орудій для изгнанія плода.

15) Похищеніе женщины или дѣвицы.

16) Похищеніе дѣтей.

17) Противозаконное лишеніе свободы или личное задержаніе.

18) Взломъ или тайное проникновеніе въ жилое зданіе съ преступнымъ намѣреніемъ.

19) Умышленный поджогъ.

20) Грабежъ.

21) Умышленное нанесеніе ранъ или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія.

22) Угрозы на письмѣ или другія дѣянія въ видахъ вымогательства.

23) Морской разбой, признаваемый преступленіемъ по международному праву.

24) Потопленіе, посадка на мель или истребленіе судна въ морѣ, или покушеніе, или заговоръ съ цѣлю совершенія этого преступленія.

25) Насильственные дѣйствія, совершенныя на суднѣ въ открытомъ морѣ, съ цѣлю лишенія жизни или причиненія тяжкаго тѣлеснаго поврежденія.

26) Бунтъ или заговоръ двухъ или нѣсколькихъ лицъ на суднѣ въ открытомъ морѣ противъ власти шкипера.

2) Торгъ невольниками, на сколько таковой наказуется по законамъ обоихъ государствъ.

Выдача будетъ, равнымъ образомъ, имѣть мѣсто и за соучастіе въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ, коль скоро такое соучастіе подлежить наказанію по законамъ обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Экстрадиція можетъ послѣдовать, по усмотрѣнію государства, къ которому обращено о томъ требованіе, и за совершеніе иныхъ преступленій, если только это согласно съ дѣйствующими въ обѣихъ странахъ законами.

Статья III.

Оба правительства имѣютъ полное право обоюдно отказывать другъ другу въ выдачѣ своихъ собственныхъ подданныхъ.

Статья IV.

Выдача не будетъ имѣть мѣста, если лицо, преслѣдуемое правительствомъ соединеннаго королевства или правительствомъ российской имперіи, было уже судимо, оправдано или подвергалось наказаніямъ, или же если оно находится еще подъ судомъ въ Россійской имперіи или въ соединенномъ королевствѣ за преступленіе, по поводу коего требуется выдача.

Если лицо, выдача котораго требуется правительствомъ соединеннаго королевства или правительствомъ Россійской имперіи, состоитъ подъ слѣдствіемъ или отбываетъ наказаніе по состоявшемуся о немъ судебному приговору въ российской имперіи или въ соединенномъ королевствѣ за другое преступленіе, то выдача сего лица отлагается до освобожденія его вслѣдствіе оправданія, или отбытія имъ наказанія, или на какомъ либо другомъ основаніи.

Статья V.

Выдача не производится, если по законамъ государства, къ которому предъявлено требованіе о выдачѣ, истекъ срокъ давности судебного преслѣдованія или наказанія со времени совершенія преступленія, начала судебного преслѣдованія или постановленія обвинительнаго приговора.

Статья VI.

Бѣжавшій преступникъ не подлежитъ выдачѣ, если преступленіе, по поводу котораго заявлено требованіе о его выдачѣ, считается преступленіемъ политическимъ, или если онъ докажетъ, что требованіе о его выдачѣ вызвано въ дѣйствительности намѣреніемъ преслѣдовать его или подвергнуть наказанію за преступленіе политическаго характера.

Статья VII.

Выданный ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ подъ стражу или преслѣдуемъ въ странѣ, которой онъ выданъ за какое либо другое преступленіе или другія дѣянія, кромѣ тѣхъ, по поводу коихъ послѣдовала его выдача, если только это лицо не было возвращено или не располагало возможностью вернуться въ государство, коимъ оно было выдано.

Это постановленіе не относится къ преступленіямъ, совершеннымъ послѣ выдачи.

Статья VIII.

Требование о выдачѣ сообщается чрезъ посредство дипломатическихъ агентовъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ.

Требование о выдачѣ обвиняемаго должно сопровождаться предъ-явленіемъ исходящаго отъ надлежащей власти государства, требующаго выдачи, постановленія о заключеніи подѣ стражу, а также такихъ доказательствъ, которыя по законамъ той страны, гдѣ обвиняемый былъ найденъ, оправдывали бы его личное задержание, еслибъ наказуемое дѣяніе было совершено имъ въ той странѣ.

Если требование о выдачѣ касается преступника, уже осужденнаго, то оно должно быть сопровождаемо предъ-явленіемъ обвинительнаго приговора, постановленнаго противъ виновнаго лица, подлежащимъ судомъ государства, заявляющаго такое требование.

Заочно постановленный приговоръ не будетъ считаться въ силѣ судебного рѣшенія, но осужденное такимъ порядкомъ лицо должно быть почитаемо состоящимъ подѣ судомъ.

Статья IX.

Если требование о выдачѣ состоялось согласно въ вышеизложенными постановленіями, то подлежащія власти государства, къ которому обращено требование, принимаютъ мѣры къ задержанію бѣжавшаго лица.

Статья X.

Если бѣжавшій задержанъ на британской территоріи, то онъ немедленно приводится къ надлежащему должностному лицу, которое должно отобрать отъ него показаніе и приступить къ предварительному разсмотрѣнію дѣла такимъ же порядкомъ, какъ еслибы его задержание послѣдовало за преступленіе, совершенное на британской территоріи.

Великобританскія власти, приступая къ установленному предъ-идущими правилами разсмотрѣнію дѣла, должны принимать за вполне достаточныя доказательства, учиненныя въ Россіи свидѣтельскія показанія, данныя подѣ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, или копіи съ оныхъ, равно какъ и постановленія о заключеніи подѣ стражу и состоявшіеся въ этой странѣ судебныя приговоры, а также удостовѣренія о постановленіи обвинительнаго приговора, или судебныя документы, удостовѣряющіе фактъ постановленія обвинительнаго приговора, лишь бы эти документы были удостовѣрены слѣдующимъ образомъ:

- 1) Постановленіе о заключеніи подѣ стражу должно быть под-

писано судьей, лицомъ судебного вѣдомства, или другимъ должностнымъ лицомъ Россійской имперіи.

2) Свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, или копіи съ оныхъ, должны быть подписаны судьей, лицомъ судебного вѣдомства или другимъ должностнымъ лицомъ Россійской имперіи, въ удостовѣреніе того, что эти свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, представляются въ подлинникѣ, или, смотря по обстоятельствамъ, въ засвидѣтельствованной копіи.

3) Удостовереніе о постановленіи обвинительнаго приговора или судебный документъ, удостовѣряющій фактъ состоявшагося обвинительнаго приговора, должны быть засвидѣтельствованы судьей, лицомъ судебного вѣдомства или другимъ должностнымъ лицомъ Россійской имперіи.

4) Вышеупомянутыя постановленія о заключеніи подъ стражу, свидѣтельскія показанія, данныя подъ присягою, или съ подтвержденіемъ, замѣняющимъ присягу, копіи, удостовѣренія или судебные документы, должны быть, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, удостовѣрены либо присягой свидѣтеля, либо приложеніемъ официальной печати министра юстиціи или инаго министра Россійской имперіи; впрочемъ всѣ эти акты и документы могутъ быть удостовѣрены и всякимъ другимъ порядкомъ, который былъ бы признанъ соотвѣтствующимъ мѣстнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ той части британской территоріи, гдѣ состоится разсмотрѣніе дѣла.

Статья XI.

Выдача бѣжавшаго лица, задержаннаго въ Россіи, будетъ разрѣшена, если изъ разсмотрѣнія подлежащею властью сообщенныхъ британскимъ правительствомъ документовъ окажется, что таковыя заключаютъ въ рѣша facie достаточныя доказательства для оправданія выдачи.

Россійскія власти должны будутъ принимать за совершенное доказательство протоколы свидѣтельскихъ показаній, составленные британскими властями, или копіи съ этихъ протоколовъ, а также протоколы состоявшихся обвинительныхъ приговоровъ или другіе судебные документы, или копіи съ этихъ актовъ, лишь бы эти акты были подписаны или удостовѣрены властью, компетентность коей будетъ засвидѣтельствована печатью государственнаго министра ея британскаго величества.

Статья XII.

Выдача будетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если общенныя доказательства будутъ найдены, по законамъ государства, отъ котораго требуется выдача, достаточными—или для того, чтобы задержанное лицо могло быть отдано подъ судъ, если бы преступленіе было совершено имъ на территоріи сказаннаго государства, или же для удостовѣренія тождественности задержаннаго лица съ лицомъ, осужденнымъ судебными мѣстами требующаго выдачи государства, съ подтвержденіемъ того, что преступленіе, въ коемъ это лицо было признано виновнымъ, могло бы во время постановленія обвинительнаго о немъ приговора служить основаніемъ къ выдачѣ его государствомъ, отъ котораго эта выдача требуется. Выдача бѣжавшаго лица можетъ послѣдовать лишь по истеченіи пятнадцати дней, считая со дня его задержанія въ видахъ выдачи.

Статья XIII.

Если лицо, о которомъ въ силу настоящаго трактата заявлено одною изъ договорившихся сторонъ требованіе, будетъ также потребовано къ выдачѣ какою либо другою или нѣсколькими другими державами, по поводу иныхъ преступленій или проступковъ, совершенныхъ на ихъ территоріяхъ, то это лицо выдается тому государству, коего требованіе о выдачѣ было ранѣе заявлено.

Статья XIV.

Бѣжавшій освобождается изъ подъ стражи, если доказательства, нужныя для подкрѣпленія требованія о его выдачѣ, не будутъ предъявлены въ теченіи двухмѣсячнаго срока со дня его задержанія или въ теченіи другаго болѣе продолжительнаго срока, назначеннаго государствомъ, отъ котораго требуется выдача, или подлежащимъ судомъ этого государства.

Статья XV.

Вещи, отобранныя у лица, о коемъ заявлено требованіе, въ моментъ его задержанія, подлежатъ передачѣ государству, заявившему требованіе о выдачѣ, если выдача послѣдуетъ и если будетъ сдѣлано соответствующее о томъ распоряженіе компетентной власти того государства, къ которому предъявлено требованіе о выдачѣ. Передачѣ подлежатъ не только вещи похищенныя, но также и все то, что можетъ служить какъ вещественное доказательство преступленія.

Статья XVI.

Всѣ расходы, которые повлечетъ за собой экстрадиція, относятся на счетъ государства, заявившагося требованіе о таковой.

Статья XVII.

Если при производствѣ уголовного не политическаго дѣла одно изъ договаривающихся правительствъ признаетъ нужнымъ допросить свидѣтелей, жительствоющихъ въ другомъ государствѣ, то это правительство должно предъявить о томъ дипломатическимъ путемъ надлежащее требованіе, при чемъ исполненіе онаго можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ соблюденіемъ законовъ той страны, гдѣ свидѣтели должны быть допрошены.

Государство, заявляющее подобное требованіе, принимаетъ на себя какъ всѣ нужныя распоряженія, такъ и расходы по розысканію и вызову къ явкѣ къ суду означенныхъ въ требованіи свидѣтелей.

Статья XIII.

Постановленія настоящаго договора будутъ примѣняться къ колоніямъ и внѣевропейскимъ владѣніямъ ея британскаго величества, на сколько это возможно по дѣйствующимъ въ тѣхъ колоніяхъ и внѣевропейскихъ владѣніяхъ мѣстнымъ законамъ.

Требованіе о выдачѣ преступника, укрывшагося въ указанныхъ внѣевропейскихъ колоніяхъ или владѣніяхъ, предъявляется губернатору или высшей власти этой колоніи или этого владѣнія чрезъ посредство главной консульской власти Россійской имперіи, находящейся въ той колоніи или въ томъ владѣніи.

Распоряженія по такимъ требованіямъ исходятъ отъ вышеупомянутыхъ губернаторовъ или должностныхъ лицъ, которые при семъ сообразуются съ законами этихъ внѣевропейскихъ колоній или владѣній и постановленіями настоящаго договора. Симъ лицамъ однако предоставляется или изъявлять согласіе на выдачу, или же представлять о данномъ случаѣ на усмотрѣніе своего правительства.

Во всякомъ случаѣ ея британскому величеству принадлежитъ право, по соображеніи, на сколько это возможно, законовъ этихъ внѣевропейскихъ колоній или владѣній, съ постановленіями настоящаго договора, издавать отдѣльныя распоряженія для внѣевропейскихъ колоній или владѣній относительно выдачи русскихъ преступниковъ, укрывшихся въ этихъ внѣевропейскихъ колоніяхъ или владѣніяхъ.

Требованіе относительно выдачи преступниковъ, бѣжавшихъ изъ какой либо изъ внѣвропейскихъ колоній или изъ какого нибудь внѣвропейскаго владѣнія ея британскаго величества, будутъ подчиняться постановленіямъ вышеизложенныхъ статей настоящаго договора.

Статья XIX.

Настоящая конвенція вступить въ силу съ десятаго дня по ея обнародованіи, порядкомъ, установленнымъ законами обоихъ государствъ. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ можетъ во всякое время прекратить дѣйствіе этой конвенціи, заявивъ другой сторонѣ за шесть мѣсяцевъ впередъ о такомъ своемъ намѣреніи (№ 296).

35) *Объ устройствѣ гражданскаго и военнаго управленія въ шести округахъ области Войска Донскаго.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Окружныя полицейскія управленія Черкасскаго, перваго донскаго, втораго донскаго, донецкаго, усть-медвѣдickaго и хоперскаго округовъ области Войска Донскаго упразднить.

II. Гражданское и военное управленіе означенными въ статьѣ I округами сосредоточить въ лицѣ окружнаго атамана, предоставивъ ему всѣ права и обязанности, лежавшія на окружномъ полицейскомъ начальникѣ и атаманѣ военнаго отдѣла.

III. Въ помощь окружному атаману назначить одного помощника, а дѣлопроизводство по предметамъ вѣдѣнія окружнаго управленія возложить на канцелярію, образуемую согласно особому штату.

IV. На помощника окружнаго атамана возложить: а) исполненіе порученій, даваемыхъ ему окружнымъ атаманомъ; б) ближайшій надзоръ за дѣлопроизводствомъ въ канцеляріи управленія; в) присутствованіе, въ качествѣ члена въ окружныхъ присутствіяхъ: по воинской повинности и по крестьянскимъ дѣламъ, въ мѣстномъ отдѣленіи новочеркасскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и въ другихъ совѣщательныхъ установленіяхъ округа, въ случаѣ невозможности для окружнаго атамана прибыть въ засѣданія означенныхъ присутствій, и г) исправленіе должности окружнаго атамана въ случаѣ его отсутствія или болѣзни, а также при выбытіи атамана изъ должности впредь до вступленія въ оную другого лица.

V. При отсутствіи или болѣзни помощника окружнаго атамана, временное управленіе округомъ, въ случаяхъ, указанныхъ пунк-

томъ : статьи IV настоящаго узаконенія, возлагать на особое лицо, по усмотрѣнію войскаго наказнаго атамана.

VI. Помощнику окружнаго атамана, при исправленіи имъ должности окружнаго атамана, руководствоваться, въ отношеніи дѣлъ, касающихся гражданской части, правилами объ устройствѣ полиціи въ округахъ войска донскаго.

VII. Въ составѣ округовъ: перваго и втораго донскихъ, донецкаго и усть-медвѣдичкаго сдѣлать слѣдующія измѣненія:

1) юго-западную часть втораго донскаго округа, вмѣстѣ съ юртовыми доволъствіями станицъ: Цымлянской, Терновской, Филиповской, Баклановской и Нижне-Курмоярской, до общей юртовой межи послѣдней съ станицею Нагавской, и западной границы двѣнадцатаго отдѣла войсковыхъ свободныхъ земель, а также со всѣми входящими въ это пространство войсковыми свободными, частными владѣльческими и крестьянскими землями, присоединить къ первому донскому округу;

2) западную часть усть-медвѣдичкаго округа, вмѣстѣ съ юртовыми доволъствіями станицъ: Казанской, Вешенской, Мигулинской и Еланской, до общей границы станичныхъ юртовъ Еланской и Усть-Хоперской станицъ и западной границы двадцатаго отдѣла войсковыхъ свободныхъ земель, равно какъ со всѣми входящими въ это пространство войсковыми свободными, а также частными владѣльческими и крестьянскими землями, присоединить къ донецкому округу.

VIII. Предоставить военному совѣту установить подробное очертаніе границъ означенныхъ въ статьѣ VII округовъ области Войска Донскаго.

IX. Существующее разграниченіе мировыхъ участковъ по округамъ области Войска Донскаго и дѣйствующіе списки присяжныхъ засѣдателей этой области оставить въ силѣ впредь до истеченія сроковъ, на которые избраны мировые судьи и составлены означенные списки.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 9 декабря Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 309).

Б) Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

2) Объ окончаніи размежеванія земель въ Золотоношскомъ уездѣ, Полтавской губерніи (№ 266).

3) О разъясненіи вопросовъ о томъ, какимъ порядкомъ должны быть обнародываемы въ смежныхъ губерніяхъ объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ, а также и о продажахъ имѣній на сумму свыше 300 рублей, и на комъ должна лежать обязанность разсылать въ губернскія правленія, для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ сосѣднихъ губерній, объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ.

1886 года декабря 2 дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: дѣло по рапорту тверскаго губернскаго правленія, отъ 8 ноября 1884 года за № 2035, о разъясненіи вопросовъ о томъ: 1) какимъ порядкомъ должны быть обнародываемы въ смежныхъ губерніяхъ объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ, а также и о продажахъ имѣній на сумму свыше 300 рублей, и 2) на комъ должна лежать обязанность разсылать въ губернскія правленія для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ сосѣднихъ губерній объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ. Приказали: тверское губернское правленіе, въ виду разномыслія по сему предмету между нимъ и нѣкоторыми изъ сосѣднихъ губернскихъ правленій, вошло въ правительствующій сенатъ съ рапортомъ, отъ 8 ноября 1884 г. за № 2035, коимъ просить разъяснить: 1) какимъ порядкомъ должны быть обнародываемы въ смежныхъ губерніяхъ объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ, а также и о продажахъ имѣній на сумму свыше 300 рублей, т. е. чрезъ припечатаніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ, или чрезъ разсылку объявленій въ потребномъ количествѣ экземпляровъ; 2) если обнародованіе въ смежныхъ губерніяхъ сказанныхъ объявленій должно производиться чрезъ припечатаніе оныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, то на комъ именно должна лежать обязанность разсылать объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ въ губернскія правленія для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ сосѣднихъ губерній: на мѣстномъ ли губернскомъ правленіи, или же на томъ мѣстѣ, которое производитъ торги.—Обращаясь для разрѣшенія сихъ вопросовъ къ подлежащимъ узаконеніямъ, правительствующій сенатъ находитъ, что статьею 1849 т. X ч. 1 св. зак., изд. 1857 года, относительно вызововъ къ торгамъ по подрядамъ и поставкамъ установлены были слѣдующія правила: 1) „Мѣсто, производящее торги, сообщаетъ

объявленіе о семъ въ мѣстное губернское правленіе, по рассмотрѣніи коего оно печатается въ прибавленіяхъ къ губернскимъ вѣдомостямъ отдѣльными листками, съ показаніемъ года и нумера вѣдомостей, къ которымъ листки принадлежать. 2) Листки съ объявленіемъ о торгахъ рассылаются прямо къ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, на которыхъ лежитъ непосредственно обязанность обнародованія оныхъ, такъ напримѣръ въ уѣздахъ, минуя земскіе суды и окружныя управленія—прямо къ становымъ приставамъ и въ волостныя правленія. 3) По распоряженію городскихъ и земскихъ полицій, объявленія на другой, а если можно—и въ самый день ихъ полученія выставляются на видныхъ мѣстахъ, именно: въ городахъ—на дверяхъ при входѣ въ присутственныя мѣста, на торговыхъ площадяхъ и проч., а въ селеніяхъ, но не во всѣхъ вообще, а только въ болѣе значительныхъ въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ находится предметъ продажи и въ ближайшемъ къ тому мѣсту—на стѣнахъ волостныхъ и сельскихъ правленій, на базарахъ и, вообще, тамъ, гдѣ стеченіе народа значительно. 4) Если сумма торговаго менѣе трехсотъ рублей, то объявленія обнародываются, на основаніи изложенныхъ въ третьемъ пунктѣ правилъ, въ томъ городѣ и уѣздѣ, гдѣ производится самый торгъ и гдѣ находится самый предметъ торговаго подряда. 5) Объявленія о торгахъ на сумму не свыше семи тысячъ пятисотъ рублей обнародуются по всѣмъ городамъ и уѣздамъ, какъ той губерніи, гдѣ производится торги, такъ и смежныхъ съ нею губерній. Кромѣ того если сумма торговаго превышаетъ семь тысячъ пятисотъ рублей, то объявленія помѣщаются въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ. 6) Листки печатныхъ объявленій рассылаются губернскимъ правленіемъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, смотря по тому, гдѣ, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, нужно сдѣлать обнародованіе. Посему ни одно губернское правленіе не печатаетъ объявленій, а получая ихъ уже готовыми, обязано только рассылать по принадлежности“. По точному смыслу приведеннаго закона, объявленія о торгахъ на сумму свыше 300 рублей подлежали обнародованію по всѣмъ городамъ и уѣздамъ какъ той губерніи, гдѣ производится торгъ, такъ и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ, порядкомъ, указаннымъ въ п. п. 2 и 3 ст. 1849 г. X ч. 1, т. е. чрезъ рассылку губернскимъ правленіемъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ листовъ готовыхъ печатныхъ объявленій чрезъ тѣ губернскія правленія, въ предѣлахъ губерній коихъ объявленія эти подлежали обнародованію. Затѣмъ государственный совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 16 по-

ября 1859 г. (полн. собр. зак. № 35122), положили: „Въ измѣненіе п. 5 ст. 1849 зак. гражд. (св. зак. т. X ч. 1, изд. 1857 года), постановить: объявленія о торгахъ на сумму свыше 300 рублей обнародуются въ губерніи, гдѣ назначены торги, порядкомъ, указаннымъ п. 3 сей статьи, а въ смежныхъ губерніяхъ—посредствомъ припечатанія сихъ объявленій въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ; если же сумма торговъ превышаетъ семь тысячъ пятьсотъ рублей, то объявленія помѣщаются и въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ“. За таковымъ измѣненіемъ п. 5 ст. 1849 т. X ч. 1, вошедшимъ въ продолженіе 1876 года къ своду законовъ, объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму свыше 300 руб. должны быть обнародуемы нынѣ въ смежныхъ губерніяхъ посредствомъ перепечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а не чрезъ разсылку подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ потребнаго количества отдѣльных листовъ объявленій. Что же касается правила, указанного въ п. 6 ст. 1849 т. X ч. 1, изд. 1857 года, о томъ, что „ни одно губернское правленіе не печатаетъ объявленій, а, получая ихъ уже готовыми, обязано только разсылать по принадлежности“, основываясь на чемъ, ярославское губернское правленіе полагало, что объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму свыше 300 руб. и нынѣ должны обнародываться въ смежныхъ губерніяхъ чрезъ разсылку изготовленныхъ объявленій,—то это правило относилось, очевидно, къ тому порядку объявленія о таковыхъ торгахъ въ смежныхъ губерніяхъ, который былъ установленъ пунктомъ 5 ст. 1849 т. X ч. 1, изд. 1857 г., и въ настоящее время, за приведеннымъ выше измѣненіемъ этого пункта, примѣненія имѣть не можетъ. Переходя засимъ къ вопросу о порядкѣ обнародованія въ смежныхъ губерніяхъ объявленій о продажѣ имущества, оцѣненныхъ свыше 300 рублей, правительствующій сенатъ находитъ, что на основаніи ст. 1305 зак. судопр. и взыск. гражд. т. X ч. 2, изд. 1876 года, о продажѣ имущества, оцѣненныхъ не свыше 300 рублей, объявляется чрезъ полицію только того города или уѣзда, гдѣ находится продаваемое имущество и, кромѣ того—въ губернскихъ и другихъ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Затѣмъ, статью 1306 тѣхъ же законовъ постановлено, что „когда цѣна имущества не превышаетъ семи тысячъ пятьсотъ рублей, то объявленія о продажѣ онаго рассылаются чрезъ полицію по всей губерніи, помѣщаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщаются губернскимъ правленіямъ сосѣдственныхъ губерній, для обнародованія въ нихъ“. Смыслъ этой 1306 ст. по-

ясняется послѣдующею 1307 ст., въ которой изложено: объявленія о продажѣ имущества, оцѣненного въ сумму свыше семи тысячъ пятисотъ рублей, разсылаются чрезъ полицію по всей губерніи и помѣщаются какъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ той губерніи, такъ и всѣхъ съ оною смежныхъ, и въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ“. Изъ сопоставленія текста сей 1307 ст. съ текстомъ ст. 1306 видно, что объявленія о продажѣ имущества, оцѣненныхъ отъ 300 руб. до 7500 руб., въ сосѣдственныхъ губерніяхъ надлежитъ обнародовать посредствомъ губернскихъ вѣдомостей, чрезъ городскія же и земскія полиціи—только той губерніи, гдѣ имѣніе находится. Посему необходимо признать, что объявленія о продажѣ таковыхъ имущества, какъ и объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ на тѣ же суммы (отъ 300 до 7500 рублей), подлежатъ обнародованію въ сосѣднихъ губерніяхъ только путемъ припечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ этихъ губерній. Наконецъ, что касается послѣдняго изъ возбужденныхъ тверскимъ губернскимъ правленіемъ вопросовъ, а именно о томъ, на комъ должна лежать обязанность разсылки объявленій о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ въ губернскія правленія для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ сосѣднихъ губерній, то, за отсутствіемъ указаній по сему предмету въ законахъ о подрядахъ и поставкахъ, необходимо обратиться къ тому порядку, который установленъ въ этомъ отношеніи для объявленій о продажѣ недвижимыхъ имущества, которыя, какъ указано выше, обнародываются какъ и объявленія о торгахъ. На основаніи статей 1288, 1298 и 1299 зак. судопр. и взыск. гражд. т. X ч. 2, изд. 1876 года, мѣсто, продажу производящее, по разсмотрѣніи описи и оцѣнки продаваемого имущества и по утвержденіи оныхъ присутствіемъ сего мѣста, составляетъ проектъ объявленія о продажѣ того имущества и, по окончательномъ утвержденіи сего объявленія, препровождаетъ его съ первою почтою, куда слѣдуетъ, для обнародованія. Затѣмъ, по силѣ ст. 1315 тѣхъ же законовъ, „когда объявленіе помѣщается въ губернскихъ или другихъ вѣдомостяхъ, типографія обязана напечатать его въ первомъ имѣющемъ выйти послѣ полученія его номерѣ, и мѣсту, производящему продажу, представить по экземпляру номеровъ вѣдомостей“. Примѣчаніемъ же къ сей 1315 ст. поясненъ порядокъ извѣщенія присутственныхъ мѣстъ о припечатаніи, по ихъ требованію, объявленій о публичной продажѣ имущества, путемъ отсылки въ сін мѣста одного отдѣльнаго номера, въ коемъ припечатана первая публикація, съ отмѣткою на ономъ двухъ по-

слѣдующихъ публикацій. По точному смыслу приведенныхъ статей не представляется сомнѣнія въ томъ, что мѣста, производящія публичную продажу имущества, обязаны сами составлять о семъ объявленія, непосредственно отсылать ихъ въ потребныхъ случаяхъ въ губернскія правленія сосѣднихъ губерній, для обнародованія путемъ публикаціи въ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, и сами же слѣдить, по присылаемымъ нумерамъ вѣдомостей, за обнародованіемъ отосланныхъ объявленій. Въ виду сего и, какъ сказано выше, совершенно одинаковаго порядка обнародованія объявленій о продажѣ имущества и о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ, слѣдуетъ признать, что въ обоихъ случаяхъ присутственныя мѣста, производящія торги, должны разсылать объявленія объ этихъ торгахъ для припечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ сосѣднихъ губерній непосредственно, а не чрезъ мѣстное губернское правленіе.—По изложеннымъ основаніямъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: разъяснить: 1) что объявленія о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ (п. 5 ст. 1849 т. X ч. 1 зак. гражд., по прод. 1876 г.) и о продажѣ имущества (ст. 1306 т. X ч. 2 зак. судопр. и взыск. гражд., изд. 1876 г.) на сумму отъ 300 руб. до 7500 руб., подлежатъ обнародованію въ губерніяхъ, смежныхъ съ тою, въ коей торгъ или продажа производится, лишь путемъ припечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, а не черезъ городскія и уѣздныя полиціи, и 2) что означенныя объявленія какъ о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ, такъ и о продажѣ имущества, должны быть разсылаемы въ губернскія правленія смежныхъ губерній, для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, не чрезъ мѣстныя губернскія правленія, а мѣстами, торги или продажу производящими, непосредственно. О чемъ тверскому губернскому правленію, въ разрѣшеніе рапорта, отъ 8 ноября 1884 г. за № 2035, дать знать указомъ, каковымъ на рапортъ, отъ 27 сентября 1886 г. за № 20163, увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ; для приведенія же сего опредѣленія во всеобщее свѣдѣніе, припечатать таковое, въ установленномъ порядкѣ, въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, для чего конторѣ сенатской типографіи дать извѣстіе (№ 284).

Министра Юстиціи.

13) *О причисленіи вартскаго нотаріуса къ ипотечной канцеляріи спрадзкаго мирового судьи (№ 285).*

18) *Объ упраздненіи по одной должности товарищей предсѣдателей и секретарей въ окружныхъ судахъ самарскомъ, симбирскомъ и рязанскомъ (№ 279).*

19) *Объ учрежденіи одной должности секретаря въ петроковскомъ окружномъ судѣ и упраздненіи таковой же должности въ Череповецкомъ окружномъ судѣ (№ 278).*

УГОЛОВНО-СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

Какъ же относятся къ экспертизѣ и въ какихъ предѣлахъ требуетъ ее и допускаетъ ее оцѣнку нашъ законъ и практика? Уст. угол. суд. (ст. 336, 353) дѣлаетъ обязательнымъ только участіе экспертовъ-врачей для освидѣтельствованія мертвыхъ тѣлъ и живыхъ людей и для разъясненія обстоятельствъ, имѣющихъ судебно-медицинскій характеръ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ предоставляетъ слѣдователю и суду рѣшеніе о томъ, встрѣчаются-ли въ дѣлѣ вопросы спеціальнаго значенія, для обсужденія которыхъ необходимо участіе свѣдущихъ лицъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и уголовный кассационный департаментъ въ рѣшеніяхъ 1867 г. №№ 123, 499, 566; 1870 г. № 68; 1871 г. № 337 и 1875 г. № 145, причемъ пояснилъ, что даже и для распознаванія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ судъ можетъ основаться на собственномъ личномъ убѣжденіи, если поддѣлка настолько груба, что бросается въ глаза; думается, что если поддѣлка обнаруживается и по другимъ признакамъ, извѣстнымъ суду вслѣдствіе болѣе или менѣе близкаго знакомства съ подробностями изготовленія и выпуска кредитныхъ билетовъ, то и тогда экспертиза становится излишней. И въ частной жизни прибѣгаютъ для распознаванія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ къ осмотру ихъ, съ цѣлью замѣтить, имѣются-ли на нихъ

водяные знаки; разумѣется нѣтъ основанія лишать права и судей прибѣгать къ тому же средству; судьямъ могутъ быть извѣстны особые примѣты настоящихъ кредитныхъ билетовъ и если отсутствіе ихъ обнаруживается путемъ или обыкновеннаго обозрѣнія или съ помощью лупы, то также нѣтъ причины запрещать судьямъ пользоваться этими свѣдѣніями и средствами и непремѣнно требовать заключенія экспертовъ. Что касается прочихъ случаевъ, то нашъ кассационный судъ, несмотря на выставленное имъ выше начало о безусловномъ правѣ суда рѣшать вопросъ объ умѣстности или неумѣстности экспертизы, иногда высказывался въ томъ смыслѣ, что обстоятельства даннаго дѣла по свойству своему могли быть разъяснены только экспертизой и находилъ предложеніе ихъ непосредственно на обсужденіе суда безъ заключенія экспертовъ неправильнымъ. Такъ въ рѣшеніяхъ уголовного кассационнаго департамента 1867 г. № 383, 1869 г. № 2021, обсуждался вопросъ о предъявленіи присяжнымъ и сличеніи ими документовъ, представленныхъ одною изъ сторонъ, съ заподозрѣнными въ подлинности. Сенатъ усмотрѣлъ въ томъ принятіе присяжными на себя обязанности экспертовъ. Между тѣмъ вопросъ—была-ли надобность въ экспертизѣ или нѣтъ, касается существа дѣла и если судъ не призналъ ее, то кассационная инстанція, не рассматривая существа дѣла, и не можетъ повѣрить правильности его дѣйствій въ этомъ отношеніи. При подложномъ составленіи актовъ также встрѣчаются грубыя поддѣлки, обнаруживаемыя простымъ сличеніемъ съ подлинными подписями или документами, въ особенности если на имѣющіяся въ этомъ отношеніи различія указываютъ стороны или судьи, и присяжные, даже неграмотные, получаютъ полную возможность сами, безъ помощи экспертовъ, усмотрѣть и замѣтить измѣненія въ почеркахъ и въ документахъ. Предъявленіе присяжнымъ документовъ для ознакомленія съ этими измѣненіями сенатъ находитъ вполне правильнымъ и даже необходимымъ (рѣш. 1871 г. № 1907) послѣ заключенія экспертовъ, такъ что на первомъ планѣ ставитъ личное обозрѣніе присяжными до-

кументовъ; но если поддѣлка послѣднихъ по признанію суда
вполнѣ очевидна и не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ,
то спрашивается: зачѣмъ же вводить въ процессъ лишній
факторъ? При разсмотрѣніи въ подлинникѣ приведенныхъ рѣ-
шеній, нельзя не придти къ заключенію, что кассачія въ пер-
вомъ и оставленіе жалобы безъ послѣдствій во второмъ дѣлѣ
были вполнѣ правильны, но что соображенія, въ нихъ вы-
сказанныя, облечены въ слишкомъ общую форму. Такъ, по
первому дѣлу, во 1-хъ, въ засѣданіи находились и эксперты
и поѣтому представляется совершенно несогласнымъ съ за-
кономъ, чтобы одни документы были предъявляемы и имъ и
присяжнымъ, а другіе только послѣднимъ; понятно, что если
вызваны эксперты, то имъ должны быть предъявлены всѣ до-
кументы, иначе ихъ заключеніе не будетъ основано на всемъ
матеріалѣ, а только на части его, и не будетъ полныхъ дан-
ныхъ и для оцѣнки ихъ мнѣнія; во 2-хъ, документы были
представлены защитникомъ впервые въ судебное засѣданіе и
судъ разрѣшилъ ему предъявить ихъ присяжнымъ, несмотря
на возраженіе прокурора по 733 и 734 ст. уст. угол. суд.
Въ виду такихъ нарушеній очевидно сенатъ не могъ оста-
вить приговоръ суда въ силѣ, а потому и кассировалъ его,
особенно подчеркнувъ непосредственное предъявленіе при-
сяжнымъ документовъ для сличенія и происшедшую, вслѣд-
ствіе того, отчасти замѣну ими экспертовъ. Во второмъ рѣ-
шеніи рѣчь шла о предъявленіи присяжнымъ документа для
сличенія собственно не почерка подписей, а для сравненія
содержанія ихъ (на подлинномъ—капитанъ 1-го, на подлож-
номъ—капитанъ 2-го ранга); между тѣмъ подложность под-
писи удостовѣрялась офиціальными мѣстами и лицами, такъ что
обвинительной властью даже и не вызывались въ засѣданіе
эксперты для сличенія почерка. Сенатъ усмотрѣлъ въ требо-
ваніи предъявленія этого документа присяжнымъ желаніе воз-
ложить на нихъ обязанности экспертовъ и, признавая отказъ
по этому поводу суда правильнымъ, сослался на предъидущее
рѣшеніе; но очевидно, что отказъ суда былъ вполнѣ основа-
теленъ потому, что въ предъявленіи этого документа не было

никакой надобности, такъ какъ вопросъ шелъ не о сличеніи почерка подписей и слѣдовательно не объ экспертизѣ, а о сопоставленіи словъ, для чего совершенно достаточно было простое оглашеніе документа; такимъ образомъ въ этомъ случаѣ нарушенія никакого не было и сенатъ только приурочилъ обжалованное распоряженіе суда къ прежде высказанному положенію, такъ сказать, съ внѣшней стороны.

Въ рѣш. 1876 г. за № 1 сенатомъ было усмотрѣно смѣшеніе обязанностей присяжныхъ и экспертовъ въ томъ фактѣ, что по просьбѣ первыхъ изъ резиновой галоши подсудимаго былъ вырѣзанъ кусокъ, врученъ старшинѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ сожженъ въ ихъ комнатѣ въ каминѣ и пепелъ отъ него сличенъ съ пепломъ отъ другой обгорѣвшей галоши, найденнымъ на мѣстѣ пожара; старшина полученный отъ сожженія пепелъ предъявилъ суду и потомъ присяжные сличали его съ пепломъ, приобщеннымъ къ дѣлу. Едва-ли въ настоящемъ случаѣ представлялась надобность въ заключеніи экспертовъ: обстоятельство, требовавшее разъясненія, не заключало въ себѣ ничего особенно спеціальнаго и всякій житейски опытный человекъ, обладающій пятью чувствами, могъ бы составить себѣ о немъ правильное понятіе; поэтому сличеніе пепла, представленнаго въ качествѣ вещественнаго доказательства, съ пепломъ отъ сожженной нарочно галоши, не переводило присяжныхъ изъ категоріи судей въ разрядъ экспертовъ, но дѣйствія суда по доставленію матеріала для сличенія представлялись крайне неправильными и, дѣйствительно, напоминали возложеніе на присяжныхъ порученій въ родѣ тѣхъ, которыя исполняются, впрочемъ, не только экспертами, но и другими лицами по распоряженію суда, въ видахъ пріисканія или подготовленія матеріала, имѣющаго быть предъявленнымъ при производствѣ дѣла; такое порученіе, понятно, можетъ быть дано лицамъ, стоящимъ совершенно внѣ сферы суда и исполнено ими или въ присутствіи сторонъ или и въ отсутствіи ихъ, но при соблюденіи необходимыхъ правилъ, гарантирующихъ безпристрастіе и правильность дѣйствій исполнителей. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ порученіе было возложено на старшину при-

сязныхъ и исполнено имъ въ ихъ совѣщательной комнатѣ, безъ всякаго контроля суда и сторонъ, что очевидно лишало всякаго значенія результаты, имъ достигнутые. Такимъ образомъ и въ этомъ рѣшеніи сенатъ выдвинулъ, такъ сказать, внѣшнюю сторону нарушенія, допущеннаго судомъ, приурочивъ его къ высказанному раньше положенію.

Наконецъ изъ рѣш. 1878 г. за № 28 видно, что судъ, при оцѣнкѣ писемъ на французскомъ языкѣ, высказалъ между прочимъ, что, по всей вѣроятности, они писаны подъ диктовку лицомъ, не вполне основательно съ нимъ знакомымъ, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются правильные французскіе обороты рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ множество грамматическихъ ошибокъ. Сенатъ нашелъ, что такой выводъ судъ могъ бы сдѣлать только по выслушаніи экспертовъ; но съ этимъ взглядомъ едва-ли можно согласиться, такъ какъ знаніе французскаго языка настолько распространено въ обществѣ, а слѣдовательно и между судьями, что нѣтъ основанія отрицать за ними права воспользоваться этими знаніями при разсмотрѣніи вопросовъ, вытекающихъ изъ обыкновенной разговорной рѣчи и письма, если не возникаетъ никакихъ недоумѣній по поводу особыхъ тонкостей и законовъ языка и сами судьи не усматриваютъ надобности въ помощи экспертовъ. Несомнѣнно, что и свой родной языкъ и его письмо могутъ также стать предметомъ экспертизы, но не представляется надобности вызывать словесниковъ для разъясненія вопроса объ употребленіи буквъ по основнымъ правиламъ орфографіи! Въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ впрочемъ встрѣчаются и нѣкоторыя смягченія выставленныхъ выше строгихъ положеній; такъ напр. въ одномъ случаѣ кассационный судъ призналъ возможнымъ обойтись и безъ экспертовъ при разрѣшеніи вопроса о цвѣтѣ чернилъ, указавъ, что для того не требовалось специальныхъ или техническихъ свѣдѣній, которыми обладаютъ эксперты (1878 г. № 64).

Изъ вышеизложеннаго, такимъ образомъ, оказывается, что вполне точныхъ правилъ въ этомъ отношеніи кассационная практика еще не выработала и, признавая за судомъ въ прин-

ципъ право рѣшать вопросъ о необходимости или ненадобности экспертизы, въ отдѣльныхъ случаяхъ кассационный судъ находить возможнымъ входить въ разсмотрѣніе правильности осуществленія этого права. Въ дѣйствительной жизни такая неопредѣленность способствуетъ развитію у лицъ судебного вѣдомства крайняго недовѣрія къ собственнымъ силамъ и особенной щепетильности, создающей иногда комическія положенія, напр. при осмотрѣ какого-либо орудія или оружія слѣдователи также вызываютъ экспертовъ для опредѣленія, можно-ли этимъ орудіемъ нанести смерть или увѣчь! Спрашивается однако, кто же можетъ дать правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Если согласиться съ тѣмъ, что онъ касается обстоятельствъ спеціального характера, то и слѣдуетъ приглашать специалистовъ по лишенію жизни и нанесенію поврежденій, т. е. преступниковъ! Если идти послѣдовательно по этому пути, то придется требовать отрѣшенія слѣдователя и судьи отъ всѣхъ приобретенныхъ имъ познаній, присущихъ имъ какъ развитымъ и образованнымъ членамъ человѣческаго общества, но такъ какъ исполненіе такого требованія фактически невозможно, то все-таки будутъ случаи, когда они представлять въ себѣ, понимаемое въ этомъ смыслѣ, совмѣщеніе судьи и эксперта. Запрещеніе теоріи, а затѣмъ и закона, соединять въ одномъ лицѣ обязанности эксперта и судьи имѣетъ одинаковое значеніе съ воспрещеніемъ совмѣщенія въ одномъ лицѣ функціи судьи и свидѣтеля и развилось даже именно на почвѣ послѣдняго, хотя тѣмъ не менѣе и въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ раздаются весьма солидные голоса за то, что присяжные могутъ быть и изъ свидѣтелей, и дѣйствительно въ первое время присяжные были нѣкто иные, какъ свидѣтели ¹⁾. Судья, какъ членъ общества, несомнѣнно можетъ быть—и на самомъ дѣлѣ бываетъ—свидѣтелемъ многочисленныхъ событій и повседневной и юридической жизни—и 693 ст. уст. угол. суд. несомнѣнно не имѣетъ въ виду такой возможности его быть свидѣтелемъ и не допускаетъ его

¹⁾ Bonnie n. Traité d. pr. I, 111, 112, 113.

къ исполненію судейскихъ обязанностей только по тому *дѣлу*, по которому онъ былъ или можетъ быть свидѣтелемъ; тотъ же самый смыслъ слѣдуетъ придавать этой статьѣ и относительно совмѣщенія функций судьи и эксперта, и необходимо понимать ее такъ, что законъ устраняетъ отъ участія въ судѣ по *дѣлу* тѣхъ, которые уже фигурировали или должны будутъ фигурировать въ немъ въ качествѣ экспертовъ. Приведенный законъ касается собственно процессуальнаго положенія этихъ лицъ, которыя не могутъ, такъ сказать, раздвоиться и въ одной стадіи процесса разяснять для другихъ какія-либо обстоятельства, а въ другой—самимъ постановлять о нихъ приговоръ; этимъ запрещеніемъ проводится тоже самое начало, которое положено въ основу запрещенія совмѣщенія дѣятельности обвинителя и слѣдователя съ одной стороны и судьи — съ другой. Но примѣненіе судьей при разрѣшеніи даннаго дѣла знаній, хотя бы и почерпнутыхъ изъ болѣе или менѣе спеціальной сферы, но приобрѣтенныхъ совершенно независимо отъ этого дѣла и не ради его, и представляющихъ часть его умственного и нравственного фонда, который сопутствуетъ ему вездѣ и повсюду, нисколько не раздвояетъ его съ самимъ собой: онъ оперируетъ этими знаніями точно также, какъ оперируетъ своими чувствами—зрѣніемъ, слухомъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса—есть-ли надобность въ экспертизѣ, необходимо предоставить суду, рассматривающему дѣло по существу. Если суду неотъемлемо принадлежитъ право оцѣнить экспертизу и признать ее заслуживающею или незаслуживающею уваженія, то было бы непослѣдовательно оспаривать у суда право вовсе отрицать надобность въ ней и признавать собственныя силы достаточными для обсужденія обнаруживавшихся въ дѣлѣ обстоятельствъ, хотя бы и спеціального характера. Здѣсь нѣтъ другаго исхода какъ положиться на добросовѣстность и благоразуміе суда. Если же скажутъ, что экспертиза необходима, чтобы вторая инстанція, можетъ быть необладающая такими же спеціальными познаніями, имѣла передъ собой заключеніе спеціалистовъ, то, во

1-хъ, не всякое дѣло непременно переходитъ во вторую инстанцію, во 2-хъ, въ этомъ отношеніи можетъ оказаться полное согласіе между свѣдѣніями и понятіями обѣихъ инстанцій, и въ 3-хъ, если такого согласія нѣтъ, то вторая инстанція имѣетъ право обратиться и къ содѣйствию экспертовъ помимо первой инстанціи.

Что касается области экспертизы и значенія ея какъ доказательства, то сенатъ высказался о томъ вполне категорично въ вышеизложенномъ смыслѣ. Такъ, въ рѣш. 1872 г. № 528 угол. кассац. депар. призналъ, что мнѣніе эксперта (врача) о совершеніи преступленія подсудимой выходитъ изъ предѣловъ подлежащихъ его объясненію вопросовъ, относящихся до науки и практики, а потому представляется неумѣстнымъ и нарушеніемъ 692 ст. уст. угол. суд., по силѣ коей экспертами дается отчетъ лишь объ оказавшемся при освидѣтельствovanіи или испытаніи; въ рѣш. 1876 г. № 237 по поводу предложеннаго экспертамъ вопроса: могутъ ли обѣ частныя книги, найденныя на заводѣ, служить доказательствомъ обнаруженныхъ на заводѣ злоупотребленій, сенатъ нашелъ его также неумѣстнымъ, такъ какъ эксперты приглашаются для разъясненія обстоятельствъ дѣла, требующихъ специальныхъ свѣдѣній въ наукѣ, искусствѣ и т. п., но судить о значеніи этихъ обстоятельствъ дѣла, какъ доказательствъ событія преступленія или виновности подсудимаго—вправѣ только судъ. Что же касается значенія заключенія экспертовъ, то сенатъ постоянно проводилъ мысль (рѣшен. 1868 г. № 86, 1869 г. № 564, 821), что оно для суда необязательно и судъ можетъ придти къ выводу, съ нимъ несогласному, и только въ приговорѣ обязанъ указать къ тому основанія; такъ, по дѣлу Сусскаго (рѣш. 1878 г. № 692) врачи отнесли причиненныя ему тѣлесныя поврежденія къ разряду легкихъ, какъ по существу, такъ и по послѣдствіямъ, но судебная палата признала ихъ тяжкими, въ виду сильной боли, ощущаемой потерпѣвшимъ чрезъ 1½ года послѣ происшествія, и сенатъ не усмотрѣлъ въ этомъ выводѣ никакого нарушенія закона.

Интересно было бы прослѣдить, какъ вышеизложен-

ныя правила примѣнялись и развивались въ повседневной практикѣ судовъ. Первое время послѣ введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года въ Судебномъ Вѣстникѣ и судебныхъ хроникахъ прочихъ газетъ появлялись полные отчеты по дѣламъ, причемъ въ отчетѣ находило себѣ мѣсто и председательское резюме, въ которомъ и излагались основанія къ опредѣленію значенія экспертовъ, но затѣмъ эти отчеты становились все кратче и кратче и первыми жертвами этой краткости сдѣлались упомянутые резюме, такъ что и исчезла возможность слѣдить за тѣмъ, какъ на практикѣ развивались эти основанія. Судя впрочемъ по отчетамъ, вопросы о значеніи экспертизы трактовались председательствующими въ самой общей и отвлеченной формѣ, безъ расчлененія на отдѣльные моменты, ее составляющіе, вслѣдствіе чего резюме повидимому и не доставили бы достаточно матеріала для какихъ либо опредѣленныхъ выводовъ.

Перейдемъ къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ видамъ экспертизы и начнемъ съ простѣйшихъ.

1) Экспертиза бухгалтеровъ. По существу возлагаемыхъ на бухгалтеровъ обязанностей, они являются исполнителями порученій слѣдователей и суда и, притомъ, не всегда необходимыми. Если осмотръ и провѣрка книгъ, документовъ, счетовъ, ни по качеству, ни по количеству работы не представляются особенно сложными, то обыкновенно слѣдователь обходится и безъ содѣйствія бухгалтеровъ и, самое большее, приглашаетъ въ понятые грамотныхъ счетчиковъ, при активномъ участіи которыхъ и составляетъ учетъ или производитъ осмотръ и повѣрку денежныхъ книгъ; если же труды по извлеченію данныхъ изъ книгъ и документовъ требуютъ много времени и досуга, то они возлагаются на бухгалтеровъ и занятія послѣднихъ очень часто продолжаются цѣлые мѣсяцы, даже безъ всякаго наблюденія и контроля со стороны слѣдователя и суда. Кому неизвѣстны цѣлыя бухгалтерскія коммисіи, производившія повѣрку книгъ и документовъ нашихъ лопнувшихъ банковъ? Города скій, въ прекрасной замѣткѣ о слѣдственныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ о банковыхъ хищеніяхъ,

останавливаясь на приведенных фактахъ, высказываетъ сомнѣніе въ правильности подведенія такихъ работъ и дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ подъ понятіе экспертизы и полагаетъ, что онѣ должны бы были предшествовать предварительному слѣдствію или сопровождать его въ видѣ ревизіи отъ министерства финансовъ ¹⁾).

Имѣя въ виду вышеустановленную точку зрѣнія, согласенъ съ которой дѣятельность эксперта можетъ ограничиваться исполненіемъ техническихъ и сложныхъ работъ съ цѣлью добыванія, констатированія или извлеченія данныхъ, имѣющихъ значеніе въ интересахъ правосудія, высказанное авторомъ замѣтки сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста; но нельзя не согласиться съ справедливостью его указаній на то, что работы эти часто носятъ характеръ не только осмотровъ, а и ревизіи всего счетоводства банка на случай, не найдется ли въ немъ обстоятельствъ, выясняющихъ преступленіе или участвующихъ виновныхъ и что такія ревизіи крайне затрудняютъ слѣдователей, задерживаютъ ходъ дѣла и выполняются вслѣдствіе условій, въ которыя поставленъ слѣдователь, не всегда при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ раскрытію истины. Въ интересѣ большаго успѣха дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, ихъ дѣйствительно слѣдовало бы возложить на министерство финансовъ, какъ высшее компетентное для того учрежденіе, а слѣдователю тогда оставалось бы только выбирать данныя изъ обнаруженныхъ ревизіей фактовъ и провѣрять ихъ. На практикѣ дѣло почти поставлено на такую почву, хотя несомнѣнно желательно, чтобы практику эту санкціонировалъ законъ. Именно, по всѣмъ слѣдствіямъ съ продолжительными и сложными бухгалтерскими работами, обыкновенно командируются министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ или подчиненными ему учрежденіями служащія въ нихъ должностныя лица и для вознагражденія ихъ за эти труды давно уже фигурируетъ особая сумма въ бюджетѣ перваго министерства. Командированныя лица исполняютъ порученіе со-

¹⁾ Журналъ Гражд. в угол. права 1884 г. кн. 2.

вершенно самостоятельно, и, производя повѣрку всего счетоводства, вмѣстѣ съ тѣмъ извлекаютъ и данныя для констатирования или опроверженія вызываемыхъ слѣдствіемъ предположеній. Такимъ образомъ эксперты эти не даютъ собственно заключеній, а докладываютъ только о фактахъ, обнаруженныхъ ими при повѣркѣ счетоводства, и такъ какъ факты эти бывають изложены и даже иногда сгруппированы въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія, то собственно и вызовъ ихъ въ судебное засѣданіе представляется излишнимъ. Большая часть вопросовъ, которые, по мнѣнію Городыскаго, могутъ быть имъ предложены, разрѣшаются и помимо ихъ справками изъ обстоятельствъ дѣла и законныхъ постановленій; напримѣръ: соблюдены ли обычные приемы при совершеніи разсмотрѣнныхъ операцій? возможно ли было при данномъ состояніи дѣлъ банка производить извѣстныя операціи? и т. п. Опредѣленіе же чрезъ экспертовъ точной суммы приписываемой каждому подсудимому растраты или незаконнаго и убыточнаго банковскаго оборота имѣетъ значеніе для присужденія гражданскихъ требованій потерпѣвшимъ и, потому, можетъ составить предметъ особаго производства въ исполнительномъ порядкѣ. Между тѣмъ вызовъ такихъ экспертовъ къ суду имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нескончаемые ихъ допросы и распросы, а иногда и повтореніе ихъ работы, на что обыкновенно затрачивается масса времени и труда и что, утомляя до крайности судъ, отвлекаетъ его вниманіе отъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Припомнимъ экспертизу по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ банкѣ: эксперты окончили возложенный на нихъ судомъ трудъ только на четвертый день, и всетаки не отвѣтили на всѣ предложенные вопросы, которыхъ было 73, а между тѣмъ ихъ занятія вызвали двухдневный перерывъ и безъ того крайне длиннаго и утомительнаго засѣданія.

2) Экспертиза сличенія почерковъ. По поводу этой экспертизы слѣдуетъ припомнить все о ней вышесказанное и выразить пожеланіе, чтобы она изъ области предположеній, общихъ фразъ и гаданій перешла въ область точныхъ ука-

заній особенностей, имѣющихся въ томъ или другомъ почеркѣ. Въ этомъ отношеніи полезно вспомнить экспертизу литографа Бекана по дѣлу игуменни Митрофаніи, вызвавшую восторженные отзывы сторонъ. Беканъ представилъ въ увеличенномъ видѣ буквы, подлежащія сличенію, и наглядно показалъ, какъ производилась самая поддѣлка, чѣмъ и далъ возможность суду и присяжнымъ произвести самое точное ихъ сравненіе. Думается, что и фотографированіе, при значительномъ увеличеніи, доставило бы суду болѣе прочныя данныя, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются ему обыкновенно для опредѣленія подлинности или подложности подписи. Настоящая практика приглашенія экспертами для сличенія почерка учителей чистописанія или секретарей присутственныхъ мѣстъ не всегда гарантируетъ правильность требуемаго отъ нихъ заключенія. По вѣрному замѣчанію Глазера ¹⁾), „при экспертизѣ почерка предполагается, что каллиграфы вполнѣ освоены съ очертаніемъ буквъ, ихъ образованіемъ, вліяніемъ на ихъ видъ того или другаго положенія пишущаго, такъ какъ они обращаютъ на это болѣе вниманія, чѣмъ другіе; но внимательность эта не составляетъ существеннаго условія успѣшности ихъ занятія, а потому они могутъ ею и не обладать“; „частое обращеніе—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—съ документами еще не вырабатываетъ вѣрнаго взгляда для сличенія почерка и въ этомъ отношеніи болѣе довѣрія заслуживаютъ купцы и банкиры, для которыхъ чаще встрѣчается необходимость останавливать свое вниманіе на подписи, съ цѣлью опредѣленія ея подлинности, вслѣдствіе чего они и обладаютъ значительной по этой части опытностью“. Эти замѣчанія Глазера дѣлаютъ понятной постановку экспертизы сличенія почерковъ въ Англіи. Практическій англійскій умъ тотчасъ же замѣтилъ всю неправильность континентальнаго взгляда на экспертовъ въ этой области и совершенно устранилъ каллиграфовъ, допустивъ для распознаванія подлинности почерка свидѣтелей, изъ числа лицъ, которымъ заподозрѣнный

¹⁾ Handbuch I, 723, 725.

почеркъ могъ быть знакомъ вслѣдствіе частаго съ нимъ общенія ¹⁾). Я полагаю, что и нашъ законъ, по принципу, нисколько не отказываетъ слѣдователю и суду въ этомъ способѣ провѣрки, къ которому однако у насъ обращаются крайне рѣдко: предъявленіе заподозрѣнной подписи лицу, знакомому съ подлиннымъ почеркомъ того, кому она приписывается, и отобраніе отъ него по этому поводу объясненій и затѣмъ констатированіе осмотромъ слѣдователя особенностей первой и второго, несомнѣнно, доставить лучшій и болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который обыкновенно теперь находится въ распоряженіи суда для рѣшенія иногда очень важнаго вопроса о подлинности документа.

3) Переходимъ, наконецъ, къ экспертизѣ судебно или научно-медицинской, всего чаще фигурирующей въ судахъ и чаще другихъ вызывающей споры и разногласія между врачами и юристами и нерѣдко привносящей въ дѣло вмѣсто разъясненія еще новую путаницу. Тотчасъ же по введеніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. въ періодическихъ изданіяхъ и въ специальномъ журналѣ—Архивъ Судебной Медицины, стали появляться отчеты и разборы о медицинской экспертизѣ по отдѣльнымъ дѣламъ, по большей части исходящіе отъ самихъ же врачей и чаще указывающіе на ея слабыя стороны и полную неудовлетворительность, чѣмъ на противоположныя свойства. Появившіяся затѣмъ монографіи Владимірова и Вислоцкаго начинаются съ признанія такого печальнаго ея состоянія, жалобы на которое не прекращались и по настоящее время. Сами врачи приписываютъ этотъ фактъ крайне неправильной законной организаціи врачебной экспертизы на слѣдствіи и на судѣ и, обвиняя кстати и юристовъ въ излишней притязательности, непониманіи значенія экспертизы и ложномъ поѣтому къ ней отношеніи, — все спасеніе ожидаютъ отъ измѣненія этой организаціи и поставленія врачей въ какое-то высшее привилегированное положеніе. Такъ •

¹⁾ Best, Grundzüge des englischen Beweisrechts von Marquardsen, 233 и слѣд.

на бывшемъ въ Москвѣ съѣздѣ русскихъ врачей между прочимъ, имѣли быть предложены на обсужденіе вопросы: 1) объ учрежденіи института государственнаго врачебновѣдѣнія при судебныхъ палатахъ, для полученія врачами спеціальнаго судебно-медицинскаго образованія; 2) объ учрежденіи при медицинскихъ факультетахъ стипендій для молодыхъ врачей, избирающихъ судебно-медицинскую дѣятельность и 3) объ учрежденіи должности судебныхъ врачей-консультантовъ при судебныхъ палатахъ ¹⁾. Въ литературѣ же врачи привѣтствовали съ восторгомъ положенія, высказанныя Владиміровымъ ²⁾, о необходимости подчинить все и вся приговору врачей экспертовъ и съ ожесточеніемъ преслѣдовали всякую попытку суда и сторонъ отнестись къ этому приговору съ самостоятельной критикой и оцѣнкой. Д-ръ Снегиревъ, отстаивая правила уст. суд. медиц., что врачъ при вскрытіи— первое лицо, и признавая, что, съ другой стороны, по судебнымъ уставамъ, суперарбитромъ является при томъ судебный слѣдователь, высказываетъ опасенія всевозможныхъ невзгодъ отъ излишняго сомнѣнія и недостаточности знаній послѣдняго, не допуская въ немъ возможности основательнаго сомнѣнія ни относительно заключенія врача, ни относительно правильности истолкованія найденныхъ признаковъ ³⁾. Другой врачъ, Потѣхинъ ⁴⁾, требуетъ разграниченія сферы дѣйствія между врачами-экспертами и судебными лицами, такъ какъ прокуроръ рѣшается опровергать даже заключеніе медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ! Между тѣмъ это ужасное опроверженіе состояло въ томъ, что по удостовѣренію медицинскаго департамента, на топорѣ, предполагаемомъ орудіи убійства, по изслѣдованіи не обнаружено слѣдовъ крови, а лишь землистая пыль; прокуроръ же, имѣя въ виду, что при осмотрѣ судебного слѣдователя топоръ оказался вычищеннымъ, а желѣзная часть гладко очи-

¹⁾ Новое Время 1886 г. № 3815.

²⁾ Судебный Вѣстникъ 1870 г. № 85.

³⁾ Архивъ Суд. Медиц. 1867 г. № 2.

⁴⁾ Ibid.

щенною о землю, прилипшую къ желѣзу, заключилъ, что очищеніе о землю было сдѣлано съ цѣлью совершенно уничтожить имѣвшіеся на немъ кровавые знаки. Тотъ же Потѣхинъ ¹⁾ видитъ вторженіе въ область медицины въ заявленіи товарища прокурора, что во время припадка падучей болѣзни человѣкъ не можетъ совершить преступленія, такъ какъ не обладаетъ тогда физическими силами; критикъ возстаетъ противъ этого заявленія не потому, чтобы оно было невѣрно, а вслѣдствіе того, что объ этомъ не были спрошены эксперты, утверждавшіе, что въ данномъ случаѣ никакихъ припадковъ падучей болѣзни не было. Авторъ статьи по дѣлу о мѣщ. Вереитиновѣ, подписавшійся С. Л., протестуетъ ²⁾ противъ стѣсненія эксперта-врача только отвѣтами на предлагаемые вопросы и противъ заявленій сторонъ, основывавшихся на общепризнанныхъ авторитетахъ, такъ какъ по мнѣнію рецензента онѣ присвоиваютъ этимъ себѣ право разрѣшать чисто техническіе медицинскіе вопросы.

Нельзя сказать, чтобы эта притязательность на исключительное положеніе не давала себя чувствовать и въ настоящее время, хотя, разумѣется, крайніе ея обрачики, приведенные выше, уже отошли въ область преданія. Малѣйшее сомнѣніе суда или прокуратуры относительно правильности образа дѣйствій и заключенія эксперта вызываетъ громы и молніи, причемъ не всегда вѣрно излагается и фактическая сторона дѣла; въ особенности достается прокуратурѣ, иногда неизвѣстно за что именно; законы же, опредѣляющіе дѣятельность ея и суда, передаются въ самомъ превратномъ видѣ. Такъ, первая же книжка новаго спеціальнаго судебно-медицинскаго журнала—Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи (1883 г. кн. 1) дебютировала крайне тенденціознымъ сообщеніемъ о дѣлѣ мѣщанина Денисова, обвинявшагося въ убійствѣ своей бабки. Въ свое время въ газетахъ были расточаемы похвалы блестящей экспертизѣ, данной по

¹⁾ Ibid № 3.

²⁾ Ibid 1866 г. № 4.

этому дѣлу редакторомъ журнала, въ упомянутомъ же сообщеніи, между прочимъ, значится слѣдующее. „При испытаніи въ больницѣ, врачъ-психіатръ далъ заключеніе, что Денисовъ обнаруживаетъ явленія легкаго идиотизма въ формѣ тупоумія; при освидѣтельствованіи въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда, всѣ единогласно признали его тупоумнымъ; несмотря однако на то, что *рѣшеніе суда вошло въ законную силу, судебная палата, по протесту товарища прокурора, поставила дѣло на судъ*. Въ судебномъ засѣданіи послѣдовалъ цѣлый рядъ странностей. Прежде всего обвинительный актъ былъ прочитанъ безъ экспертовъ и когда они явились, то потребовали вторичнаго его прочтенія, такъ какъ они не знали о комъ давать мнѣніе: объ убитомъ или убійцѣ, а также, не зная обстоятельствъ дѣла, не могли добывать себѣ отъ свидѣтелей нужныя данныя. Обвинительный актъ былъ прочитанъ вторично. Затѣмъ эксперты заявили, что они желали бы предлагать вопросы свидѣтелямъ, съ цѣлью разъясненія обстоятельствъ дѣла. Предсѣдатель позволилъ, но на основаніи сенатскаго рѣшенія, вопросы должны были слѣдовать черезъ предсѣдателя. Результатомъ этого было то, что эксперты желаютъ знать одно, а свидѣтелей спрашиваютъ о другомъ, или предсѣдатель не понималъ экспертовъ, или свидѣтели не понимали предсѣдателя. Рядомъ съ этимъ прокуроръ дѣлалъ невозможныя натажки и извращенія свидѣтельскихъ показаній. Четыре эксперта дали заключеніе, что подсудимый тупоумный и совершилъ преступленіе въ состояніи аффекта, такъ свойственнаго идиотамъ, профессоръ же Залѣвскій далъ заключеніе, что идиотизма нѣтъ, а подсудимый тупъ вслѣдствіе плохихъ социальныхъ условій, преступленіе же совершилъ въ аффектѣ, въ основѣ котораго лежалъ онанизмъ; при дачѣ этого заключенія экспертъ отвергъ всѣ свидѣтельскія показанія и давалъ экспертизу на основаніи собственнаго предположенія. По всему ходу дѣла можно было поставить вопросъ не экспертамъ, чтобы они доказали его болѣзнь, а прокурору, чтобы онъ доказалъ здоровье подсудимаго. Всѣ присутствующіе были поражены комедіей суда, продѣланной надъ завѣдомо

безумнымъ въ видѣ *репетиціи*. Нельзя не поражаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что прокурорскій надзоръ, несмотря на заключеніе врачей больницы, несмотря на *рѣшеніе распорядительнаго засѣданія суда, признавшихъ въ Денисовѣ идиота*, взялъ его изъ больницы и помѣстилъ въ тюремный замокъ. Гдѣ же граница между *сохраненіемъ правосудія и истязаніемъ*?! Между тѣмъ изъ описанія обстоятельствъ дѣла въ самомъ сообщеніи и въ замѣткѣ одного изъ членовъ мѣстной прокуратуры ¹⁾ скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ врача Залѣскаго, чѣмъ съ мнѣніемъ остальныхъ экспертовъ, въ томъ числѣ и редактора журнала; кромѣ того изъ этой же замѣтки видно, что врачи больницы, ординаторы редакторы журнала, высказались и въ скорбномъ листѣ и въ распорядительномъ засѣданіи суда въ томъ смыслѣ, что подсудимый страдаетъ собственно недостаточнымъ развитіемъ умственныхъ способностей (*imbecillitas*), что товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія и что вопросъ присяжнымъ былъ поставленъ по выводамъ д-ра Залѣскаго, а не редактора журнала. Спрашивается, въ виду заключенія врачей больницы, что же оставалось дѣлать, какъ не предать Денисова суду? Развѣ для совершенія преступленія нужно обладать гениальными способностями и талантами, и люди недостаточно развитые умственно не могутъ совершить ихъ сознательно и за нихъ отвѣчать? Къ чему же всѣ выписанныя жалкія слова, уже не говоря о полнѣйшемъ извращеніи законныхъ условій хода дѣла, извѣстныхъ всякому изъ устава угол. суд., и будто бы нарушенныхъ прокуратурой?

Въ брошюрѣ по поводу экспертизы по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ, одинъ изъ бывшихъ на судѣ экспертовъ, профессоръ Эргардтъ, торжественно заявляющій въ началѣ ея о глубокомъ своемъ убѣжденіи въ невинности привлеченнаго по этому дѣлу лица, полемизируетъ по обстоятельствамъ дѣла съ товарищемъ прокурора и повѣреннымъ гражданскаго истца и поражается тѣмъ, что несмотря

¹⁾ Журналъ гражданского и уголовного права 1884 г., кн. 1.
ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

на отрицательные результаты существенныхъ доказательствъ виновности привлеченнаго, при чемъ львиная доля въ добываніи ихъ выпала на долю эксперта, они осмѣлились держаться иного убѣжденія и поддерживали обвиненіе ¹⁾. Почтенный профессоръ совершенно отрѣшается отъ диктуемаго всякому серьезному дѣятелю, а въ особенности ученому, уваженія къ чужому мнѣнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ забываетъ, что присяжные, при слушаніи дѣла, и въ первый и во второй разъ признали обвиненіе согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и только отрицая у привлеченнаго намѣреніе лишить жизни жертву преступленія, при исправленіи отвѣта, даннаго ими во второй разъ, отвергли его виновность и что въ обществѣ и печати оправданіе подсудимаго вовсе не было привѣтствовано съ единодушнымъ восторгомъ. Панацеей противъ устраненія недостатковъ экспертизы, обнаруженныхъ дѣломъ объ убійствѣ Беккеръ, авторъ брошюры также считаетъ болѣе серьезное и основательное изученіе судебными медиками судебной медицины, повѣрку въ сложныхъ случаяхъ первоначальныхъ дѣйствій врача еще до судебного слѣдствія, ознакомленіе юристовъ съ методами и приѣмами для рѣшенія судебно-медицинскихъ вопросовъ и съ примѣненіемъ ихъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, чтобы врачи и юристы могли понимать другъ друга. и измѣненіе формальнаго положенія эксперта-врача, которое должно имѣть своимъ послѣдствіемъ то, чтобы относились къ нему не какъ къ свидѣтелю и чтобы его *спрашивали, а не допрашивали*.

Но чтобы разобраться въ этихъ нареканіяхъ и пожеланіяхъ, необходимо прежде всего поставить вопросъ: въ чемъ же стѣсняють экспертовъ-врачей судъ и законъ, и дѣйствительно ли всѣ недостатки экспертизы происходятъ отъ ея организаціи, а не вытекають также и изъ совершенно другой категоріи явленій?

Что касается постановки экспертизы въ законѣ и на судѣ,

¹⁾ Публичная лекція въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Кіевъ 1885 г.

то жалобы на то и другое не имѣютъ подъ собой прочной почвы. По закону и на практикѣ врачи дѣйствуютъ вполне самостоятельно и даже только можно попрекнуть судебныхъ дѣятелей за полнѣйшее воздержаніе отъ какого либо проявленія предоставленныхъ имъ закономъ правъ, по поводу тѣхъ или другихъ дѣйствій врача-эксперта. Практика признала за экспертами-врачами несуществующее въ законѣ право допрашивать свидѣтелей даже непосредственно, присутствовать при судебномъ слѣдствіи и распространила общее совѣщаніе между ними, разрѣшаемое закономъ (1741 ст. уст. суд. медиц.) только при осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ, на всѣ вообще ихъ заключенія, хотя бы они и не основывались на результатахъ совмѣстнаго освидѣтельствующія мертвыхъ тѣлъ; таже практика допускаетъ экспертовъ-врачей высказывать свои мнѣнія и заключенія по обстоятельствамъ, вовсе не входящимъ въ сферу ихъ компетенціи, и, какъ всѣмъ извѣстно, читать въ судебныхъ засѣданіяхъ цѣлыя лекціи по предметамъ вовсе несущественнымъ и говорить длинныя защитительныя и обвинительныя рѣчи. Если врачъ передаетъ результаты произведенныхъ имъ осмотровъ и освидѣтельствующій, то какое же основаніе относиться къ нему не какъ къ свидѣтелю, а если онъ даетъ заключеніе, то послѣднее никто и не сравниваетъ съ свидѣтельскимъ показаніемъ. Врачъ, въ интересѣ правильности его мнѣнія, ставится совсѣмъ въ иное, сравнительно съ свидѣтелемъ, положеніе, надѣляется особыми, вовсе не предоставленными свидѣтелю, правами, и приравненіе къ свидѣтелю единственно состоитъ въ присягѣ одинаковаго содержанія для тѣхъ и другихъ. Какая въ положеніи экспертовъ и свидѣтелей произойдетъ разница отъ того, что эксперта будутъ спрашивать, а свидѣтеля допрашивать— неизвѣстно; я полагаю, что она будетъ состоять собственно въ замѣнѣ одного слова другимъ, безъ какого либо измѣненія существа дѣла. Будутъ ли эксперта спрашивать, а не допрашивать— онъ все равно не можетъ не отвѣчать на вопросы, которые касаются его спеціальности въ примѣненіи къ данному случаю, а потому требованіе это не идетъ далѣе простой игры словъ.

Во всѣхъ нашихъ университетахъ (кроме Одесскаго) существуютъ кафедры судебной медицины и, значить, врачи поступаютъ на мѣсто судебныхъ врачей съ необходимыми теоретическими познаніями; затѣмъ, постоянное занятіе судебно-медицинскимъ дѣломъ на практикѣ обогащаетъ пріобрѣтенныя въ университетѣ свѣдѣнія, такъ что наши судебные врачи вовсе не являются такими никуда негодными, какъ о томъ заявляютъ нѣкоторые наши судебно-медицинскіе авторитеты. Но достойно замѣчанія, что наиболѣе печальныя явленія медицинской экспертизы представляютъ не тѣ темныя уголки нашего отечества, гдѣ дѣйствительно иногда судебный врачъ и не удовлетворяетъ своему назначенію, а громкіе процессы, производившіеся или въ большихъ губернскихъ и университетскихъ городахъ или въ столицахъ, гдѣ къ участию въ нихъ привлекались или врачи практики—мѣстныя знаменитости, или представители кафедръ судебной медицины. Экспертиза въ этихъ процессахъ обыкновенно начиналась сильнѣйшей критикой и рѣзкимъ осужденіемъ заключеній первоначально спрошенныхъ экспертовъ или произведенныхъ ими освидѣтельствowanій и осмотровъ, причемъ эти послѣдніе эксперты, вызванные на судъ и вынуждаемые къ самому мелочному и подробному отчету о томъ, что они дѣлали, видѣли, слышали, за много времени до допроса, стараются по мѣрѣ силъ возстановить картину прошлаго, но предъ строгими и пытливыми вопросами своихъ авторитетныхъ коллегъ или становятся втупикъ и публично должны признаваться въ незнаніи, недовѣдности и неумѣлости, или съ легкимъ сердцемъ начинаютъ дополнять составленные ими осмотры по фантазіи или руководящимъ вопросамъ допрашивающихъ экспертовъ. При дачѣ же заключеній между экспертами, прослушавшими все судебное слѣдствіе и проникшимися убѣжденіями въ пользу или противъ оправданія, завязывается ожесточенный бой, переходящій иногда затѣмъ и въ печать, причемъ для поддержанія своего мнѣнія спорящіе черпаютъ односторонне изъ фактическаго матеріала и дополняютъ по своимъ личнымъ соображеніямъ недомолвки,

неполноты и неясности первоначальныхъ осмотровъ и освидѣтельствowań. Набросанную картину судебной врачебной экспертизы позволю себя иллюстрировать нѣсколькими примѣрами, заимствованными изъ нашей судебной практики.

По дѣлу рядоваго Вальченко, обвинявшагося въ разныхъ преступленіяхъ и приговореннаго къ разстрѣлянiю, д-ръ Соловъ призналъ подсудимаго симулирующимъ сумасшествіе, д-ръ же Эргардъ высказался за признаніе его дѣйствительно сумасшедшимъ, причемъ изъ представленныхъ обоими сообщеній видно, что Вальченко свидѣтельствовался нѣсколько разъ и нѣсколько врачей заявили по поводу его психическаго состоянія такія же противорѣчивыя мнѣнія ¹⁾). По дѣлу Бройленко ²⁾), обвинявшагося въ покушеніи на предумышленное убійство, было вызвано 7 экспертовъ и всѣ они разошлись во взглядахъ на свойство и значеніе поврежденій, причиненныхъ потерпѣвшей.—По дѣлу Сергѣевой, судившейся за покушеніе на убійство, одинъ экспертъ-врачъ называлъ поврежденіе раной, другой ссадиной: по мнѣнію одного раны были нанесены колотымъ, по отзыву другаго—рѣжущимъ орудіемъ ³⁾).—По дѣлу Преображенской, обвинявшейся въ дѣтоубійствѣ, были вызваны 4 эксперта, въ числѣ ихъ два извѣстные специалиста по акушерской части и два профессора судебной медицины. Изъ нихъ одинъ высказался въ томъ смыслѣ, что задушеніе ребенка могло быть произведено соской по недостаточности присмотра, и не допускалъ, чтобы всѣ значащіяся въ актѣ поврежденія на трупѣ ребенка послѣдовали отъ задушенія пуповиной; другой—что бороздка вокругъ шеи произошла отъ сжатія шеи пуповиной и что смерть ребенка послѣдовала въ боковомъ положеніи вслѣдствіе того, что мать, имѣя покойный сонъ, прикрыла его своей тяжестью, отчего и послѣдовало задушеніе; третій, присоединяясь относительно значенія бороздки ко второму, пояснилъ, что не предполагаетъ

¹⁾ Арх. Суд. Мед. 1866, кн. 1; 1867, кн. 3.

²⁾ *ibid.* 1869 г., кн. 4.

³⁾ *Ibid.* 1870, кн. 3.

въ этомъ случаѣ насильственной смерти, а думаетъ, что смерть послѣдовала отъ несчастнаго случая или недостатка ухода за ребенкомъ, причемъ нахожденіе большаго количества крови въ одной половинѣ мозга, что послужило основаніемъ для мнѣнія втораго эксперта, призналъ за трупное явленіе; четвертый—что смерть послѣдовала скорѣе отъ апоплексіи, чѣмъ отъ асфикціи, такъ какъ иначе около рта и носа были бы знаки насилія; авторъ сообщеніе, д-ръ Крушевскій, принимаетъ въ данномъ случаѣ задушеніе веревкой ¹⁾ и изъ изложенія обстоятельствъ дѣла видно, что подсудимая родила совершенно здороваго ребенка, который былъ обмытъ и положенъ рядомъ съ родильницей; пуповина хотя и обматывала шею новорожденнаго, но свободно; черезъ нѣсколько часовъ ребенокъ оказался мертвымъ и родильница объяснила, что проснувшись нашла его такимъ; при вскрытіи головной мозгъ и легкія усмотрѣны переполненными кровью, вокругъ шеи борозда и на лицѣ и на вискахъ ссадины и синеватые пятна.

По дѣлу рядоваго Халитова, обвинявшагося въ дерзкомъ поступкѣ противъ начальника, одинъ экспертъ заявилъ, что подсудимый совершилъ преступленіе предумышленно, въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, побуждаемый фанатизмомъ, а рецензентъ утверждаетъ, что въ то время подсудимый находился въ припадкѣ скоропроходящаго умопомѣшательства.

По дѣлу объ отравленіи Логвиненко врачъ, лечившій покойнаго, заподозрилъ, что онъ умеръ отъ отравленія; врачъ, производившій вскрытіе, призналъ фактъ отравленія; въ судебномъ засѣданіи одинъ экспертъ-врачъ также высказался за отравленіе, другой—за то, что смерть произошла отъ язвы въ желудкѣ; наконецъ профессоръ Гофманъ въ Базелѣ, на основаніи доставленнаго ему извлеченія изъ судебно-медицинскаго акта, сообщилъ, что по прижизненнымъ припадкамъ и патологическимъ измѣненіямъ, найденнымъ въ же-

¹⁾ *ibid.* 1870, кн. 4.

людѣ, слѣдуетъ предположить отравленіе ¹⁾. — По дѣлу объ отравленіи крестьянина Оборинова врачебное отдѣленіе, въ виду неоткрытія при химическомъ анализѣ металлическаго яда во внутренностяхъ умершаго и поверхностнаго протокола судебно-медицинскаго вскрытія, ограничилось только заключеніемъ, что смерть его сопровождалась явленіями воспаления желудочно-кишечнаго канала, но отказалось рѣшить вопросъ, произошло ли оно отъ отравленія или нѣтъ; при новомъ химическомъ изслѣдованіи мелкихъ частей брюшной и грудной полостей въ нихъ оказался мышьякъ и медицинскій совѣтъ призналъ, что причиной смерти Оборинова было отравленіе его мышьякомъ; въ судебномъ засѣданіи эксперты высказались за то, что отравленія не было и экспертиза эта вызвала въ газетахъ подробный ея разборъ съ указаніемъ на ея неудовлетворительность, съ чѣмъ согласился и авторъ сообщенія. Тотъ же авторъ передаетъ подробности и объ экспертизѣ по дѣлу объ отравленіи помѣщика Воейкова; по этому дѣлу, на основаніи явленій, усмотрѣнныхъ при анатомическомъ вскрытіи тѣла умершаго, три врача признали причиной смерти отравленіе, но когда затѣмъ по химическому изслѣдованію яда во внутренностяхъ не оказалось, то они каждый по своему объяснили эти явленія; между тѣмъ по изслѣдованію, произведенному медицинскимъ совѣтомъ черезъ Траппа, во внутренностяхъ былъ найденъ ядъ ²⁾.

По дѣлу о нанесеніи раны нѣкому Е—въ, причемъ подозрѣніе тяготѣло надъ двумя лицами, изъ коихъ одинъ могъ нанести рану огнестрѣльнымъ, а другой—холоднымъ орудіемъ (ножемъ), два свидѣтельствовавшіе врача отнесли рану къ огнестрѣльнымъ; но когда потерпѣвшій былъ снова освидѣтельствованъ и по операциі пуля не была найдена, то одинъ изъ нихъ заявилъ, что рана могла быть нанесена и рѣжущимъ орудіемъ, но не приобщеннымъ къ дѣлу ножомъ; другіе

¹⁾ Архивъ Суд. Мед. 1871, кн. 4.

²⁾ Сборникъ сочиненій по суд. медиц. и пр. 1872 г. т. III, сообщеніе Ширвиндта.

2 врача высказались за то, что рана огнестрѣльная, авторъ же сообщенія полагаетъ, что она причинена рѣзущимъ орудіемъ и, по всей вѣроятности, именно приобщеннымъ ножомъ.

Въ упомянутомъ выше дѣлѣ объ убійствѣ Троицкой, въ судебномъ засѣданіи, экспертъ, профессоръ судебной медицины, началъ свое заключеніе съ заявленія сомнѣнія въ дѣйствительности результатовъ произведеннаго врачевнымъ отдѣленіемъ изслѣдованія кровавыхъ пятенъ на рубашкѣ подсудимаго и съ просьбы дозволить ему изслѣдовать эти пятна по предложенному имъ способу, и когда затѣмъ экспертъ съ дозволенія суда произвелъ это изслѣдованіе, то констатировалъ отсутствіе въ этихъ пятнахъ слѣдовъ крови. Городовой врачъ, вскрывавшій трупъ, заявилъ, 1) что смерть Троицкой послѣдовава отъ безусловно смертельнаго раздробленія костей черепа и вызванныхъ этимъ послѣдствій; 2) что всѣ усмотрѣнныя на трупѣ поврежденія нанесены однимъ тупымъ тяжелымъ орудіемъ, по всей вѣроятности, топоромъ; 3) что покойная передъ нанесеніемъ ей ударовъ, вѣроятно, спала и 4) что, вѣроятно, первый же ударъ убійцы привелъ ее въ обморочное состояніе. Между тѣмъ профессоръ судебной медицины, ссылаясь на неполноту протокола осмотра и вскрытіе трупа Троицкой, допускалъ возможность, что раны были нанесены и топоромъ и ножомъ; причину смерти экспертъ отнесъ къ сдавленію мозга, вслѣдствіе кровоизліянія между оболочками и въ его желудочки, осложненнаго ранами головы и прочихъ частей тѣла, а также и ожогами туловища въ задней его части и въ нижнихъ конечностяхъ. Профессоръ не призналъ въ отдѣльности ни одной раны на головѣ, не исключая и той, изъ которой выступилъ мозгъ, безусловно смертельною, отозвавшись, что 1) Троицкая при священникѣ и докторѣ жила около получаса и 2) что ему извѣстенъ одинъ случай, гдѣ мальчикъ, получившій рану въ лобъ надъ глазомъ, изъ которой вышло съ ложку мозга, остался живъ.

По дѣлу крестьянки Алдакимовой, обвинявшейся въ покушеніи на мужеубійство, ни врачъ, свидѣтельство-

вавший ее, ни врачебное отдѣленіе не нашли у подсудимой разстройства психической сферы; на судѣ одинъ врачъ высказался въ томъ же смыслѣ, другіе же три, что она совершила преступленіе подъ вліяніемъ болѣзненнаго настроенія, вызваннаго прекращеніемъ регулъ и обусловившаго тоску, при чемъ одинъ изъ нихъ основывался въ особенности на томъ, что у подсудимой не было побудительныхъ причинъ къ совершенію преступленія или что онѣ не соотвѣтствовали важности дѣйствій и казались важными только ей одной. Изъ дѣла видно, что Алдакимова, 16 лѣтъ, вышла добровольно замужъ и вскорѣ послѣ замужества начала тосковать и чувствовать нелюбовь и отвращеніе къ мужу, въ чемъ и сознавалась окружающимъ ¹⁾.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ напомнить различные эпизоды изъ судебно-медицинской экспертизы по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ. При предварительномъ слѣдствіи, протоколами осмотра и анатомическаго вскрытія, причемъ въ послѣднемъ принимали участіе 4 врача, удостовѣрены поврежденія на тѣлѣ умершей и врачи дали заключеніе, что смерть ея послѣдовала отъ безусловно смертельныхъ поврежденій черепныхъ костей и была ускорена задушеніемъ, причемъ, для разрѣшенія вопроса о покушеніи на изнасилованіе въ смыслѣ отрицательномъ или положительномъ никакихъ судебно-медицинскихъ данныхъ не обнаружено. При разсмотрѣніи дѣла въ первый разъ, экспертъ, профессоръ судебной медицины Сорокинъ, высказался за то, что умершая была задушена и затѣмъ уже ей были нанесены поврежденія черепныхъ костей и при томъ изложилъ суду, какъ онъ самъ назвалъ, гипотезу, какъ, по его мнѣнію, происходило преступленіе, причемъ вдался въ подробное описаніе положеній подсудимаго и потерпѣвшей и мотивовъ ихъ образа дѣйствій. Эта экспертиза вызвала оживленную полемику и въ газетахъ и въ летучихъ брошюрахъ

¹⁾ Архивъ Суд. Мед. 1870 г., кн. 1.

между врачами и когда дѣло слушалось вновь, то уже были вызваны, кромѣ Сорокина, еще три новые эксперта и изъ нихъ два профессора судебной медицины: Эргардтъ и Штольцъ, и докторъ Монастырскій, и въ качествѣ свидѣтелей—врачи, производившіе вскрытіе; послѣдніе были подвергнуты самому мелочному и пытливому допросу, причемъ, разумѣется, должны были впасть—и дѣйствительно впали—въ многочисленныя противорѣчія какъ между собой, такъ и съ составленнымъ ими протоколомъ; тѣло же умершей Беккеръ было вынуто изъ могилы и поврежденія, ей причиненныя, вновь осмотрѣны вызванными въ засѣданіе экспертами.

Профессоръ Сорокинъ остался при своемъ прежнемъ заключеніи, отступивъ отъ него въ несущественныхъ частяхъ; остальные же три эксперта, основываясь на результатахъ ихъ личнаго осмотра, опытахъ, своихъ собственныхъ и другихъ ученыхъ, заявили, что смерть Беккеръ послѣдовала отъ сотрясенія мозга, вызваннаго поврежденіями черепныхъ костей, безъ какого либо вліянія задушенія, причемъ виновный дѣйствовалъ не въ цѣляхъ изнасилованія. Споръ ученыхъ не закончился однако процессомъ и снова перешелъ въ печать и даже проникъ въ собранія ученыхъ обществъ. Профессоръ Эргардтъ, въ публичныхъ лекціяхъ и въ газетахъ, и врачи Штольцъ и Сорокинъ въ рефератахъ двумъ медицинскимъ обществамъ, отстаивали высказанные ими въ судебномъ засѣданіи взгляды, но оба общества не согласились съ заключеніями Эргардта и Штольца и не признали правильными исходныя положенія, изъ которыхъ они выходили ¹⁾).

Приведенные примѣры сами говорятъ за себя. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзкія противорѣчія между экспертами слѣдуетъ приписать несовершенству самой науки—судебной медицины ²⁾ и недостаточнымъ познаніямъ отдѣльныхъ ея

¹⁾ Новости 1885 г. № 321, 1886 г. № 11.

²⁾ Напр., по мнѣнію Каспера, въ мозгу у опившихся бываетъ кровоизліяніе, причемъ оно основано на шести случаяхъ, а по отзыву Диберга, основанному на двухстахъ вскрытіяхъ, кровоизліяніе доказываетъ механическое

представителей, но въ послѣднемъ отношеніи необходимо бросать упрекъ съ крайней осторожностью. Кромѣ судебныхъ врачей, указываемыхъ самимъ закономъ, какъ на экспертовъ необходимыхъ, которые не могутъ отказаться отъ вызова ихъ въ этомъ качествѣ слѣдователемъ или судомъ, всѣ остальные врачи имѣютъ полное право заявить о своей некомпетентности для разрѣшенія предлагаемыхъ имъ вопросовъ и въ такомъ случаѣ судъ не вправе принуждать ихъ къ дачѣ заключенія. Между тѣмъ о такихъ отказахъ не слышно и, значить, всѣ врачи, вызываемые въ качествѣ экспертовъ, считаютъ себя способными удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, и мало того, что даютъ заключенія суду, но еще въ журналахъ и газетахъ выступаютъ съ обличеніями противъ своихъ товарищей, вступаютъ съ ними въ полѣмику и въ печати и на каедрѣ. Неужели же при такихъ условіяхъ можно ставить вопросъ о некомпетентности спорящихъ сторонъ? — Нѣтъ, онѣ компетентны: таковыми признаютъ ихъ законъ, судъ, общество, а главное они сами. Поэтому и сущность вопроса лежитъ не въ недостаткѣ компетенности, а въ ложныхъ точкахъ зрѣнія, отъ которыхъ отправляются споряція стороны.

наспале на голову или на спину и обыкновенно у опившихся не бываетъ. Архивъ Судеб. Медицины 1896 г. № № 2, 3. — Опыты Скржечки, Вролика, Каспера, съ подвѣшиваніемъ труповъ людей, для искусственнаго произведенія бороздки на шеѣ показали, что такіа бороздки ничѣмъ не отячаются отъ бороздокъ у людей, заживо повѣшенныхъ; это было подтверждено Пеликаномъ и Цекарскимъ (высыхание и твердость кожи, окрашивание бороздки). Помощью микроскопическаго изслѣдованія, докторъ Нейдингъ пришелъ, однако, къ выводу, что гинеремія и капиллярные экстравазаты въ бороздкѣ на шеѣ при повѣшеніи и удавленіи могутъ служить отчасти вѣрнымъ критеріемъ для различія прижизненнаго происхожденія этой бороздки отъ посмертнаго а Бремме, напротивъ, утверждаетъ, что гинеремія и капиллярные экстравазаты не имѣютъ никакого діагностическаго значенія въ рѣшеніи вопроса о прижизненномъ или посмертномъ происхожденіи бороздки на шеѣ при повѣшеніи и удавленіи. Авторъ замѣтки д-ръ Петровъ самъ производилъ опыты съ трупами и живыми собаками, а также изслѣдовалъ случаи удавленія и повѣшенія, и соглашается съ Нейдингомъ, но упоминаетъ о рефератѣ Бэра, раздѣляющаго взгляды Бремме. — Сборникъ сочиненій по судебной медицине, 1872 г., т. III.

Допуская вполне возможность разнорѣчія между экспертами по обстоятельствамъ, имѣющимъ спеціальный характеръ, какъ въ заявленныхъ по поводу ихъ мнѣніяхъ, такъ и въ приводимыхъ въ подтвержденіе ихъ основаніяхъ, также спеціального значенія ¹⁾, думается, что во многихъ—если не въ большинствѣ—случаяхъ, разнорѣчіе между экспертами-врачами не имѣло бы мѣста, если бы они оставались въ предѣлахъ своей спеціальности и не вступали въ такую область, которая вовсе не подлежитъ ихъ вѣдѣнію, которая требуетъ иныхъ приемовъ изслѣдованія и блуждая въ которой они совершенно отрѣшаются отъ своихъ спеціальныхъ задачъ и перестаютъ узнавать и понимать другъ друга. Выходя за границы своей спеціальности и вторгаясь въ сферу, доступную общему пониманію и безъ ихъ содѣйствія, врачи-эксперты продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, выдѣлять себя изъ среды обыкновенныхъ проницательныхъ людей и выдаютъ свои заключенія и въ этой сферѣ за результатъ научнаго изслѣдованія, произведеннаго на научной почвѣ; этимъ заключеніямъ они

¹⁾ Такъ, напримѣръ, вопросъ относительно того, можно ли въ судебно-медицинскомъ смыслѣ считать отравленіе доказаннымъ только по признанному явленію и даннымъ вскрытія—споренъ: Тейлоръ, Касперъ разрѣшаютъ его утвердительно, но большинство—(Рифа, Тарлье, Гофманъ, держатся средняго взгляда и, допуская возможность доказательства отравленія при извѣстныхъ обстоятельствахъ и безъ открытія яда химическимъ путемъ, говорятъ тогда объ отравленіи только съ большею или меньшею вѣроятностію, а для полной достовѣрности все-таки требуютъ открытія яда химическимъ путемъ.—Арх. Суд. Мед. 1871 г. № 4. Также и относительно результатовъ изслѣдованія мышьяка въ волосахъ, медицинскіе авторитеты раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ: Тейлоръ высказалъ, что мышьякъ не можетъ переходить въ волосы и, во всякомъ случаѣ, присутствіе его въ нихъ не можетъ быть открыто; Касперъ сначала держался того же взгляда, но впоследствии, на основаніи собственнаго наблюденія, допустилъ возможность перехода мышьяка въ волосы, хотя наблюдаемый случай и называлъ неразрѣшимой загадкой. Въ новѣйшее время Гоппе-Зейлеръ, Зонненштейнъ и Лимауъ несомнѣнно доказали, что присутствіе мышьяка въ волосахъ отравленныхъ имъ дѣйствительно можетъ быть открыто; что же касается тѣхъ особыхъ условій, при которыхъ происходитъ далеко непостоянный переходъ мышьяка въ волосы, то они въ настоящее время совершенно неизвѣстны и представляютъ широкое поле для изслѣдованій.—Сборникъ сочин. по суд. мед. 1873 г., т. III.

приписываютъ аподиктическую вѣрность, а такъ какъ оцѣнка обстоятельствъ и выводъ изъ нихъ ничего спеціальнаго не представляютъ, и при обсужденіи этихъ обстоятельствъ спеціальныя свѣдѣнія играютъ ничтожную роль, а главное сводится къ проникаемости, знанію дѣла и логикѣ, то съ мнѣніями по поводу ихъ на одинаковыхъ правахъ выступаютъ не только ихъ коллеги, обладающіе менѣе солидными спеціальными свѣдѣніями, но и люди, ничего общаго съ послѣдними неимѣющіе. Такъ, въ одномъ изъ приведенныхъ выше случаевъ, заимствованныхъ у Elwell'я Вислоцкимъ, послѣдній прямо указываетъ на совершенно неправильное распространеніе экспертизы на вопросы, вовсе ей неподлежащіе. По дѣлу Преображенской такимъ вторженіемъ въ чужую область представляются всѣ заявленія врачей по поводу отнесенія причины смерти ребенка къ умышленной, неосторожной или случайной винѣ матери, и всѣ выставленныя ими, какъ несомнѣнныя, комбинаціи о задушеніи ребенка соской или тяжестью навалившейся на него вслѣдствіе безпокойнаго сна матери, и объ апоплексіи—вслѣдствіе отсутствія слѣдовъ насилій около рта и носа. По дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ главнымъ образомъ весь сыръ-боръ загорѣлся вслѣдствіе заключенія врача-эксперта при первомъ разсмотрѣніи дѣла, будто убійство совершено при покушеніи на изнасилованіе, что очевидно не могло входить въ предѣлы экспертизы! Не выступи врачи-эксперты по всѣмъ упомянутымъ дѣламъ съ приведенными заключеніями, разногласіе или вовсе бы не имѣло мѣста или не представилось въ такомъ рѣзкомъ видѣ и, во всякомъ случаѣ, коснулось бы другихъ обстоятельствъ чисто-медицинскаго характера.

Обсуждаемое превышеніе врачами предѣловъ экспертизы обусловливается, съ одной стороны, невѣрными взглядами ихъ на задачи своей дѣятельности и на правила, которыми они притомъ должны руководиться, а съ другой—вліяніемъ на нихъ обстоятельствъ дѣла.

Всѣ стремленія врача-эксперта должны быть направлены къ тому, чтобы выяснить техническіе смыслъ и значеніе

предложенныхъ ему на обсужденіе обстоятельствъ, причемъ онъ черпаетъ данныя для того, какъ изъ наличнаго матеріала по дѣлу, такъ и изъ личнаго опыта и науки; предѣлы обсужденія врача-эксперта при дачѣ заключенія безусловно опредѣлены вопросами суда и дальше ихъ экспертъ не имѣетъ права идти, хотя бы по его мнѣнію это было и полезно для дѣла; послѣднее разсматриваетъ не онъ, а судъ и экспертъ, поэтому, даже не въ состояніи опредѣлить съ полной компетентностью, что необходимо для суда. При производствѣ осмотра и освидѣтельствующихъ врачъ-экспертъ дѣйствуетъ болѣе самостоятельно и, по силѣ 333 ст. уст. угол. судопр., имѣетъ право обращать вниманіе даже на такіе признаки, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе коихъ можетъ повести къ открытію истины; при дачѣ же заключенія врачу-эксперту не предоставлено такого права и онъ строго ограниченъ предлагаемыми судомъ вопросами. Между тѣмъ, изъ вышеизложенныхъ примѣровъ и требованій, высказанныхъ врачами въ литературѣ, видно, что врачи-эксперты считаютъ себя совершенно изъятими отъ этихъ стѣсненій и полагаютъ, что они обязаны высказывать свое мнѣніе не только по вопросамъ, предлагаемымъ слѣдователемъ и судомъ, но и по такимъ, которые вовсе не были имъ поставлены. Если въ литературѣ всетаки иногда и признавалось обсуждаемое правило обязательнымъ, то лишь для того, чтобы вопіять объ его отмѣнѣ. Кромѣ того эксперты-врачи, какъ и всякіе техники, не должны при заявленіи своихъ заключеній задаваться тѣми или другими представленіями о правосудіи и направляющихъ его законахъ. Однако врачи-эксперты нашли, что и эти задачи не стоятъ внѣ круга ихъ дѣятельности. Такъ, въ сообщеніи доктора Левшина читаемъ слѣдующее: ¹⁾ „врачъ, имѣя въ виду одну цѣль — изслѣдованіе и открытіе истины, во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе въ сомнительныхъ случаяхъ, долженъ быть глубоко проникнуть тѣмъ гуманнѣмъ

¹⁾ Архивъ Суд. Мед. 1871 г., кн. 3.

духомъ нашего законодательства, которымъ дышатъ всѣ его статьи; оно даетъ преступнику всѣ средства къ оправданію, позволяетъ толковать всякое сомнѣніе въ пользу подсудимаго и считаетъ за лучшее оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго. Пусть и врачъ проникнется тою мыслью великаго монарха, которую онъ поставилъ девизомъ новыхъ судовъ: „правда и милость до царствуютъ въ судахъ“ и толкуетъ всякое сомнѣніе своихъ убѣжденій въ пользу подсудимаго“. Подобное руководящее правило, преподанное для рѣшенія вопросовъ о виновности или невинности подсудимаго послѣ разсмотрѣнія всѣхъ доказательствъ, въ число которыхъ входитъ и врачебная экспертиза, какъ одно въ ряду другихъ, не примѣнимо къ разрѣшенію судебно или научно-медицинскихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ должно идти своимъ порядкомъ, по методамъ и даннымъ науки, на основаніи матеріала, доставленнаго слѣдствіемъ, совершенно независимо отъ осужденія или оправданія обвиняемаго. Прилагая такое правило и толкуя всегда сомнительныя обстоятельства въ пользу подсудимаго, врачъ, прежде всего, ставитъ себя въ положеніе судьи и безъ надобности устраняетъ изъ основаній для своего сужденія многія данныя; слѣдую ему, одни врачи, находя сомнительными такіа-то обстоятельства, другіе — совершенно иныя и исключая ихъ безусловно изъ матеріала для своихъ заключеній, очевидно должны придти и, какъ мы видѣли, приходятъ не только къ разнымъ, но прямо къ противорѣчивымъ выводамъ.

Что же касается обстоятельствъ дѣла, то и съ принципиальной точки зрѣнія невозможно отрицать ихъ вліяніе на врача-эксперта и высказываемое имъ заключеніе. Еще Миттермайеръ ¹⁾ подчеркивалъ это печальное явленіе и совѣтовалъ требовать предварительно отъ врача указаній на обстоятельства, знаніе которыхъ ему необходимо, и затѣмъ сообщать ему о нихъ въ извлеченіяхъ изъ дѣлопроизводства! Можно привести нѣсколько примѣровъ сознанія этого вліянія самими

¹⁾ Die Lehre vom Beveise стр. 205.

врачами и указанія на то сторонѣ. Не повторяя случая, описаннаго выше, упомяну о слѣдующихъ. По дѣлу Богдановой, обвинявшейся въ дѣтоубійствѣ, экспертъ-акушеръ высказалъ, что рожденіе ребенка такимъ образомъ, какъ объяснила подсудимая, невозможно; авторъ сообщенія, докторъ Мержеевскій, нашелъ эту экспертизу переполненной личными взглядами эксперта, поверхностною, неточною, пристрастною и предубѣжденною, составленною подъ впечатлѣніемъ убѣжденія виновности подсудимой въ дѣтоубійствѣ ¹⁾. Въ другомъ дѣлѣ врачъ, вскрывавшій трупъ ребенка, усмотрѣлъ на немъ знаки внѣшняго насилія; переосвидѣтельствовавшіе врачи однихъ не нашли, а другіе приписали болѣзненному процессу, причемъ, по отзыву автора замѣтки, было очевидно, что всѣ они подпали впечатлѣнію изъ обстоятельствъ дознанія ²⁾.

По поводу статьи д-ра Снегирева „О судебно-медицинской экспертизѣ въ Россіи“, д-ръ Хрептовичъ говоритъ, что нѣкоторые врачи-эксперты даютъ такое значеніе предварительнымъ свѣдѣніямъ, что по нимъ, а не по анатомо-патологическимъ даннымъ выводятъ свои заключенія о причинѣ смерти въ извѣстномъ случаѣ, или же стараются найти въ трупѣ явленія, подтверждающія предварительныя свѣдѣнія ³⁾. Наконецъ, взаимными обвиненіями въ подчиненіи мнѣній обстоятельствамъ дѣла переполнены споры и пререканія врачей-экспертовъ по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ. При вторичномъ разсмотрѣніи послѣдняго, одинъ изъ защитниковъ прекрасно набросалъ тотъ психологическій процессъ, который вылился у эксперта Сорокина въ его гипотезу: „профессоръ Сорокинъ, присутствуя на судѣ, слушая все, что происходило, поддался невольному увлеченію мыслью объ изнасилованіи, но въ то же время понялъ, что экспертиза предварительнаго слѣдствія не годится не только для реальной, но даже и какой нибудь идеальной попытки изнасилованія:

¹⁾ Архивъ суд. мед. 1869 г. кн. 1.

²⁾ Ibid. 1867 г. кн. 1.

³⁾ Ibid. 1868, кн. 3.

вѣдь въ самомъ дѣлѣ, кто же задавшись цѣлью изнасилованія, начнетъ прямо съ смертельныхъ ударовъ по головѣ, да потомъ еще станетъ душить свою жертву, не касаясь ея половыхъ частей? Это будетъ походить на желаніе изнасиловать мертвую. Экспертъ сообразилъ, что эти приемы убійцы надо перевернуть: сперва душилъ, заглушая крики, потомъ пробирался къ половымъ частямъ. а затѣмъ, получивъ отвращеніе отъ изверженій, нанесъ удары и убилъ: такъ еще чтонибудь можетъ выйти. И какъ всегда бываетъ въ случаѣ подобныхъ вдохновенныхъ открытій, экспертъ нашелъ все, что хотѣлъ видѣть. Ученый намѣтилъ въ своемъ умѣ составныя положенія своей догадки; они сложились на первый взглядъ чрезвычайно удачно; соблазнъ ихъ высказать, сдѣлать открытіе—былъ слишкомъ великъ и почтенный профессоръ—человѣкъ живой и воспріимчивый—ему поддался“. Но съ такимъ же правомъ и обвиненіе могло изложить предъ присяжными процессъ зарожденія и окончательнаго сформированія взглядовъ, высказанныхъ остальными тремя экспертами, возникшихъ при условіяхъ печатной научной полемики, развивавшихся на почвѣ судебного производства и затѣмъ снова перешедшихъ въ область полемики и научнаго спора, закончившагося осужденіемъ ихъ двумя медицинскими обществами.

Спрашивается, какія же мѣры должны быть приняты противъ описанныхъ явленій?

Прежде всего необходимы и со стороны врачей-экспертовъ и судебныхъ дѣателей совмѣстныя усилія для ограниченія предѣловъ врачебной судебной экспертизы только обстоятельствами, дѣйствительно имѣющими спеціально медицинскій характеръ и отрѣшеніе врачей-экспертовъ отъ всего, что не входитъ въ прямую задачу ихъ разъясненія; затѣмъ самыя заключенія должны быть предлагаемы по сомнительнымъ обстоятельствамъ въ смыслѣ лишь возможности дѣлаемыхъ выводовъ, съ указаніемъ, на какихъ фактическихъ данныхъ они основываются.

Главными данными должны служить протоколы осмотровъ судебно-медицинскихъ вскрытій и освидѣтельствowanій, причемъ

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

3

слѣдуетъ принимать содержащіяся въ нихъ данныя такъ, какъ они описаны, не вкладывая въ нихъ того, чего нѣтъ, но что желательно въ нихъ видѣть. Такъ напр., при обсужденіи въ медицинскомъ обществѣ ¹⁾ реферата д-ра Штольца по поводу экспертизы въ дѣлѣ объ убійствѣ Сарры Беккеръ было указано, что референтъ, въ доказательство отсутствія и даже невозможности кровотечения между черепомъ и *durae matris*, сослался на приращеніе ея къ костямъ черепа, тогда какъ о томъ въ протоколѣ не говорится, а между тѣмъ оно представляетъ явленіе патологическое и, значить, если бы имѣло мѣсто, то о немъ и было бы упомянуто. Референтъ призналъ, что дѣйствительно въ протоколѣ прямо о томъ не сказано, но говорится о твердой мозговой оболочкѣ, многокровности ея сосудовъ и отдѣленіи отъ черепа, но послѣднее, по возраженію оппонентовъ, производится обыкновенно при вскрытіи, если желаютъ обозрѣть внутреннюю поверхность черепной крышки и потому ничего особеннаго не представляетъ. — Что же касается организаціи врачебной экспертизы въ судѣ, то нельзя не высказать пожеланія, чтобы судебные врачи все болѣе и болѣе становились по своимъ познаніямъ заслуживающими это званіе и чтобы правила изслѣдованія измѣнялись закономъ или предписаніями высшей медицинской власти согласно съ прогрессомъ медицинской науки. По поводу же отдѣльныхъ мѣръ, хотя получившихъ, такъ сказать, право гражданства, но, по нашему мнѣнію, вредно отзывающихся на правильности и безпристрастіи врачебной судебной экспертизы, слѣдуетъ остановиться на слѣдующихъ трехъ:

1) Вызовъ въ судебныя засѣданія въ качествѣ свидѣтелей врачей, производившихъ осмотръ и освидѣтельствованіе на предварительномъ слѣдствіи. Вислоцкій находитъ этотъ вызовъ неосновательнымъ и вреднымъ для правосудія. „Всѣ попытки врачей-экспертовъ, говорить онъ, представлять свое

¹⁾ Сообщенія и протоколы засѣданій С.-Петербургскаго медицинскаго общества 1885 г., стр. 49, 50.

свидѣтельство по памяти, ведутъ къ неточностямъ, ибо ежедневный опытъ убѣждаетъ, что нѣтъ возможности сохранить въ памяти въ теченіи извѣстнаго времени со всею отчетливостью разныя мелкія обстоятельства дѣла, замѣченныя при изслѣдованіи, которыя однакожъ во многихъ случаяхъ имѣютъ положительную важность для судебного вопроса; что иногда даже тотчасъ послѣ окончанія вскрытія ускользаютъ изъ памяти разныя мелкія обстоятельства, напр. точная форма, направленіе, величина раны или пятенъ, точное опредѣленіе мѣстности, на которой они находятся, количество излитой крови и т. д. Приведеніе врачомъ-экспертомъ новыхъ обстоятельствъ, не находящихся въ протоколѣ судебно-медицинскаго изслѣдованія, при личномъ объясненіи на судѣ, не только не укрѣпляетъ судебной достовѣрности всей экспертизы, но, напротивъ, ослабляетъ и даже уничтожаетъ ее устраненіемъ условій ея точности и объективности; слѣдовательно, способствуетъ не уясненію судебного дѣла, а запутыванію и ведетъ къ различнымъ для правосудія весьма вреднымъ невольнымъ ошибкамъ и неточнымъ показаніямъ, а даже иногда и къ намеренному обману. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить дѣло объ отравленіи Логвиненко; оно не могло быть рѣшено по неполнотѣ и неточности протокола вскрытія и по той причинѣ, что и врачъ, пользовавшій умершаго въ теченіи его болѣзни, и врачъ, производившій вскрытіе тѣла, не были въ состояніи доставить суду, по памяти, требуемыхъ свѣдѣній для пополненія картины замѣченныхъ ими явленій¹⁾. Слова эти какъ нельзя болѣе вѣрны и подтверждаются всякій разъ при вызовѣ въ судебное засѣданіе въ качествѣ свидѣтеля врача, производившаго первоначальный осмотръ или освидѣтельство. Тоже самое повторяется при вызовѣ въ судебное засѣданіе судебныхъ слѣдователей, полицейскихъ чиновниковъ и экспертовъ неврачей для разъясненія обстоятельствъ, въ констатированіи которыхъ они принимали участіе при предварительномъ слѣдствіи. Гдѣ же всѣмъ этимъ

¹⁾ О достоинствѣ суд. мед. экспертизы, стр. 108.

лицамъ, въ особенности первымъ и вторымъ, помнить все то, что ими обнаружено и усмотрѣно при тѣхъ многочисленныхъ освидѣтельствованияхъ, которыя они производятъ въ теченіи своей службы? Врачъ же находится въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, такъ какъ явленія, замѣченныя имъ при осмотрѣ и занесенныя въ протоколъ, могли представляться ему затѣмъ въ многообразныхъ комбинаціяхъ не только въ должностной, но и въ частной его дѣятельности. Требовать отъ него при такихъ условіяхъ поясненія и дополненія протокола совершенно безцѣльно и провѣрять его заключеніе по этимъ дополненіямъ нераціонально.

Нельзя отрицать того, что при производствѣ осмотра и освидѣтельствovanja самый добросовѣстный врачъ, въ точности исполняющій всѣ правила устава судебн. медіц. и науки, не въ состояніи фотографировать обнаруживаемыя имъ явленія, и потому, давая заключеніе, основывается не только на всѣхъ изложенныхъ въ протоколѣ данныхъ, но и на массѣ другихъ непосредственныхъ и непреведенныхъ на бумагу впечатлѣніяхъ; когда же на судѣ начинаютъ его допрашивать по существу заключенія обо всѣхъ послужившихъ для него данныхъ, то несомнѣнно онъ не въ состояніи на нихъ отвѣтить; но желая поддержать свое заключеніе, станетъ тоже вполне добросовѣстно будто бы припоминать, а въ дѣйствительности создавать неудостовѣренные протоколомъ факты, которые, однако, могутъ оказаться въ противорѣчій съ другими фактами, значащимися или незначащимися въ протоколахъ, и тѣмъ запутаетъ окончательно и себя и другихъ экспертовъ, строящихъ свои заключенія на его объясненіяхъ. Какъ различно могутъ относиться врачи-эксперты къ фактамъ и необходимости ихъ констатирования учить тотъ же процессъ объ убійствѣ Беккеръ. Протоколы первоначальныхъ осмотра и вскрытія были признаны недостаточными и неполными, вызванные же въ разясненіе производившіе ихъ врачи разошлись въ своихъ дополненіяхъ и объясненіяхъ какъ между собой, такъ и съ содержаніемъ протоколовъ, и этими дополненіями всякій изъ экспертовъ въ судебномъ засѣданіи поль-

зовался въ видахъ подкрѣпленія своего заключенія и опроверженія заключенія противника.

2) Присутствіе экспертовъ-врачей во время судебного слѣдствія. Практика и сената и судебныхъ мѣстъ допускаетъ врачей-экспертовъ въ засѣданіе на все время производства слѣдствія, если стороны противъ этого не возражали, а стороны обыкновенно не возражаютъ и фактически эксперты обыкновенно присутствуютъ въ судѣ при повѣркѣ всѣхъ доказательствъ, относятся ли послѣдніе къ предмету ихъ заключенія или нѣтъ. Понятно, что разсмотрѣнныя доказательства склоняютъ невольно ихъ сужденіе въ ту или другую сторону. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что экспертамъ необходимо знать всѣ данныя, обнаруживающіяся по дѣлу, думается, что эти данныя слѣдуетъ ограничить только тѣми, которыя могутъ служить имъ для разясненія обстоятельствъ, подлежащихъ ихъ заключенію; эти обстоятельства необходимо строго выдѣлять не только изъ всего дѣла, но и изъ каждаго отдѣльнаго доказательства, такъ что если, наприм., свидѣтель показываетъ объ участіи обвиняемаго въ преступленіи и о событіяхъ, сопровождавшихъ нахожденіе трупа и усмотрѣнныхъ на немъ поврежденіяхъ, то присутствіе эксперта при дачѣ имъ первой части показанія совершенно излишне и даже вредно въ цѣляхъ правосудія. Разумѣется, при этомъ не имѣется въ виду постоянный вводъ экспертовъ въ залу засѣданія и выводъ ихъ оттуда, но вполнѣ правильно было бы выдѣлять тѣ доказательства, которыя имѣютъ значеніе для экспертизы, въ особую группу и только ихъ провѣрить въ присутствіи экспертовъ; если же послѣдніе заявятъ суду просьбу о разясненіи для нихъ какихъ либо иныхъ обстоятельствъ и укажутъ въ какихъ именно видахъ, то если обстоятельства эти и виды не переходятъ въ область чуждую экспертамъ и судебное слѣдствіе въ состояніи доставить требуемое разясненіе, то несомнѣнно судъ и не преминетъ исполнить обращенную къ нему просьбу. Такимъ путемъ эксперты пріобрѣтутъ возможность ознакомиться со всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для составленія требуемаго отъ нихъ заключенія и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, не подпадутъ впечатлѣніямъ обстоятельствъ дѣла.

3) Наконецъ совѣщаніе экспертовъ и предъявленіе ими одного общаго заключенія. Какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ и какъ можетъ удостовѣрить каждый практикъ, подобная общность и единство въ мнѣніяхъ экспертовъ представляются рѣдкими явленіями, но и тамъ, гдѣ они встрѣчаются, заявляемое единство мнѣній само по себѣ не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго серьезнаго и продуманнаго согласія взглядовъ экспертовъ. При совѣщаніяхъ эксперта-врача, пользующагося авторитетностью въ общественномъ, служебномъ или научномъ мірѣ, съ другими экспертами, неравными ему въ этихъ отношеніяхъ, существуютъ серьезныя основанія опасаться вліянія перваго и подчиненія послѣднихъ и образованія, такимъ образомъ, единства мнѣній въ ущербъ самостоятельности и независимости взглядовъ съ преобладаніемъ личнаго мнѣнія одного эксперта. Законъ, который обыкновенно приводится въ подтвержденіе такого права экспертовъ на совѣщаніе, не имѣетъ подобнаго широкаго смысла, именно ст. 1748 уст. суд. мед. говоритъ: „аѣтъ осмотра тѣла, свидѣтельство (*visum peritum*), есть обстоятельный отвѣтъ на сдѣланный присутственнымъ мѣстомъ вопросъ относительно всего того, что оказалось и открылось при осмотрѣ мертваго тѣла и отъ чего смерть послѣдовала. Составленіемъ такого осмотра дозволяется врачу заниматься дома. Буде при вскрытіи находился еще другой врачъ, то они обязаны дать свидѣтельство по общему сужденію и согласію“. Такимъ образомъ законъ допускаетъ совѣщанія экспертовъ только производившихъ совмѣстно вскрытіе мертваго тѣла, но не всѣхъ и при всевозможныхъ условіяхъ, и думается, что такое ограниченіе сдѣлано не напрасно. Если два врача одновременно занимались вскрытіемъ мертваго тѣла и вслѣдъ затѣмъ приступаютъ къ составленію заключенія, то, разумѣется, вслѣдствіе свѣжести воспринятыхъ впечатлѣній, они въ состояніи взаимно другъ другу помогать при возстановленіи и обсужденіи усмотрѣнныхъ тогда фактовъ и явле-

ній, которые сами по себѣ не могутъ быть различны, такъ что основанія для обсужденія значенія ихъ и ихъ взаимной связи одни и тѣже; между тѣмъ при дачѣ заключеній врачами-экспертами въ судебномъ засѣданіи такой однородности и тождественности основаній не бываетъ вовсе или они встрѣчается крайне рѣдко ¹⁾). Основанія эти почерпываются врачами-экспертами изъ обстоятельствъ дѣла и уже на нихъ строятся заключенія; обстоятельства же эти всякій понимаетъ и оцѣниваетъ по своему и то, что для одного эксперта представляется достовѣрнымъ и кладется въ основаніе его заключенія, то для другаго не имѣетъ никакого значенія, такъ что прежде чѣмъ войти въ обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ имъ, какъ экспертамъ, врачи должны установить для себя фактическія основанія, а въ этой области возможны самыя сильныя разногласія. Понятно, что при такихъ условіяхъ и совмѣстное совѣщаніе экспертовъ оказывается безцѣльнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ было указано выше, можетъ повести и къ одностороннимъ выводамъ.

Владиміръ Фуксъ.

¹⁾ Вислоцкій говоритъ, что „самое производство судебно-медицинскаго изслѣдованія различается по своимъ существеннымъ основаніямъ въслѣдствіе того, производится ли это изслѣдованіе на мертвомъ тѣлѣ или на живомъ; въ первомъ случаѣ методъ изслѣдованія чисто аналитическій, во второмъ—существенно синтетическій. А такъ какъ эти два метода изслѣдованія обуславливаютъ совершенно различныя основанія для свѣдѣній судебной достовѣрности, то и основанія судебного достоинства медицинской экспертизы будутъ неизбѣжно въ томъ или другомъ случаѣ совершенно пныя“. О достоинствѣ и проч. стр. 24.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ПО ПЕРЕВОЗКѢ ГРУЗОВЪ

(КОММЕНТАРІЙ)

На вопросъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкѢ грузовъ, у насъ до послѣдняго времени, а именно до изданія Общаго Устава російскихъ желѣзныхъ дорогъ, обращали слишкомъ мало вниманія, гораздо менѣе нежели заслуживаетъ этотъ вопросъ по своей громадной экономической важности. Не далеко еще то время, когда этотъ вопросъ у насъ едва ли не являлся принципиальнымъ вопросомъ, когда графъ Бобринскій, командированный въ 1869 г. для разслѣдованія причинъ желѣзнодорожныхъ безпорядковъ, могъ рекомендовать, въ видѣ особой мѣры, „ввести въ дѣло управленія каждой желѣзнодорожной линіи *начало отвѣтственности* въ отношеніи къ отправителямъ, права и интересы которыхъ должны быть оговорены и ограждены правительствомъ“ ¹⁾. Предложеніе графа Бобринскаго не покажется намъ страннымъ, если припомнить, что наши желѣзныя дороги до послѣдняго времени весьма смутно понимали это начало, а на одномъ изъ желѣзнодорожныхъ сѣздовъ даже провозглашена была такая теорія, будто по началамъ устройства желѣзнодорожныхъ предпріятій *въ обя-*

¹⁾ Труды комисіи для изслѣдов. желѣзно-дорожн. дѣла въ Россіи т. I, ч. 1 стр. 11.

занности их входила лишь одна перевозка, для обеспечения же сохранности предполагалось или устройство особаго на дорогахъ страхованія или же страхованіе въ спеціальныхъ для того учрежденіяхъ“, такъ что, если, не взирая на это, дороги все таки до извѣстной степени приняли на себя отвѣтственность за цѣлость груза, то принятіе такой отвѣтственности было совершенно добровольное ¹⁾).

Впрочемъ, желѣзнодорожная практика далеко опередила теорію. На практикѣ наши грузохозяева, по выраженію гр. Баранова, находились въ положеніи „фактическаго безправія“. Крайняя пристрастность разныхъ „условій“ и „правилъ“ перевозокъ, изданныхъ нашими дорогами, извѣстна въ общихъ чертахъ каждому, имѣвшему съ ними дѣло, хотя справедливость требуетъ сказать, что тоже самое было въ свое время и за границею ²⁾. Но и эти условія перевозки парализовались, когда это нужно было, разными „подписками обезпеченія“, которыя освобождали дороги отъ всякой отвѣтственности и отбирались сплошь да рядомъ безъ всякаго серьезнаго основанія (напр., изъ за нѣсколькихъ рваныхъ мѣшковъ въ цѣлой партіи хлѣбнаго груза, дорога, не сортируя ихъ отдѣльно, снимала съ себя отвѣтственность за весь грузъ). За поврежденіе груза, послѣдовавшее до выдачи квитанціи, дороги на отрѣзъ отказывались отвѣчать, въ то время когда по установившимся у насъ порядкамъ грузы лежали на станціяхъ по недѣлямъ, а иногда и по мѣсяцамъ въ ожиданіи отправки. Въ удовлетвореніи, слѣдуемомъ согласно „условіямъ перевозки“ за утрату, поврежденіе или просрочку груза, отказывали подъ предлогами голословными и неуважительными, ссылаясь, напр., на разность вѣсовъ, на скопленіе грузовъ и т. п. Наконецъ, бывали случаи, когда дороги прямо при-

¹⁾ Труды IV. 1, стр. 82.

²⁾ Такъ объ „условіяхъ перевозки“ нѣмецкихъ дорогъ, существовавшихъ до изданія нѣмецкаго торговаго кодекса 1861 г., который положилъ основаніе новѣйшему транспортному праву, Гольдшмидтъ выразился, что они отняли у торговца перевозки всякую „юридическую защиту“ (Zeitschrift fur das ges Handelsrecht) IV, 1861 стр. 641.

знавали для себя необязательными ими же изданныя „условія перевозки“, которыя, кромѣ того, не будучи утверждаемы правительствомъ, произвольно измѣнялись и отмѣнялись дорогами.

Съ этимъ зломъ грузохозы пытались бороться путемъ жалобъ по начальству и путемъ суда. Первоначально посыпались жалобы. „Судиться“ съ желѣзными дорогами во время оно должно было казаться чѣмъ-то страннымъ. На желѣзнодорожныя управленія смотрѣли тогда какъ на всякое другое начальство. ¹⁾, а съ начальствомъ не судятся. Жалобы направлялись въ министерство путей сообщенія помимо мѣстной правительственной инспекціи, о существованіи которой, какъ оказалось по свѣдѣніямъ, добытымъ барановской комисіей, знали очень немногіе. Но министерство путей сообщенія оказалось скорѣе „прирожденнымъ защитникомъ“ самихъ желѣзныхъ дорогъ (по выраженію г. Герягросса), чѣмъ защитникомъ грузохозовъ. Большинство жалобъ постигала печальная участь за несоблюденіе гербоваго сбора, а по взносѣ этого сбора жалобщикамъ объявлялся стереотипный отвѣтъ, что они должны обратиться къ судебному разбирательству. Только этимъ однимъ, конечно, можно объяснить сравнительно ничтожное количество жалобъ (съ 1870 по 1876 г. въ министерство поступило всего 66 жалобъ).

Что касается, наконецъ, до судебного разбирательства, то изъ него съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ вѣяній жизни и иностранной теоріи, успѣло выработаться болѣе дѣйствительное средство для охраны справедливыхъ интересовъ грузохозовъ, но все оно, вся наша судебная практика по вопросамъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ висѣла на воздухѣ, за отсутствіемъ прямого и яснаго закона, который давалъ бы дѣйствительное, а не мнимое только основаніе для выводовъ, благопріятныхъ интересамъ

¹⁾ Характерно, что, по словамъ г. Токарскаго (въ его брошюрѣ „Желѣзнодорожный искъ“) въ эти управленія поступали иногда прошенія, оплаченныя гербовымъ сборомъ.

грузохозяевъ ¹⁾). Выводы судебной практики, кромѣ того, должны были разбиваться при столкновении съ интересами желѣзныхъ дорогъ, которыя не обнаруживали желанія принять ихъ къ руководству, подобно тому, какъ онѣ отказались принять къ руководству выводы той же практики по тарифнымъ вопросамъ. Закона же объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, повторяю, не было. Въ уставѣ путей сообщенія находимъ особую главу о желѣзныхъ дорогахъ, но въ ней нѣтъ ничего объ отвѣтственности, и относится она къ тому времени, когда у насъ были только двѣ дороги—царскосельская и николаевская, и къ тому еще послѣдняя изъ нихъ находилась въ вѣдѣніи казны. Въ уставахъ отдѣльных желѣзнодорожныхъ обществъ объ отвѣтственности нѣтъ ни слова. Этотъ вопросъ, очевидно, считали еще менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о тарифной системѣ, который наши уставы такъ игнорируютъ.

Въ спеціальному законѣ, нормирующему желѣзнодорожную перевозку, нужда ощущалась давно. Еще въ 1870 году на сѣздѣ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ было высказано „желаніе имѣть возможно скорѣе законъ о желѣзныхъ дорогахъ, согласованный съ уставами существующихъ обществъ и *не нарушающій коммерческихъ основаній желѣзнодорожныхъ предприятий* ²⁾). Впослѣдствіи, по другому поводѣ, тѣ же представители мотивировали необходимость спеціального желѣзнодорожнаго закона „*непримѣнимостью* ко многимъ вопросамъ желѣзнодорожной эксплуатаціи *общихъ законовъ* и существующей, вслѣдствіе этого, неопредѣленности отношеній дорогъ къ публикѣ ³⁾). Въ основаніе проекта желѣзнодорожнаго закона, созданнаго комиссіею графа Баранова, легли другія соображенія. Комиссія задалась цѣлью бороться съ тѣми злоупотребленіями, къ которымъ приводятъ именно

¹⁾ См. ниже объясн. къ ст. 6 устава.

²⁾ *Труды* IV, I стр. 363—366.

³⁾ Проектъ общаго устава руссійск. жел. дорогъ съ замѣч. XVIII сѣзда, стр. 82.

коммерческія основанія желѣзнодорожныхъ предпріятій“, и однимъ изъ ея девизовъ было *безусловное* примѣненіе къ этимъ предпріятіямъ общихъ законовъ объ отвѣтственности за убытки. Такъ, коммисія поставила своею задачею „установить начало равноправности грузоотправителей и пассажировъ предъ желѣзнодорожными обществами“, „опредѣлить, въ какихъ случаяхъ тяжесть доказательства лежитъ на желѣзной дорогѣ и въ какихъ на отправителѣ“, „возложить на желѣзныя дороги отвѣтственность за дѣйствія всѣхъ ихъ агентовъ“ и т. д. ¹⁾. Въ общемъ итогѣ главною цѣлью коммисіи была борьба съ злоупотребленіями желѣзныхъ дорогъ путемъ подробной законной регламентаціи ихъ отношеній къ публикѣ, а главнымъ образомъ путемъ установленія возможно строгой отвѣтственности. Государственный совѣтъ во многомъ ослабилъ эту отвѣтственность, стремясь къ огражденію интересовъ гарантирующей казны, но одною изъ основныхъ идей устава осталась идея широкаго вмѣшательства суда въ качествѣ главной гарантіи правильнаго функціонированія желѣзнодорожныхъ предпріятій. Правда, такія идеи у насъ не легко прививаются и еще только недавно, чрезъ полтора года послѣ опубликованія устава, изданы у насъ законы, которыхъ нельзя не признать антиподомъ идеи законности. Я говорю о Положеніяхъ комитета министровъ отъ 19 декабря 1886 г. и 22 февраля 1887 года объ освобожденіи желѣзныхъ дорогъ отъ отвѣтственности за переборы, которымъ присвоено обратное дѣйствіе. Подобныя мѣры, разумѣется, не могутъ не расшатывать того зданія, которое воздвигнуто уставомъ онѣ вселяютъ убѣжденіе, будто законы для желѣзныхъ дорогъ не писаны, и, разумѣется, если не посчастливилось одному закону, нарушенному желѣзною дорогою, то можетъ не посчастливиться и другому, и всему вообще, что есть въ Общемъ Уставѣ для желѣзныхъ дорогъ невыгоднаго. Остается надѣяться, что законы эти представляютъ не болѣе, какъ финаль-

¹⁾ Слова гр. Баранова (изъ проекта работъ 1880 г.; извлеченіе изъ него напечатано въ Правительственномъ Вѣстникѣ 1880 г. № 147).

ные (и, быть можетъ, необходимые) отголоски эпохи административныхъ усмотрѣній въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, и что отнынѣ дѣло это всецѣло вступаетъ на почву законности.

Широкое вмѣшательство суда предполагаетъ подробное юридическое разъясненіе закона, хотя и оно. въ свою очередь, способствуетъ такому разъясненію. Матеріаловъ для такого разъясненія у насъ въ русской официальной и неофициальной литературѣ пока немного, особенно матеріаловъ строго юридическаго содержанія, разъясняющихъ смыслъ, а не одну только цѣль закона. Но за то такихъ матеріаловъ очень много въ иностранной, а особенно въ нѣмецкой литературѣ и судебной практикѣ по желѣзнодорожному праву, которою можно пользоваться почти неограниченно, потому что нашъ желѣзнодорожный законъ является почти точною копіею нѣмецкаго закона, а именно соответствующихъ статей нѣмецкаго торговаго кодекса (art. 391 - 430 ст.) и дополняющихъ его утвержденныхъ „правилъ перевозки“ (Retriebsreglement) нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ ¹⁾). Лучшіе комментаріи къ нѣмецкому торговому кодексу (напр. комментарій Hahn'a) и къ нѣмецкому транспортному праву (наибольшую полноту отличается новый комментарій Eger'a Das deutsche Frachtrecht, 3 тома), служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшимъ комментаріемъ къ нашему общему уставу. Правда, въ нѣмецкой судебной практикѣ возбуждена масса вопросовъ, которые у насъ еще не возникали да, пожалуй и, не скоро возникнуть по свойству нашего суда ²⁾). Но, по моему, это только вопросъ времени. То, что затруднило иностранные суды, рано или поздно затруднитъ и нашъ судъ, когда онъ и вообще наши юристы ближе ознакомятся съ юридическимъ содержаніемъ постанов-

¹⁾ Главнымъ образомъ, благодаря тому, что у насъ главная масса желѣзнодорожныхъ дѣлъ сосредоточена въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, которыя не привыкли „мудрствовать лукаво“.

²⁾ Нѣмецкое законодательство легло также въ основу проекта „международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ“, выработаннаго на бернской конференціи и послужившаго однимъ изъ непосредственныхъ образцовъ для ба-рановской комиссіи.

лений Устава. Не задаваясь, разумѣется, цѣлью плодить и выдумывать затрудненія, я извлекъ изъ приведенныхъ выше и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ по желѣзнодорожному праву наиболѣе для насъ интересные спорные вопросы, присоединилъ къ нимъ тѣ вопросы, которые возбуждаются редакціею (подчасъ доморощенною) нашего Общаго Устава и попытался предложить разрѣшеніе этихъ вопросовъ на основаніи иностранной практики и литературы, общаго смысла нашихъ законовъ и содержанія имѣвшихся у меня источниковъ закона. На первый разъ я ограничился комментариемъ къ матеріально-правовымъ постановленіямъ Устава объ отвѣтственности, желѣзныхъ дорогъ не касаясь постановленій о подсудности и давности желѣзнодорожныхъ исковъ, возбуждившихъ на практикѣ не мало недоумѣній, благодаря своей неудачной редакціи.

Въ виду обширности этого комментарія, составляющаго притомъ самостоятельное цѣлое, я рѣшаюсь представить его пока въ качествѣ особаго труда.

Объясненія мои для практическаго удобства расположены въ формѣ замѣчаній къ соответствующимъ статьямъ Общаго Устава, приведеннымъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ видѣ вступительнаго замѣчанія необходимо, однако, сказать нѣсколько словъ о дѣйствіи новаго Устава во времени и пространствѣ.

Постановленія Устава, какъ и всякій другой законъ, не имѣютъ обратной силы, причемъ, однако, какъ всегда, необходимо помнить, что „обратною силою“ не называется всякое примѣненіе новаго закона къ отношеніямъ, возникшимъ до опубликованія этого закона. Процессуальныя постановленія Устава (какъ и всякій другой процессуальный законъ) съ момента своего опубликованія примѣняются ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ дѣламъ, производящимся въ судахъ, хотя бы въ этихъ дѣлахъ споръ шелъ о правѣ, возникшемъ до опубликованія Устава. Объ обратной силѣ постановленій Устава о давности желѣзнодорожныхъ исковъ имѣется особое примѣчаніе къ ст. 137. Всѣ же матеріальныя постановленія

Устава безусловно не имѣютъ обратной силы. Отсюда вытекаютъ напр. слѣдующіе выводы: право на возвращеніе перебора, взятаго до 16 іюля 1885 г., имѣетъ не то лицо, которое расплачивалось при полученіи груза (если даже допустить, что это толкованіе 72 статьи, принятое нѣкоторыми изъ нашихъ судовъ, выдерживаетъ критику), а то лицо, за которымъ это право должно быть признано по общимъ законамъ и по тогдашнимъ „условіямъ перевозки“ самихъ дорогъ (см. ниже объясн. къ ст. 112); право на вознагражденіе за утрату, порчу и просрочку, случившіяся до 16 іюля 1885 г., должно быть признано не только за законнымъ держателемъ накладной (ст. 78 Уст.), но и за всякимъ другимъ лицомъ, за которымъ такое право признавалось тогдашними „условіями перевозки“, общимъ закономъ и разъясненіями сената (см. объясн. къ ст. 112) и т. д. Но опять таки необходимо имѣть въ виду, что не всякое примѣненіе матеріальнаго закона къ отношеніямъ, возникшимъ до его опубликованія, составляетъ обратное дѣйствіе. Такъ напр., можно признать, что въ силу 72 статьи Устава, дорога со дня опубликованія этого послѣдняго обязана платить по одному проценту въ мѣсяць и за такіе переборы, которые взяты до 16 іюля 1885 года, потому что проценты эти платятся за *пользованіе перебранными суммами*, имѣющее мѣсто послѣ 16 іюля 1885 года. Разъ дорога послѣ этого дня удерживаетъ у себя чужія деньги, она обязана платить за нихъ по 1% въ мѣсяць.

Что касается до дѣйствія Общаго Устава по мѣсту, то слѣдуетъ сказать, что онъ безусловно примѣняется ко всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ заисключеніемъ финляндскихъ — въ тѣхъ случаяхъ, которые предусмотрѣны особымъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ для этихъ дорогъ. Къ дорогамъ же, пролегающимъ по Царству Польскому и Прибалтійскому краю, Уставъ безусловно примѣняется, потому что по основнымъ законамъ на эти мѣстности не распространяются только тѣ изъ общерусскихъ законовъ, которые отмѣняются мѣстными законами. Между тѣмъ, ни въ При-

балтійскомъ краѣ, ни въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ особаго желѣзнодорожнаго законодательства, т. е., нѣтъ ничего такого, что могло бы отмѣнить дѣйствіе Устава. Правда, тамъ есть особыя законы о договорѣ перевозки, но законы эти, какъ общіе, отмѣняются спеціальнымъ желѣзнодорожнымъ закономъ.

Перехожу теперь къ разъясненію отдѣльныхъ статей устава, касающихся отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ.

Ст. 1 (см. ст. 100)—Ст. 2 (см. ст. 100).

Ст. 5. Желѣзная дорога отвѣтствуетъ за вредъ и убытки, причиненные служебными дѣйствіями служащихъ на ней, а равно и другихъ лицъ, назначенныхъ ею для выполненія перевозки и соединенныхъ съ нею дѣйствій. При этомъ она имѣетъ право на возмѣщеніе уплаченнаго ею или присужденнаго съ нея вознагражденія за личный или имущественный вредъ или убытокъ изъ имущества тѣхъ лицъ, по винѣ которыхъ произошло несчастіе или несправность.

1. Принципы и *ratio legis*.

По общимъ гражданскимъ законамъ отвѣтственность за вредъ или убытки можетъ вытекать или изъ нарушенія договора, или изъ другаго правонарушенія. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ отвѣтственности безъ вины. Поэтому, за дѣйствія третьихъ лицъ, приведшія къ нарушенію договора, всякій контрагентъ отвѣчаетъ только тогда, когда нарушеніе, будучи порождено дѣйствіемъ другаго, все таки произошло не безъ его, контрагента, вины, когда третьи лица были приглашены имъ къ выполненію обѣщаннаго по договору безъ надлежащаго выбора (*culpa in eligendo*) и присмотра (*culpa in inspiciendo*). Если не было ни той, ни другой вины, то нѣтъ и отвѣтственности, исключая случаи: а) когда по самому характеру договора или по особому соглашенію сторонъ участіе третьихъ лицъ не предполагается или даже не допускается; б) когда контрагентъ прямо взялъ исполненіе договора на свой *личный* рискъ (*suo periculo*), т. е. обязался не

сваливать вину на другихъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о прочихъ правонарушеніяхъ. И въ этихъ случаяхъ каждый отвѣчаетъ только за свою вину. По нашему закону „господа и вѣрители“ отвѣчаютъ за вредъ и убытки, причиненные дѣйствіями своихъ „слугъ и повѣренныхъ“ только тогда, когда дѣйствія эти совершены: а) при исполненіи даннаго имъ порученія и сообразно съ приказаніями или полномочіемъ, и б) могли быть предотвращены господами и вѣрителями (ст. 687, 2235 X т.), т. е. другими словами, когда „господа“ виновны въ дѣйствіяхъ своихъ слугъ или, по крайней мѣрѣ, предполагаются виновными.

Въ силу 5 статьи, наоборотъ, дорога отвѣчаетъ за своихъ служащихъ безусловно, помимо всякой вины, дѣйствительной или предполагаемой, въ ихъ выборѣ или надзорѣ за ними и, независимо отъ того, были ли дѣйствія служащихъ совершены „сообразно съ полученнымъ ими приказаніемъ“ и могли ли они быть предотвращены дорогою. Требуется только, чтобы эти дѣйствія были „служебныя“ (см. ниже). Чѣмъ объясняется эта безусловная отвѣтственность? Ея нельзя объяснить тѣмъ, что служащіе суть органы желѣзнодорожнаго общества, какъ юридическаго лица, и что дѣйствія этихъ органовъ необходимо разсматриваются какъ дѣйствія самого общества. Во первыхъ, хозяиномъ желѣзнодорожнаго предпріятія можетъ быть и лицо физическое. Во вторыхъ, органомъ желѣзнодорожнаго общества можетъ считаться только правленіе; только оно одно есть его представитель. Безусловная отвѣтственность объясняется, главнымъ образомъ, тою особенностью договора перевозки (а именно—трудностью контроля надъ дѣйствіями возчика по исполненію договора) ¹⁾, которая, какъ увидимъ ниже, привела также къ тому общему правилу, что за цѣлость груза возчикъ отвѣчаетъ *помимо своей вины*. Однако, ст. 5 распространяется по нашему Уставу не только на случаи нарушенія договора перевозки (какъ въ нѣмецкомъ ко-

¹⁾ Этотъ мотивъ прямо указанъ авторами нѣмецкаго закона (art. 400 нѣмецкаго торговаго кодекса).

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

дексъ) ¹⁾, но и вообще на всѣ случаи нарушенія обязанностей по перевозкѣ.

Для объясненія безусловной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за своихъ служащихъ иногда прибѣгаютъ къ какой то идеѣ „солидарности предпринимателя съ самимъ предприятиемъ“. Это лишенное юридическаго смысла объясненіе у насъ пущено въ ходъ г. Деларовымъ (въ его сочиненіи „Объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и пр.) и считается настолько авторитетнымъ, что повторено даже въ такомъ официальном актѣ, какъ представленіе министра юстиціи въ государственный совѣтъ объ измѣненіи 683 статьи отъ 28 января 1877 г. ¹⁾. Впрочемъ, „идею солидарности предпринимателя съ предприятиемъ“ самъ г. Деларовъ считаетъ не юридическимъ, а „бытовымъ“ (?) объясненіемъ. Юридическое же объясненіе, по его мнѣнію, „еще проще: есть одно древнее начало права, по которому во всякомъ дѣлѣ убытки должны падать на того, кто получаетъ барыши: ubi commoda, ibi et incommoda esse debent (ibid., стр. 105). Съ помощью такихъ „древнихъ началъ“ можно доказывать все, что угодно. Во всякомъ случаѣ, здѣсь это начало доказываетъ слишкомъ много, потому что, очевидно, оно можетъ быть примѣнено не къ одной только желѣзной дорогѣ, но и ко всякому другому предпринимателю.

Надо, впрочемъ, сказать, что не во всѣхъ законодательствахъ общій принципъ отвѣтственности хозяевъ за дѣйствія своихъ служащихъ формулированъ съ такими оговорками, какъ у насъ въ 687 ст. X т. Статья эта, повидимому, заимствована изъ кодекса Наполеона, art. 1384. Между тѣмъ кодексъ въ оригиналѣ говоритъ почти тоже, что ст. 5 нашего Устава. Кодексъ постановляетъ, что „господа и вѣрители

¹⁾ Который, по мнѣнію Эгера (Frachtrecht I, 348) устанавливаетъ безусловную отвѣтственность за служащихъ лишь на случай утраты или порчи груза.

²⁾ Цит. у г. Осецкаго. Смерть и увѣче при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ стр. 4.

(les maitres et commettans) отвѣтствуютъ за убытокъ, причиненный ихъ слугами и повѣренными (domestiques et préposés) при исполненіи возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей („dans les fonctions auxquelles ils les ont employés“). Французская судебная практика грѣшитъ не ограничительнымъ, а скорѣе чрезчуръ широкимъ толкованіемъ этого принципа; она, напр., возлагала на хозяина отвѣтственность за оскорбленія, нанесенныя его слугою при исполненіи даннаго ему порученія (отнести письмо и т. п.). Замѣчательно, что когда въ Германіи былъ изданъ спеціальный законъ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ и другихъ подобныхъ предпріятій за смерть и увѣче (Haftpflichtgesetz), то принципъ отвѣтственности хозяевъ за дѣйствія служащихъ, формулированный въ этомъ законѣ (§ 2), оказался болѣе узкимъ, чѣмъ общій принципъ французскаго гражданскаго кодекса. Вслѣдствіе этого въ Эльзасѣ, Лотарингіи и прирейнскихъ государствахъ, гдѣ дѣйствуетъ Code Napoléon, потерпѣвшіе предпочитаютъ ссылаться на этотъ законъ ¹⁾.

Нашъ сенатъ, какъ извѣстно, впрочемъ, не очень стѣсняется оговорками 687 статьи. Въ рѣш. 1879 г. № 252 сенатъ возлагаетъ на хозяина отвѣтственность за всѣ дѣйствія служащихъ, которыя „будучи вообще солидарны (?) съ предметомъ сего (т. е. даннаго служащимъ) порученія, не выходятъ изъ предѣловъ дѣятельности, обозначенной самымъ свойствомъ возложеннаго на нихъ полномочія“. Въ рѣшеніи 1885 г. № 38 сенатъ вполнѣ правильно призналъ, что *всякій* возчикъ безусловно отвѣчаетъ за утрату или порчу груза, происшедшую отъ дѣйствій его служащихъ или даже третьихъ лицъ, услугами которыхъ онъ воспользовался (лоцмановъ).

¹⁾ Zachariae-Puchelt, Französisches Civilrecht, II, § 447. По закону 1871 г. хозяинъ безусловно отвѣчаетъ, напр., лишь за своихъ представителей управляющихъ, надзирателей и т. п., между тѣмъ какъ по толкованію французской практики въ силу art. 1384 хозяинъ отвѣчаетъ и за простаго *ouvrier* (Dalloz, Repertoire 1874, I, 385).

2. Объемъ примѣненія 5 статьи.—„Служебныя дѣйствія“.—„Служащіе“.

Можетъ показаться, что 5 статья примѣняется *во всѣхъ случаяхъ*, когда къ желѣзной дорогѣ предъявлено требованіе о возмѣщеніи убытка. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Статья эта является однимъ изъ общихъ положеній перваго раздѣла Устава „о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ“. Она примѣняется, поэтому, только въ тѣхъ случаяхъ, когда дорогою нарушена какая либо изъ возложенныхъ на нее этимъ раздѣломъ обязанностей. Заимствуя выраженіе ст. 6, слѣдуетъ сказать, что ст. 5 примѣняется тогда, когда убытокъ причиненъ пассажирамъ, отправителямъ или получателямъ грузовъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дорога отвѣчаетъ за своихъ служащихъ по общему закону, т. е. такъ, какъ отвѣчаетъ за своихъ служащихъ всякій другой предприниматель (ст. 687). Въ отношеніяхъ желѣзной дороги къ ея подрядчикамъ, поставщикамъ, продавцамъ, арендаторамъ и т. п. на пятую статью ссылаться нельзя. Точно также на нее неправѣ ссылаться и землевладѣлецъ, потерпѣвшій убытокъ отъ захвата земли желѣзною дорогою, отъ искръ локомотива и т. п. Требованія всѣхъ этихъ лицъ о возмѣщеніи убытка могутъ основываться только на общемъ законѣ.

Далѣе, какъ я сказалъ уже, пятая статья примѣняется только тогда, когда дорога *нарушила какую либо изъ своихъ обязанностей по перевозкѣ пассажировъ или грузовъ*. Отсюда ясно, между прочимъ, то, что, *прежде чѣмъ* ссылаться на эту статью, нужно доказать, что обязанность была и что она нарушена. Помня это, мы не станемъ, напр., возлагать на желѣзную дорогу отвѣтственности по сдѣлкамъ, совершеннымъ ея служащими съ *нарушеніемъ предѣловъ своихъ полномочій*. Такія сдѣлки для дороги *необязательны*, а разъ нѣтъ обязанности, она не можетъ быть и нарушена, а слѣдовательно и пятая статья непримѣнима. Поэтому, не смотря на существованіе этой статьи, дорога не отвѣчаетъ по сдѣлкамъ, совер-

шеннымъ ея служащими вопреки опубликованнымъ тарифамъ и условіямъ перевозки, постановленіямъ Общаго Устава и устава данной дороги ¹⁾, исключая тѣ случаи, когда самый фактъ совершенія такой сдѣлки представляетъ собою нарушение обязанности, возложенной закономъ на желѣзную дорогу въ отношеніи другихъ лицъ; въ этихъ случаяхъ (какъ напр., въ случаѣ сдѣланной какому либо отправителю уступки противъ дѣйствующихъ тарифовъ, такъ назыв. рефакціи, (ст. 71) въ случаѣ нарушенія очереди (ст. 101) и т. п.) дорога, не отвѣчая по самой сдѣлкѣ, можетъ отвѣчать предъ третьими лицами за убытокъ, причиненный такимъ нарушеніемъ обязанностей по перевозкѣ. Не отвѣчая по самой сдѣлкѣ, дорога можетъ иногда даже отвѣчать *предъ самимъ контрагентомъ* по этой сдѣлкѣ за причиненные ему этою незаконною сдѣлкою убытки; см., напр., ниже объясн. къ ст. 103.

Обращаясь теперь къ дѣйствительной области примѣненія 5 статьи, является, прежде всего, вопросъ о томъ, что такое „служебное дѣйствіе“. Было бы явною неточностью сказать, что это такое дѣйствіе, которое входитъ въ „кругъ полномочій“ даннаго служащаго. Входитъ ли, наприм., въ „кругъ полномочій“ кондуктора обкрадывать ввѣренный ему поѣздъ? Однако же такое дѣйствіе должно быть признано „служебнымъ“, потому что за него дорога отвѣчаетъ. Правильнѣе будетъ сказать, что „служебное дѣйствіе“—это такое дѣйствіе, совершеніе котораго, находясь въ связи со служебнымъ званіемъ даннаго лица, облегчается этимъ званіемъ ²⁾. Если этого нѣтъ, если, наприм., кондукторъ загромоздилъ рельсы,

1) На томъ же основаніи уплата провозныхъ денегъ лицу, не уполномоченному на то дорогою, не считается уплатою. Если артельщикъ получалъ за пассажира багажъ и, затѣмъ, съ нимъ скрылся, то пассажиръ не имѣетъ права требовать отъ дороги убытковъ *въ силу 5 статьи*, потому что съ выдачею багажа уполномоченному отъ пассажира артельщику обязанности *дороги по перевозкѣ погашены*.

2) E g e r, Eisenbahnrechtliche Entscheidungen, II, 354 (рѣшен. германскаго имперскаго суда 1882 г.).

путевой сторож испортилъ поѣздной тормазъ и т. п., дѣйствіе будетъ не служебное, хотя, разумѣется, дорога отвѣчаетъ за его послѣдствія при тѣхъ же условіяхъ, какъ и за дѣйствія третьихъ лицъ (см. ст. 102).

Подъ „служащими“ статья 5 можетъ разумѣть только служащихъ *по перевозкѣ*, по транспортной части. Однако, не слѣдуетъ думать, что подъ эту статью подойдутъ только такіе служащіе, которые участвуютъ въ выполненіи самой перевозки и соединенныхъ съ нею дѣйствій (нагрузки, выгрузки, храненія и т. п.). Сюда подойдутъ и такіе служащіе, которые такъ или иначе приставлены къ транспортной службѣ, наприм. ламповщики, сторожа и т. п., а также и тѣ агенты и комисіонеры, чрезъ посредство которыхъ дорога выполняетъ всѣ таможенныя, полицейскія и акцизныя формальности во время нахожденія груза въ пути (см. ст. 66). Но сюда не подойдутъ, наприм., ни члены правленія, ни служащіе въ контролѣ сборовъ, ни рабочіе въ мастерскихъ и т. п. Если кто нибудь изъ нихъ совершилъ такое дѣйствіе, отъ котораго пассажиръ или грузохозяинъ потерпѣлъ убытокъ, то за такое дѣйствіе дорога отвѣчаетъ не по ст. 5, а по общимъ законамъ.

Дорога отвѣчаетъ не только за служащихъ, но и за „другихъ лицъ, назначенныхъ ею для выполненія перевозки и соединенныхъ съ нею дѣйствій“. Въ приведенномъ выше рѣшеніи 1885 г. № 38 сенатъ разъяснилъ, что если даже услуги данныхъ постороннихъ лицъ, а именно лоцманской артели, для возчика обязательны (если онъ не имѣетъ свободы выбора), онъ все таки отвѣчаетъ за ихъ дѣйствія.

По поводу второй части 5 статьи возникаетъ вопросъ о томъ, могутъ ли сами служащіе быть привлечены къ отвѣтственности предъ грузохозяиномъ (или пассажиромъ). Это можетъ быть выгодно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, наприм., между грузохозяиномъ и желѣзною дорогою состоялось соглашеніе объ ограниченной отвѣтственности за цѣлость груза (ст. 109); на такое соглашеніе служащій не вправѣ былъ бы ссылаться. Существуетъ мнѣніе, будто бы служащіе *никогда*

не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности вмѣсто самой дороги ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. По общему закону всякій отвѣчаетъ за убытки, причиненные по его винѣ. Если, такимъ образомъ, потерпѣвшій докажетъ, что понесенный имъ убытокъ произошелъ по винѣ служащаго, то онъ вправѣ требовать отъ него вознагражденія и, притомъ, въ размѣрѣ, указанномъ въ ст. 685 т. X. Такое требованіе онъ можетъ предъявить, наприм., въ формѣ гражданскаго иска въ уголовномъ дѣлѣ, возбужденномъ противъ служащаго. Во всякомъ случаѣ онъ (потерпѣвшій) обязанъ доказать вину служащаго. Если онъ сошлется только на то, что договоръ перевозки нарушенъ—этого недостаточно, потому что, не участвуя въ этомъ договорѣ, служащій не могъ и нарушить его, а слѣдовательно и не обязанъ доказывать что нарушение произошло не по его винѣ.

У насъ бывали уже случаи, когда иски о вознагражденіи за порчу или недостачу груза предъявлялись къ артелямъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ. Иски эти, однако, были построены неправильно: основаніемъ ихъ служилъ *договоръ артели съ дорогомъ*, нарушение артелью своихъ обязанностей по этому договору. Не мудрено, что такіе иски проигрывались.

Ст. 6. Всякія предварительныя, на случай могущаго послѣдовать вреда или убытка, сдѣлки и соглашенія желѣзныхъ дорогъ съ пассажирами и отправителями или получателями грузовъ, клоняціяся къ измѣненію отвѣтственности, возлагаемой на желѣзныя дороги постановленіями настоящаго устава, или къ совершенному освобожденію дорогъ отъ сей отвѣтственности признаются недействительными.

1. Принципы и его исторія.

Принципъ, выраженный въ ст. 6, какъ извѣстно, составлялъ достояніе нашей судебной практики еще ранѣе изданія Устава. Еще въ то время наша практика признавала, что желѣзныя дороги лишены права ограничивать по договору

¹⁾ Такъ думаютъ г. Демчинскій и г. Квачевскій (Общій Уставъ съ объясн. стр. 94).

съ грузоотправителями (т. е. по „условіямъ перевозки“) ту отвѣтственность, которую онѣ должны нести по закону (684 и 685 ст. X т.). Однако, эта практика, по большей части, не имѣла почвы въ законѣ или, лучше сказать, прямо ему противорѣчила. Въ силу 1528 и 1585 ст. X т. размѣръ отвѣтственности за нарушение договора можетъ быть опредѣленъ напередъ; почему же у желѣзныхъ дорогъ можно было отнимать это право? Говорили, что такія и имъ подобныя соглашенія недѣйствительны, потому что по монопольному характеру желѣзнодорожныхъ предпріятій они сопровождаются „психическимъ принужденіемъ“ (грузоотправителей); но такой доводъ не могъ имѣть серьезнаго значенія, потому что это значило расширить юридическое понятіе о принужденіи (*vis*) за его естественные предѣлы, признаваемые всегда въ другихъ случаяхъ. Какая рѣчь можетъ быть, напр., о „психическомъ принужденіи“, когда стоило только отправителю уплатить страховую премію и онъ пріобрѣталъ право на вознагражденіе въ полной суммѣ, стоило ему только перемѣнить упаковку и онъ освобождался отъ „подписки обезпеченія“ и т. д.? Конечно, это могло быть и дорого, и неудобно, но отсюда далеко до „психическаго принужденія“. Говорили, кромѣ того, что подобныя соглашенія безнравственны, потому что они влекутъ за собою небрежность желѣзныхъ дорогъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ упрекнуть въ безнравственности и всѣ европейскія законодательства и нашъ Уставъ, которые допускаютъ такое же соглашеніе объ ограниченномъ размѣрѣ вознагражденія (ст. 109 Устава) и т. д. ¹⁾. Практика наша ссылалась еще на 683 статью X т., по прод. 1879 г., но этотъ законъ, какъ исключительный, никакъ не могъ быть распространенъ на грузы. Наконецъ, отвергали самое существованіе договора о перевозкѣ

¹⁾ „Мы не имѣемъ права не церемониться со смысломъ договоровъ (to fritter away the meaning of contracts) только затѣмъ, чтобы научить людей аккуратности“ (изъ мотивовъ одного англійскаго судебнаго рѣшенія по желѣзнодорожному дѣлу, привед. у Redfield'a).

по желѣзнымъ дорогамъ, но и это было неправильно (см. ниже ст. 98). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, практика была права; она была права, наприм., когда отвергала силу соглашеній о сокращенной давности, о своевременномъ заявленіи, какъ *conditio sine qua* по отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ.

Практика наша по данному вопросу, впрочемъ, сильно колебалась; колебались и взгляды самого сената.

Совершенно то же происходило въ нѣмецкихъ судахъ въ то время, когда еще не было общаго закона объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ (до изданія нѣмецкаго торговаго кодекса). Тамъ мы встрѣчаемъ точь въ точь тѣ же аргументы въ опроверженіе дѣйствительности стѣснительныхъ для публики „условій перевозки“: то же „психическое принужденіе“, безнравственность и т. д. ¹⁾. Многіе нѣмецкіе юристы (Гольдшмидтъ, Эндеманъ, Кохъ и друг.) опровергали всѣ эти аргументы; суды, напротивъ, ихъ признавали, особенно, низшія инстанціи.

То же происходило и во Франціи. И тамъ суды отвергали силу „подписокъ обезпеченія“ (*billets de garantie*) и соглашеній объ ограниченной отвѣтственности, хотя бы отправитель имѣлъ возможность застраховать грузъ въ полной суммѣ. И тамъ противъ этого возставали *Traplong, Duvergie* и др. юристы ²⁾. Въ Англіи, наоборотъ, до изданія закона 1854 года суды признавали силу всякихъ соглашеній желѣзныхъ дорогъ съ отправителями и пассажирами, хотя бы и такихъ, которыя освобождали желѣзную дорогу отъ отвѣтственности за *dolus* и *culpa* своихъ служащихъ. Зато англійскіе суды требовали несомнѣнныхъ доказательствъ наличности соглашенія. „Условія перевозки“ (*notices*) призна-

¹⁾ См. цит. выше ст. *Гольдшмидта*. И формальные доводы были тѣ же, что у насъ: отвергали, наприм., значеніе подписи отправителя на накладной въ смыслѣ согласія на „условія перевозки“ (рѣшен. эльберфельдскаго суда *ibid.* стр. 596).

²⁾ *Ibid.* стр. 654.

вались въ силѣ только при надлежащей публикаціи. Объявленіе, вывѣщенное на станціи, не считалось, наприм., обязательнымъ для неграмотнаго пассажира, потому что онъ его не могъ понять, а слѣдовательно и не могъ согласиться на предлагаемыя имъ условія. Англійской законъ 1854 года (Railway and Canal Traffic Act, sect. VII) положилъ конецъ этой практикѣ. Онъ объявляетъ недѣйствительными всякія соглашенія, особыя (special contracts) или же такія, основаніемъ коихъ служатъ „правила“ и „условія перевозки“ (notices, conditions, declarations), если они такъ или иначе (in anywise) ограничиваютъ отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за утрату и поврежденіе груза ¹⁾).

Нѣмецкій кодексъ 1861 года, благодаря настойчивымъ ходатайствамъ представителей нѣмецкихъ дорогъ, поступилъ нѣсколько иначе. Установивъ рядъ правилъ объ отвѣтственности по договору перевозки вообще, кодексъ въ ст. 423 постановляетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, а именно тѣ, которыя по содержанію своему соотвѣтствуютъ приблизительно (ст. 102, 107, 110, 5 и 99 Общаго Устава), не могутъ быть обойдены или ограничены путемъ предварительныхъ соглашеній желѣзныхъ дорогъ съ отправителями, klopping въ пользу дорогъ; соглашенія эти не должны касаться ни условій наступленія отвѣтственности, ни размѣра, ни продолжительности ея, ни наконецъ, *onus probandi*. За этимъ слѣдуетъ рядъ исключеній, т. е. дорогамъ разрѣшается рядъ соглашеній, большинство которыхъ воспроизведено у насъ прямо въ законѣ (ст. 104, 103, 106, 108 и 109 устава).

Нѣмецкій законъ, такимъ образомъ, редактированъ вполне ясно и точно. Воспреещая ограничивать или устранять отвѣтственность желѣзной дороги по договору, онъ прямо указываетъ на тѣ статьи закона, которыя сохраняютъ абсолют-

¹⁾ Рядомъ съ этимъ, однако, тотъ же законъ дозволяетъ дорогамъ устанавливать правила о приѣмѣ и сдачѣ грузовъ, которыя могутъ вліять на отвѣтственность; правила эти должны быть „разумны и справедливы“ („just and reasonable“), о чемъ рѣшаетъ судъ) *На h n, Commentar, II, 716.*

ную силу (*lex perfecta*), не взирая ни на какія соглашенія. Въ нашемъ же Уставѣ этого нѣтъ. Прежде всего, нашъ Уставъ запрещаетъ вообще *измѣнять* отвѣтственность по договору, такъ что возникаетъ вопросъ о томъ, запрещается ли одно ограниченіе или также и *расширеніе* отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ. Если бы 6 статья не имѣла своей исторіи, то можно было бы подумать, что воспрещается и то, и другое; доходы большинства нашихъ желѣзныхъ дорогъ гарантированы казною; поэтому, казна заинтересована въ томъ, чтобы дороги не платили лишняго. Но такое толкованіе опровергается исторіею этой статьи и примѣромъ иностранныхъ законодательствъ. Статья эта существуетъ для того, чтобы правила Устава объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ не обратились въ призракъ, благодаря монопольному положенію дорогъ, благодаря ихъ естественному преимуществу предъ своими контрагентами. Имѣя это преимущество, желѣзныя дороги вовсе не нуждаются и никогда не нуждались въ покровительствѣ отъ невыгодныхъ для нихъ договоровъ, отъ чрезмѣрнаго расширенія своей отвѣтственности. Поэтому, ст. 6 этой цѣли преслѣдовать не могла, и это видно изъ словъ „или къ совершенному освобожденію“, которыя слѣдуютъ за словомъ „измѣненіемъ“; ясно, что подъ „измѣненіемъ“ Уставъ разумѣетъ измѣненіе *въ пользу дорогъ*. Само собою разумѣется, однако, что договоры, расширяющіе отвѣтственность, дѣйствительны лишь тогда, когда они совершены въ предѣлахъ полномочія служащаго.

2 Объемъ примѣненія и значеніе 6 статьи.

Такъ какъ въ 6 статьѣ не указано, какія именно „постановленія настоящаго Устава“ объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ сохраняютъ силу, не взирая на противорѣчащія имъ соглашенія, то является вопросъ, какія это „постановленія“. Изъ буквальной редакціи 6 статьи видно, что дѣло идетъ *не о всѣхъ* постановленіяхъ 1 раздѣла Устава, хотя нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое до извѣстной степени, не *вліяло бы* на отвѣтственность, на условія ея наступленія,

погашенія и т. д. Задача этой статьи заключалась, однако, вовсе не въ томъ, чтобы опредѣлить обязательную силу всѣхъ вообще постановленій Устава. Для этой послѣдней цѣли въ проектѣ комисіи гр. Баранова существовали особыя три статьи (131, 138 и 171), которыя впослѣдствіи были вычеркнуты, какъ понятныя сами собою. Но въ этихъ статьяхъ (т. е. собственно только въ ст. 138) говорится лишь о томъ, что всѣ постановленія Устава о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ имѣютъ обязательную силу и не могутъ быть отмѣняемы *постановленіями* самихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Но можно ли отмѣнять силу какого нибудь изъ постановленій 1 раздѣла Устава *по соглашенію* отправителя или пассажира съ желѣзною дорогою, объ этомъ въ упомянутыхъ трехъ статьяхъ ничего не говорится. Точно также въ нихъ не говорится ничего о томъ, можно ли отмѣнять путемъ такого же соглашенія силу постановленій 2 раздѣла Устава, допускается ли, напр., установленіе *добровольной подсудности* по соглашенію желѣзной дороги съ отправителемъ или пассажиромъ. Нельзя сказать, чтобы отрицательный отвѣтъ на всѣ эти вопросы разумѣлся самъ собою. Силу *lex perfecta* сами по себѣ имѣютъ только постановленія публичнаго права; дѣйствіе такихъ постановленій не можетъ быть устранено договоромъ. Но есть ли основаніе полагать, что всѣ постановленія устава носятъ характеръ публичнаго права?

И такъ, ст. 6 имѣетъ ограниченное значеніе. Она относится только къ постановленіямъ Устава объ отвѣтственности, т. е. главнымъ образомъ, (исключая нѣсколько статей, какъ-то: ст. 46, 65, 72 и др.) къ тѣмъ постановленіямъ, которыя помѣщены въ особой главѣ перваго раздѣла „объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкамъ“. Только договоръ, противорѣчащій смыслу этихъ постановленій, подходитъ подъ шестую статью.

Въ нѣмецкомъ законѣ (art. 423 кодекса), какъ мы видѣли, перечислены тѣ статьи кодекса о договорѣ перевозки, которыя имѣютъ для желѣзныхъ дорогъ силу публичнаго права. Отсюда само собою ясно, что всѣ остальные статьи

privatorum pactis mutari possunt. Къ такимъ статьямъ нѣмецкіе комментаторы причисляютъ art. 391 (ст. 55 устава)—о доказательной силѣ накладной ¹⁾, art. 393 (ст. 66)—о юридическихъ отношеніяхъ между возчикомъ и грузохозяиномъ по поводу исполненія таможенныхъ и другихъ формальностей, art. 394—о послѣдствіяхъ временнаго замедленія въ отправкѣ или перевозкѣ груза (см. объясн. къ ст. 101), artt. 402—406—о лицѣ, имѣющемъ право распоряженія грузомъ (ст. 78—112), art. 409—412—о закладномъ правѣ желѣзныхъ дорогъ на провозимый грузъ (ст. 85) и др.

Далѣе, подѣ ст. 6 не подходятъ тѣ дороги, на которыя не распространяется вообще весь Уставъ, а именно дороги, не открытыя для общаго пользованія. Если такая дорога возьмется перевезти грузъ, то она вправѣ войти въ любое соглашеніе о своей отвѣтственности. Наоборотъ, если дорога открыта для общаго пользованія, то на нее безусловно распространяется дѣйствіе 6 статьи. Поэтому, если такая дорога берется везти грузъ, котораго везти она не обязана (ст. 2), то она тѣмъ не менѣе не вправѣ ограничивать свою отвѣтственность по договору съ отправителемъ.

Значеніе шестой статьи заключается въ томъ, что она служитъ пробнымъ камнемъ для оцѣнки дѣйствительности проектированныхъ и изданныхъ нашими дорогами до и послѣ опубликованія Общаго Устава „условія перевозки“. Такимъ же пробнымъ камнемъ для нѣмецкихъ юристовъ служитъ art. 423; онъ служитъ основаніемъ для критики дѣйствующаго на нѣмецкихъ дорогахъ Betriebsreglement'a, многія статьи котораго воспроизведены въ „условіяхъ перевозки“ нашихъ дорогъ ²⁾.

¹⁾ Примѣръ модификаціи этой ст. см. ниже въ объясн. къ ст. 104 § 3.

²⁾ Строже всѣхъ къ Betriebsreglement'у отнесся извѣстный Thöl (Handelsrechtliche Erörterungen. Eisenbahnrecht und anderes Frachtrecht. Insbesondere die 23 Ungültigkeiten im Betriebsreglement für die Eisenbahnen Deutschlands. 1882).—О незаконныхъ „условіяхъ перевозки“ (существующихъ и проектированныхъ) на нашихъ дорогахъ см. ниже объясн. къ ст. 103, 98, 106, 108 и друг.

Ст. 98. Ответственность желѣзныхъ дорогъ по договору о перевозкѣ грузовъ начинается со времени заключенія сего договора (ст. 61; за дѣйствія же, совершенныя до того времени, желѣзная дорога ствѣтствуетъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ настоящемъ Уставѣ, на основаніи общихъ гражданскихъ и торговыхъ законовъ (свод. зак. т. X ч. 1 и т. XI ч. 2 уст. торгов.).

1 Договоръ перевозки.

Изъ содержанія ст. 61, 98, 102 и др. статей Устава, прежде всего видно, что нашъ законъ прямо признаетъ существованіе *договора перевозки* между желѣзною дорогою и грузохозяиномъ. Въ виду такой категорической воли законодателя къ договору желѣзнодорожной перевозки примѣняются всѣ постановленія закона о договорахъ вообще (напр. статьи 1528—1678 т. X ч. 1) и все вообще ученіе теоріи о договорахъ, насколько тому и другому не противорѣчатъ прямыя постановленія Устава.

Иначе, впрочемъ, вопросъ и по существу разрѣшенъ быть не можетъ. Даже тѣ, кто объявляетъ договоръ желѣзнодорожной перевозки „фикціей“, должны сознаться, что безъ этой „фикціи“ нельзя ступить ни шагу, что если бы договора перевозки не существовало, „il faudrait l'inventer“, что безъ этого основнаго понятія немислимо разрѣшить ту массу непредусмотрѣнныхъ законодателемъ вопросовъ, которая можетъ возникнуть на практикѣ. Къ отрицанію „договора перевозки“ обыкновенно прибѣгаютъ только въ отдѣльных случаяхъ и, разумѣется, тогда, когда это выгодно. Такъ напр., наши желѣзныя дороги прежде всѣ поголовно защищались противъ исковъ о недостаткѣ и порчѣ грузовъ тѣмъ, что *по договору* между ними и грузохозяиномъ ответственность ограничивается 5 рублями за пудъ, погашается двухмѣсячною давностью и т. п. Когда же появился проектъ барановской комиссіи о возложеніи на желѣзныя дороги полной ответственности за цѣлость грузовъ, то представители тѣхъ же дорогъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ ¹⁾ объявили, что

¹⁾ *Проектъ общаго устава* русск. желѣз. д. съ замѣчаніями XVIII съѣзда представителей русск. ж. д.

никакого договора о перевозкѣ груза по желѣзной дорогѣ не существуетъ, что это есть не болѣе какъ „фигція римскаго права“ и что, повтому, если полную отвѣтственность долженъ нести обыкновенный возчикъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ее должны нести и желѣзныя дороги. Такимъ образомъ, главное оружіе самихъ дорогъ внезапно превратилось въ „фигцію римскаго права“.

Договоръ желѣзнодорожной перевозки считаютъ „фигціей“, на томъ основаніи что дороги по закону обязаны принимать грузъ для перевозки (1 ст. Общаго Устава), а грузоотправители, съ другой стороны, *принуждены* (фактически) обращаться за этимъ къ дорогамъ и, затѣмъ, отношенія между тѣми и другими подробно регламентированы *въ самомъ законѣ, съ воспрещеніемъ частныхъ соглашеній*, въ отмѣну постановленій закона (6 ст. Общаго Устава). Но эти аргументы не убѣдительны. Обязательность вступленія въ договоръ еще не исключаетъ существованія договора. Возить обязаны не однѣ только желѣзныя дороги, но и напр., городскіе извозчики ¹⁾. Въ прежнія времена хлѣбные торговцы *обязаны* были продавать хлѣбъ и продавать его по извѣстной таксѣ. Въ наше время въ массѣ случаевъ, когда извѣстный промыселъ отдается путемъ концессіи въ монопольную эксплуатацію извѣстному лицу или обществу (напр. водопроводное дѣло, газовое освѣщеніе и т. п.), на него возлагается *обязанность* удовлетворять всѣхъ лицъ, нуждающихся въ его услугахъ. Не станемъ же мы, очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ отрицать существованіе договора между концессионеромъ, откупщикомъ, арендаторомъ оброчной статьи и т. п. и тѣми частными лицами, которыя обращаются къ его услугамъ. Въ чемъ разница хотя бы между желѣзною дорогою и ея собственнымъ буфетчикомъ? Буфетчикъ *обязанъ* имѣть опредѣленное количество продуктовъ, *обязанъ* продавать ихъ по прейсъ-куранту и, наконецъ, *обязанъ* продавать ихъ всякому желающему. Если дорога ка-

¹⁾ А по англійскому праву и всякіе вообще возчики (common carriers). См. Simon, The law relating to railway accidents, пѣм. пер. стр. 41.

зенная, то буфетчикъ несетъ эту обязанность по распоряженію правительства. Между тѣмъ, никто же не усумнится въ томъ, что у буфетчика *покупаютъ* кушанья и напитки, что съ нимъ совершаютъ договоры *купли-продажи*.

Тоже самое относится *ко многимъ сдѣлкамъ съ жизненными учрежденіями*. Учрежденія эти связаны закономъ; они не могутъ руководствоваться произволомъ при выборѣ контрагента. Они *обязаны* отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, кто предлагаетъ болѣе выгодныя условія и т. п. Однако, такой навязанный контрагентъ не перестаетъ быть контрагентомъ.

Еще менѣе убѣдителенъ второй аргументъ, а именно тотъ, что публика *вынуждена* обращаться къ услугамъ дороговъ. Да, допустимъ, что вынуждена. Но вѣдь такая же нужда заставляетъ вступать и въ множество другихъ договоровъ. Рабочій вынужденъ наниматься къ фабриканту; всякій изъ насъ сплошь да рядомъ бываетъ вынужденъ вступать въ сдѣлку съ какимъ нибудь монополистомъ, фактическимъ или юридическимъ, но сдѣлка остается договоромъ. Возвращаясь къ предъидущему примѣру, пассажиръ, очевидно, вынужденъ покупать продукты у желѣзнодорожнаго буфетчика; тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ дѣло съ куплей-продажей. Сдѣлка между кліентомъ и адвокатомъ остается договоромъ найма, хотя бы адвокатъ и былъ единственнымъ лицомъ, имѣющимъ право на веденіе судебныхъ дѣлъ въ данномъ округѣ и т. п. ¹⁾.

Наконецъ, что касается до законной регламентаціи отношеній между дорогами и публикою, то и она нисколько не исключаетъ существованія договора, потому что такой же подробной регламентаціи подвергались и подвергаются такія отношенія, въ договорномъ характерѣ которыхъ никто не сомнѣвается. Для примѣра укажу на наши новые законы объ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими, о наймѣ на сельскохозяйственныя работы и т. д.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, нѣтъ основанія считать

1) См. выше стр.

договоръ желѣзнодорожной перевозки „фикціей“, пока юридическая наука не выработала другой болѣе пригодной конструкции.

2. Заключение договора перевозки. ¹⁾

„Доказательствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, участвующихъ въ договорѣ перевозки“ служатъ накладная и ея дубликатъ (ст. 55). Документы эти служатъ *доказательствомъ* совершенія договора перевозки, но ими не обуславливается *дѣйствительность* договора; онъ можетъ существовать помимо этихъ документовъ и доказывать его существованіе и содержаніе можно другими средствами (напр. признаніемъ). Точно также содержаніе накладной (напр. обозначенный въ ней вѣсъ и т. п.), какъ и всякаго другаго домашняго акта, можетъ быть *опровергаемо и дополняемо* другими доказательствами.

Съ какого момента договоръ перевозки считается заключеннымъ?

Въ виду того, что отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ по договору перевозки, какъ увидимъ ниже, имѣетъ свои отличительныя особенности, этотъ моментъ очень важно опредѣлить.

Вопросъ этотъ категорически разрѣшается ст. 61 Устава. Изъ нея, а также изъ официальнаго объясненія къ ст. 62 ²⁾ видно, что моментомъ заключенія договора перевозки не долженъ считаться ни моментъ принятія груза на станцію вмѣстѣ

¹⁾ Необходимо замѣтить, что мыслима перевозка по желѣзной дорогѣ и безъ заключенія договора о перевозкѣ, а именно, когда на основаніи ст. 9 Устава дорога перевозитъ грузъ въ вагонахъ, принадлежащихъ самимъ отправителямъ или же ими нанятыхъ, то въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ мы можемъ имѣть дѣло не съ договоромъ перевозки, а просто съ наймомъ перевозной силы (паровоза и рабочихъ); для этого, во всякомъ случаѣ, требуется, чтобы грузъ не поступалъ вовсе въ распоряженіе дороги, а оставался въ исключительномъ вѣдѣніи служащихъ самаго отправителя (напр., почтовый вагонъ).

²⁾ *Общій Уставъ* съ изложен. бывшихъ въ госуд. совѣтѣ сужденій стр. 41.

съ подписанною отправителемъ накладною ¹⁾, ни моментъ выдачи отправителю дубликата накладной ²⁾.

„Договоръ перевозки“ считается заключеннымъ съ момента приватія станцію отправленія груза вмѣстѣ съ накладною къ *отправкѣ*. „Принятіе къ отправкѣ“, по терминологіи Устава, есть техническій терминъ. Принять грузъ отъ отправителя для перевозки не значитъ принять его „къ отправкѣ“. Согласно 49 ст. Устава, „железная дорога обязана принять всякій ввезенный на станцію и дозволенный къ перевозкѣ грузъ, хотя бы онъ и не могъ быть отправленъ въ день ввоза его на станцію. Въ семъ случаѣ принятіе груза именуется „принятіемъ его къ перевозкѣ съ обождаіемъ въ складѣ“. Въ удостовѣреніе такого принятія дорога, получивъ отъ отправителя накладную, выдаетъ ему дубликатъ накладной, но выдача дубликата въ этомъ случаѣ служитъ только удостовѣреніемъ въ принятіи груза вообще, а не въ принятіи его „къ отправкѣ“. „Принятіе къ отправкѣ“, внѣшнимъ признакомъ котораго служитъ наложеніе штампа, съ обозначеніемъ дня, мѣсяца и года, въ этомъ случаѣ наступаетъ лишь „при наступленіи очереди отправки“. Если же грузъ подлежитъ немедленному отправленію, то „принятіе къ отправкѣ“ наступаетъ „немедленно вслѣдъ за окончаніемъ сдачи товара, слѣдующаго по накладной“.

Штампъ служитъ лишь „удостовѣреніемъ“ принятія къ отправкѣ ³⁾. Онъ *долженъ* быть наложенъ на накладную, когда грузъ окончательно сданъ, или же если онъ принятъ съ обождаіемъ въ складѣ, когда наступила очередь отправки ⁴⁾. Но по

¹⁾ Какъ совершенно ошибочно думаетъ г. *Квачевскій*, Общій Уставъ съ объясн. стр. 144.

²⁾ Какъ ошибочно полагаетъ г. *Вербловскій*, Общій Уставъ съ разъяснен. Журн. гражд. и уголов. права. 1886 г.).

³⁾ Такимъ же образомъ заключеніе договора перевозки удостовѣряется и на германскихъ и австрійскихъ дорогахъ. Англійскіе суды, наоборотъ, по словамъ г. *Рутковскаго* (Англійское железнодорожное законодательство стр. 30) довольствуется словеснымъ заявленіемъ (verbal statement) агента станціи отправленія о принятіи груза.

⁴⁾ Согласно правиламъ, утвержденнымъ въ 1886 г. совѣтомъ по желѣзно-

тѣмъ или инымъ причинамъ служащіе дороги могутъ нарушить свою обязанность: штемпель можетъ быть наложенъ раньше или позже окончательной сдачи груза, раньше или позже наступленія очереди. Тотъ, кто это утверждаетъ, разумѣется, долженъ это доказать, но если это будетъ доказано, то договоръ перевозки считается заключеннымъ не съ того момента, который значится на штемпелѣ, а съ момента дѣйствительнаго окончанія сдачи товара или съ момента дѣйствительнаго наступленія очереди. Впрочемъ, необходимо допустить одно исключеніе, а именно — если грузъ *отправленъ* раньше наступленія очереди, то дорога всегда отвѣчаетъ за вредъ, случившійся въ пути, по договору перевозки, потому что, если въ данномъ случаѣ „принятіе къ отправкѣ“ и послѣдовало съ нарушеніемъ порядка очередей, то на такое нарушеніе дорога, въ силу ст. 5 Устава (объ отвѣтственности за служащихъ) не вправѣ ссылаться ¹⁾.

3. Отвѣтственность за вредъ, случившійся до заключенія договора перевозки.

За такой вредъ дорога, въ силу ст. 98 (ср. ст. 102), отвѣтствуетъ „за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ настоящемъ Уставѣ, на основаніи общихъ гражданскихъ и торговыхъ законовъ“.

Другими словами, прежде всего, къ этой отвѣтственности не примѣняется ни одно изъ тѣхъ постановленій Устава, которыя относятся къ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по договору перевозки. Постановленія эти, какъ видно изъ самаго порядка помѣщенія статей и ихъ содержанія и, какъ будетъ доказано ниже, суть ст. 99, 102—113 и др. Практическая важность этого вывода ясна сама собою, хотя

дорожнымъ дѣламъ штемпель налагается и на дубликатъ, если отправитель явится въ день погрузки; если онъ явится позже, то на дубликатъ дѣлается простая помѣтка (*Указатель* мин. пут. сообщ. 1886 г. № 9).

¹⁾ Такъ какъ договоръ перевозки считается заключеннымъ только съ момента „принятія къ отправкѣ“, то и провозная плата должна быть исчислена по тарифу, дѣйствовавшему въ этотъ, а не въ болѣе ранній моментъ.

вполнѣ понятно она можетъ стать лишь изъ моихъ объясненій къ слѣдующимъ статьямъ Устава. Ограничусь здѣсь немногими указаніями. Если поврежденіе или утрата груза произошла до заключенія договора перевозки, то: а) непримѣнима 102 ст. съ ея строгою, почти абсолютною отвѣтственностью; б) нѣтъ солидарной отвѣтственности между участвовавшими въ перевозкѣ дорогами (ст. 99), а отвѣчаетъ только дорога отправленія; в) размѣръ отвѣтственности опредѣляется не на основаніи 107 — 109 ст. Устава, а единственно на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ (684, 671, 673 и другія статьи т. X ч. 1); г) приемъ груза отъ дороги безъ провѣрки (103 ст. Устава) не погашаетъ претензіи о вознагражденіи за такой вредъ и т. д.

Что все это выводы совершенно правильные, это подтверждаетъ, между прочимъ, и наша кассационная практика. Въ рѣшеніи сената 1880 г. № 131 (по д. главнаго общества российск. желѣзн. дорогъ съ компаніей „Надежда“) признано, что сокращенный срокъ давности, установленный французскимъ кодексомъ для исковъ, обращенныхъ къ возчику и введенный у насъ только Общимъ Уставомъ, непримѣнимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сданный возчику грузъ вовсе не былъ имъ отправленъ, т. е. пропалъ на станціи отправленія. Насколько этотъ выводъ сената специально по вопросу о давности можетъ быть примѣненъ къ нашему Уставу, это мы оставимъ пока въ сторонѣ. Для насъ важно то, что и сенатъ нашъ различаетъ отвѣтственность возчика по договору перевозки и отвѣтственность его же по другимъ основаніямъ, хотя въ буквальной текстѣ кодекса ничего объ этомъ не говорится ¹⁾.

То же различіе находимъ и въ прежнихъ „условіяхъ перевозки“ нашихъ дорогъ, и въ „правилахъ перевозки“ (Betriebsreglement) германскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ до-

¹⁾ Code de Commerce art. 108: „Toutes actions contre le commissionnaire et le voiturier, à raison de la perte ou de l'avarie des marchandises sont prescrites après six mois“ etc.

рогъ (§ 64), которыя устанавливають отвѣтственность дороги по договору перевозки лишь съ момента наложенія штемпеля на накладной. За вредъ, случившійся до этого момента, дороги не отвѣчаютъ по договору перевозки, хотя и приняли грузъ. Оправдать это можно тѣмъ, что пока дорога не приступила еще къ перевозкѣ груза, пока онъ хранится еще на станціи, контроль отправителя надъ дѣйствіями дороги возможенъ, а слѣдовательно и отвѣтственность можетъ быть мягче.

За вредъ, случившійся до заключенія договора перевозки, какъ видно изъ буквальныхъ выраженій ст. 100 („на храненіе впредь до наступленія очереди“) и 50, дорога отвѣчаетъ *по договору перевозки* (2105 ст. т. X, т. е. она обязана употреблять къ сбереженію груза „отъ всякаго поврежденія, утраты, пропажи и похищенія *такое же стараніе, какъ о собственномъ имуществѣ*“). Это не особенно обезпечиваетъ хозяевъ груза, потому что „о собственномъ своемъ имуществѣ“ дороги наши, въ надеждѣ на правительственную гарантію, заботятся не всегда особенно усердно. (Однако, необходимо замѣтить, что: а) въ виду ст. 5 Устава, индивидуальный масштабъ усердія того или другаго служащаго въ расчетъ взять быть не можетъ. б) самъ законъ возлагаетъ на дороги рядъ обязанностей по храненію грузовъ (законъ 11 февраля 1883 г., 45 ст. Устава и др.), неисполненіемъ которыхъ дорога *никогда* извиняться не можетъ, и в) хорошо было бы и то, если бы о хранимыхъ на станціи отправленія грузахъ заботились не менѣе, чѣмъ „о собственномъ имуществѣ“, потому что, напр., собственныхъ грузовъ, подверженныхъ порчѣ, дорога не станетъ сваливать прямо на землю подъ открытымъ небомъ, что у насъ практикуется нерѣдко съ грузами несобственными).

До изданія Общаго Устава храненіе грузовъ до ихъ отправки составляло одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Беззаботное отношеніе къ такимъ грузамъ не только практиковалось, но и возводилось въ общее правило, такъ какъ дороги прямо объявляли себя не-

отвѣтственными за цѣлость такихъ грузовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, причемъ, однако, съ артелей взыскивалось во всѣхъ случаяхъ (см. напечат. *контрактъ* правленія гразе - царицынской желѣзной дороги съ артелью § 18).

Беря на выдержку условія перевозки по *динабургско-витебской* желѣзной дорогѣ, находимъ, напр., § 109: „дорога ни въ какомъ случаѣ не отвѣтствуетъ за порчу или уменьшеніе цѣнности или же истребленіе товаровъ пожаромъ или другимъ происшествіемъ ¹⁾ во время храненія ихъ на станціяхъ“. Въ виду существованія подобныхъ правилъ возникаетъ вопросъ объ ихъ дѣйствительности (въ смыслѣ, разумѣется, договорныхъ соглашеній) послѣ изданія Общаго Устава. Хотя 6 ст. Устава воспрещаетъ только такія соглашенія, которыя клонятся „къ измѣненію отвѣтственности, возлагаемой на желѣзныя дороги постановленіями настоящаго устава“, а не общими гражданскими и торговыми законами, какъ въ данномъ случаѣ (98 ст.), но въ виду изложеннаго трудно допустить ограничительное толкованіе этой (6) статьи.

Необходимо замѣтить еще, что и съ формальной стороны отношеніе дорогъ къ хранимымъ до отправки грузамъ до изданія Общаго Устава имѣло другой характеръ, чѣмъ теперь, потому что тогда дорога до отправки груза не выдавала вовсе отправителю документа, носящаго характеръ обязательства. Ему выдавался только такъ назыв. пропускъ на ввозъ на станцію и складъ заявленнаго товара, и лишь при наступленіи очереди ему выдавался ордеръ, послѣ чего только онъ и получалъ квитанцію. Теперь же квитанція (дубликатъ накладной) выдается тотчасъ по принятіи товара и это не можетъ не вліять на отвѣтственность.

¹⁾ Проектъ правилъ о приѣмѣ грузовъ на станціяхъ, выработанный особою комиссією, составленною изъ представителей дорогъ II и III группъ и послужившій основаніемъ закону 1883 г., возлагалъ на дороги отвѣтственность лишь „за число мѣсгъ, примѣрный вѣсъ груза и подмочку снизу“ (ст. 14).

4. Onus probandii.

Мы видѣли, что отвѣтственность дороги будетъ различная, смотря по тому, когда произошли утрата или поврежденіе груза, до или послѣ заключенія договора перевозки. Спрашивается теперь, кто обязанъ доказать время поврежденія или утраты груза, истецъ или отвѣтчикъ (дорога)? Бываютъ, конечно, случаи, когда споръ объ этомъ и не возникаетъ на судѣ ¹⁾, напр., если грузъ взятъ обратно отправителемъ на станціи отправленія или по признанію самой дороги на той же станціи сгорѣлъ, похищенъ и тому подобное. Но если бы такой вопросъ возникъ, то, мнѣ кажется, онъ долженъ быть разрѣшенъ въ зависимости отъ того, заключенъ ли былъ договоръ перевозки, или же, если онъ не былъ заключенъ, то приступлено ли было къ перевозкѣ груза или нѣтъ; то и другое легко можетъ быть установлено истребованіемъ желѣзнодорожныхъ документовъ (накладной, дорожной вѣдомости и т. д.). Если договоръ перевозки заключенъ или перевозка началась, то истецъ, утверждаетъ ли онъ, что вредъ произошелъ до этого или послѣ этого (и то и другое можетъ быть выгодно для истца, какъ видно изъ того, что сказано въ предъидущемъ §) *не обязанъ доказывать ни того, ни другого*. Это оправдывается, по моему мнѣнію, слѣдующимъ: а) на практикѣ доказать время утраты или поврежденія дорогѣ-отвѣтчикѣ всегда легче, чѣмъ истцу; б) искъ къ дорогѣ основанъ на *двухъ* договорахъ: поклажи и перевозки; чтобы воспользоваться какимъ нибудь возраженіемъ, истекающимъ изъ договора перевозки, дорога, очевидно, обязана доказать раньше, что ею исполненъ договоръ поклажи, т. е. что грузъ поврежденъ или утраченъ не во время храненія его на станціи отправленія. Наоборотъ, если дорога прибѣгаетъ къ такимъ возраженіямъ, которыя допустимы лишь со стороны поклажепринимателя, то она должна доказать, что вредъ произошелъ во время храненія груза до его отправки.

¹⁾ Устраненію такихъ споровъ будетъ способствовать ст. 88 устава.

Ст. 99. При участіи въ перевозкѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ (перевозка прямого сообщенія) отвѣтственными признаются: дорога отправленія, дорога назначенія и дорога, виновная въ причиненіи вреда. Выборъ одной изъ сихъ дорогъ для предъявленія требованій, вытекающихъ изъ договора перевозки, зависитъ отъ усмотрѣнія лица, имѣющаго право распоряженія грузомъ. Дѣйствіе сего правила не распространяется на случай, означенный въ ст. 76.

1. Солидарная отвѣтственность.

Въ силу 99 статьи отвѣтственными за цѣлость груза являются не одна только дорога, вступившая первоначально въ договоръ съ отправителемъ, но и двѣ другія и, притомъ, по выбору хозяина груза каждая несетъ отвѣтственность во всей цѣлости, а не въ части, другими словами, *отвѣтственность солидарную*.

Солидарная отвѣтственность въ данномъ случаѣ вытекаетъ изъ самаго характера договора перевозки. Прежде всего, въ договоръ этотъ считаются вступившими не одна только дорога отправленія, но и всѣ другія дороги, участвовавшія въ перевозкѣ груза. Каждая изъ нихъ, принявъ грузъ съ накладною, хотя бы и не изъ рукъ самого отправителя, а чрезъ посредство другой дороги, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя исполненіе по договору перевозки. Начало это, относящееся, разумѣется, не къ однимъ желѣзнымъ дорогамъ, но и ко всѣмъ возчикамъ, слѣдующимъ образомъ выражено въ нѣмецкомъ торговомъ кодексѣ: „каждый возчикъ, принимая грузъ съ первоначальною накладною отъ другаго возчика, тѣмъ самымъ вступаетъ въ договоръ перевозки согласно условіямъ этой накладной, принимаетъ на себя самостоятельное обязательство исполнить перевозку согласно содержанію накладной и, наконецъ, отвѣчаетъ и за предъидущихъ возчиковъ въ отношеніи уже исполненной ими части перевозки“. (Art. 401). Если всѣ возчики суть контрагенты или должники хозяина груза, то понятно, что они должны быть должниками солидарными.

Изъ общаго ученія о договорахъ извѣстно, что, когда предметъ договора является нераздѣльнымъ, то и отвѣтственность по договору можетъ быть только солидарною. Это на-

чало неоднократно было признаваемо и нашею кассационною практикою (см. напр. рѣш. 1870 г. № 1879, 1871 г. № 1218, 1872 г. №№ 405, 1034, 1873 г. № 392 и др.).

Между тѣмъ, предметомъ договора перевозки именно и служить нѣчто нераздѣльное: доставка груза въ цѣлости на мѣсто назначенія. Частичное исполненіе этого договора для хозяина груза не имѣетъ вовсе цѣнности, или же цѣнность эта слишкомъ мала или, наконецъ, не можетъ быть опредѣлена. Отсюда отвѣтственность по договору перевозки по необходимости должна быть солидарною. Это признано и нашимъ кассационнымъ сенатомъ, который въ рѣшеніи 1882 г. № 4 призналъ, что при участіи въ перевозкѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, *всѣ онѣ отвѣчаютъ солидарно за исполненіе договора* ¹⁾.

Общій Уставъ только *ограничилъ* это положеніе, вытекающее изъ существа договора перевозки, освободивъ отъ отвѣтственности по примѣру нѣмецкаго законодательства (торговый кодексъ art. 429) всѣ дороги, за исключеніемъ трехъ, указанныхъ въ ст. 99. Что касается этихъ дорогъ, то онѣ, какъ уже сказано, отвѣчаютъ солидарно, какъ другъ за друга, такъ и за всѣ прочія дороги. Хотя въ ст. 99 прямо и не сказано, что онѣ отвѣчаютъ „солидарно“, но это вытекаетъ изъ содержанія 99 статьи и, наконецъ, въ ст. 130 Устава прямо встрѣчаемъ и это выраженіе („иски желѣзныхъ дорогъ другъ къ другу, возникающіе *изъ солидарной ихъ отвѣтственности за перевозку грузовъ*“ и т. д.) ²⁾.

¹⁾ Странно, что французскій кассационный судъ, повидимому, отвергаетъ или отвергалъ прежде этотъ принципъ. Въ одномъ рѣшеніи, приведенномъ у Бланша (Blanche, Jurisprudence des chemins de fer 1866 стр. 166), кассационный судъ призналъ, что, за исключеніемъ дороги отправленія, всѣ дороги отвѣчаютъ только тогда, *когда доказана ихъ вина*. Мотивъ этого рѣшенія тотъ, что возчикъ (commissionnaire intermédiaire), принимая грузъ отъ другого возчика, не имѣетъ возможности провѣрять въ это время состояніе груза. Очевидно, что этотъ мотивъ, такъ сказать, вовсе не относится къ дѣлу, потому что если бы дорога и убѣдилась вполнѣ въ томъ, что грузъ переданъ ей въ поврежденномъ видѣ, то и въ этомъ случаѣ она обязана его принять, а слѣдовательно и отвѣчать за него согласно накладной.

²⁾ Такимъ образомъ, мнѣніе г. *Осецкаго* (Смерть и увѣчье при эксплоа-

„Солидарное обязательство“, возникающее изъ договора перевозки, имѣетъ всѣ свойства такого обязательства, извѣстныя изъ общей теоріи гражданскаго права. Содержаніе *этого* обязательства опредѣляется *единственно* накладною и ея дубликатомъ (ст. 55 Устава), напр., при разрѣшеніи вопроса о количествѣ и качествѣ принятаго къ перевозкѣ груза, о времени заключенія договора (ст. 61) и т. д. Хотя въ ст. 55 (ср. ст. 61) и сказано только, что накладная и дубликатъ служатъ *„доказательствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, участвующихъ въ договорѣ перевозки“*, но въ отношеніи ко всѣмъ дорогамъ кромѣ дороги отправленія это доказательство вмѣстѣ съ тѣмъ является и *единственнымъ* доказательствомъ, такъ какъ всѣ эти дороги не имѣютъ дѣла съ самимъ отправителемъ, а вступаютъ въ договоръ лишь путемъ принятія накладной, а слѣдовательно для нихъ договоръ воплощается въ накладной; никакія соглашенія отправителя съ дорогою отправленія, не выраженные въ накладной, другихъ дорогъ не касаются. Затѣмъ, съ другой стороны, хозяину груза нѣтъ дѣла до тѣхъ оговорокъ, съ какими одна дорога принимаетъ его грузъ отъ другой, хотя бы эти оговорки и внесены были въ накладную, такъ какъ содержаніе обязательства опредѣляется только *первоначальнымъ содержаніемъ накладной*.

Содержаніе обязательства опредѣляется, далѣе, тѣми законами, которые дѣйствовали *во время и съ мѣсто отправленія груза*. Значить, напр., если грузъ идетъ въ намъ изъ Германіи, то юридическія отношенія сторонъ опредѣляются германскимъ закономъ, если въ накладной нѣтъ ссылокъ на наши

таціи желѣзныхъ дорогъ стр. 101) по этому предмету ничѣмъ не оправдываются. Замѣчу кстати, что предлагаемое г. Осецкимъ средство для восполненія пробѣла въ законѣ (распространеніе по аналогіи 116 статьи Устава, касающейся *взаимной* ответственности дорогъ другъ предъ другомъ на ответственность дорогъ *предъ третьими лицами*), явно ошибочно, потому что эти двѣ области не имѣютъ ничего общаго между собою: солидарные должники другъ предъ другомъ *ipso jure* ответственны лишь въ части (Code Napoleon art 1213) и наоборотъ, такъ что тутъ аналогія совсѣмъ неумѣстна.

законы и условія перевозки нашихъ дорогъ. Въ послѣднемъ случаѣ примѣняются наши законы и условія перевозки, если событіе, служащее основаніемъ отвѣтственности, случилось у насъ.

Изъ общей теоріи солидарныхъ обязательствъ слѣдуетъ само собою, что обязанности всѣхъ отвѣтственныхъ дорогъ могутъ быть уменьшены или совсѣмъ погашены такимъ дѣйствіемъ или упущеніемъ грузохозяина, которое относится къ одной только изъ нихъ, хотя бываютъ и такія сдѣлки съ одною дорогою, которыя по самому содержанію своему не должны простираются на другія дороги.

Изъ природы солидарныхъ обязательствъ слѣдуетъ далѣе, что хозяинъ груза *во всякое время* вправе привлечь къ отвѣтственности каждую изъ указанныхъ въ ст. 99 дорогъ порознь или же по желанію—*всѣ вмѣстѣ*. Значить, если, согласно 121 и слѣд. статей Устава, хозяинъ груза обратился съ заявленіемъ о выдачѣ вознагражденія и т. п. къ одной дорогѣ, то это не лишаетъ его права впослѣдствіи перемѣнить свой выборъ и требовать вознагражденіе отъ другой дороги. Что же касается до права привлекать къ отвѣтственности не одну только, а всѣ или нѣсколько дорогъ, то и это право вытекаетъ изъ самаго существа солидарнаго обязательства. Если за векселедержателемъ признается право предъявлять искъ одновременно ко всѣмъ должникамъ по векселю, то, очевидно, такое же право должно признавать и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда имѣется нѣсколько солидарно отвѣтственныхъ лицъ. 128 ст. Устава, допускающая предъявленіе иска „или къ дорогѣ отправления, или къ дорогѣ назначенія, или къ дорогѣ, на которой произошли утрата или поврежденіе“, нисколько этому не противорѣчитъ, такъ какъ изъ ссылки на эту статью, содержащейся въ ст. 126 Устава, ясно, что 128 ст. допускаетъ и одновременное предъявленіе иска „къ нѣсколькимъ желѣзнымъ дорогамъ“.

Интересно недавно состоявшееся рѣшеніе петербургскаго столичнаго сѣзда мировыхъ судей, которымъ опредѣлено: дѣло по иску, предъявленному солидарно къ двумъ дорогамъ,

за неправильнымъ предъявленіемъ иска, *производствомъ прекратить* (?).

2. За что дороги отвѣчаютъ солидарно?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ предыдущаго. Солидарная отвѣтственность вытекаетъ изъ договора перевозки. Въ ст. 99 прямо сказано, что она относится къ требованіямъ, „вытекающимъ изъ договора перевозки“. Отсюда ясно, что 99 статья не примѣняется къ такимъ требованіямъ, основаніемъ которыхъ служитъ не договоръ перевозки, а другой договоръ (договоръ поклажи — ст. 98, договоръ комисіи — ст. 66) или самъ законъ. Это подтверждаютъ статьи 100—101 Устава (см. ниже), которыя возлагаютъ отвѣтственность за отказъ въ пріемѣ груза и за нарушеніе порядка очередей лишь на дорогу, „отказавшую въ пріемѣ груза“ или „нарушившую очередь отправки“. По той же причинѣ ст. 99 не должна относиться къ требованіямъ о возвратѣ переборовъ, такъ какъ основаніемъ такихъ требованій служитъ не договоръ перевозки, а то общее начало, что никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ безъ законнаго основанія (609 ст. X т. ч. 1).

Послѣднему выводу, однако, противорѣчатъ мотивы къ статьямъ 127, 128 (см. офиц. изд. стр. 99), изъ которыхъ видно, что 128 ст., составляющая процессуальное дополненіе къ ст. 99, относится и къ искамъ о возвратѣ переборовъ ¹⁾. Это одна изъ тѣхъ „юридическихъ вольностей“ (*licentia juridica*), которыхъ въ Уставѣ болѣе, чѣмъ достаточно и которыя, разумѣется, всего менѣе подлежатъ распространительному толкованію.

3. „Виновная дорога“.

Что такое дорога отправления или назначенія—это понятно всякому. По поводу же третьяго разряда дорогъ, ука-

¹⁾ „При уtratѣ, поврежденіи, или промедленіи въ доставкѣ грузовъ, а также въ случаяхъ переборовъ за ихъ перевозку для отправителя . . . всего удобнѣе предъявить свою претензію по мѣсту отправки, а для получателя наиболѣе выгоднымъ представляется мѣсто назначенія посланнаго ему товара“.

заннаго въ ст. 99, слѣдуетъ замѣтить, что ст. 99 говоритъ о дорогѣ, „виновной въ причиненіи вреда“, а ст. 128 говоритъ о дорогѣ, „на которой *произошли* „утрата или поврежденіе груза или багажа“, что не одно и то же. Предпочтенія заслуживаетъ послѣдняя редакція ¹⁾, принятая и въ германскомъ законѣ (art. 429 кодекса), такъ какъ доказать „виновность“ вообще труднѣе, чѣмъ доказать то, что вредъ *произошелъ* на извѣстной дорогѣ. Если же предпочесть первую редакцію, то „виновными *въ причиненіи вреда*“ могутъ быть и нѣсколько дорогъ. 116 и 117 статьи Устава прямо предусматриваютъ случаи, когда „ущербъ произошелъ по винѣ нѣсколькихъ дорогъ“, „просрочка произошла по винѣ нѣсколькихъ дорогъ“.

Въ этихъ случаяхъ, когда оказывается нѣсколько виновныхъ дорогъ, каждая изъ нихъ можетъ быть привлечена къ отвѣтственности за всѣ другія. Это вытекаетъ изъ общаго принципа солидарной отвѣтственности по договору перевозки.

Ст. 100. Въ случаѣ неправильнаго отказа въ принятіи груза къ перевозкѣ, или на храненіе впредь до наступленія очереди отправки (ст. 49), отказавшая въ приѣмъ груза желѣзная дорога обязана заплатить отправителю за каждые двадцать пять пудовъ (брутто) (вѣсъ груза съ упаковкой) а равно за грузъ меньшаго вѣса, тройную суточную наемную плату ломоваго извозчика, не входя въ разсмотрѣніе того, былъ ли грузъ доставленъ на станцію на лошадаяхъ, или другимъ способомъ. Отправителю не возбраняется отказаться отъ этого вознагражденія и искахъ съ желѣзной дороги убытки, понесенные отъ доставки груза на станцію и обратнаго его отвоза, въ общеустановленномъ гражданскими законами порядкѣ.

Примѣчаніе. Размѣръ суточной платы ломоваго извозчика (ст. 100) опредѣляется особо для каждой станціи инспекторомъ дороги.

1. Ratio legis.

Едва ли не самое практическое объясненіе ст. 100 и подобныхъ ей постановленій въ иностранныхъ законодательствахъ заключается въ томъ, что, еслибы дороги не были обязаны принимать грузъ для перевозки, то онѣ имѣли бы весьма легкій способъ обойти законъ, воспреещающій *нарушеніе очердей въ отправкѣ грузовъ* (ст. 101).

¹⁾ См. ниже объясн. къ ст. 102.

Нарушеніе очереди и всяческое предпочтеніе, оказываемое однимъ отправителямъ предъ другими, это—явленіе часто встрѣчающееся и, поэтому, практически важное. Наоборотъ, отказъ отъ перевозки груза *самъ по себѣ* составлялъ бы явленіе крайне рѣдкое и не заслуживалъ бы вниманія законодателя.

Ст. 100, однако, не ограничивается санкціонированіемъ обязательной *перевозки*; она санкціонируетъ также обязательный приемъ подвозимыхъ грузовъ на съездъ впредъ до отправки (ст. 49). Въ Германіи и Австріи законъ (art. 422 кодекса) прямо освобождаетъ желѣзныя дороги отъ такой обязанности. Но сами дороги пошли далѣе закона и приняли на себя эту обязанность (*Betriebsreglement* 1874 г. § 55).

При нашей дальности разстояній, при рѣдкости у насъ населенія, при отсутствіи частныхъ складочныхъ магазиновъ по близости отъ большинства нашихъ станцій, нашъ законъ, очевидно, не могъ пойти вслѣдъ за нѣмецкимъ. Еще въ 1869 году, послѣ командировки гр. Бобринскаго, у насъ вмѣнено было въ обязанность дорогамъ принимать всѣ подвозимые гужемъ къ станціи грузы. Эта обязанность, очевидно, часто нарушалась, что и привело къ необходимости ее санкціонировать.

2. Неправильный отказъ въ принятіи груза.

Отказъ въ принятіи груза называется неправильнымъ тогда, когда онъ противорѣчитъ тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены на желѣзныя дороги статьями 1 и 49 Устава, и не оправдывается ни одною изъ причинъ, указанныхъ въ ст. 2.

Согласно статьѣ 1 „перевозка пассажировъ, багажа, почтъ и грузовъ составляетъ обязанность каждой *открытой для пассажирскаго и товарнаго движенія желѣзной дороги*“. Подчеркнутыя мною слова неточны. „Для товарнаго движенія“ открыты вѣдъ и тѣ дороги, которыя учреждены для какихъ либо частныхъ надобностей (подвозные пути къ фабрикамъ, заводамъ, угольнымъ шахтамъ и т. п.) и на которыя, разумѣется, постановленіе 1 статьи не распространяется. Соб-

ственно говоря, не „открытыми для товарнаго движенія“ можно считать однѣ только строящіяся дороги, хотя бы на нихъ и производилась уже перевозка строительнаго матеріала и рабочихъ, и дороги, открытыя для исключительныхъ надобностей государства (военныя дороги). Было бы, поэтому, правильнѣе повторить въ 1 статьѣ выраженіе, употребленное въ 1 пунктѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 12 іюня 1885 года, въ которомъ постановлено, что Общій Уставъ распространяется на всѣ „открытыя для общаго пользованія“ дороги.

Само собою разумѣется, что дороги, открытыя для одного товарнаго движенія, не обязаны перевозить пассажировъ и наоборотъ. По этому поводу необходимо замѣтить, что какъ ст. 1, такъ и вообще всѣ постановленія Общаго Устава, уже по самому содержанію своему, не могутъ относиться къ *конножелезнымъ* дорогамъ, по крайней мѣрѣ, къ городскимъ.

Далѣе, за ст. 1 идетъ ст. 49, которая обязываетъ дорогу принимать грузъ, „хотя бы онъ и не могъ быть отправленъ въ день ввоза его на станцію“.

Въ ст. 2, повидимому, указаны случаи, когда дорога вообще вправе отказать *отъ* *пріемъ* груза не только для немедленной перевозки, но и на храненіе впредь до перевозки. Между тѣмъ, въ силу 2 пункта этой статьи, дорога вправе отказать въ *пріемъ* груза, „если перевозка пассажировъ или грузовъ *пріостановлена* по распоряженію правительства, или же вслѣдствіе какого либо чрезвычайнаго событія, или дѣйствіемъ непреодолимой силы“. Очевидно, что эти обстоятельства мѣшаютъ лишь *немедленной перевозкѣ* грузовъ, а не *принятію* ихъ для перевозки „съ *обождаіемъ* въ складѣ“. Ст. 48 освобождаетъ дорогу отъ этой обязанности лишь „въ случаѣ *заполненія* всѣхъ отведенныхъ для склада груза площадей“. Въ этомъ случаѣ „управленію дороги предоставляется, съ разрѣшенія инспектора оной, *пріостанавливать* временно ввозъ грузовъ на подлежащую станцію, впредь до освобожденія существующихъ или приспособленія новыхъ площадей“. Такимъ образомъ мнѣ кажется, что отказъ въ *пріемъ* груза,

мотивуемый 2 пунктомъ 2 статьи (снѣжными заносами, порчею моста, поврежденіемъ пути, мобилизаціею войскъ и т. п.), все таки будетъ „неправильный“ (ст. 100), если дорога не соблюла условій, предписанныхъ въ ст. 48—49.

Независимо отъ этого, отказъ будетъ „неправильный“, если поврежденіе пути и т. п. случилось по винѣ самой дороги.

По поводу 1 пункта 2 статьи необходимо замѣтить, что дорога вправе отказать въ приѣмъ груза не только тогда, когда отправитель „не согласится подчиниться условіямъ перевозки, опредѣленнымъ въ *настоящемъ Уставѣ*“, но и тогда, когда онъ не подчинится тарифамъ (ст. 68 Устава) и условіямъ перевозки самой дороги, хотя бы и не утвержденнымъ правительствомъ, но не противорѣчащимъ закону и спеціально ст. 6 Устава (см. выше). Независимо отъ этого, самъ Уставъ предусматриваетъ рядъ постановленій, которыя должны быть изданы въ дополненіе и развитіе его собственныхъ постановленій и, очевидно, столь же обязательны для отправителя ¹⁾).

„Отказомъ въ приѣмъ груза“, предусмотрѣннымъ въ ст. 100, не будетъ отказъ одной дороги въ приѣмъ груза отъ другой, хотя въ статьѣ 100 и подчеркнуто, что не надобно входить въ разсмотрѣніе того, былъ ли грузъ доставленъ на станцію на лошадяхъ *или другимъ способомъ*“. Это ясно уже изъ практической цѣли закона (см. § 1).

Ни подъ одинъ изъ пунктовъ 2 ст. не подходитъ отказъ въ приѣмъ грузовъ *малоцѣнныхъ*. Въ конвенціи нашихъ дорогъ 1 группы изд. 1871 г. находимъ правило, по которому къ перевозкѣ не принимаются „малоцѣнные предметы, какъ-то дернъ, земля и глина простая, песчаникъ, гранитъ, сѣно

¹⁾ По нѣмецкому закону (въ упомянутомъ выше art. 422) дорога не обязана принимать грузъ, „если отправитель не подчинится дѣйствующимъ и опубликованнымъ распоряженіямъ управленія дороги (den allgemein geltenden Anordnungen der Bahnverwaltung) относительно провозной платы, порядка сдачи грузовъ къ отправленію и другихъ предоставленныхъ усмотрѣнію дорогъ условій перевозки“.

и солома непресованныя, дрова и проч.“ (ст. 73). Само собою разумѣется, что послѣ изданія Устава отказъ въ приѣмѣ этихъ грузовъ будетъ неправиленъ и подвергнетъ дорогу взысканію (ст. 100).

3. Размѣръ вознагражденія.

Вознагражденіе по ст. 100 носитъ двойственный характеръ, смотря по желанію отправителя. Дорога по его желанію обязана уплатить ему опредѣленный *штрафъ*, хотя бы онъ и не понесъ никакихъ убытковъ. Если же онъ отказывается отъ этого штрафа, то онъ вправе требовать возмѣщенія убытковъ, но не всякихъ, а только такихъ, которые понесены имъ „отъ доставки груза на станцію и обратнаго его отвоза“ ¹⁾.

Въ проектѣ комисіи гр. Баранова отправителю предоставлялось право вообще отыскивать „убытки“. Но противъ этого возстали и XVIII съѣздъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ и, вслѣдъ затѣмъ, государственный совѣтъ. Съѣздъ находилъ, что въ такой редакціи статья „даетъ лишь возможность разнымъ ходатаямъ по дѣламъ побуждать нѣкоторыхъ грузоотправителей къ началію неправильныхъ процесовъ“ ²⁾. Государственный же совѣтъ, не упоминая особо о „ходатаяхъ“, нашелъ, что редакція проекта способствовала бы „вчинанію безнадежныхъ исковъ“ и, слѣдовательно, „непроизводительнымъ затратамъ“, такъ какъ „согласно толкованію дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній, твердо установившемуся въ нашей судебной практикѣ, суды никогда

¹⁾ Необходимо, кстати, замѣтить, что въ Уставѣ остался непредусмотрѣннымъ другой случай, когда грузоозяинъ несомнѣнно вправе потребовать возмѣщенія тѣхъ же убытковъ. Это именно случай, когда подводы наняты и приведены не для сдачи груза, а для приѣма его отъ станціи назначенія, а между тѣмъ дорога безъ основанія замедляетъ выдачу или грузъ оказывается даже не прибывшимъ, не смотря на полученное грузоозяиномъ письменное извѣщеніе (ст. 79—80). Изъ молчанія Устава, конечно, нельзя выводить, что дорога въ этомъ случаѣ никакой ответственности подвергнута быть не можетъ.

²⁾ *Замѣчанія* на проектъ стр. 155.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

не присуждаютъ убытковъ побочныхъ или предположительныхъ, а лишь убытки, непосредственно нанесенные дѣйствіемъ отвѣтчика ⁴⁾). Насколько рациональна такая практика, — вопросъ другой.

Ст. 101. Желѣзная дорога, нарушившая очередь отправки (ст. 51), обязана уплатить отправителю за каждыя сутки вознагражденіе въ пѣтерномъ размѣрѣ платы, взимаемой на основаніи правилъ о дополнительныхъ сборахъ за храненіе грузовъ по истеченіи льготнаго срока для принятія прибывшихъ грузовъ.

1. Ratio legis.

Обязанность отправлять грузы съ соблюденіемъ очереди, какъ и обязанность принимать грузы къ перевозкѣ, сама по себѣ не вытекаетъ изъ договора перевозки, а установлена законодателемъ въ интересахъ общественной пользы, въ виду той крупной экономической неурядицы, къ которой можетъ привести и приводилъ на дѣлѣ произволъ желѣзнодорожныхъ управленій въ порядкѣ отправленія грузовъ. До изданія Общаго Устава у насъ успѣли обнаружиться довольно многочисленные злоупотребленія въ этой области, что отчасти облегчалось большимъ скопленіемъ грузовъ на нашихъ станціяхъ. Нарушеніе порядка очередей у насъ практиковалось подъ видомъ учрежденія желѣзнодорожными управленіями различныхъ „коммисіонерствъ“, подъ предлогомъ разныхъ мнимохозяйственныхъ соображеній (напр., для облегченія обмѣна вагоновъ) и т. п.

Устраненіе этихъ злоупотребленій составило одну изъ задачъ коммисіи гр. Баранова. Мало было выразить въ законѣ обязательный для желѣзныхъ дорогъ принципъ (ст. 51). Требовалось еще его санкціонировать, что и сдѣлано въ ст. 211 проекта устава (ст. 101 Устава) объ отвѣтственности за нарушеніе очереди отправки — въ видѣ особаго штрафа въ пользу отправителя, что, въ виду той же нашей судебной практики

⁴⁾ *Официалн. изд.* стр. 69.

по дѣламъ о возмѣщеніи убытковъ, нельзя не признать практичною мѣрою.

Противъ этой мѣры возражали представители нашихъ дорогъ (XVIII съѣздъ). Они находили, что отвѣчать за нарушение очереди дорога должна только тогда, когда это нарушение повело къ *несоблюденію сроковъ доставки*, т. е. другими словами, что дорога вовсе не должна отвѣчать за одно нарушение очереди. Иначе—эта мѣра, по мнѣнію гг. представителей, „могла бы подать поводъ къ сдѣлкамъ со стороны отправителей съ низшими станціонными агентами“.

„Низшіе станціонные агенты“, однако, не оказали должнаго воздѣйствія на государственный совѣтъ и статья, проектированная комиссіею гр. Баранова, не была имъ отвергнута.

За нарушение очереди нѣмецкій законъ (цитиров. art. 422 кодекса) обязываетъ желѣзную дорогу возмѣстить *всю* убытки, понесенные грузохозяиномъ, напр. убытки, понесенные имъ отъ конкуренціи другаго отправителя, которому это нарушение помогло ранѣе доставить свой товаръ на рынокъ ¹⁾. У насъ, разумѣется суды такихъ убытковъ не признаютъ. Въ этомъ смыслѣ штрафъ, назначенный за нарушение очереди ст. 101, является вполне цѣлесообразнымъ. Коммисія гр. Баранова предполагала поставить размѣръ этого штрафа въ зависимость отъ провозной платы (какъ при несоблюденіи сроковъ доставки). Это поставило бы лицъ, отправляющихъ грузъ на дальнія разстоянія въ ничѣмъ не вызванное привилегированное положеніе, вслѣдствіе чего и было принято другое основаніе для исчисленія штрафа, казавшееся болѣе справедливымъ.

2. Нарушеніе очереди отправки.

„Нарушеніе очереди отправки“ есть нарушение порядка очередей, соблюденіе котораго обязательно для желѣзныхъ дорогъ (ст. 51).

¹⁾ H a h n, Commentar zum Allgem. Deutschen Gesetzbuch II (2 изд.) стр. 714.

Порядокъ этотъ не основанъ исключительно на порядкѣ постепенности въ принятіи грузовъ къ перевозкѣ. Коммисія гр. Баранова, дѣйствительно, предполагала обязать желѣзныя дороги къ отправленію всѣхъ грузовъ въ томъ порядкѣ постепенности, въ какомъ они были ввезены на станцію и приняты къ перевозкѣ; исключеніе было сдѣлано только для нѣкоторыхъ грузовъ, которые должны были подлежать отправкѣ *въ очередь* (ст. 176—177 проекта). Въ государственномъ совѣтѣ, однако, этотъ порядокъ былъ признанъ непрактичнымъ, такъ какъ „разнообразіе грузовъ по качеству ихъ, дальности и направленію перевозки, способу нагрузки и т. п., столь велико, что соблюденіе между ними одной какой либо очереди послужило бы лишь къ замѣшательству и ненужному замедленію въ отправкѣ ихъ по назначенію“. Вслѣдствіе этого признано было необходимымъ предоставить дорогамъ право производить перевозку грузовъ „на основаніи нѣсколькихъ очередей, устанавливаемыхъ соотвѣтственно различнымъ категоріямъ грузовъ, съ тѣмъ лишь, чтобы не было отдаваемо преимущество какимъ либо отдѣльнымъ грузоотправителямъ или видамъ груза“.

Такимъ же образомъ „порядокъ очередей“ установленъ и въ западной Европѣ.

Въ Германіи и Австріи также первоначально предполагалось установить въ видѣ общаго правила, что „возчикъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, долженъ по возможности (thunlichst) отправлять грузы въ томъ порядкѣ постепенности, въ какомъ они были заявлены къ перевозкѣ (nach der Reihenfolge der Anmeldung). При этомъ, главнымъ образомъ, имѣлись въ виду желѣзныя дороги. Въ „докладной запискѣ“, поданной представителями нѣмецкихъ дорогъ, были указаны главныя неудобства такого порядка: неблагоприятное положеніе, въ которомъ очутятся грузы прямого сообщенія, возможность захвата всѣхъ перевозочныхъ средствъ дороги какимъ нибудь однимъ спекулянтомъ и т. п.¹⁾ Благодаря этимъ возраже-

¹⁾ Hahn, назв. сочин., II стр. 708—715.

ніямъ „порядокъ очередей“ въ нѣмецкомъ законѣ выраженъ въ формѣ, наименѣе стѣснительной для дорогъ. Art. 422 требуетъ, чтобы „относительно срока отправки не было отдаваемо преимущество одному отправителю предъ другимъ, если этого не требуетъ устройство дороги (die Einrichtungen der Bahn), условія транспорта (die Transportverhältnisse), или же общественный интересъ“. Такъ какъ дорогамъ предоставляется при отправкѣ грузовъ сообразоваться со своими „порядками“, то каждая дорога получаетъ возможность устроить у себя наиболѣе подходящій для нея порядокъ отправки поѣздовъ большой и малой скорости, грузовъ прямаго и мѣстнаго сообщенія, специальныхъ поѣздовъ (напр. угольныхъ). Но „порядки“ дороги подлежатъ контролю суда, который, въ случаѣ спора, вправе войти въ разсмотрѣніе того, не являются ли эти „порядки“ произвольнымъ нарушеніемъ принципа равенства.

Еще шире область усмотрѣнія суда по англійскому закону, въ силу котораго „ни одно желѣзнодорожное общество не вправе безъ разумнаго основанія, оказывать предпочтеніе (*undue or unreasonable preference or advantage*) какому либо частному лицу или компаніи, или роду товара — въ какомъ бы то ни было отношеніи, или же, наоборотъ, оказывать имъ пренебреженіе безъ такого же основанія“ ¹⁾.

Взамѣнъ контроля суда у насъ установленъ административный надзоръ. Ст. 52 Устава предоставляетъ министру путей сообщенія установленіе того порядка постепенности, который долженъ быть соблюденъ при отправкѣ *очередныхъ* грузовъ. Другими словами, министру предоставлено право раздѣлять грузы на особыя категоріи, такъ что при порядкѣ отправки грузовъ необходимо принять во вниманіе прежде всего категорію груза, а потомъ уже (въ предѣлахъ каждой категоріи отдѣльно) время принятія груза къ перевозкѣ. Правильность порядка, установленнаго министромъ, контролю

¹⁾ Railway and Canal Traffic Act. 1834, sect. VII.

суда не подлежитъ. Въ мотивахъ къ ст. 52, однако, сказано, что грузы должны быть раздѣлены на категоріи, смотря по своему „качеству, дальности и направленію перевозки, способу нагрузки и т. п.“, такъ что усмотрѣнію министра поставленъ извѣстный предѣлъ ¹⁾).

Кромѣ грузовъ очередныхъ, въ силу 51 ст. Устава существуютъ еще грузы внѣочередные, т. е., подлежащіе немедленной отправкѣ безъ всякой очереди; росписаніе этихъ грузовъ утверждается совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ.

Для надзора за соблюденіемъ порядка очередей и для другихъ цѣлей проектировалось комиссіею гр. Баранова повсемѣстная организація на нашихъ дорогахъ наблюдательныхъ комиссій изъ лицъ, заинтересованныхъ въ перевозкѣ грузовъ; такія комиссіи временно существовали на нѣкоторыхъ нашихъ дорогахъ (комиссіи отъ углепромышленниковъ и т. п.). Этотъ проектъ въ послѣдствіи былъ оставленъ, какъ и вообще весь проектъ реорганизаціи желѣзнодорожнаго управленія.

За отсутствіемъ такихъ комиссій, контроль надъ соблюденіемъ „порядка очередей“ облегчается ст. 49 Устава, которая предписываетъ при принятіи груза съ обождавіемъ въ складѣ, обозначать въ накладной „день будущей отправки, а если его съ точностью опредѣлить невозможно, то имена двухъ послѣднихъ, ожидающихъ очереди отправителей“. То же обозначается и въ дубликатѣ накладной (ст. 62).

За „нарушеніе очереди“ дорога не отвѣчаетъ, если грузъ при наступленіи принадлежащей ему очереди, не будетъ нагруженъ *по желанію или винѣ самого отправителя* (ст. 52). „Виною самого отправителя“ нельзя считать одну его *неявку* къ сроку наступленія очереди. При прежнемъ порядкѣ явка отправителя была необходима, такъ какъ ему выдавался

¹⁾ Врядъ ли, напр., является безусловно законнымъ существующій до сихъ поръ на нашихъ дорогахъ порядокъ, согласно которому по особой очереди преимущественно предъ другими грузами перевозятся всѣ грузы I и II классовъ по тарифу.

ордеръ на имя начальника товарной станціи на принятіе и нагрузку сложенного товара и только по представленіи этого ордера отправителю выдавалась квитанція и начиналась на-грузка. Общій же Уставъ такой явки не требуетъ, а возла-гаетъ на дорогу обязанность приступить къ нагрузкѣ не-медленно по наступленіи очереди даннаго груза. Въ виду этого нельзя согласиться съ редакціею проекта „правилъ о приѣмѣ грузовъ“, выработаннаго XXIII съѣздомъ представи-телей русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ дополненіе къ Общему Уставу. Въ этомъ проектѣ (приложеніе № 5, § 7) за доро-гами признано только *право* отправлять грузы „при наступ-леніи ихъ очереди, не дожидаясь прибытія грузохозяина“. Между тѣмъ дорога *обязана* такъ поступать, и если она не отправить груза, то на нее падаетъ отвѣтственность по 101 ст.

3. Простое замедленіе въ отправкѣ или перевозкѣ.

Подъ „простымъ замедленіемъ“ я разумѣю такое, которое не сопряжено съ нарушеніемъ очереди. Такое замедленіе бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ. Прежде всего, очередь ведется только тѣмъ грузамъ, которые принимаются къ пере-возкѣ съ обождаіемъ въ складѣ ¹⁾. Значитъ, несвоевремен-ная отправка другихъ грузовъ не можетъ быть сопряжена съ нарушеніемъ очереди. То же самое относится и къ гру-замъ внѣочереднымъ, т. е. такимъ, которые подлежатъ не-медленной отправкѣ внѣ всякой очереди. Наконецъ и при отправкѣ очередныхъ товаровъ очередь не будетъ нарушена тогда, когда, начиная съ даннаго груза, замедленіе произошло въ отправкѣ *всѣхъ* послѣдующихъ грузовъ той же категоріи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ простое замедленіе въ отправкѣ безъ нарушенія очереди. Прежнія „условія пе-ревозки“ нашихъ дорогъ знали такъ назыв. срочные грузы, которые подлежали отправкѣ въ теченіи извѣстнаго срока, и

¹⁾ „Когда всѣ грузы, принятые къ отправленію на станцію, въ теченіи дня могутъ быть отправлены не позже полуночи, слѣдующей за днемъ палож-женіе штемпеля, то очереди имъ не ведется“ (проектъ XXIII съѣзда, прило-женіе № 5, § 3).

очередные, которые дорога не обязана была отправлять въ теченіи опредѣленнаго срока, а лишь съ соблюденіемъ очереди. Замедленіе въ отправкѣ „срочныхъ грузовъ“, очевидно, также не имѣло ничего общаго съ нарушеніемъ очереди, и являлось нарушеніемъ совершенно особой обязанности дорогъ—отправлять грузы *въ теченіи извѣстнаго срока*.

Отвѣчаетъ ли дорога за простое промедленіе въ отправкѣ? — Не отвѣчаетъ, если оно не повело къ *несоблюденію сроковъ доставки*. Но если дорога не обязана *вознаграждать* грузо-хозяина за одно лишь промедленіе въ отправкѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое промедленіе не давало грузо-хозяину *никакихъ другихъ* правъ. Договоръ перевозки, какъ я сказалъ уже, имѣетъ своимъ предметомъ доставку груза *въ срокъ* на мѣсто назначенія. Если грузъ пролежалъ на станціи отправленія столько времени, что исполненіе договора (т. е. доставка груза *въ срокъ*) стало невозможнымъ, потому ли, что осталось слишкомъ мало времени, потому ли, что грузъ подверженъ скорой порчѣ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ быть доставленъ *въ цѣлости*, грузохозяинъ несо-мнѣнно *вправѣ отказать отъ такого договора* ¹⁾. Что значить отказать отъ договора?—Это значить взять грузъ обрат-но отъ дороги, получить обратно провозную плату (если грузъ франкированъ) и уплатить дорогѣ понесенныя ею издержки (по нагрузкѣ, храненію и проч.), *если промедленіе произошло безъ ея вины*. Въ противномъ случаѣ, т. е. если промедленіе произошло по ея винѣ, грузохозяинъ, по уничтоженіи догово-ра перевозки, не обязанъ платить дорогѣ за то, что ему не принесло никакой пользы и нисколько его не „обогатило“. Комментаторы нѣмецкаго закона и нѣмецкіе суды ²⁾ идутъ далѣе и на томъ же основаніи отказываютъ дорогѣ въ правѣ на возмѣщеніе издержекъ во всѣхъ случаяхъ, когда вслѣд-ствіе промедленія хотя бы и безъ вины дороги, не только

¹⁾ Ср. рѣш. гражд. кассац. департам. 1874 г. № 101 и друг. въ разъясне-віе 1744 ст. X т. ч. 1.

²⁾ См. Eger, Das Deutsche Frachtrecht, I, 164.

исполненіе договора *въ срокъ*, но и вообще исполненіе договора (т. е. доставка груза въ цѣлости), стало невозможнымъ, (наприм., грузъ до отправки или въ пути испортился или пропалъ).

Все вышеизложенное, впрочемъ, относится не только къ случаямъ замедленія въ отправкѣ, но и къ задержкамъ *въ пути*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грузохозяинъ вправѣ отказаться отъ договора съ того момента, какъ доставка груза въ срокъ стала невозможна, а дорога имѣетъ право на возмѣщеніе своихъ расходовъ и части провозной платы, соответствующей пройденному разстоянію только тогда, когда задержка произошла не по ея винѣ.

Въ прежнихъ „условіяхъ перевозки“ нашихъ дорогъ за грузохозяиномъ признавалось вообще право взять свой грузъ обратно на станціи отправленія или въ пути, но при этомъ нѣкоторые (какъ, наприм., правила перевозки *Харьково-Николавской* желѣзной дороги ст. 113) прямо возлагаютъ на него обязанность внести дорогѣ „всѣ безъ исключенія платежи“. Вопросъ о послѣдствіяхъ „замедленія въ перевозкѣ“ самъ по себѣ остался въ этихъ „условіяхъ перевозки“ нетронутымъ. Точно также онъ остался незатронутымъ и въ Общемъ Уставѣ, хотя при нашихъ климатическихъ условіяхъ (снѣжные заносы и т. п.), при дальности нашихъ разстояній и сопряженной съ этимъ опасности въ перевозкѣ скоро портящихся грузовъ и, наконецъ, при нашей желѣзнодорожной неурядицѣ, вопросъ о правѣ грузохозяина отказаться отъ услугъ дороги въ случаяхъ замедленія въ отправкѣ или задержки въ пути и о предѣлахъ этого права не можетъ не имѣть практическаго значенія. Этого вопроса касается 78 статья Устава. Она обязываетъ дорогу возвратить грузъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ грузохозяинъ этого пожелаетъ (на станціи отправленія или на промежуточной станціи), если это можетъ быть сдѣлано „безъ нарушенія правильности движенія“ и если этому не препятствуютъ „другія уважительныя причины“. Но при этомъ ст. 78 даетъ дорогѣ право „потребовать, предварительно обратной перевозки груза, уплаты

впередъ всѣхъ причитающихся ей сборовъ по первоначальной перевозкѣ“. Остаются открытыми: 1) вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „вѣсьми“ сборами, 2) вопросъ о томъ, имѣетъ ли дорога это право и тогда, когда грузъ взять обратно вслѣдствіе замедленія въ перевозкѣ по винѣ дороги. Въ ст. 78 сказано только, что въ случаѣ своей вины дорога не вправе требовать возмѣщенія расходовъ, произведенныхъ ею *вслѣдствіе исполненія требованія грузо-хозяина о возвратѣ ему груза*.

Въ нѣмецкомъ кодексѣ вопросъ о послѣдствіяхъ замедленія въ перевозкѣ прямо предусмотрѣнъ. Art. 394 гласитъ: „если отправка или дальнѣшая перевозка временно замедлены силами природы или другими случайными причинами, то отправитель не обязанъ ждать устраненія этого препятствія, а можетъ отступить отъ договора, но онъ обязанъ уплатить возчику, если тотъ неповиненъ въ замедленіи, издержки, сопряженныя съ отправленіемъ груза въ путь (die Kosten zur Vorbereitung der Reise) и съ обратной выгрузкой, а также все то, что причитается возчику за пройденную часть разстоянія“.

Германскія дороги идутъ далѣе этого закона и (подобно многимъ нашимъ дорогамъ) по правиламъ своимъ вообще возвращаютъ грузохозяину соответствующую часть провозной платы, если онъ пожелаетъ получить грузъ въ пути. По нѣмецкому Betriebsreglement (§ 58), однако, въ случаѣ задержки въ пути, дорога вправе избрать другое направленіе для перевозки груза, хотя бы и болѣе длинное, и противъ этого грузохозяинъ въ послѣдствіи не вправе спорить.

Относительно возвращенія груза на станціи отправленія до его отправки, XXIII съѣздъ предлагаетъ обусловить это право грузохозяина уплатою лежалаго „за все время, которое грузъ находился на станціи“, (*проектъ* прил. V, § 7). Это несправедливо, если грузъ взять обратно потому, что его задержала дорога по своей винѣ. Въ этомъ случаѣ выйдетъ, что, чѣмъ болѣе длится эта задержка, т. е. чѣмъ болѣе виновата дорога, тѣмъ менѣе грузохозяинъ можетъ восполь-

зоваться своимъ правомъ (потому что ему, быть можетъ, пришлось бы уплатить полежалаго больше, чѣмъ стоитъ самый грузъ). Кромѣ того, неизвинительная задержка ничѣмъ не лучше нарушенія очереди, а между тѣмъ при нарушеніи очереди грузохозяинъ, если желаетъ взять обратно грузъ, не только не обязанъ платить полежалаго, но, наоборотъ, самъ вправѣ получить отъ дороги полежалое, да еще въ патерномъ размѣрѣ (ст. 101) ¹⁾.

Ст. 102. Желѣзная дорога отвѣтствуетъ за утрату и поврежденіе груза, послѣдовавшіе въ теченіи времени отъ заключенія договора (ст 61) до выдачи груза, если не докажетъ, что они произошли: а) по винѣ лица, имѣющаго право распоряженія грузомъ (ст. 78); б) по причинѣ отсутствія или недостаточности упаковки (ст. 63); в) отъ свойствъ самого груза, какъ-то: внутренней порчи, установленныхъ усышки, утечки и раструски; г) отъ непреодолимой силы. Грузъ почитается выданнымъ не только тогда, когда онъ принятъ получателемъ, но и въ случаѣ передачи его по доставкѣ на станціи назначенія въ таможенную или частный складъ для храненія (ст. 81).

1. Значеніе 102 статьи.

По общераспространенному взгляду, юридическій принципъ, выраженный въ 102 статьѣ, имѣетъ *два* особенности, которыя и приводятъ къ необходимости формулировать этотъ принципъ въ особомъ законѣ. Первую особенность видятъ въ томъ, что не лицо, отыскивающее вознагражденіе, обязано доказать виновность желѣзной дороги въ причиненіи вреда, а, наоборотъ, дорога обязана доказать извиняющія ее обстоятельства. Такое распредѣленіе *onus probandi* является *особенностью* по мнѣнію нашихъ и многихъ иностранныхъ юристовъ и по взгляду нашего сената (см., наприм., рѣш. 1881 г. № 105). Въ дѣйствительности, однако, тутъ ровно никакой особенности нѣтъ. Желѣзныя дороги несутъ отвѣтственность за цѣлость груза на основаніи договора перевозки (ст. 98, 102 и друг. Общаго Устава). На основаніи этого, какъ и вообще всякаго договора, *неисправный* контрагентъ

¹⁾ Само собою разумѣется, что право отказываться отъ договора грузо-хозяинъ имѣетъ и тогда, когда замедленіе въ перевозкѣ сопровождалось нарушеніемъ очереди.

можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности только тогда, когда *онъ* докажетъ, что неисправность произошла не по его винѣ, ибо, если основаніемъ иска служить договоръ, то истецъ долженъ доказать только основаніе своего иска, т. е. существованіе и нарушеніе договора. Споръ объ *onus probandi* можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда законъ, какъ, наприм. 683 ст. т. X (по прод. 1879 г.), не опредѣляетъ юридическаго основанія отвѣтственности желѣзной дороги. Въ этихъ случаяхъ возможенъ взглядъ, что отвѣтственность дороги вытекаетъ не изъ договора, а изъ деликта, и что, сообразно съ этимъ, процессуальное положеніе сторонъ должно быть иное: истецъ долженъ доказать основаніе своего иска, т. е., не только причиненный ему вредъ, но и вину отвѣтчика (такъ какъ только то и другое вмѣстѣ составляетъ деликтъ) ¹⁾. Если законодатель дѣйствительно держался такого взгляда, то постановленіе 683 статьи объ *onus probandi* является сингулярнымъ. Въ данномъ же случаѣ взглядъ законодателя намъ извѣстенъ, а при такомъ взглядѣ ни о какой особенноти не можетъ быть рѣчи. Никто же не видитъ особенноти въ 1988 статьѣ т. X, въ силу которой подрядчикъ освобождается отъ отвѣтственности за нарушеніе договора лишь тогда, когда *онъ* докажетъ, что нарушеніе это произошло отъ причинъ, указанныхъ въ законѣ, или въ 2106 статьѣ того же X т., которая освобождаетъ отъ отвѣтственности за утрату вещи, принятой на сохраненіе только тогда, „когда будетъ доказано (разумѣется, не кѣмъ инымъ, какъ поклажепринимателемъ), что истребленіе, пропажа или похищеніе сего имущества произошло не отъ каковаго либо съ его стороны нерадѣнія“. Правда, наши суды иногда отказывали въ искахъ въ желѣзнымъ дорогамъ на томъ основаніи, что истецъ не доказалъ вины дороги въ поврежденіи груза ²⁾,

¹⁾ Puchta, Pandekten § 267, Г. Демчинскій (Журналъ гражд. и угол. права 1886 г., май) упускаетъ это изъ виду, настаивая на томъ, что *onus probandi* одинаково при всякомъ *нарушеніи обязанностей*.

²⁾ См. *Труды* Высочайше утвержденной комисіи для изслѣд. жел. дор. т. I, ч. 2 стр. 361,—рѣш. московскаго окружнаго суда, стр. 353 и др.

но въ этихъ рѣшеніяхъ, повидимому, дѣло сводится къ не-точности выраженій: въ искахъ отказано было на томъ осно-ваніи, что истецъ не доказалъ сдачи груза дорогѣ въ непо-врежденномъ видѣ ¹⁾. Однако, если бы даже эти рѣшенія имѣли другой смыслъ и дѣйствительно требовали бы отъ истца доказательствъ вины отвѣтчика (какъ поступаютъ нерѣдко наши коммерческіе суды въ дѣлахъ о морскихъ и рѣчныхъ перевозкахъ), все, что можно было бы сказать—это то, что рѣшенія эти неправильны.

Вторую особенность отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за цѣлость груза большинство юристовъ видитъ въ томъ, что отвѣтственность эта *строже обыкновенной*, что дорогу не извиняетъ все то, что извиняетъ всякаго другаго контрагента, нарушившаго договоръ. Это мнѣніе справедливо, но оно, оче-видно, не смотря на всю свою громадную важность, стра-даетъ отсутствіемъ руководящаго юридическаго принципа.

Къ чему въ самомъ дѣлѣ сводится это мнѣніе большин-ствомъ юристовъ?—Къ тому, что желѣзныя дороги обязаны заботиться о цѣлости груза не какъ „добрый хозяинъ“, „ис-правный возчикъ“ и т. п., а какъ-то еще больше, еще силь-нѣе. Но это нѣчто совершенно неопредѣленное и, поэтому, совсѣмъ лишенное практическаго смысла.

Что такое „исправный возчикъ“,—это разъяснить суду всякій, знакомый съ перевознымъ промысломъ. Но что такое „болѣе, чѣмъ исправный возчикъ“,—этого не разъяснить никто. „Болѣе чѣмъ исправными“, какъ замѣтилъ Пухта, бываютъ нерѣдко только глупые люди. „Добрымъ хозяиномъ“ и т. п. называется человекъ, который заботится о ввѣренномъ ему интересахъ настолько, насколько это практически возможно и необходимо, насколько это соединимо съ безостановочнымъ веденіемъ хозяйства и оправдывается опытомъ. Если бы ку-пецъ до вступленія въ сдѣлку принималъ во вниманіе не

¹⁾ Въ такомъ смѣшеніи понятій провинились не только наши, но и фран-цузскіе юристы, которые видятъ въ art. 103 Code de commerce (ст. 102 на-шего Общаго Устава), презумпцію о томъ, что грузъ принятъ возчикомъ въ хорошемъ состояніи, См. Blanche. Des transports par chemins de fer p. 166.

вѣроятный, а возможный ея результатъ, то онъ никогда бы не совершилъ ни одной сдѣлки. Если бы когда нибудь возчикъ позаботился о цѣлости груза болѣе, чѣмъ нужно, то онъ, вѣроятно, ради вящей безопасности, вовсе не тронулся бы съ мѣста. Такой „болѣе чѣмъ исправный возчикъ“ едва ли можетъ служить идеаломъ и едва ли его именно законодатель имѣлъ въ виду, возлагая на желѣзные дороги усиленную отвѣтственность.

Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ ли отвергнуть указанное выше мнѣніе, слѣдуетъ ли сказать, что желѣзные дороги обязаны заботиться о цѣлости груза, какъ обыкновенный „добрый хозяинъ“, какъ „исправный возчикъ“ и *что они отвечаютъ только за свою вину?*—Нѣтъ, не слѣдуетъ. Если бы законодатель хотѣлъ, чтобы дороги отвѣчали за утрату или поврежденіе грузовъ только тогда, когда ими не были приняты мѣры, лежащія на обязанности исправнаго возчика, т. е. при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ онѣ отвѣчаютъ за несоблюденіе сроковъ доставки (ст. 110), то чѣмъ объяснить существенную разницу въ редакціи статей 100 и 102? Буквально та же разница существуетъ и въ нѣмецкомъ законѣ, послужившемъ источникомъ для нашего. Изъ мотивовъ къ нѣмецкому закону ¹⁾ видно, что разница эта не случайная, что цѣлью ея является именно указать на то, что отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за цѣлость груза строже, чѣмъ отвѣтственность за соблюденіе сроковъ доставки. Это подтверждаютъ всѣ безъ исключенія комментаторы германскаго закона, и то же, конечно, было мыслью нашего законодателя. Иначе, повторяю, существенная разница въ редакціи статей 102 и 110 не оправдывалась бы равно ничѣмъ.

Если такъ, если дорога можетъ отвѣчать за цѣлость груза, хотя бы она и вела себя какъ „исправный возчикъ“ (ст. 110) если, какъ мы объяснили выше, „болѣе чѣмъ исправный возчикъ“ есть практическій абсурдъ, то отсюда возможенъ только одинъ логическій исходъ, а именно тотъ, что

¹⁾ См Eger Das Deutsche Frachtrecht, I, s. 331 ad. art. 398.

ответственность желѣзной дороги вовсе не зависитъ отъ ея субъективной исправности. Другими словами, желѣзная дорога отвѣчаетъ и тогда, когда она невиновна: она отвѣчаетъ за случай ¹⁾). Этотъ взглядъ, какъ извѣстно, подтверждается мотивами въ нашемъ закону 1852 г. (полн. собр. законовъ № 26265), въ которыхъ государственный совѣтъ, сравнивая желѣзныя дороги съ почтовыми и банковыми учрежденіями, находитъ сходство въ томъ, что и тѣ и другія отвѣчаютъ „за потери, даже случайныя, частныхъ людей, ввѣрившихъ имъ свои денежныя суммы или вещи“.

Но когда же желѣзная дорога освобождается отъ отвѣтственности?—Тогда только, когда она докажетъ происхожденіе вреда отъ извѣстныхъ причинъ, предусмотрѣнныхъ въ самомъ законѣ (ст. 102 и др.). Въ 1988 ст. X т. (объ отвѣтственности подрядчика) причины освобожденія отъ отвѣтственности также причислены въ самомъ законѣ, причемъ вмѣсто „непреодолимой силы“ тамъ говорится о причинахъ „отъ воли божіей зависящихъ“. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что казенный подрядчикъ вообще отвѣчаетъ помимо своей вины? Мнѣ кажется, что если даже отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, это не составитъ аргумента противъ того, что сказано мною о желѣзныхъ дорогахъ, потому что кромѣ буквальной редакціи принятое нами толкованіе 102 статьи подтверждается исторіей нашего и иностранныхъ законодательствъ и оправдывается анализомъ отношеній, возникающихъ изъ договора перевозки и сложности желѣзнодорожнаго хозяйства. Этого всего о подрядчикѣ сказать нельзя.

Однако въ числѣ причинъ, освобождающихъ отъ отвѣтственности, въ ст. 102 упомянута одна: „непреодолимая сила“ кото-

¹⁾ Представители нашихъ дорогъ, напротивъ, прямо просили указанія въ законѣ, что дорога освобождается отъ отвѣтственности „если ею будетъ доказано, что утрата или поврежденіе груза произошли не по винѣ, неосторожности или недосмотру управленія дороги. или его агентовъ и служащихъ“, ибо, говорятъ представители, „по строгой справедливости, желѣзная дорога можетъ быть отвѣстenna лишь за дѣйствія ея агентовъ и служащихъ, а не лицъ постороннихъ“. (Замѣчанія стр. 160).

рую многіе смѣшиваютъ съ обыкновеннымъ случаемъ (*casus*). Намъ остается, такимъ образомъ, прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, что такое „непреодолимая сила“.

2. „Непреодолимая сила“.

Непреодолимая сила не то же, что случай (*casus*). Если бы „непреодолимая сила“ и случай были одно и то же, то дорога не отвѣчала бы за случай, дорога не отвѣчала бы за цѣлость груза тогда, когда ею были приняты мѣры, лежащія на обязанности исправнаго возчика (ст. 110). Законодатель этого не хотѣлъ. Кромѣ того, еслибы „непреодолимая сила“ и „случай“ были одно и то же, то не было бы надобности въ двухъ терминахъ для одного и того же понятія. Въ ст. 102 было бы сказано, что дорога вообще не отвѣчаетъ за случайную утрату или случайное поврежденіе груза. Между тѣмъ, терминъ „непреодолимая сила“ (*höhere Gewalt*) употребленъ не только въ нашей 102 статьѣ, но и въ ея нѣмецкомъ оригиналѣ, въ art. 395 нѣмецкаго кодекса. Тотъ же терминъ употребленъ въ нашемъ законѣ 1878 года (683 ст. X т.), онъ издавна существуетъ во французскомъ правѣ (*force majeure*); наконецъ, онъ употреблялся еще глоссаторами въ ихъ комментаріяхъ къ римскому праву. Если понимать его такъ, какъ его, впрочемъ, понимаютъ многіе французскіе юристы, которые подъ „*force majeure*“ понимаютъ „*une cause étrangère qui ne peut être imputée au débiteur*“, то онъ теряетъ всякій *raison d'être*. Очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ двумя разными словами, а съ двумя разными понятіями.

Остаются два толкованія этого термина. Разсмотримъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Первое толкованіе, представителями котораго служатъ нѣмецкій кассационный судъ (германскій *Reichsgericht* и австрійскій *Oberster Gerichtshof*) и большинство нѣмецкихъ комментаторовъ, является толкованіемъ абстрактнымъ, лишеннымъ исторической почвы; оно рассчитано, главнымъ образомъ, на достиженіе практическаго *modus vivendi* и, повидимому, его достигается. Не надо забывать, что нѣмецкіе юристы имѣютъ дѣло съ

закономъ, хотя и совершенно тождественнымъ по своему содержанию съ нашею 102 статьею, но опредѣляющимъ отвѣтственность всякаго вообще возчика, а не однихъ только желѣзныхъ дорогъ. Поэтому, мысль о приравненіи отвѣтственности возчика къ отвѣтственности страховщика встрѣчаетъ тамъ сильную оппозицію. Ее считаютъ экономическимъ абсурдомъ, потому что обыкновенный возчикъ, по ничтожности своихъ операций, не можетъ брать на себя страхованія перевозимыхъ имъ грузовъ, хотя бы ему платили за это особую страховую премію. Между тѣмъ, относительно желѣзныхъ дорогъ это вовсе не абсурдъ, потому что всякому извѣстно, что всѣ желѣзныя дороги за особую премію страхуютъ грузъ (хотя не всѣ онѣ понимаютъ страхованіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова). Австрійскія дороги еще за долго до изданія нѣмецкаго кодекса прямо объявили въ своихъ „условіяхъ перевозки“, что онѣ вообще отвѣчаютъ за всякій вредъ, *даже случайный*, если онъ не произошелъ отъ естественныхъ свойствъ груза, вліянія тепла или холода, войны, разбоя, землетрясенія и, наконецъ, распоряженій правительства ¹⁾. Почти также редактированы „условія перевозки“ многихъ германскихъ и, наконецъ, даже нѣкоторыхъ нашихъ дорогъ. Тутъ, какъ видимъ, есть полное основаніе говорить о страховой отвѣтственности. Между тѣмъ, такова, по приведеннымъ „условіямъ перевозки“, нормальная отвѣтственность, за которую дороги не требуютъ страховой преміи. При страховой же преміи наши дороги (въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ барановской коммисіи) ²⁾ прямо согласились отвѣчать за всякій вредъ, хотя бы онъ произошелъ отъ „неодолимой силы“. Спрашивается: можно ли называть экономическимъ абсурдомъ то, что создано самой жизнью, ту отвѣтственность, къ которой взываютъ сами желѣзныя дороги?

Какъ бы то ни было, нѣмецкій законъ таковъ, что ком-

¹⁾ См. Goldschmidt, Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, 1861, IV, стр. 609.

²⁾ Стр. 168.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

ментаторы его естественно прибѣгаютъ къ иному толкованію „непреодолимой силы“ ¹⁾. Стремясь въ одно и тоже время не расширять этого понятія до понятія о *casus* (что противорѣчило бы закону) и не сужать его до степени слишкомъ отяготительной для всякаго возчика, комментаторы, лучшимъ представителемъ которыхъ можетъ служить Ганъ, прибѣгаютъ къ слѣдующей конструкціи этого понятія.

Перевозка, говоритъ Ганъ ²⁾, есть нѣчто цѣльное, а не совокупность отдѣльныхъ дѣйствій. Возчикъ, по смыслу договора, беретъ на себя доставку груза въ цѣлости на мѣсто назначенія. Онъ не отдаетъ въ распоряженіе грузохозяина своихъ отдѣльныхъ услугъ, необходимыхъ для выполненія перевозки. Онъ не берется грузить кладъ, везти ее, оберегать въ дорогѣ, выгрузить по прибытіи на мѣсто и т. п., а беретъ на себя прямо самый результатъ всѣхъ этихъ услугъ. Изъ этого, говоритъ Ганъ, само собою вытекаетъ, что какъ, съ одной стороны, грузохозяинъ не вправе вмѣшиваться въ отдѣльныя дѣйствія возчика, такъ, съ другой стороны, и возчикъ при нарушеніи договора, т. е. при недоставкѣ груза въ цѣлости, не вправе оправдываться тѣмъ, что каждое изъ этихъ дѣйствій онъ совершалъ съ надлежащимъ стараніемъ, какъ „добрый хозяинъ“, что онъ старательно нагружалъ, старательно охранялъ, старательно выгружалъ грузъ. Грузохозяинъ отвѣтитъ, что ему до всего этого дѣла нѣтъ, что онъ не нанималъ его ни для нагрузки, ни для выгрузки и т. п., что предметомъ договора не было ни то, ни другое, а была самая доставка груза въ цѣлости. Чтобы сложить съ себя отвѣтственность, возчику, такимъ образомъ, остается только доказать, что въ данномъ случаѣ доставка была объективно невозможна (*ad impossibilia nulla est obligatio*). Доказать это—значить доказать, что всѣ отдѣльныя дѣйствія, которыя составляютъ перевозку, ей предшествуютъ (напр. выборъ пе-

¹⁾ Впрочемъ, въ одномъ изъ послѣднихъ рѣшеній имперскій судъ, приводя взглядъ Экснера, какъ бы допускаетъ возможность другаго толкованія. Eger, Eisenbahnrechtliche Entscheidungen III, стр. 353.

²⁾ Hanu Commentar II, стр. 593 и слѣд.

ревозныхъ средствъ) и т. д., были не только *старательно выполнены*, но и *объективно вполнѣ цѣлесообразны*. Большаго никто требовать не можетъ.

Но, говорить Ганъ, если остановиться на этомъ, то мы поставимъ перевозный промыселъ въ положеніе экономически невозможное. Если дорога станетъ оправдываться землетрясеніемъ, то ей на это скажутъ, что вагоны *могли* быть такой конструкціи, что и отъ землетрясенія они не пострадали бы. Если дорога станетъ оправдываться тѣмъ, что поѣздъ разграбленъ непріятельскимъ отрядомъ, то ей на это скажутъ, что, если бы поѣздъ сопровождался конвоемъ служащихъ, въ количествѣ, положимъ, тысячи человѣкъ, то разграбленіе не могло бы случиться. Все это не принадлежитъ въ области абсолютно невозможнаго и, быть можетъ, когда нибудь что нибудь подобное осуществится, и грузы будутъ абсолютно застрахованы отъ всякой опасности. То, что случится завтра или даже чрезъ сто тысячъ лѣтъ, или, наконецъ, то, что даже никогда не случится, не перестаетъ быть *возможнымъ сегодня*. Но возможное *in abstracto*, прежде всего, можетъ являться въ данное время *экономическою невозможностью*.

На этомъ-то понятіи „экономической невозможности“ и останавливается Ганъ. Перевозный промыселъ, говоритъ онъ, какъ и всякій другой промыселъ, возможенъ только тогда, когда то, что затрачено на исполненіе перевозки, окупается и можетъ быть окуплено провозною платою. Иначе, рано или поздно долженъ разориться или возчикъ, или же (когда провозная плата чрезмѣрно дорога) отправитель или, наконецъ, потребитель.

И такъ, заключаетъ Ганъ, *возможнымъ* для возчика можно считать только то, что *экономически для данного способа перевозки доступно* и, наоборотъ, невозможнымъ то, что достижимо лишь мѣрами и приспособленіями экономически для данного способа перевозки недоступнымъ. Можно, конечно, представить себѣ такіе вагоны, которые устоятъ противъ землетрясенія, и поѣзда, которые сопровождаютъ десятками тысячъ конвойныхъ, но такъ какъ никто не отрицаетъ, что эти

приспособленія были бы въ настоящее время слишкомъ дороги, то мы вправѣ не принимать въ расчетъ такихъ приспособленій и сказать, что поврежденіе или утрата груза въ данномъ случаѣ *не могли не случиться*, хотя они и могли быть предотвращены такими приспособленіями. Такимъ образомъ, подъ „непреодолимою силою“ Ганъ понимаетъ *такія причины поврежденія или утраты груза, дѣйствіе которыхъ не можетъ быть устранено экономически доступными мѣрами*.

На первый взглядъ выводъ Гана и примыкающей къ нему нѣмецкой судебной практикѣ представляется вполне правильнымъ и—что главное—практичнымъ. Съ одной стороны, онъ совершенно устраняетъ изъ процесса съ желѣзною дорогою вопросъ о винѣ, что, какъ мы видѣли, соответствуетъ волѣ законодателя. Съ другой стороны, онъ какъ бы спасаетъ этотъ процессъ отъ того абсолютнаго судебного произвола, къ которому приводитъ перенесеніе вопроса на чисто объективную почву, на почву *возможности или невозможности* предотвращенія вреда. Пока судъ не имѣетъ какого либо твердаго масштаба для сужденія о такой возможности или невозможности, ему не поможетъ то море фразъ, которое было извергнуто по этому поводу разными юристами. Прочтите всѣ эти фразы, и вы убѣдитесь въ томъ, что кромѣ обильнаго количества восклицательныхъ знаковъ, болѣе или менѣе интересныхъ желѣзно-дорожныхъ анекдотовъ (о крушеніяхъ поѣздовъ, объ увѣчьяхъ и т. п.) и, наконецъ, „сильныхъ“ словъ въ родѣ „чрезвычайное“, „совершенно непредусмотрѣнное“ событіе и т. п., вы найдете въ нихъ очень мало дѣйствительно цѣннаго, очень мало такого, что могло бы служить твердою точкою опоры для суда при разрѣшеніи такой трудной задачи, какъ вопросъ о *возможности или невозможности* предотвратить случившійся вредъ. То, что сказано въ немногихъ словахъ Ганомъ, представляетъ какъ бы серьезную попытку дать такой масштабъ, но попытка эта, по моему мнѣнію, является неудовлетворительною во многихъ отношеніяхъ.

Во первыхъ, какъ я сказалъ уже, данное Ганомъ опредѣленіе „непреодолимой силы“ не имѣетъ подъ собою никакой исторической почвы. Терминъ этотъ имѣетъ свою исторію. Мы убѣждаемся, прежде всего, въ томъ, что подъ „непреодолимой силой“ законодатели и юристы всѣхъ временъ понимали *особый разрядъ* причинъ или событій, что и обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто этого термина законодательства прибѣгаютъ къ перечню подобныхъ событій. Вездѣ въ этихъ случаяхъ говорится о сильной бурѣ, молніи, вторженіи непріятеля, моровой язвѣ и т. п. ¹⁾, но нигдѣ, напримѣръ, о случайной кражѣ, пожарѣ и т. п., и никому, знакомому хотя бы только съ однимъ смысломъ языка, не придетъ въ голову отнести послѣднія двѣ причины къ причинамъ, „отъ воли божіей зависящимъ“. Между тѣмъ, изъ абстрактнаго построенія Гана слѣдуетъ совершенно другое. Ганъ прямо признаетъ, и это ясно само собою, что подъ то опредѣленіе „непреодолимой силы“, которое имъ дано, можетъ подпасть всякое событіе: и кража, и пожаръ, и поврежденіе одного груза другимъ, и т. д. ²⁾.

Во вторыхъ, взглядъ Гана неизбежно приводитъ къ противорѣчіямъ. Ганъ не въ состояніи намъ объяснить, почему дорога: 1) *всегда* отвѣчаетъ за своихъ служащихъ, и 2) почему она, какъ онъ самъ признаетъ, *всегда* отвѣчаетъ также за полную доброкачественность своихъ перевозочныхъ средствъ. Для объясненія перваго Ганъ прибѣгаетъ къ существующему спеціальному закону. Не будь этого закона, плохой служащій могъ бы также подходить подъ понятіе о „непреодолимой силѣ“, какъ и всякая другая причина, отъ которой происходитъ поврежденіе или утрата груза. Опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что идеально хорошіе служащіе не составляютъ и не могутъ составлять не только большинства, но и меньшинства, особенно въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ,

¹⁾ 1988 ст. т. X п. 7: „гибель груза, происшедшая отъ сильной бури, отъ молніи, или отъ другихъ причинъ, отъ воли божіей зависящихъ“.

²⁾ Commentar. II, 610.

съ ихъ огромнымъ личнымъ составомъ. Подобрать полный штатъ абсолютно непогрѣшимыхъ служащихъ для всякаго возчика, а особенно для всякой желѣзной дороги представляется, по меньшей мѣрѣ, такою же экономической невозможностью, какъ запастись несгораемыми вагонами, десятитысячными конvoями и т. д. Что же касается до доброкачественности подвижнаго состава и т. п., то тутъ уже, за отсутствіемъ спеціального закона, Ганъ совсѣмъ не въ состояніи объяснить, почему какой нибудь лопнувшій рельсъ или прогнившая шпала *никогда* не могутъ называться „непреодолимой силой“. Кто и что даетъ намъ право объявить разъ навсегда, что имѣть весь путь отъ начала до конца, всѣ перевозочныя средства отъ перваго до послѣдняго въ полной исправности для желѣзной дороги экономически доступно? Допустимъ, что дорога въ состояніи мѣнять всѣ шпалы разъ въ недѣлю, но если бы она ихъ стала мѣнять каждый день, то, быть можетъ, опасность порчи была бы еще меньше. Между тѣмъ, есть же и тутъ предѣлъ, за которымъ начинается область экономически недоступнаго. Ганъ такого предѣла здѣсь не признаетъ.

Въ третьихъ, самая цѣлесообразность толкованія Гана мнѣ кажется въ концѣ концовъ довольно проблематичной, ужъ не говоря о полномъ отсутствіи историческихъ основаній для такого „экономическаго“ толкованія. Прежде всего, Ганъ, какъ мы видѣли, исходитъ изъ того предположенія, что на сбереженіе груза возчикъ не можетъ тратить болѣе, чѣмъ то, что можетъ быть окуплено предпріятіемъ даннаго рода. Но этотъ аргументъ имѣетъ силу только до тѣхъ поръ, покуда мы согласимся съ Ганомъ, что перевозка не соединяема со страхованіемъ, потому что въ противномъ случаѣ никакихъ расходовъ на огнеупорные вагоны и т. п. не нужно, а убытки просто покрываются страховой преміей, которая можетъ входить въ провозную плату. Мы видѣли уже, что желѣзныя дороги къ этому стремятся. Что же касается до обыкновенныхъ возчиковъ, то, если это для нихъ невыгодно, для нихъ путь открытъ: имъ законъ не воспрещаетъ

ограничивать свою отвѣтственность по договору. Предположеніе, изъ котораго исходитъ Ганъ, такимъ образомъ, оказывается шаткимъ. Затѣмъ, самый выводъ, къ которому онъ приходитъ, его опредѣленіе „непреодолимой силы“ едва ли для суда пригодно и едва ли справедливо ¹⁾). Экспертиза по вопросу объ „экономической доступности“ того или иного приспособленія по существу своему является чѣмъ то весьма произвольнымъ. Сообразуясь съ опредѣленіемъ Гана, она должна будетъ выяснить, является ли извѣстное средство экономически доступнымъ для предпріятій даннаго типа, но при этомъ и самый типъ, и тотъ періодъ времени, который долженъ быть принятъ въ расчетъ при опредѣленіи экономической „выносливости“ предпріятія, остаются величинами почти неизвѣстными.

Остается намъ обратиться теперь къ послѣднему толкованію термина „непреодолимая сила“, къ тому толкованію, которое лучше всего развилъ и мотивировалъ Экснеръ въ своей монографіи по этому предмету ²⁾). Мнѣ это толкованіе, несмотря на всю его прямолинейность, кажется, по меньшей мѣрѣ, наиболѣе логичнымъ изъ всѣхъ существующихъ.

Экснеръ исходитъ изъ того общепризнаннаго факта, что источникомъ современнаго законодательства объ отвѣтственности возчиковъ служить римское право, а именно постановленія этого права объ отвѣтственности корабельщиковъ и трактирщиковъ за цѣлость принятой ими клади (*ex recepto*). Было время въ исторіи римскаго права, когда эти лица отвѣчали за цѣлость клади всегда, т. е. отъ нихъ никогда никакія оправданія не принимались. Въ этомъ, по мнѣнію Экснера, лучше всего сказывается практическій смыслъ римскихъ юристовъ. Ульпіанъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ то

¹⁾ Французскіе суды, напр., при обсужденіи вопроса о „непреодолимой силѣ“, прямо не допускаютъ возраженій желѣзныхъ дорогъ о томъ, что то или другое приспособленіе, которое могло бы предотвратить личный или имущественный вредъ, слишкомъ дорого.

²⁾ E x n e r, Der Begriff der höheren Gewalt in heutigen und römischen Verkehrsrecht. 1883.

время этотъ „народъ“ (hoc genus hominum) пользовался въ Римѣ плохой репутаціей. Но какова бы то ни была ихъ репутація, этого требовала практическая необходимость. Усиленная отвѣтственность вызывалась невозможностью контроля надъ обращеніемъ этихъ лицъ съ имуществомъ, ввѣреннымъ ихъ попеченію. При такой невозможности, при полномъ незнакомствѣ потерпѣвшихъ съ тою фактической обстановкою, при которой ихъ имущество повреждено или утрачено, являлось бы очевидною опасностью не только требовать отъ потерпѣвшихъ, чтобы они доказывали вину корабельщика или трактирщика, но и допускать этихъ послѣднихъ къ представленію какихъ бы то ни было оправданій, потому что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ борьба была бы неравная: лица эти всегда могутъ представить суду факты для нихъ выгодные и умолчать о фактахъ, которые ихъ изобличаютъ и которыми, за рѣдкими исключеніями, никогда не можетъ воспользоваться потерпѣвшій, потому что онъ о нихъ не знаетъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это соображеніе и было главнымъ мотивомъ безусловной отвѣтственности упомянутыхъ лицъ за цѣлость ввѣренныхъ имъ вещей, подобно тому, какъ въ настоящее время оно является главнымъ мотивомъ усиленной отвѣтственности возчика ¹⁾.

Случился, такимъ образомъ, фактъ, на первый взглядъ довольно странный. Процессуальныя соображенія кореннымъ образомъ повліяли на объемъ матеріальной отвѣтственности. Но такихъ явленій не мало. Къ явленіямъ, указаннымъ у Экспера (институтъ de effusis et dejectis и т. п.), можно прибавить хотя бы и такое явленіе, какъ защиту владѣнія. Владѣніе охраняется только потому, что это выгодно собственнику, облегчаетъ ему судебную защиту своихъ правъ ²⁾. Между тѣмъ, ради этой процессуальной задачи, создается институтъ матеріальнаго права, рѣзко дисгармонирующій съ

¹⁾ Какъ это высказывалось прямо при обсужденіи art. 395 нѣмецкаго кодекса („dass man kein Mittel habe ihre Thätigkeit und Sorgfalt zu controliren“).

²⁾ Jhering, Der Grund des Besitzeschutzes.

нашимъ юридическимъ міросозерцаніемъ: институтъ охраны всякаго владѣнія, даже и незаконнаго. Создается институтъ, путемъ котораго въ единичныхъ случаяхъ само право признаетъ явное беззаконіе. Точно также и институтъ *rescriptum* ради процессуальной цѣли (облегченія задачи потерпѣвшаго) въ единичныхъ случаяхъ нарушаетъ справедливость, обязываетъ корабельщика, и т. п.; но ни то, ни другое правового чувства возмущать не можетъ.

Первоначальная римская юриспруденція смотрѣла, такимъ образомъ, на корабельщика какъ на обязательнаго страховщика и въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) римская юриспруденція сходится съ юриспруденціей, столь же чуткой къ практическимъ потребностямъ жизни, съ юриспруденціей англо-американской. Англо-американская судебная практика смотритъ на всякаго возчика, какъ на страховщика груза ¹⁾. Онъ отвѣчаетъ за всякій случай (*for any event*), исключая бѣдствій, происходящихъ отъ воли Божіей (*the act of God*), какъ то: землетрясеніе, наводненіе, ударъ молніи и пр., отъ королевинныхъ враговъ („*the Queen's enemies*“) и отъ опасныхъ свойствъ самаго груза.

Такія же исключенія появились съ теченіемъ времени и въ римскомъ правѣ. Ихъ, впрочемъ, появилось только два: кораблекрушеніе (*navfragium*) и нападеніе морскихъ разбойниковъ (*vis piratarum*). Если корабельщикъ ссылаясь на то или другое въ оправданіе гибели или порчи груза, то, въ отступленіе отъ прежняго принципа, ему позволяли оправдываться. Вся сила теперь въ томъ, говоритъ Экснеръ, чтобы понять цѣль и смыслъ этихъ двухъ исключеній, такъ какъ путемъ обобщенія ихъ въ средневѣковой юриспруденціи и создались терминъ *vis major*, перешедшій въ нѣмецкій кодексъ, а оттуда въ нашъ Общій Уставъ. Эти два исключенія можно объяснить себѣ двоякимъ способомъ: одно изъ двухъ—или римскіе юри-

¹⁾ „By Anglo-American law common carriers are insurers of goods“ слова извѣстнаго американскаго юриста Wharton. A treatise on the law of negligence § 552.—Ср. Smith то же назв. стр. 103—104.

сты рѣшили порвать съ прежнимъ принципомъ и распространить на корабельщика то общее начало, что нѣтъ отвѣтственности безъ вины, или же, сохраняя прежній принципъ во всей его неприкосновенности, они просто рѣшили, что нѣтъ практической необходимости устранять изъ процесса оправданія корабельщика тогда, когда оправданія эти заключаются въ ссылкѣ на явленіе *общеизвѣстное* (*notorium*), или, по меньшей мѣрѣ, на явленіе, извѣстное большому кругу лицъ, къ дѣлу совершенно непричастныхъ. Изъ приведенныхъ двухъ объясненій предпочтенія заслуживаетъ, конечно, послѣднее; оно болѣе согласно и съ исторіей, и съ логикой. Въ самомъ дѣлѣ, безусловная отвѣтственность корабельщика создана, какъ мы видѣли, только процессуальной необходимостью. По существу дѣла рѣшительно нѣтъ никакого основанія требовать отъ возчика большей заботливости о вѣренныя ему вещахъ, чѣмъ, положимъ, требуется отъ повлажепринимателя. Если вышло наоборотъ, если изъ возчика сдѣлали даже страховщика, то это объясняется только одною *процессуальною необходимостью*. Но съ теченіемъ времени оказалось, что необходимость эта не безусловная, что бываютъ исключительные случаи, когда процессуальное положеніе истца нисколько не ухудшится отъ того, что корабельщику позволять оправдываться. Справедливость, конечно, требовала, чтобы въ этихъ случаяхъ оправданіе допускалось, и оно было допущено.

Оно было допущено въ двухъ только случаяхъ, которые, если ближе къ нимъ присмотрѣться, отличаются слѣдующими тремя *процессуальными* особенностями. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ корабельщикъ въ оправданіе свое ссылается на явленіе: 1) *внѣшнее*—въ смыслѣ чисто пространственномъ ¹⁾, почему это явленіе и могло называться *vis*; если представить себѣ корабельщика, его служащихъ и его корабль, какъ одну

¹⁾ Это именно свойство имѣютъ въ виду прусское гражданское уложеніе (ст. 1734) и прусскій желѣзнодорожный законъ 1838 года, говоря, что корабельщикъ и желѣзная дорога не отвѣчаютъ за непредотвратимый *внѣшній* случай („àusseren Zufall“).

цѣльную машину для перевозки груза, то можно сказать, что корабельщикъ сослался на явленіе, происшедшее внѣ этой машины; 2) открытое—*vis maior*, т. е. такое, которое у всѣхъ на виду, у всѣхъ сохраняется въ памяти, а потому и легко можетъ быть провѣрено на судѣ и, наконецъ, 3) необыкновенное въ смыслѣ чисто статистическомъ (т. е. просто рѣдкое) и въ смыслѣ *явной* несоразмѣрности его съ чьими бы то ни было силами, явной невозможности съ нимъ бороться (*vis cui resisti nequit*).

Благодаря этимъ тремъ особенностямъ, получалось слѣдующее: допуская такія оправданія корабельщика, суду не было надобности, помимо воли истца, входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, при которыхъ произошли гибель или порча даннаго груза. Отвѣтчикъ ссылаясь на нѣчто абсолютное, всегда себѣ равное, всегда и для всякаго непреодолимое. Поэтому такія оправданія никакой опасности не представляли. Можетъ показаться, что при этомъ римскіе суды впадали въ формализмъ, потому что освобождали отъ отвѣтственности за порчу или гибель груза при наличности двухъ фактовъ (буря и нападеніе разбойниковъ), совершенно не входя въ оцѣнку того, какое значеніе эти факты имѣли въ данномъ дѣлѣ, не могли ли они въ данномъ случаѣ быть избѣгнуты, обезврежены и т. д. Но на дѣлѣ этого не было. *Истецъ* всегда сохранялъ право требовать отъ корабельщика доказательствъ его невинности. Для этого корабельщикъ обязанъ былъ изложить предъ судомъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла, всю ту обстановку, при которой произошла гибель груза отъ бури или похищеніе его разбойниками и доказать, что съ его стороны не было сдѣлано никакого упущенія. Истецъ, разумѣется, могъ опровергать эти доказательства.

Схема римскаго процесса, такимъ образомъ, сводилась къ слѣдующимъ двумъ стадіямъ: 1) корабельщикъ привлекался къ отвѣтственности, какъ страховщикъ ¹⁾; 2) если онъ ссылаясь

¹⁾ Страхуваніе, какъ *экономическій* институтъ, римлянамъ извѣстно не было, но тутъ дѣло идетъ о юридической аналогіи въ *отвѣтственности*.

на то, что грузъ погибъ отъ бури или похищенъ разбойниками, то онъ обязанъ былъ доказать, что это произошло безъ его вины.

Мы видѣли, что терминъ *vis major* появился какъ обобщеніе этихъ двухъ явленій (*navfragium* и *vis piratarum*). Общія свойства этихъ двухъ явленій мы видѣли выше. Они заключаются въ открытости, внѣшности и необыкновенности. И такъ, „непреодолимая сила“ по римскому праву, (*vis major*) есть явленіе внѣшнее, открытое и необыкновенное (въ вышеизложенномъ смыслѣ).

Для иллюстраціи этого опредѣленія въ примѣненіи его къ желѣзнымъ дорогамъ приведемъ нѣсколько примѣровъ. Если дорога въ оправданіе утраты груза ссылается на пожаръ, то, прежде всего, нужно посмотрѣть, гдѣ этотъ пожаръ впервые показался. Если онъ показался въ *районѣ самой дороги* ¹⁾, то такой пожаръ не есть *внѣшняя* сила (см. выше), а слѣдовательно и не можетъ быть непреодолимою силою. Сказать, что это нестерпимый формализмъ. На это надо отвѣтить, что формализмъ здѣсь необходимъ, потому что или все то, что совершается внутри района желѣзной дороги должно считаться какъ бы навсегда сокрытымъ для глазъ суда, или же все должно быть открыто, и тогда ничто не мѣшаетъ дорогѣ сегодня оправдываться пожаромъ, завтра — случайною порчею локомотива, а чрезъ мѣсяцъ — порчею какого-нибудь винта, скрѣпляющаго рельсы ²⁾. Разъ мы рѣшили, что въ дебри внутреннего желѣзнодорожнаго хозяйства суду пускаться опасно, какихъ бы вѣрныхъ провожатыхъ ему ни предлагали, необходимо быть послѣдовательнымъ. Если бы даже дорога сослалась на то, что гибель груза произошла отъ какой-нибудь „адской машины“, которая сдана была отправителемъ подъ видомъ другаго груза, то и такого оправданія нѣтъ воз-

¹⁾ Выраженіе, конечно, не совсѣмъ опредѣленное, но оно можетъ быть и точнѣе.

²⁾ Я уже сказалъ, что внѣ взгляда Экснера я допускаю принципиальную возможность такихъ оправданій.

возможности допустить, потому что разъ мы допустимъ ссылку на адскую машину, необходимо допустить и всякую иную ссылку на взаимное дѣйствіе различныхъ грузовъ, положенныхъ въ одно вмѣстилище, т. е. несомнѣнно вступить въ такую область, въ которой никогда нельзя указать съ достовѣрностью, гдѣ начинается случай и кончается вина служащихъ желѣзной дороги. Изъ того же начала, что дорога не отвѣчаетъ только за *внѣшнюю* силу, само собою слѣдуетъ, что она *всегда* отвѣчаетъ за дѣйствія своихъ служащихъ и за доброкачественность своихъ перевозочныхъ средствъ. Такимъ образомъ, наше опредѣленіе *vis majore* легко объясняетъ явленіе, котораго иначе объяснить нельзя.

„Непреодолимая сила“ должна быть открытой. Изъ этого слѣдуетъ, напр., что дорога, неправѣ оправдываться кражей.

Наконецъ, „непреодолимая сила“ есть сила необыкновенная по своимъ размѣрамъ и по своей рѣдкости. Поэтому, дорога не можетъ оправдываться такими явленіями, какъ періодически повторяющіеся ливни, наводненія, снѣжные заносы. Ее не оправдываетъ то, что путь былъ умышленно испорченъ какимъ-нибудь постороннимъ лицомъ, потому что такое дѣйствіе не заключаетъ въ себѣ признаковъ *vis cui resisti nequit*, оно не похоже на стихійную силу, о которой всякій сразу можетъ сказать, что съ нею бороться человѣку невозможно, уже не говоря о томъ, что такіа дѣйствія повторяются довольно часто и по одной этой причинѣ не могутъ считаться необыкновенными.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на „непреодолимую силу“ дорога въ состояніи будетъ сослаться въ очень немногихъ исключительныхъ случаяхъ, и что случаи эти указаны суду съ возможною точностью ¹⁾. Нѣтъ мѣста судебному произволу или, если хотите, судейскому „внутреннему убѣжденію“. Достоинство-ли это или недоста-

¹⁾ См. примѣры непреодолимой силы, приведенные въ статьѣ г. Гордона („Принципъ ответственности желѣзныхъ дорогъ и т. д.“). Журн. гражд. и угол. права 1887 г. I—II.

тожь? По моему мнѣнію, достоинство, потому что вся цѣль законодательства объ отвѣтственности возчиковъ заключалась, какъ мы видѣли, только въ томъ, чтобы по возможности устранить изъ процесса опасный вопросъ о виновности или невиновности этихъ лицъ. Неужели же мы устранимъ этотъ вопросъ только для того, чтобы замѣнить его вопросомъ еще болѣе сложнымъ, еще болѣе труднымъ для суда, еще болѣе напрашивающимся на произвольный отвѣтъ? Мы считаемъ судью неспособнымъ правильно разрѣшить вопросъ о виновности желѣзной дороги, между тѣмъ какъ „виновность или невиновность“ это — понятія обыденныя, доступныя каждому, и разрѣшать вопросъ о виновности значитъ разрѣшать вопросъ о *наличности факта*. Въ то же время мы полагаемъ, что тотъ же судья правильно разрѣшитъ вопросъ о томъ, произошло-ли гибель или порча груза отъ такого „чрезвычайнаго, непредвидѣннаго, вишняго событія, наступленіе и вредныя послѣдствія которыхъ не могли быть предотвращены самыми крайними мѣрами предосторожности, обусловливаемыми данными обстоятельствами“¹⁾). Я думаю, поѣтому, что надо при-

¹⁾ А. Гордонъ. Журн. гражд. и угол. права 1887 г. кн. 1 — 2. Взглядъ г. Гордона на то, что слѣдуетъ понимать подъ „непреодолимою силою“, по моему мнѣнію, страдаетъ тѣми же недостатками, которые уже указаны выше и, сверхъ того, отличается неопредѣленностью. Съ одной стороны, подъ *vis major* г. Гордонъ понимаетъ такое обстоятельство, относительно котораго въ душѣ судьи не можетъ зародиться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно вызвано или сопровождалось неосторожностью или оплошностью“ (стр. 54), т. е. другими словами, онъ сводитъ весь вопросъ на почву судейскаго убѣжденія. Съ другой же стороны, онъ, не приводя къ тому достаточно вѣскихъ (съ своей точки зрѣнія) мотивовъ, полагаетъ, что подъ *vis major* можно понимать только событіе *чрезвычайнаго и внѣшняго*, такъ что за недостатки своихъ матеріаловъ, подвижнаго состава и за послѣдствія обычной эксплуатаціи и т. д. дорога должна всегда отвѣчать, хотя бы всякое предположеніе о ея виновности было устранено (стр. 61); г. Гордонъ одобряетъ, напр. рѣшеніе нѣмецкаго имперскаго суда, которымъ признано, что „если даже *технически невозможно* ограждать желѣзнодорожную прислугу отъ дѣйствій угольной пыли, то это событіе все-таки не можетъ быть признано происшедшимъ отъ высшей силы (*höhere Gewalt*)“ (стр. 67); г. Гордонъ согласенъ съ Вестерманомъ, что дорога отвѣчаетъ и тогда, „когда, всѣ предписанія регламента были въ точности исполнены и когда недостатокъ матеріала не былъ обнаруженъ, несмотря на

мирится съ мыслью о томъ, что желѣзная дорога есть обязательный страховщикъ груза, съ тою мыслью, которую признавали еще римляне и которая теперь при сложномъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, очевидно, тѣмъ паче должна быть признана. Исходя изъ этой мысли, надо признать, что, какъ страховщикъ по условіямъ полиса или по закону можетъ не отвѣчать въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ-то: собственная вина страхователя, обыкновенная утечка, усышка, ломъ, раструска, въ случаяхъ войны, конфискаціи, взятія въ плѣнъ, распоряженій правительства, плохой укупорки и т. д. (1239 и 1255 ст. т. XI ч. 2 о морскомъ страхованіи), такъ и желѣзная дорога не отвѣчаетъ въ такихъ же случаяхъ ¹⁾. Но чтобы сказать, какіе это случаи, не надобно вовсе входить въ обсужденіе вопроса ни о виновности страховщика или дороги, ни о возможности для страховщика или дороги предотвратить наступившій вредъ, а надобно руководствоваться исключительно одними внѣшними формальными признаками. Что это вѣрно въ примѣненіи къ обыкновенному страховщику, съ этимъ согласится всякій: вѣдь не придетъ же намъ въ голову задаться вопросомъ о томъ, могъ-ли страховщикъ предотвратить пожаръ, крушеніе судна и т. п. Если бы въ законѣ, напр., въ 1239 ст. т. XI было бы сказано, что стра-

самое тщательное изслѣдованіе“ (стр. 68) и т. д. Почему? Неужели потому, что, не взирая на выясненіе всего этого на судѣ, остается еще просторъ для „сомнѣнія“? Но въ такомъ случаѣ гдѣ же предѣлъ для подобнаго скептицизма? Съ точки зрѣнія Экспера, котораго г. Гордонъ упрекаетъ въ формализмъ (стр. 54), эти выводы понятны; съ точки же зрѣнія г. Гордона тотъ же формализмъ является уже логическимъ скачкомъ. „Отождествленіе предпріятія съ предпринимателемъ“ (стр. 61) и т. п. само собою разумѣется нельзя считать юридическимъ объясненіемъ.

¹⁾ Общества страхованія отъ огня также не отвѣчаютъ за пожаръ, если онъ явился послѣдствіемъ: 1) войны, возмущенія, гражданскихъ смутъ, землетрясенія, урагана, взрыва пороховаго погреба и т. п. 2) злаго умысла страхователя (уставы обществъ: с.-петербургскаго § 93, 1 российской § 58, 2 российской § 37, „Саламандра“ (полисн. условія) § 53, московскаго § 94, русскаго § 102, коммерческаго § 109, 3) измѣненія въ постройкѣ, увеличивающаго опасность (1 российской § 80, „Саламандра“ (полисн. условія) §§ 24 и 25, с.-петербургскаго § 59, „Русь“, (полисн. условія) § 20), 4) если движимое имущество безъ вѣдома общества перевезено въ другое помѣщеніе и т. д.

ховщикъ по условіямъ полиса, можетъ не отвѣчать за „непреодолимую силу“ то мы никоимъ образомъ не стали бы толковать этого выраженія въ томъ смыслѣ, что страховщикъ не отвѣчаетъ за то, чего онъ (т. е. страховщикъ) не могъ предотвратить, а постарались бы разъяснить этотъ терминъ внѣшними, формальными признаками и, разумѣется, никто бы не усмотрѣлъ въ этомъ ничего несправедливаго. То же самое вѣрно и въ примѣненіи къ желѣзной дорогѣ, разъ мы признаемъ ее страховщикомъ. Вся разница въ томъ, что грузъ находится *въ рукахъ желѣзной дороги*. Поэтому, если даже имѣется въ наличности „непреодолимая сила“, напр. пожаръ произошелъ отъ молніи, то дорога должна еще *сверхъ того* доказать, что грузъ сгорѣлъ *не по ея винѣ*, т. е. что она устроила громоотводы и т. д. На страховомъ же обществѣ, понятно, подобная обязанность лежать не можетъ. Такимъ образомъ, конечно, въ процессѣ съ желѣзною дорогою, въ видѣ исключенія, судъ обязанъ будетъ войти въ разсмотрѣніе разныхъ техническихъ, хозяйственныхъ и т. д. вопросовъ, которые въ процессѣ съ страховымъ обществомъ никогда возникать не могутъ.

Къ тому, что сказано уже было раньше, мнѣ остается добавить, что отвѣтственность по страховому принципу мнѣ кажется болѣе, чѣмъ когда либо подходящей къ современной организаціи перевознаго промысла. Организація желѣзнодорожнаго дѣла настолько сложна и, поэтому, настолько нуждается въ точныхъ данныхъ для хозяйственнаго расчета, что всякая попытка внести эти точныя данныя туда, гдѣ прежде расчетъ могъ быть основанъ только на данныхъ, крайне гадательныхъ, на статистикѣ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ спорнымъ, всякая такая попытка не можетъ не оказать услуги самимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Насколько мнѣ извѣстно, напр. въ Германіи, не было особенно сильной принципиальной оппозиціи со стороны предпринимателей противъ новаго закона о страхованіи рабочихъ, который почти замѣнилъ собою *Haftpflichtgesetz* 1871 г. Оппозиціи этой не было въ Германіи и не было бы ка-

жется, и у насъ въ Россіи, отчасти потому, что каждому купцу важно всегда въ точности расчесть свой пассивъ, а это возможно только при страховой отвѣтственности, особенно, если страховымъ полисомъ или закономъ опредѣлены въ точности не только условія, но и размѣръ, т. е. тахіишм отвѣтственности. Поэтому-то, какъ мы видѣли, наши дороги охотно согласились отвѣчать за *всякую* утрату или порчу груза въ суммѣ, напередъ объявленной (если она не превышаетъ дѣйствительно понесеннаго убытка), подъ условіемъ уплаты особой страховой преміи. Вообще страховому принципу отвѣтственности несомнѣнно принадлежитъ будущность во всѣхъ областяхъ промышленности.

3. Собственная вина грузохозяина.

Кромѣ „непреодолимой силы“, дорогу освобождаютъ еще отъ отвѣтственности за цѣлость груза: а) собственная вина грузохозяина, б) плохая упаковка, в) естественныя свойства самаго груза.

Казалось бы, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ освободить дорогу въ случаяхъ „собственной вины грузохозяина“. Въ дѣйствительности, однако, въ такой редакціи этотъ пунктъ 102 статьи находится въ дисгармоніи со стремленіемъ законодателя изгнать изъ желѣзнодорожнаго процесса всякіе вопросы о винѣ или невинности. Въ такой редакціи этотъ пунктъ не болѣе какъ скачекъ „dans l'inconnu“, одна изъ тѣхъ смутныхъ оговорокъ законодателя, которыя дѣлаются „на всякій случай“. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить случаи дурной упаковки (ст. 102 п. б), дурной нагрузки или выгрузки (ст. 104 п. в), вины провожатыхъ (ст. 104 п. е), перевозки груза въ открытыхъ вагонахъ по требованію отпратителя (ст. 104 п. а), то много ли, спрашивается, найдется еще на практикѣ случаевъ „собственной вины“ грузохозяина, которые бы оправдывали дорогу, по мысли самаго законодателя? Путемъ разныхъ натяжекъ *всегда* можно доказывать, что, не будь вины грузохозяина, не случилось бы и вреда. Доходятъ же, напр., нѣкоторые англійскіе юристы до

ж. гр. и уг. пр. кн. в 1887 г. §

того, что считаютъ крушеніе поѣзда случившимся *по винѣ пассажира*, потому что вольно же ему было выбрать именно этотъ поѣздъ, который потерпѣлъ крушеніе, т. е. служащихъ, по винѣ которыхъ оно произошло ¹⁾). Главный вопросъ въ томъ, какъ поступить, если виновны и дорога, и грузохозяинъ? По буквальной редакціи 1 пункта 102 ст. выходило бы, что тогда дорога освобождается отъ отвѣтственности ²⁾). Но очевидно, что такого толкованія допустить невозможно. Мы увидимъ далѣе, что даже въ специальныхъ случаяхъ вины грузохозяина, предусмотрѣнныхъ закономъ (см. выше), отвѣтственность отпадаетъ не всегда, а лишь при строго опредѣленныхъ въ законѣ условіяхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ, по нашему закону, долженъ быть рѣшенъ въ обратномъ смыслѣ, т. е., если виновны оба—грузохозяинъ и дорога, мало того (такъ какъ 1 пунктъ 102 ст. является исключеніемъ), если только можно предположить, что кромѣ грузохозяина виновна и дорога, то она отвѣчаетъ. Возьмемъ примѣръ, встрѣчающійся на практикѣ. Пропалъ багажъ. Причина пропажи та, что багажъ былъ отправленъ не туда, куда слѣдовало, а случилось это потому, что на немъ были другіе ярлыки, оставшіеся отъ прежнихъ перевозокъ. Пассажиръ, конечно, долженъ былъ позаботиться ихъ сорвать, но дорога все таки отвѣчаетъ, потому что и она должна была позаботиться о томъ же самомъ, какъ бы ей ни трудно было за этимъ услѣдить. Въ нѣмецкомъ законѣ (art. 395) „собственная вина грузохозяина“ не фигурируетъ, какъ извиняющее обстоятельство. Однако комментаторы (напр. *Eger*, I, *Frachtrecht*, I, 262) считаютъ ее такимъ обстоятельствомъ.

Что касается до ссылки 1 пункта 102 ст. на ст. 78, то значеніе этой ссылки не совсѣмъ ясно. Ст. 78 возлагаетъ на дорогу обязанность по требованію грузохозяина

¹⁾ Simon (цитировано у г. *Осецкого*. „Смерть и увѣче“ стр. 8)

²⁾ Нашъ законъ не знаетъ на эти случаи правилъ: „грѣхъ пополамъ“ и т. п., существующихъ, напр., въ австрійскомъ законодательствѣ.

возвратить грузъ обратно на станцію отправленія, задержать его въ пути и, наконецъ, выдать не тому лицу, которое указано въ накладной. Трудно понять, въ чемъ именно исполненіе этихъ требованій можетъ уменьшать отвѣтственность. Нѣтъ сомнѣнія, напр., въ томъ, что за гибель или порчу груза во время провоза его обратно на станцію отправленія, дорога отвѣчаетъ по общимъ правиламъ—развѣ, если грузъ испортится отъ времени,—но въ такомъ случаѣ примѣняются п. 6 102 ст. и п. 2 ст. 104. Германскія дороги ввели было нѣчто въ родѣ подписки обезпеченія на нѣкоторые изъ этихъ случаевъ, но Эгеръ справедливо признаетъ ихъ незаконными. Правда, что 78 ст. далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ требованій, какія грузохозяинъ можетъ предъявить къ дорогѣ. Онъ можетъ требовать, напр., уже послѣ отправки, чтобы грузъ былъ выданъ не иначе, какъ подѣ уплату наложеннаго платежа или же, наоборотъ, безъ уплаты наложеннаго платежа, чтобы товаръ былъ перегруженъ изъ открытыхъ въ крытые вагоны, чтобы упаковка его была исправлена, и дорога, въ виду 78 и 70 ст., вправѣ отклонить подобныя требованія только при наличности уважительныхъ причинъ.

4. Отсутствіе или недостаточность упаковки.

Отсутствіе или недостаточность упаковки—понятія вполне относительныя. Есть много товаровъ, для которыхъ дурная упаковка или отсутствіе упаковки составляетъ хроническую необходимость, такъ какъ иначе они стали бы слишкомъ дороги. Съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ надобность въ упаковке, вообще говоря, сильно уменьшилась; въ торговлѣ стали обращаться безъ упаковки не только сырые продукты, но и напр. металлическія издѣлія, кожи, мебель и т. д. Въѣсто того, однако, чтобы поощрять это явленіе улучшеніемъ своихъ перевозочныхъ средствъ, наши дороги, какъ и иностранныя, нерѣдко какъ бы стремились сдѣлать его невозможнымъ, отбирая на каждомъ шагѣ безъ серьезнаго основанія „подписки обезпеченія“ и т. п. Для примѣра беру условія пере-

возки Орловско-Витебской желѣзной дороги, которыя требуютъ подписку обезпеченія, освобождающую общество „отъ всякой отвѣтственности“ при приѣмѣ къ перевозкѣ такихъ грузовъ, „которыя *вовсе не упаковываются*, каковы, напр., лѣсные издѣлія, глиняные горшки проч.“. Мнѣ кажется, по этому, что хотя въ силу 64 статьи Устава „степень удовлетворительности упаковки опредѣляется начальникомъ станціи или особо къ тому уполномоченнымъ агентомъ желѣзной дороги“, но это нисколько не исключаетъ право суда войти въ обсужденіе этого вопроса и руководствоваться при его разрѣшеніи не только свойствами груза и избранными отправителемъ перевозочными средствами (ст. 63), но и самымъ устройствомъ этихъ средствъ, каковымъ оно *должно* быть.

Для выясненія истиннаго смысла 2 пункта 102 статьи, прежде всего необходимо сопоставить его со статьею 65 Устава, въ силу которой „неудовлетворительность упаковки освобождаетъ желѣзную дорогу отъ всякой отвѣтственности за пріостекающія изъ сего послѣдствія и возлагаетъ на отправителя обязанность возмѣстить ей причиненные такимъ его упущеніемъ убытки: а) *если желѣзная дорога докажетъ, что недостатки упаковки не могли быть замѣчены ею по наружному виду во время пріема груза*, и б) *если недостатки упаковки удостовѣрены порядкомъ, указаннымъ въ статьяхъ 63 и 64*“. Такимъ образомъ, дорогу освобождаютъ отъ отвѣтственности не всякіе недостатки упаковки, а лишь недостатки, незамѣтные для зрѣнія, обонянія, осязанія и т. п., или же хотя и замѣтные, но удостовѣренные при самомъ принятіи груза къ отправленію ¹⁾. Другими словами, изъ ст. 65 прямо слѣдуетъ, что, если дорога не позаботится объ удостовѣреніи замѣтныхъ недостатковъ упаковки раньше принятія груза къ отправленію, то она какъ бы тѣмъ самымъ беретъ эти недостатки на свой рискъ и не можетъ ими впо-

¹⁾ То же самое и по нѣмецкому закону, Eger, Frachtrecht I, S. 259; Hahn, II 432.

слѣдствіи оправдываться. Кромѣ того, если недостатки тары таковы, что прямо бросаются въ глаза, то естественно предположить, что они появились уже послѣ того, какъ грузъ перешелъ въ руки дороги, потому что иначе она обратила бы на нихъ вниманіе отправителя и поступила бы на точномъ основаніи 63—65 статей Устава. Эти соображенія объясняютъ намъ, почему законъ (какъ нашъ, такъ и нѣмецкій art. 395—424), не освобождаетъ желѣзныхъ дорогъ отъ отвѣтственности за послѣдствія явныхъ недостатковъ тары, если они не удостовѣрены при самомъ принятіи груза. Само собою разумѣется, что этого вывода нельзя опровергать ссылкой на первый пунктъ 102 ст. („собственная вина грузохозяина“), хотя бы уже по одной той причинѣ, что сравнительно съ этимъ послѣднимъ закономъ ст. 65 есть законъ спеціальнѣйшій и, какъ таковой, отмѣняетъ дѣйствіе общаго закона.

Что касается до „незамѣтныхъ недостатковъ“, то они освобождаютъ дорогу отъ отвѣтственности, если она докажетъ, что утрата или поврежденіе груза произошли именно отъ этихъ недостатковъ. Недостатки упаковки не могутъ считаться незамѣтными, если отправитель позаботился такъ или иначе обратить на нихъ вниманіе желѣзной дороги. Напр., вмѣсто того, чтобы отправлять стекло, легко воспламеняющіеся предметы и т. п. въ особо приспособленной тарѣ, отправитель избираетъ болѣе дешевый способъ упаковки, но при этомъ, въ видахъ осторожнаго обращенія, на упаковке дѣлается извѣстная надпись или рисунокъ (напр. стаканъ)¹⁾, хотя по большей части содержаніе такихъ мѣстъ и безъ того извѣстно агентамъ дороги. Принявъ такой грузъ безъ особой отмѣтки въ накладной, дорога не вправе оправдываться „незамѣтными недостатками, упаковки“. Если незамѣтные недостатки упаковки были обнаружены агентами дороги въ пути (напр. при передачѣ съ одной дороги на другую), то они не вправе отказаться, безъ особо уважительныхъ причинъ, отъ принятія мѣръ къ исправ-

¹⁾ H a h n, Commentar, II, 608.

ленію упаковки за счетъ грузохозяина (ст. 70); въ противномъ случаѣ на дорогу можетъ пасть отвѣтственность за произошедшія послѣ этого послѣдствія дурной упаковки. На ст. 70, которая возлагаетъ эту обязанность на желѣзную дорогу, очевидно, нельзя смотрѣть какъ на *pium desiderium* законодателя.

Напротивъ, если недостатки тары явные и о нихъ сдѣлана отмѣтка въ накладной самимъ отправителемъ, то никакихъ мѣръ къ ея исправленію дорога принимать не обязана, потому что самъ отправитель не пожелалъ ее исправить, а слѣдовательно не пожелалъ и того, чтобы ее исправила дорога на его счетъ.

О явныхъ недостаткахъ тары мы сказали, что дорога не отвѣчаетъ за ихъ возможные послѣдствія только тогда, *когда они удостовѣрены до отправки груза*. Какое же требуется удостовѣреніе? Ст. 63 и 64 предусматриваютъ три способа удостовѣренія недостатковъ тары: 1) отмѣтку въ накладной, сдѣланную отправителемъ, 2) особое заявленіе отправителя и 3) протоколъ, который составляется въ случаѣ, если агенты дороги признаютъ тару неудовлетворительною и отправитель откажется ихъ исправить. Изъ этихъ трехъ способовъ наиболѣе существеннымъ является первый. Отмѣтка въ накладной, какъ видно изъ 2 пункта ст. 104 (значеніе этого пункта см. ниже) и 5 пункта ст. 57, составляетъ *conditio sine qua non* для освобожденія желѣзной дороги отъ отвѣтственности, потому что накладная служитъ доказательствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, участвующихъ въ договорѣ перевозки (ст. 55). Если отправитель не согласится на такую отмѣтку, то дорогѣ остается отказать въ приѣмъ груза. Что же касается до двухъ другихъ способовъ удостовѣренія, то они имѣютъ вспомогательное значеніе. Дорога вправе потребовать „особаго заявленія“ для большаго своего обезпеченія, а протоколъ требуется собственно только для разрѣшенія „пререканій“ (см. проектъ барановской комисіи ст. 187) ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ того, протоколъ требуется еще тогда, когда недостатки упа-

Если недостатки тары удостовѣрены отмѣткою отправителя въ накладной, то дорога не только освобождается отъ отвѣтственности за послѣдствія этихъ недостатковъ, но, сверхъ того, не обязана доказывать, что утрата или поврежденіе груза произошли именно отъ нихъ, если только по характеру и размѣру утраты или порчи можно допустить такое предположеніе (презумпцію). Мы увидимъ ниже, что такое именно значеніе слѣдуетъ придать всей вообще 104 статьѣ, а слѣдовательно и 2 пункту ея, который повторяетъ постановленіе 65 статьи Устава и является, собственно говоря, совершенно излишнимъ. Замѣчу здѣсь только, что пунктъ этотъ редактированъ неудачно. Если полагаться на буквальную его редакцію, то выходитъ, что дорога не отвѣчаетъ только за поврежденіе, которое могло произойти отъ дурной тары, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она не отвѣчаетъ и за частичную утрату (напр. утечку, разтруску и даже похищеніе), которая могла произойти отъ той же причины (ст. 65), и это подтверждается словами самой же этой статьи („для того, чтобы не подвергать его утратѣ или поврежденію“).

„Особое заявленіе“ отправителя, о которомъ я говорилъ выше, есть то же, что „подписки обезпеченія“, которыя такъ часто отбирались нашими дорогами, главнымъ образомъ, изъ за тары, и нерѣдко признавались недѣйствительными по рѣшеніямъ нашихъ судовъ. И въ настоящее время подобное „особое заявленіе“ можетъ быть признано вполне или отчасти недѣйствительнымъ въ силу 6 статьи Устава, если напр., изъ-за нѣсколькихъ рваныхъ мѣшковъ дорога снимаетъ съ себя отвѣтственность за цѣлый вагонъ хлѣба (какъ это бывало у насъ раньше).

ковки замѣчены въ пути и агенты дороги приступаютъ къ исправленію тары за счетъ грузохозяина.—Правилами, утвержденными въ 1886 году совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, вопросъ этотъ, впрочемъ, рѣшенъ иначе: правила эти признаютъ одинъ протоколъ достаточнымъ доказательствомъ неудовлетворительной упаковки (*Указатель* мин. путей сообщ. 1886 г. № 9).

5 пунктъ статьи 102.

О вредѣ „отъ свойствъ самаго груза“ говорятъ: 3 пунктъ ст. 102, 4 пунктъ ст. 104 и, наконецъ, ст. 106. Причина этого обилія законовъ, соединеннаго съ обиліемъ противорѣчій, заключается въ крайней небрежности, съ какою составители нашего Устава подчасъ переводили нѣмецкій оригиналъ, мало вникая въ его смыслъ. Ст. 102 освобождаетъ желѣзную дорогу отъ отвѣтственности, *если она докажетъ*, что вредъ произошелъ „отъ свойствъ самаго груза, какъ-то: внутренней порчи, *установленныхъ* усышекъ, утечекъ и раструски“. Ст. 104 освобождаетъ дорогу отъ отвѣтственности за „ущербъ въ такихъ грузахъ, которые, по самымъ свойствамъ своимъ, подвержены *полной* или частичной уtratѣ или поврежденію, какъ-то: поломкѣ, ржавчинѣ, внутренней порчѣ, утечкѣ, раструскѣ и усышекъ *свыше установленной нормы*“, *если можно предположить* (см. объясненіе къ ст. 104), что ущербъ произошелъ отъ какой либо изъ исчисленныхъ причинъ. Наконецъ, ст. 106, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, освобождаетъ дорогу отъ отвѣтственности „за *недостачу въ вѣсѣ* такихъ грузовъ, которые, по естественнымъ свойствамъ своимъ, подвержены во время перевозки убыли *въ вѣсѣ*“, если недостача эта не превышаетъ „размѣра допустимой убыли“. Изъ нижеслѣдующихъ объясненій къ ст. 104 и 106 видно, что въ виду противорѣчія между этими тремя законами, предпочтенія заслуживаютъ послѣдніе два, а за симъ — первый изъ нихъ, т. е. 3 пунктъ 102 статьи на практикѣ долженъ оставаться почти безъ примѣненія. Если утечка, усышка и т. п. *не* превышаютъ „размѣра допустимой убыли“ то вопросъ объ отвѣтственности дороги долженъ быть рѣшенъ на основаніи ст. 106. Если же онѣ *превышаютъ* этотъ размѣръ, или же грузъ подвергся внутренней порчѣ, воспламенился, сгнилъ, разбился и т. п., то вопросъ объ отвѣтственности дороги разрѣшается на основаніи ст. 104. Подъ 3 пунктъ 102 статьи можетъ подойти развѣ только такое исключительное явленіе, какъ недостача въ *мѣрѣ* (безъ недостачи въ *вѣсѣ*), если она не превышаетъ „установленнаго“

размѣра. Такую недостачу предусматриваетъ нѣмецкій законъ, который говоритъ о грузахъ „подверженныхъ при перевозкѣ утратѣ вѣса или мѣры („oder an Mass“). У насъ же она не предусматривана ни 104, ни 106 статьею, но можетъ подойти подъ ст. 102, такъ какъ въ послѣдней говорится вообще объ „утратѣ или поврежденіи груза“.

6. Выдача груза. Передача въ таможену.

Дорога отвѣчаетъ за утрату или поврежденіе груза, „послѣдовавшія въ теченіи времени *отъ заключенія договора (ст. 61) до выдачи груза*“. Такъ какъ о моментѣ „заключенія договора“ я говорилъ уже раньше (ст. 98), то остается сказать нѣсколько словъ о моментѣ „выдачи груза“. Грузъ считается „выданнымъ“ тогда, когда онъ, съ согласія получателя, не находится болѣе *въ вѣдѣніи*. желѣзной дороги, хотя бы онъ и оставался въ ея районѣ. Съ того момента, какъ грузъ принятъ получателемъ, дорога не отвѣчаетъ за дальнѣйшую его утрату или поврежденіе, хотя бы они произошли въ ея районѣ (напр. при вывозѣ груза изъ товарной станціи, при нагрузкѣ на возы и т. д.). Получатель можетъ и не принимая груза „изъ рукъ въ руки“, изъять его изъ вѣдѣнія дороги простымъ заявленіемъ, простою роспискою въ принятіи. Съ этого момента отвѣтственность за дальнѣйшую утрату или поврежденіе (по 102 статьѣ) не можетъ имѣть мѣста. Если грузъ, принятый получателемъ и оставленный имъ на станціи назначенія, пропасть или поврежденъ, то дорога можетъ отвѣчать за это только тогда, когда получатель докажетъ вину ея служащихъ.

Грузъ можетъ считаться выданнымъ *не ранѣе того, какъ онъ выгруженъ изъ вагоновъ*, не исключая и того случая, когда выгрузка производится *самимъ получателемъ*. Если бы въ послѣднемъ случаѣ грузъ могъ считаться выданнымъ уже ранѣе, то, очевидно, не имѣлъ бы смысла 3 пунктъ 104 статьи, *освобождающій* дорогу отъ отвѣтственности за ущербъ, зависящій отъ производства выгрузки *самимъ получателемъ*—и только за такой ущербъ.

До выдачи груза дорога отвѣчаетъ по всей строгости 102 статьи. Поэтому, если грузъ по прибытіи на станцію назначенія не принятъ своевременно получателемъ, отвѣтственность за его цѣлость отъ этого *не уменьшается*; тогда *assipendi* со стороны грузохозяина не имѣетъ значенія. Въ двухъ законодательствахъ за тогда *assipendi* со стороны одного контрагента вообще признается значеніе обстоятельства, смягчающаго или даже вовсе устраняющаго отвѣтственность другого контрагента. По нѣмецкому и французскому закону, желѣзная дорога отвѣчаетъ за грузъ, не принятый своевременно получателемъ, только въ такой мѣрѣ, въ какой отвѣчаетъ *поклажеприниматель*. По англійскому праву, которое, какъ мы видѣли, прямо приравниваетъ отвѣтственность возчика къ отвѣтственности страховщика, возчикъ перестаетъ быть страховщикомъ, послѣ того, какъ грузъ прибылъ на мѣсто назначенія; онъ отвѣчаетъ тогда только за свою небрежность¹⁾. Точно такъ же по прежнимъ „условіямъ перевозки“ нашихъ дорогъ „застрахованная кладь“ по истеченіи maximum 7 дней со времени прибытія ея на мѣсто назначенія приравнивалась къ незастрахованной, т. е. въ случаѣ ея пропажи или порчи дорога отвѣчала въ размѣрѣ не свыше 5 р. съ пуда. Всего этого Уставъ не признаетъ, что является несправедливымъ въ отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ силу ст. 98 дорога отвѣчаетъ за грузъ, *хранящійся на станціи отправленія*, только по общему закону, т. е. на точномъ основаніи 2105 ст. т. X. Очевидно, что было бы вполне справедливо распространить это правило и на время храненія груза *на станціи назначенія*. Въ томъ и другомъ случаѣ грузъ находится болѣе или менѣе на глазахъ у грузохозяина, вслѣдствіе чего и нѣтъ надобности въ усиленной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ. Этотъ пробѣлъ въ законѣ не можетъ быть восполненъ ссы-

¹⁾ „He is not an insurer after the goods have arrived at their destination. He then becomes liable only where negligence is shown“. Smith. A treatise on the law of negligence, p. 103—104.

кою на 1 пунктъ 102 статьи (собственная вина грузохозаина), по той простой причинѣ, что пунктъ этотъ примѣняется только тогда, когда между утратою или поврежденіемъ груза и виною грузохозаина точно установлена несомнѣнная *причинная связь*.

Только въ исключительныхъ случаяхъ „чрезмѣрнаго накопленія грузовъ и медленной приѣмки ихъ получателями“ дорога вправѣ съ разрѣшенія министра путей сообщенія передавать прибывшіе грузы въ частные склады для храненія“ *за счетъ и рискъ грузохозаевъ* (ст. 81). Въ этихъ случаяхъ передача въ складъ равносильна выдачѣ груза самому грузохозаину (ст. 102); т. е. совершенно освобождаетъ дорогу отъ отвѣтственности за дальнѣйшую судьбу груза, хотя дорога, разумѣется, отвѣчаетъ за надлежащій выборъ склада (*culpa in eligendo*). Правомъ передачи въ складъ дорога пользуется обыкновенно только тогда, когда ей ничего не причитается съ грузохозаина, потому что на основаніи ст. 85 грузъ служитъ обезпеченіемъ причитающихся дорогѣ платежей только до тѣхъ поръ, покуда онъ находится въ рукахъ дороги или третьяго лица, „хранящаго оный *за счетъ дороги*“.

Выдачѣ груза, кромѣ того, равносильна передача его въ таможенную *по доставкѣ на мѣсто назначенія*. На послѣднія слова 102 статьи необходимо обратить особое вниманіе. Передача въ таможенную считается выдачею только тогда, когда она произведена въ мѣстѣ назначенія. Если же эта передача послѣдовала въ пути (въ пограничную таможенную), то она не только неравносильна выдачѣ, но и вообще врядъ-ли сама по себѣ можетъ уменьшать отвѣтственность дороги. Еслибы временная передача груза въ пограничную таможенную считалась выдачею хотя бы и временной, то отсюда вытекало бы явно невозможное послѣдствіе: грузохозаинъ обязанъ былъ бы доказать не только то, что онъ сдалъ грузъ дорогѣ въ неповрежденномъ видѣ, но и то, что порча или утрата (разумѣется, частичная) не произошла во время нахождения груза въ пограничной таможнѣ. Если, такимъ образомъ, какъ это

явствуетъ изъ буквального смысла и мотивовъ 102 ст., временная передача въ пограничную таможенную не есть выдача, то ео ipso грузъ, хотя бы и переданный въ такую таможенную, считается остающимся въ вѣдѣніи дороги и она отвѣчаетъ за его цѣлость *на общемъ основаніи*, т. е., она освобождается отъ отвѣтственности только тогда, когда докажетъ наличность одной изъ причинъ, указанныхъ въ статьяхъ 102, 104 и 106. Дорога, по буквѣ и смыслу закона, не можетъ оправдываться однимъ лишь тѣмъ, что *утрата или поврежденіе груза произошли по винѣ пограничныхъ таможенныхъ чиновниковъ*. Она можетъ оправдываться только тѣмъ, что составляетъ „непреодолимую силу“ въ изложенномъ выше смыслѣ этого термина. Если нѣтъ въ наличности „непреодолимой силы“, то дорога вообще отвѣчаетъ за вину постороннихъ лицъ, а въ томъ числѣ и таможенныхъ чиновниковъ ¹⁾. Въ подтвержденіе же того положенія, что дорога можетъ отвѣчать за вину постороннихъ лицъ, могу сослаться на рѣшеніе нашего сената 1885 г. № 38, въ которомъ сенатъ разъяснилъ, что пароходное общество отвѣчаетъ не только за вину своихъ служащихъ, но и за вину присяжныхъ лоцмановъ, которые на службѣ у общества не состоятъ и *услуги которыхъ для пароходоладельцевъ обязательны*.

На практикѣ придется различать случаи, когда пограничная таможня находится въ районѣ желѣзной дороги (наприм., на вокзалѣ) и внѣ этого района. Это имѣетъ значеніе при разрѣшеніи вопроса о наличности „непреодолимой силы“, какъ бы мы ни понимали этотъ терминъ. Если бы даже вопросъ шелъ только о винѣ или невиновности дороги, то и тогда, очевидно, за цѣлость груза, находящагося въ ея районѣ, дорога скорѣе можетъ услѣдить и т. д. Далѣе, при-

¹⁾ Это положеніе не покажется страннымъ, если вспомнить, что мотивъ усиленной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ — желаніе исполнѣи освободить грузохозяина отъ бремени доказательства. Если бы дороги позволили хоть одинъ разъ сваливать вину на таможню, то она могла бы это дѣлать при каждой заграничной отправкѣ и грузохозяинъ былъ бы противъ этого безоруженъ.

дётся различать случаи: 1) когда въ пограничной таможенѣ происходитъ самый досмотръ грузовыхъ мѣстъ (вскрытіе, взвѣшиваніе, пломбировка и т. д.) и 2) когда дѣятельность ея ограничивается однимъ наложеніемъ пломбъ и замковъ на вагоны съ грузомъ, подлежащимъ досмотру во *внутреннихъ* складочныхъ таможняхъ. Въ послѣднемъ случаѣ врядъ-ли вообще можетъ быть рѣчь о винѣ пограничной таможни въ утратѣ или порчѣ груза.

Само собою разумѣется, однако, что если дорога отвѣчаетъ предъ грузохозяиномъ за вредъ, причиненный грузу въ пограничной таможенѣ, она вправѣ отыскивать съ этой таможни понесенные ею убытки ¹⁾.

¹⁾ Если дорога привлекаетъ таможню къ дѣлу въ качествѣ третьяго лица, то отъ этого дѣло не перестаетъ быть подсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ (см. рѣш. сената 1882 г. по д. херсонско-бессарабскаго управленія государ. имущ.).—Отношенія между желѣзными дорогами, грузохозяевами и таможеннымъ вѣдомствомъ по сложности своей должны составить предметъ особаго закона, проектъ котораго былъ выработанъ въ январѣ прошлаго года особымъ желѣзнодорожнымъ съѣздомъ при участіи представителей отъ казны.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ¹⁾.

(По мѣстнымъ общественнымъ и официальнымъ даннымъ Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи).

Желая изучить платежныя средства и тяжести сельскаго населенія Россіи при помощи мѣстнаго изслѣдованія, основаннаго на всестороннихъ статистическихъ и бытовыхъ данныхъ, мы остановились въ выборѣ мѣстности на кирилловскомъ уѣздѣ новгородской губерніи, такъ какъ располагали спеціально собранными по этой мѣстности матеріалами, относящимися до государственнаго, земскаго и другаго общественнаго обложенія.

Выгоды избранной нами мѣстности состояли, между прочимъ, въ возможности изучить всѣ три рода крестьянъ, какъ-то: бывшихъ временнообязанныхъ, удѣльныхъ и государственныхъ, въ почти исключительно земледѣльческомъ характерѣ быта и въ сравнительной простотѣ и незапутанности составныхъ элементовъ населенія. При такихъ условіяхъ была полная возможность получить при изслѣдованіи болѣе точные и ясные выводы.

¹⁾ Настоящій трудъ былъ представленъ авторомъ на соисканіе преміи имени князя А. И. Васильчикова въ с.-петербургское отдѣленіе комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и 27 октября 1886 г. удостоенъ преміи, но въ настоящемъ изложеніи онъ печатается съ значительными сокращеніями подробностей, неимѣющихъ общаго интереса, а также безъ нѣкоторыхъ основныхъ таблицъ, которыхъ въ первоначальномъ трудѣ было XVIII.

Примѣчаніе редакціи.

Кириловскій уѣздъ занимаетъ сѣверо-восточный уголь новгородской губерніи и граничитъ съ запада и юга съ бѣлозерскимъ и череповскимъ уѣздами той же губерніи, съ востока—съ вологодскимъ и кадинковскимъ уѣздами вологодской губерніи, а съ—сѣвера съ вытегорскимъ и каргопольскимъ уѣздами олонецкой губерніи. Онъ лежитъ между 59° и 61,7° сѣверной широты и 55° и 58° восточной долготы, въ области великихъ озеръ, изъ которыхъ озеро Воже или Чарондское цѣликомъ находится въ его границахъ, а Бѣлое озеро примыкаетъ къ нему своими сѣверными и восточными берегами. Въ историческомъ отношеніи мѣстность, занимаемая уѣздомъ, принадлежитъ къ древнѣйшимъ областямъ Россіи. По преданію, Бѣлозерскъ, служившій одною изъ столицъ первыхъ русскихъ княжествъ еще въ IX вѣкѣ, находился на сѣверномъ берегу Бѣлаго озера въ предѣлахъ кириловскаго уѣзда.

Дальнѣйшая историческая судьба края въ удѣльный періодъ измѣнялась нѣсколько разъ и область уѣзда постепенно входила въ составъ княжествъ: новгородскаго, переславльскаго, суздальскаго, владимірскаго и, наконецъ, московскаго. Существовали здѣсь въ XIII и XIV вѣкахъ и мелкіе княжескіе удѣлы, оставившіе о себѣ воспоминаніе въ фамиліяхъ князей Кемскихъ, Ухтомскихъ и Бѣлозерскихъ. Въ XV же, XVI и XVII вѣкахъ этотъ край былъ также центромъ духовнонравственной и культурной жизни, благодаря дѣятельности преподобныхъ Кирилла Бѣлозерскаго и Нила Сорскаго и основанныхъ ими до сего времени существующихъ монастырей. Кириловскій уѣздъ образованъ при Екатеринѣ II по учрежденію о губерніяхъ въ 1786 году, но потомъ онъ вошелъ въ составъ бѣлозерскаго уѣзда и вновь восстановленъ уже въ 1802 году.

Въ настоящихъ его границахъ пространство кириловскаго уѣзда равняется 266 кв. милямъ или 13070 верстамъ ¹⁾. Въ томъ числѣ: подъ сушею 12168 кв. верстъ, подъ остро-

¹⁾ Памятная книжка новгородской губерніи на 1885 г., стр. 3.

вами 2,9 кв. версты и подъ озерами 899,1 кв. версты, слѣдовательно, суша составляетъ 93,2% всей поверхности уѣзда, а озера—6,8%. Поверхность уѣзда, включая водныя пространства, по даннымъ генеральнаго межеванія составляетъ 1260308 десятинъ 1450 кв. сажень ¹⁾. Въ томъ числѣ удобной 1166639 дес. 83 саж. и неудобной 93669 дес. 1367 саж. Изъ всего же числа подъ разнаго рода болотами, покрытыми лѣсомъ, кустарникомъ и травой 97717 дес. 106 кв. сажень. Исключая изъ всего пространства болота и водныя пространства (57672 дес. 805 саж.), мы получимъ общее количество сухоходольной и удобной для культуры земли 1104919 дес. 539 сажень. Такимъ образомъ, сухоходольныя пространства составлять 92% всей суши, занимаемой уѣздомъ, а болота немногимъ болѣе 8%. Изъ числа удобной для культуры земли составляетъ:

усадебн. земля	2160 дес. 709 саж. или	0,18%	всего числа
пашня . .	68906 — 1351 — —	6,25%	— —
чистый покосъ	20997 — 124 — —	1,90%	— —
лѣсной покосъ	42964 — 2324 — —	3,89%	— —
суходол. лѣсъ	965745 — 944 — —	87,40%	— —

Слѣдовательно, полевая угодья въ уѣздѣ составляютъ около $\frac{1}{12}$ всей земли, а лѣса—болѣе $\frac{9}{10}$. Почва уѣзда состоитъ преимущественно изъ супеска и суглинка, а въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда изъ сѣрой земли (подзола), образовавшейся благодаря обильному удобренію изъ перегноя растительныхъ веществъ. Слой почвы въ большинствѣ уѣзда не глубокъ и требуетъ постояннаго удобренія. Даже со вновь раздѣланныхъ лѣсныхъ подсѣвъ рѣдко снимаютъ болѣе двухъ хлѣбовъ.

Климатъ въ уѣздѣ суровый и нѣсколько влажный, по причинѣ значительныхъ водныхъ бассейновъ и большого количества лѣсовъ и болотъ. Онъ мало отличается отъ климата сосѣдняго череповскаго уѣзда, для котораго землевла-

¹⁾ Вѣдомость статистическаго бюро новгородской губернской земской управы собранію 1884 г., стр. VIII и IX.

дѣлецъ В. Э. Кравковъ, на основаніи десятилѣтнихъ наблюденій, съ 1875 по 1885 г.г., вычислилъ среднюю годовую температуру по реомюру $+2,4$ ¹⁾). Онъ же опредѣлилъ среднія температуры: зимы $-7,7$, весны $+3,7$, лѣта $+13$ и осени $+0,6$. Лѣтній сезонъ, посвящаемый населеніемъ земледѣльческимъ работамъ и сопровождаемый благопріятной погодой, обнимаетъ лишь время съ 1 іюня по 15 августа. Остальное время, за исключеніемъ пяти съ половиной мѣсяцевъ суровой зимы, идетъ на холодныя и дождливыя осень и весну, сопровождаемыя сильными и почти постоянными вѣтрами, между которыми преобладаютъ N и NO. Въ силу такихъ климатическихъ условий и наступающихъ съ первыхъ чиселъ августа заморозковъ яровые хлѣба — ячмень, пшеница и даже овесъ не всегда дозрѣваютъ. Поэтому наибольшіе шансы на урожай даетъ озимовая рожь.

Географическое положеніе уѣзда по отношенію къ главнымъ хозяйственнымъ условіямъ народнаго быта слѣдующее. Поверхность уѣзда представляетъ собою равнину, лежащую надъ уровнемъ моря на высотѣ отъ 700 до 1000 футовъ, кромѣ сѣверной окраины озера Воже, спускающейся до 350 футовъ ²⁾). Хотя уѣздъ пересѣкается отрогами олонецкихъ горъ, но горнозаводской дѣятельности въ немъ нѣтъ и минеральныхъ богатствъ не существуетъ, кромѣ незначительныхъ сѣрныхъ ключей въ приходахъ волоховскомъ и хотѣновскомъ. Уѣздъ лежитъ въ полосѣ, имѣющей ежегодно 22 дюйма атмосферныхъ осадковъ при 140 дождливыхъ дняхъ. По густотѣ населенія уѣздъ относится къ области, имѣющей до 500 жителей на одну квадратную милю. Относительно растительности онъ лежитъ въ полосѣ ржи и льна, при урожаѣ $2\frac{1}{2}$ четверти хлѣба на одну душу, необеспечивающемъ продовольствія населенія. Скотоводство въ уѣздѣ развито недостаточно, такъ какъ новгородская губернія имѣетъ менѣе одного милліона головъ рогатаго скота и

¹⁾ Памятная книжка новгородской губерніи на 1885 г., стр. 5.

²⁾ Учебный атласъ Россіи И. Подубный, С.-Петербургъ, 1884 года.
ж. гр. и уг. пр. кн. т 1887 г.

менѣе полумилліона лошадей. Обрабатывающая промышленность развита въ уѣздѣ слабо и въ немъ нѣтъ никакихъ фабрикъ, кромѣ лѣсопильныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Излишекъ свободныхъ рабочихъ рукъ направляется въ Петербургъ и его фабричный районъ, а лѣтомъ—на заработки на маринскую водяную систему, пролегающую по западной границѣ уѣзда. Все населеніе кириловскаго уѣзда принадлежитъ къ великорусскому племени, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда замѣтна примѣсь финскаго элемента, особенно въ сѣверовосточной части уѣзда, въ такъ называемомъ зачарондскомъ краѣ, гдѣ жители обладаютъ многими физическими чертами финскаго типа: угловатыми чертами лица, покрытаго сплошь веснушками, свѣтловатыми волосами и т. п. Точно также въ этомъ краю встрѣчаются многія названія селеній очевидно финскаго происхожденія, какъ напримѣръ: вожга, чужга, тавенга, тингатомъ и т. п. По собраннымъ мѣстной уѣздной земскою управою въ 1882 году свѣдѣніямъ крестьянское населеніе кириловскаго уѣзда составляетъ 93147 душъ обоого пола ¹⁾. Кромѣ того, въ уѣздѣ проживаетъ лицъ другихъ сословій 1834 ²⁾, итого 94981 душа обоого пола. Въ городѣ же Кириловѣ жителей всѣхъ сословій 4266, а всего въ городѣ и уѣздѣ 99247 душъ обоого пола.

Несмотря на неблагопріятныя условія сельскаго хозяйства, въ общемъ, экономическое положеніе населенія, благодаря его энергіи и трудолюбію, вполне удовлетворительное, о чемъ свидѣтельствуютъ сравнительно незначительныя недоимки по податямъ и сборамъ, составлявшія на 1 января 1885 г. 88 коп. на душевой земельный надѣлъ и сравнительно достаточная домашняя обстановка крестьянскаго населенія.

¹⁾ Журналы кириловскаго уѣзднаго земскаго собранія 1883 г. стр. 62.

²⁾ Памятная книжка новгородской губерніи на 1885 г., стр. 8 и 9.

1. Группы плательщиков и количество платежных единиц.

Сельское население, какъ въ отношеніи всѣхъ условій его хозяйственнаго быта, такъ и въ отношеніи платежныхъ тягостей, дѣлится на отдѣльные классы или группы. Послѣ реформъ прошлаго царствованія сословныя различія, вліявшія не только на юридическій, но и на экономическій строй деревни, совершенно исчезли. Съ отмѣною крѣпостнаго права дворяне помѣщики обратились въ обыкновенныхъ землевладѣльцевъ, которымъ пришлось на свой страхъ и уже при помощи личныхъ усилій и труда вести свое усадѣбное хозяйство. Крестьяне же, свергнувъ позорное ярмо рабства, обратились въ свободныхъ гражданъ и земледѣльцевъ, на плоды труда которыхъ никто не имѣетъ права, кромѣ ихъ самихъ и государства, облагающаго ихъ податными сборами. Купцы, мѣщане и разночинцы, получивъ право пріобрѣтать земли и скупивъ значительную долю деревенской территоріи, вышли изъ прежняго зависимаго отъ дворянства положенія и заняли мѣсто рядомъ съ нимъ, какъ мѣстные землевладѣльцы.

Даже само духовенство потеряло свойзамѣнутый характеръ: въ его среду свободно допускаются теперь новые элементы, а выходъ изъ духовнаго званія еще свободнѣе. Съ мнѣніемъ нашимъ согласны всѣ опытные изслѣдователи народной жизни ¹⁾. Поэтому, если принимать во вниманіе одно коренное населеніе деревни, владѣющее землей, то его можно раздѣлить лишь на три класса: духовенство, крестьянъ и землевладѣльцевъ. Но принимая во вниманіе характеръ хозяйственной дѣятельности разныхъ лицъ двухъ послѣднихъ группъ и разницу экономической обеспеченности ихъ быта, мы должны будемъ разбить обѣ группы на новыя подраздѣленія. Такъ,

¹⁾ См. статью Юзова „Будущность сословій“—Русское богатство, январь 1885 г., стр. 175—183.

крестьяне, вследствие разнообразія ихъ хозяйственной обстановки, а частію и въ силу вліянія еще недавняго прошлаго, должны быть разбиты на три подраздѣленія: бывшихъ помѣщичьихъ, бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Слово „бывшихъ“ для краткости условимся выпускать, и дальше будемъ называть намѣченныя нами три группы крестьянъ просто помѣщичьими, удѣльными и государственными, не забывая однако, что, кромѣ экономической обстановки, это юридически вполнѣ равноправныя лица. Первымъ основаніемъ отграниченія крестьянскихъ группъ служить размѣръ и качество земельныхъ угодій, поступившихъ имъ въ пользованіе: помѣщичьи крестьяне надѣлены угодьями бѣднѣе, значительная часть земель, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, отрѣзана въ пользу помѣщика, а у нѣкоторыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и до сего времени не сдѣланы отводъ и отграниченіе надѣла въ натурѣ. Государственные крестьяне надѣлены землею въ значительно большемъ количествѣ, превышающемъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вдвое помѣщичій надѣлъ, и земли ихъ правильно измѣрены и отграничены. Удѣльные крестьяне въ отношеніи надѣла занимаютъ среднее мѣсто между предъидущими группами. Вторымъ основаніемъ дѣленія крестьянъ на группы служатъ размѣры податныхъ платежей, болѣе высокіе у помѣщичьихъ крестьянъ, меньшіе—у крестьянъ государственныхъ и еще менѣе значительные у крестьянъ удѣльныхъ. Въ кириловскомъ уѣздѣ есть еще особые условія раздѣленія крестьянъ на три означенныя группы. Крестьяне помѣщичьи живутъ преимущественно во внутреннемъ районѣ уѣзда, изобилующемъ лѣсами и болотами, и только отчасти при Бѣломъ озерѣ, чѣмъ объясняется и характеръ ихъ подсобныхъ промысловъ, заключающихся въ судостроеніи, сплавлѣ лѣсовъ, бурлачествѣ и рыбной ловлѣ, а развитіемъ этихъ промысловъ до извѣстной степени объясняется невысокій уровень земледѣльческаго хозяйства крестьянъ. Удѣльные крестьяне обитаютъ въ сѣверномъ и сѣверовосточномъ концахъ уѣзда, вокругъ озера Чарондскаго и почти совершенно лишены мѣст-

ных промысловъ, вслѣдствіе чего за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній, занимающихся рыболовствомъ въ озерѣ Чарондскомъ, прочно держатся за земледѣліе, которое у нихъ даетъ вполне обезпечивающій ихъ потребности урожай.

Только одна удѣльная волость спасская лежитъ вблизи рѣки Шексны и города Кирилова. Казенные же крестьяне, наиболѣе обезпеченные землею, живутъ въ пригородномъ районѣ и, имѣя удовлетворительное полевое хозяйство, они имѣютъ и хорошіе заработки, какъ мѣстные, такъ и отхожіе, въ Петербургѣ и на маринской системѣ. Къ группѣ помѣщичьихъ крестьянъ относятся семь волостей съ населеніемъ 13412 душъ обоего пола.

Къ группѣ крестьянъ удѣльныхъ относятся также семь волостей съ населеніемъ 41851 душа.

Остальныя восемь волостей населены государственными крестьянами и въ нихъ числится 37884 души.

Такимъ образомъ въ общемъ числѣ крестьянскаго населенія кириловскаго уѣзда крестьяне помѣщичьи составляютъ 14,46%, государственные 40,69% и удѣльные 44,85%.

Изъ класса уѣздныхъ земледѣльцевъ также необходимо выдѣлить двѣ особыя группы: дворянъ и землевладѣльцевъ другихъ сословій, хотя социальное и юридическое положеніе ихъ въ общемъ одно и то же. Основаніемъ для этого служатъ слѣдующія соображенія. Во первыхъ, дворяне землевладѣльцы, при нѣкоторой, хотя и слабой сословной организаціи и связи, имѣютъ между собою многіе общіе интересы, тогда какъ землевладѣльцы другихъ сословій совершенно разобщены между собою. Во вторыхъ, дворяне несутъ особый налогъ — частный дворянскій сборъ, отъ котораго свободны прочіе землевладѣльцы. Въ третьихъ, особенное различіе двухъ названныхъ группъ составляетъ самый характеръ хозяйственной дѣятельности дворянъ и прочихъ землевладѣльцевъ. Дворяне занимаются почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ и живутъ на доходы съ разнаго рода земельныхъ угодій, тогда какъ землевладѣльцы второй группы, сверхъ земледѣльческаго хозяйства, котораго иногда и вовсе не ведутъ, занимаются

промышленностью и торговлею. Эти новые помѣщики русской деревни и на самое владѣніе землей смотрятъ исключительно съ торговопромышленной точки зрѣнія, дорожа только такою землею, которая лежитъ въ населенной мѣстности, удобной для торговли, или таковой, которая даетъ возможность быстро обнажить себя отъ естественныхъ богатствъ, каковы лѣсныя пространства. Поэтому занятіе лѣсною и фабричною промышленностію составляетъ необходимую принадлежность землевладѣльцевъ недворянскаго сословія. Такъ какъ въ силу своей торговопромышленной дѣятельности землевладѣльцы недворяне платятъ промысловой налогъ, то мы, въ отличіе отъ землевладѣльцевъ коренныхъ, т. е. отъ дворянъ, будемъ называть ихъ торговопромышленнымъ классомъ, въ который, по объясненнымъ выше соображеніямъ, войдутъ землевладѣльцы изъ купцовъ, торгующихъ крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Поэтому сельское населеніе изслѣдуемаго нами вириловскаго уѣзда распадается на шесть отдѣльных общественныхъ группъ: дворянъ, духовенство, торговопромышленный классъ, крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ крестьянъ и государственныхъ крестьянъ. Крестьяне безземельные, преимущественно изъ бывшихъ дворовыхъ и отставныхъ солдатъ и ихъ семействъ, не могутъ составлять особой группы, а представляютъ составную часть обществъ, въ средѣ которыхъ живутъ и къ которымъ приписаны.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію числа платежныхъ единицъ каждой группы, мы должны выяснитъ и точно опредѣлитъ понятіе, что такое платежная единица въ общественно-экономическомъ и государственномъ смыслѣ. Обыкновенно государство съ требованіемъ уплаты налога или исполненія натуральной повинности обращается къ отдѣльнымъ физическимъ лицамъ, но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что физическія лица обладаютъ податною способностью. Физическое лицо, если оно не имѣетъ осѣдлости и заработка, однимъ словомъ, если оно не ведетъ своего собственнаго хозяйства, не только не въ состояніи удѣлить что либо на удовлетвореніе потребностей общества и государства, но еще

само нуждается въ пособіи общества. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается нераціональность всякаго поголовнаго и подушнаго налога, взимаемаго безъ соображенія съ хозяйственнымъ положеніемъ лица и привлекающаго обыкновенно практическихъ финансистовъ простотою исчисленія и взиманія. Въ дѣйствительности же физическое лицо, безъ внѣшней хозяйственной обстановки, не можетъ служить источникомъ государственнаго дохода, точно также какъ и сама внѣшняя хозяйственная среда:—земля, домъ, земледѣльческія и промышленныя орудія и т. п., не могутъ давать ни частнаго, ни податнаго дохода, пока они не сдѣлаются предметами интеллектуальной и физической дѣятельности человѣка. Гармоническое сочетаніе этихъ двухъ факторовъ:—дѣятельности человѣка и внѣшней среды, образуетъ частное хозяйство, которое одно и можетъ служить податнымъ источникомъ. Поэтому платежною или податною единицею слѣдуетъ считать частное хозяйство, дающее, за покрытіемъ потребностей хозяина и его семьи, возможность вносить извѣстную определенную законодателемъ или обществомъ сумму на государственныя или мѣстныя потребности. Извѣстный нѣмецкій экономистъ Адольфъ Вагнеръ субъектами налоговъ считаетъ не физическихъ лицъ, а частныя хозяйства (*Einzelwirtschaften*¹⁾). Наши крестьяне при раскладѣ податей и сборовъ между членами сельскаго общества сообразуются съ хозяйственною способностью двора, распредѣляя податныя обязанности сообразно всей совокупности хозяйственныхъ условій: количеству земли, размѣрамъ рабочей силы и прочаго хозяйственнаго инвентаря, а также и наоборотъ, крестьяне земельныя угодья распредѣляютъ сообразно платежной способности домохозяевъ. Такъ, г. Трироговъ, въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства, говоритъ: „Земля между членами общины распредѣляется по домохозяйствамъ, сообразно экономической и податной ихъ способности“²⁾. И это

¹⁾ Schönberg, Handbuch der Politischen Oekonomie, 1885 Band III, s. 137.

²⁾ В. Трироговъ. Община и подать С.-П.-Б. 1882 г., стр. 61.

не единственный случай, когда въ политико-экономическихъ вопросахъ выводы науки сходятся съ указаніями простаго здраваго смысла народа. Такимъ образомъ, за платежную или податную единицу мы будемъ принимать не физическое лицо и не внѣшніе объекты человѣческаго владѣнія, а частное хозяйство, платежную способность котораго попытаемся измѣрять приносимымъ имъ чистымъ доходомъ. Что же касается числа лицъ, входящихъ въ хозяйства, и внѣшнихъ элементовъ, ихъ составляющихъ, то они должны быть изслѣдованы и исчислены съ возможною подробностью, какъ необходимые факторы, совокупною дѣятельностію дающіе результатъ, выраженный въ чистомъ доходѣ даннаго хозяйства. Съ измѣненіемъ этихъ факторовъ измѣнится, конечно, и результатъ ихъ, чистый доходъ, а слѣдовательно и платежная способность хозяйства. Относительно мірскихъ раскладокъ г. Трироговъ справедливо замѣчаетъ, что онѣ должны быть пообщинными, а основаніемъ ихъ должны считаться домохозяйства, какъ „продукты правильно прогрессирующей экономической жизни человѣка-хозяина“ ¹⁾. Конечно, величина и продуктивность частныхъ хозяйствъ въ разныхъ группахъ плательщиковъ будутъ неодинаковы. Теперь обратимся къ опредѣленію числа хозяйствъ кириловскаго уѣзда по группамъ плательщиковъ.

1) Дворяне въ кириловскомъ уѣздѣ самая малочисленная группа населенія. Число ихъ въ 1884 году составляло только 98 мужчинъ и 129 женщинъ, а всего 227 ²⁾ человекъ, что составитъ лишь 0,24% всего населенія уѣзда, но такъ какъ по крайней мѣрѣ половина дворянъ землевладѣльцевъ живетъ внѣ предѣловъ уѣзда, то общее число ихъ по отношенію къ хозяйственной дѣятельности мы будемъ принимать 450. Число дворянскихъ хозяйствъ въ уѣздѣ 118 ³⁾. Дворянскія хозяйства мы дѣлили на двѣ ка-

¹⁾ В. Трироговъ. Община и подать. С.-П.-Б. 1882 г., стр. 154.

²⁾ Памятная книжка новгородск. губ. на 1885 г. стр. 9.

³⁾ Окладная книга частнаго дворянскаго сбора кириловскаго уѣзда на 1885 г.

тегоріи: крупныя, облагающія не менѣе 475 десятинами земли, и мелкія, съ меньшимъ владѣніемъ. Крупныхъ дворянскихъ хозяйствъ 38 и мелкихъ 80. Основаніе для такого дѣленія мы нашли во взглядѣ самаго законодательства, считающаго землевладѣльца съ 475 десятинами земли крупнымъ и дающаго ему непосредственный голосъ на земскихъ выборахъ ¹⁾. 38 крупныхъ хозяйствъ владѣютъ въ уѣздѣ 51279 десятинами земли, что составитъ на каждое хозяйство 1349 десятинъ. Мелкія хозяйства владѣютъ 11278 десятинами земли, что составитъ на каждое изъ восьмидесяти хозяйствъ 141 десятину. Общее количество земли, принадлежащей дворянамъ въ кириловскомъ уѣздѣ, составляетъ 62557 десятинъ, или на одно хозяйство, безъ различія величины, 530 десятинъ. Дворянскія земли въ общемъ количествѣ удобныхъ земель уѣзда составляютъ 5,36%. Слѣдовательно, относительный процентъ дворянскихъ угодій въ $22\frac{1}{3}$ раза больше относительнаго процента дворянъ въ общемъ числѣ уѣзднаго населенія, а потому если бы остальное населеніе владѣло всей прочей землею уѣзда, то и тогда дворяне земельными угодьями, этой главной экономической силой уѣзда, были бы обезпечены въ $22\frac{1}{3}$ раза болѣе, чѣмъ остальное населеніе.

2) Духовенство въ кириловскомъ уѣздѣ гораздо многочисленнѣе дворянъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ духовенства въ уѣздѣ мужчинъ 548 и женщинъ 627, а всего 1175 чело-
вѣкъ ²⁾. Разселеніе по уѣзду духовенства, удовлетворяющаго религіознымъ потребностямъ народа, приурочено къ приходамъ, а это значительно облегчаетъ намъ вычисленіе количества хозяйствъ этой группы. Изъ 84 сельскихъ церковныхъ приходовъ ³⁾ самостоятельныхъ 83 и одинъ приписной (чистодорскій), неимѣющій особаго причта. Въ каждомъ самостоятельномъ приходѣ хозяйство ведутъ, прежде всего, священникъ и псаломщикъ, а третье хозяйство обычно

¹⁾ М. И. Ммыш. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, изд. 2 стр. 148.

²⁾ Памятная книжка новгород. губ. на 1885 г., стр. 9.

³⁾ Журн. кириловск. уѣзднаго земск. собр. за 1883 г. стр. 62.

венно приходится или на долю діакона или втораго причетника или же мѣстной просвирни, обыкновенно священнической или дьяческой вдовы, воспитывающей дѣтей на средства своего хозяйства и имѣющей сиротскій надѣлъ въ церковной землѣ. Считая же по три хозяйства на приходъ, мы получимъ общее число хозяйствъ духовенства въ кириловскомъ уѣздѣ 249. Эти хозяйства имѣютъ въ пользованіи 5969 десятинъ церковной земли ¹⁾). На одно хозяйство причтется земли всякаго рода только $23\frac{1}{2}$ десятины. Такимъ образомъ хозяйство духовенства въ 23 раза бѣднѣе землю дворянскаго. Духовенство составляетъ 1,24% всего сельскаго населенія, тогда какъ въ Россіи вообще оно составляетъ лишь 1% ²⁾). Церковная же земли составляютъ едва 0,5% всѣхъ удобныхъ земель уѣзда.

3) Торговопромышленный классъ, если включить сюда всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ собственную, прибрѣтенную покупкою въ личную собственность землю, и почти постоянно, въ силу своего выгоднаго экономическаго, по сравненію съ односельчанами, положенія, предпочитающихъ торговлю, какъ болѣе легкій и выгодный родъ занятій, будетъ весьма значителенъ. Число хозяйствъ этой группы плательщиковъ весьма трудно для вычисленія, а число лицъ торговопромышленнаго класса не можетъ быть опредѣлено съ большою точностью, такъ какъ большинство лицъ этого класса по юридическимъ и административнымъ отношеніямъ принадлежитъ къ средѣ крестьянъ. Къ торговопромышленному классу, прежде всего, относятся хозяева мѣстныхъ заводовъ, изъ которыхъ только два принадлежатъ торговой фирмѣ Громова и К^о, а остальные разнымъ лицамъ ³⁾). Поэтому заводы дадутъ намъ восемь крупныхъ хозяйствъ. Въ 1883 году въ городѣ Кириловѣ было выдано 65 купеческихъ свидѣтельствъ, но эти дан-

¹⁾ Вѣдомость церковныхъ земель, составленная кириловскою земскою управою.

²⁾ И. Поддубный. Учебный атласъ Россіи, Спб., 1884 г.

³⁾ Памятная книжка новгород. губ. на 1885 г., стр. 48 и слѣд. и земскія окладныя книги.

ныя не даютъ намъ возможности сдѣлать какой-либо выводъ, такъ какъ свидѣтельства, взятые на торговлю въ городѣ, не отдѣлены отъ уѣздныхъ. Обратимся теперь къ числу торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ вѣдомости, составленной мѣстной земской управой за 1884 годъ, мы узнаемъ, что въ 1884 году въ кириловскомъ уѣздѣ существовало ¹⁾:

лавокъ и кладовыхъ	176
и разнаго рода питейныхъ заведеній	114

а всего 290 заведеній.

Но такъ какъ крупные торговцы имѣютъ по нѣскольку заведеній, то мы будемъ близки къ истинѣ, если примемъ за количество торговыхъ хозяйствъ число, равное половинѣ торговыхъ заведеній, т. е. 145. Къ этому надо еще прибавить развозную и разносную торговлю, необусловленную существованіемъ какого-либо заведенія. Свидѣтельствъ на этого рода торговлю въ 1883 году было выдано: на развозную 18 и на разносную 27, а всего 45 ²⁾. Такимъ образомъ всѣхъ торговыхъ хозяйствъ въ уѣздѣ будетъ существовать около 200. Такъ какъ мы предположили, что всякій торговецъ есть обыкновенно и землевладѣлецъ, то мы сдѣланный нами выводъ попытаемся провѣрить данными о землевладѣннн. Изъ окладной книги земель частныхъ владѣльцевъ на 1885 годъ мы находимъ, что частныхъ землевладѣльцевъ недворянскаго сословія въ этомъ году было:

крупныхъ	40
мелкихъ	132
а всего	172.

Число это весьма близко къ вычисленной нами на основаніи другихъ данныхъ цифрѣ 200 и разница, конечно, объясняется тѣмъ, что еще не всѣ торговцы плотно укоренились и обзавелись недвижимостью. Такимъ образомъ число хозяйствъ этой группы мы будемъ считать 200. Число лицъ, пропитывающихся торговлею, мы можемъ опредѣлить лишь

¹⁾ Тамъ же, стр. 40 и 41.

²⁾ Памятная книжка новгород. губ. на 1885 г., стр. 40 и 41.

предположительно. Считая среднюю семью въ 5 человекъ, мы получимъ, что торговопромышленный классъ кириловскаго уѣзда равняется почти 1000 душъ обоюго пола, что составить немногимъ болѣе 1% всего населенія. Торговопромышленный классъ владѣетъ въ кириловскомъ уѣздѣ 137203 десятинами земли ¹⁾, а именно:

крупныя хозяйства (не менѣе 475 дес. каждое)	125624 д.
и мелкія	11579 „

На одно торговое хозяйство приходится 686 дес., т. е. 156 дес. болѣе, чѣмъ на одно дворянское.

4) Крестьяне помѣщичьи обитаютъ въ семи волостяхъ кириловскаго уѣзда. Для вычисленія числа крестьянскихъ хозяйствъ у насъ имѣется готовая естественная единица: дворъ или крестьянское домохозяйство. Г. Тригоровъ подробно разбираетъ податную (платежную) способность крестьянъ, состоящую изъ трехъ элементовъ: земли, лошади и рабочей силы, только вмѣстѣ составляющихъ одно гармоническое цѣлое и отдѣльно неимѣющихъ никакого значенія, такъ какъ въ отношеніи налоговъ имѣютъ значеніе одни лишь подворные, сильные домохозяйства, состоящіе изъ двухъ и болѣе работниковъ ²⁾. Въ 7 помѣщичьихъ волостяхъ крестьянскихъ дворовъ 2219. Они владѣютъ 31301 дес. земли, что на одинъ дворъ составить почти 15 д. Свѣдѣнія о количествѣ дворовъ и земли собраны нами чрезъ волостныя правленія, которыми эти свѣдѣнія составлены относительно числа дворовъ на основаніи посемейныхъ списковъ и страховыхъ описей, а относительно количества земли—на основаніи уставныхъ грамотъ и нарѣзочныхъ плановъ, находившихся въ правленіяхъ, а также и окладныхъ листовъ разныхъ учреждений. Если и могла вкратѣться ошибка, то весьма незначительная. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться подворными книгами, которыя составлялись на средства губернскаго земства, но не были окончены ко времени разработки нашего труда. Свѣ-

¹⁾ Окладная книга кирилов. земск. управы на 1885 г.

²⁾ В. Тригоровъ. Община и подать. стр. 63.

дѣнія же отъ волостныхъ правленій собраны нами по селеніямъ и удостовѣрены официально, а потому и обладаютъ наибольшею степенью достовѣрности, возможною при этомъ способѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній. Въ виду излишней обширности вѣдомости по селеніямъ, свѣдѣнія сгруппированы нами по волостямъ и въ видѣ таблицъ прилагаются къ настоящему труду.

5) Крестьяне удѣльные, населяющіе семь наиболѣе многолюдныхъ волостей уѣзда, имѣютъ 7074 двора. Они владѣютъ 125028 дес. 202 саж. земли ¹⁾, что составитъ на одинъ дворъ удѣльныхъ крестьянъ 17,67 дес. земли, т. е. почти на 3 десятины болѣе, чѣмъ на дворъ помѣщичьихъ крестьянъ.

6) Крестьяне государственные или казенные населяютъ восемь волостей уѣзда и имѣютъ 7375 дворовъ. Они владѣютъ, по свѣдѣніямъ земства, 145851 дес. 1680 саж. На одинъ дворъ причтется земли почти 20 дес., т. е. на пять десятинъ болѣе, чѣмъ на дворъ помѣщичьихъ крестьянъ, и на двѣ десятины болѣе, чѣмъ на одинъ дворъ крестьянъ удѣльныхъ.

Здѣсь мы находимъ умѣстнымъ коснуться числа и расположенія селеній. Ни въ чемъ такъ ясно не выражается земледѣльческій характеръ кириловскаго уѣзда, какъ въ числѣ и расположеніи деревень. Несмотря на небольшое количество жителей уѣзда, недостигающее 94 тысячъ душъ обоого пола, въ немъ находится 1244 селенія. Изъ этого числа приходится: на крестьянъ помѣщичьихъ 265 деревень, удѣльныхъ 487 и казенныхъ — 492 селенія. Расположенныя на высокихъ и удобныхъ, въ почвенномъ отношеніи, мѣстахъ, а часто на берегахъ озеръ и рѣкъ, селенія являются цвѣтущими оазисами въ лѣсной и болотной пустынѣ. Человѣкъ, забравшись въ эту непроглядную сѣверную глушь, взялъ у природы всѣ лучшія въ земледѣльческомъ отношеніи мѣста и укрѣпился на нихъ. Вслучаѣ возрастанія населенія, первоначальныя села должны

¹⁾ Обзоръ дѣятельности кирилов. уѣзд. земства, стр. 16.

были выселять часть жителей на новыя мѣста и увеличивать число деревень, такъ какъ природа, окруживъ село болотами и водами, ставила почти непреодолимые препятствія къ увеличенію области культурной почвы. О позднѣйшемъ вторичномъ происхожденіи многихъ деревень вслѣдствіе выселенія свидѣлствуютъ имена нѣкоторыхъ селеній, какъ наприм. выселокъ, починокъ, кулича (расчистка), нова, новосело, новецъ и т. п. Земледѣльческіе интересы, соединяя крестьянъ въ общины, не давали этимъ общинамъ расти выше размѣровъ тѣхъ природныхъ земельныхъ угодій, которыя были во владѣніи селенія. Такимъ образомъ селенія уѣзда остались малолюдными и разобщенными другъ отъ друга. Особенно мало населены деревни помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ на одно селеніе приходится съ небольшимъ 8 дворовъ, тогда какъ у крестьянъ удѣльныхъ среднее число дворовъ на одно селеніе равно 14, а у крестьянъ казенныхъ даже 15. По всему уѣзду это среднее число равно 13. Единственною связью разобщенныхъ между собою селеній уѣзда являлись гражданскіе интересы волости съ ея податными требованіями и религіозно-приходскія потребности. Позднѣе присоединились къ нимъ еще интересы земской школы и земской больницы, вызывающихъ крестьянъ за предѣлы ихъ деревенской околицы и соединяющихъ ихъ въ новыя территоріальныя единицы, каковыми являются школьные и больничные округа.

И такъ, число хозяйствъ или платежныхъ единицъ по группамъ плательщиковъ составляетъ:

1) дворянъ	118
2) духовенства	249
3) торговопромышленнаго класса	200
4) крестьянъ помѣщичьихъ . .	2219
5) — удѣльныхъ	7074
6) — казенныхъ	7375

а всего хозяйствъ въ уѣздѣ 17235

II. Валовой и чистый доход плательщиков.

Хотя виды налоговъ весьма разнообразны и столь же разнообразны способы ихъ вычисленія и раскладки, но единственнымъ истиннымъ и цѣлесообразнымъ основаніемъ для обложенія податной тяжестью частнаго хозяйства является его чистый доходъ, т. е. та часть общаго валоваго дохода, которая остается за покрытіемъ расходовъ хозяйственнаго производства и расходовъ по удовлетворенію необходимыхъ потребностей хозяина и членовъ его семьи. Всякое иное толкованіе было бы экономическою нецѣлостію. Во первыхъ, одно владѣніе имуществомъ: землею, домомъ и даже фабрикою, неприносящими никакого дохода хозяину, не дѣлаетъ его состоятельнымъ къ уплатѣ какой либо суммы на общественныя и государственныя нужды, ибо такая уплата могла бы быть имъ произведена лишь на счетъ отчужденія части имущества въ чужія руки и повела бы къ его обдѣлѣ. Во вторыхъ, уплата налога изъ дохода, непокрывающаго или едва только покрывающаго первыя потребности хозяина и членовъ его семьи, дѣлается также невозможною и повела бы къ такимъ лишеніямъ и страданіямъ, причиняя которыя ради финансовыхъ цѣлей неправъ и само государство. По мнѣнію Штейна, только хозяйственный (дѣйствительный) доходъ и можетъ быть объектомъ налоговъ. Поэтому, для опредѣленія податной способности отдѣльныхъ группъ плательщиковъ, намъ необходимо, хотя бы съ болѣе или менѣе вѣроятною точностью, опредѣлить чистый доходъ ихъ хозяйствъ.

1) Дворяне, по нашему предположенію, имѣютъ только одинъ источникъ дохода — сельское хозяйство. Слѣдовательно, земельная рента, вычисленная точнымъ образомъ, и будетъ показателемъ платежной способности этой группы плательщиковъ. Вычислять валовой доходъ и расходы производства и потребленія здѣсь не представляется возможнымъ, какъ по недостатку какихъ либо данныхъ, такъ и по большому разнообразію въ способахъ веденія хозяйства и во взглядахъ на необходимыя потребности личнаго существованія. Поэтому

намъ остается способъ вычисленія чистаго дохода земли при помощи арендныхъ цѣнъ и другихъ данныхъ. Арендныя цѣны въ кириловскомъ уѣздѣ на разныя угоды колеблются: на пашни и сѣнокосы отъ 2 до 4 рублей въ годъ за десятину и на лѣса—отъ 10 до 30 рублей. Конечно, первыя угоды могутъ быть эксплуатируемы продолжительное время, а при извѣстномъ хозяйственномъ распоряженіи—безпрерывно и вѣчно, тогда какъ лѣса, подвергшіеся вырубкѣ, извѣстное число лѣтъ (оборотъ рубки) не приносятъ никакого дохода, пока вновь не покроются строевымъ или дровянымъ лѣсомъ. Поэтому, чтобы вычислить чистый годовой доходъ одной десятины лѣса, необходимо среднюю сдаточную цѣну, напр. 15 рублей, раздѣлить на число лѣтъ рубки, производящейся въ Кириловскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, чрезъ пятидесятилѣтній промежутокъ времени. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ годовой чистый доходъ десятины лѣса составитъ 30 копѣекъ. Чтобы на основаніи этихъ данныхъ не сдѣлать значительной ошибки и въ особенности, чтобы не преувеличить размѣровъ чистаго дохода, мы обратимся къ мѣстнымъ общественнымъ раскладамъ. Мѣстное уѣздное земство опредѣляетъ чистый доходъ десятины пашни и покоса въ одинъ рубль 20 копѣекъ, а десятины лѣса—въ 21 коп. ¹⁾ Эту норму чистаго дохода съ земельныхъ угодій, какъ наиболѣе достовѣрную и уже отнюдь не преувеличенную, мы и будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшихъ вычисленіяхъ. Во владѣніи 118 дворянскихъ хозяйствъ находится земли 62557 десятинъ. Для опредѣленія разрядовъ угодій допустимъ, что дворянскія земли неменѣе культивированы, чѣмъ земли остальной части уѣзда, хотя есть основанія предполагать, что эти земли несравненно удобнѣе прочихъ, такъ какъ онѣ принадлежали наиболѣе достаточному классу, владѣвшему до 1861 года большимъ запасомъ рабочихъ рукъ и ведущему свое хозяйство цѣлыя столѣтія. Въ общемъ количествѣ земель, усадебныя составляютъ 0,18%, пашни 6,25%, сѣнокосы 6% ²⁾

¹⁾ Журналы кириловскаго уѣздн. земскаго собранія 1885 г.

²⁾ Смори выше, стр. 3.

и остальное—лѣса. Поэтому въ числѣ дворянскихъ земель окажется: усадебныхъ 112 десятинъ 1200 сажень, пашни 3906 десятинъ и сѣнокоса 3750 десятинъ, итого 7768 десятинъ 1200 сажень и лѣсовъ 54788 десятинъ 1200 кв. сажень. Доходность ихъ при 1 руб. 20 коп. съ десятины перваго разряда и 21 коп. съ десятины—втораго, составитъ 20827 руб. 78 коп., что на одно среднее хозяйство составить 176 руб. 50 коп. Справедливость полученнаго нами вывода можно еще провѣрить другимъ путемъ, при помощи нашихъ личныхъ наблюдений. Обыкновенно, количество пашни въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ составляетъ около 30 десятинъ, покосовъ вдвое болѣе, т. е. 60 десятинъ на хозяйство, а всего перворазрядной земли 90 десятинъ, что на всѣ 38 крупныхъ хозяйствъ составитъ перваго разряда земли 3420 десятинъ. Въ мелкихъ хозяйствахъ среднее количество пашни составляетъ 15 десятинъ и покосовъ 30 десятинъ, итого 45 десятинъ, что на всѣ 80 мелкихъ хозяйствъ составитъ земли перваго разряда 3600 десятинъ, а всего пашни и сѣнокоса въ помѣщичьихъ имѣніяхъ 7020 десятинъ, что весьма близко къ первоначально вычисленной нами цифрѣ земли перваго разряда.

Здѣсь вполнѣ уместно коснуться одного повсемѣстнаго въ Россіи явленія—именно обезземеленія дворянства. Количество земли, принадлежащей дворянамъ въ кириловскомъ уѣздѣ, уменьшается съ каждымъ годомъ. Такъ, по дворянскимъ окладнымъ книгамъ дворяне владѣли:

Въ	1869	году	102620	десятинами	земли		
—	1870	—	101151	—	—	—	—
—	1875	—	91504	—	—	—	—
—	1880	—	78076	—	—	—	—
—	1885	—	62557	—	—	—	—

Слѣдовательно, въ теченіи послѣднихъ шестнадцати лѣтъ дворяне лишились 40063 десятинъ земли, т. е. почти 40% всей принадлежавшей имъ земли. Въ чьи руки перешла эта земля, показываетъ слѣдующій рядъ цифръ, взятыхъ уже изъ земскихъ окладныхъ книгъ.

ж. гр. и уг. пр. кн. в 1887 г.

10

принадлежало земли				
	1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.
дворянамъ и чиновникамъ	111909 д.	110020 д.	85646 д.	67632 д.
торговому классу	76700	83183	110600	125624
мелкимъ крестьянамъ	4785	6222	6973	11579
и крестьянскимъ обществамъ	5094	3423	3622	3459
всего земли частнаго владѣнія	198488	202848	206842	208294

Такимъ образомъ въ послѣдніе 15 лѣтъ количество земли у дворянъ и чиновниковъ уменьшилось на 44277 дес. у торговаго класса увеличилось на . . . 48924 дес. у мелкихъ крестьянъ увеличилось на . . . 6794 дес. и у крестьянскихъ обществъ уменьшилось на 1635 дес.

Однимъ словомъ, параллельно съ обезземеліемъ дворянства обогащался землею торговопромышленный классъ, въ руки котораго и перешли всѣ дворянскія земли. Разнаго рода землевладѣніе составляло слѣдующій процентъ въ общемъ количествѣ земли частнаго владѣнія:

	въ 1870 г.	въ 1885 г.
земли дворянъ и чиновниковъ	56,4% —	33% „
— торговаго класса . . .	38,5% —	60% „
— крестьянъ	2,5% —	5% „
— крестьянскихъ обществъ	2,6% —	2% „

Тѣже неблагоприятныя условія, которыя, несмотря на податныя льготы, повели къ обезземеленію дворянства, заставили это послѣднее обратиться къ отысканію занятій внѣ деревни. Въ числѣ этихъ занятій наиболѣе видное мѣсто занимаютъ частная, земская и государственная служба. Съ переходомъ на службу дворянинъ переселяется въ городъ, а потому хозяйственная дѣятельность его на этомъ поприщѣ выходитъ изъ предѣловъ нашего труда. Что касается при-

чинъ упадка помѣщичьяго земледѣльческаго хозяйства, то главную изъ нихъ К. Д. Кавелинъ видитъ въ томъ, что наше дворянское сословіе несумѣло стать съ крестьянами въ разумныя и справедливыя отношенія и не поняло, что истинные интересы землевладѣльческаго и земледѣльческаго классовъ вполне солидарны. По этому поводу онъ говоритъ: „тѣсная нравственная и экономическая связь владѣльцевъ съ крестьянами есть одно изъ первыхъ условий нашего развитія и благосостоянія, безъ котораго они немыслимы или, по крайней мѣрѣ, должны замедлиться на многіе и многіе десятки лѣтъ. Но объ экономической и нравственной связи съ крестьянами большинство владѣльческаго сословія и не думало. Слепо и близоручко бросилось оно всячески наверстывать то, чего лишилось вслѣдствіе освобожденія, и тѣмъ поставило себя съ сосѣднимъ бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ въ натянутыя и холодныя, подчасъ прямо враждебныя отношенія. Результатомъ былъ упадокъ владѣльческихъ хозяйствъ“¹⁾. Если прибавить къ этому отсутствіе у дворянъ привычки къ хозяйственной самостоятельности и знаній, а иногда и необходимаго оборотнаго капитала, то станетъ вполне яснымъ, что нынѣшній дворянскій кризисъ является неизбежнымъ и что никакія внѣшнія мѣры не были бы въ силахъ предотвратить его. Теперь же острота кризиса, разумѣется, миновала и нынѣшніе дворяне, наученные двадцатипятилѣтнимъ опытомъ, несравненно устойчивѣе въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями. Они уже достаточно привыкли къ хозяйствованію, набрались необходимыхъ знаній и, не имѣя собственныхъ оборотныхъ средствъ, занимаютъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и кассахъ на общемъ основаніи.

2) Духовенство черпаетъ свои доходы изъ трехъ различныхъ источниковъ, а именно: изъ сельскаго хозяйства, жалованья отъ государства и изъ сборовъ съ прихожанъ. Попробуемъ вычислить отдѣльно эти три рода дохода духовенства.

¹⁾ К. Д. Кавелинъ Крестыянскій вопросъ, 1882 г., стр. 4.

а) *Доходъ отъ земли.* Во владѣніи духовенства находится всего 7098 десятинъ 626 сажень земли. За исключеніемъ неудобной 1128 десятинъ 925 сажень, мы найдемъ, что духовенство владѣтъ 5969 десятинами удобной для воздѣлыванія земли. По точному вычисленію мѣстной уѣздной земской управы, въ числѣ этой земли находится пашни и сѣнокоса 3668 десятинъ и лѣса 2301 десятина. Чистый доходъ съ этой земли, по расчету 1 р. 20 коп. на десятину перваго разряда и 21 коп. на десятину втораго, составитъ 4884 руб. 81 коп. На одно хозяйство (изъ 249) причтется чистаго дохода отъ земли 19 рублей 61 коп.

б) *Доходъ отъ казеннаго жалованья* получается по расчету по числу приходскихъ причтовъ. Жалованье священника колеблется отъ 140 до 180 рублей, а псаломщика—отъ 40 до 60 рублей. Поэтому мы не ошибемся, если примемъ среднее жалованье священника въ 160 руб. и псаломщика въ 50 руб., что на причтъ составитъ 210 рублей. Такъ какъ приходскихъ причтовъ въ кириловскомъ уѣздѣ 83, то все получаемое духовенствомъ отъ государства содержаніе составитъ 17430 рублей. Эта сумма, конечно, составляетъ валовой, а не чистый доходъ духовенства, такъ какъ изъ нея удовлетворяются и необходимыя потребности членовъ причта и ихъ семействъ;

и в) доходъ отъ сборовъ съ прихожанъ, надо сознаться, самый значительный изъ всѣхъ источниковъ получаемаго духовенствомъ дохода. Обыкновенно размѣры его умаляются духовенствомъ умышленно, такъ какъ доходъ этотъ основанъ болѣе на прочно укоренившемся обычаѣ, чѣмъ на юридическомъ формальномъ правѣ и, въ силу недостаточности другихъ источниковъ пропитанія, выколачивается изъ народа путемъ если не физическаго, то нравственнаго принужденія. По нашему вычисленію всѣ сборы духовенства съ одного двора въ годъ составляютъ 4 руб. 16 коп. и состояются изъ слѣдующихъ доходовъ:

Въ Крещенье Господне (6 января) священнику и дьячку по $\frac{1}{4}$ мѣры ржи и овса	75 к.
Въ великій постъ за молитву хлѣбъ въ 4 фунта	10 „
Въ Пасху 2 хлѣба 10 фунтовъ	30 „
Тоже 10 яицъ	15 „
За молебень	20 „
Петровщина (въ іюнѣ мѣсяцѣ) $\frac{1}{2}$ фунта масла и 1 фунтъ сметаны	25 „
Новъ (въ октябрѣ мѣсяцѣ) по $\frac{1}{2}$ мѣры ржи и овса	75 „
Мѣстные (часовенные) праздники—2 раза въ годъ	40 „
Молебны и панихиды по 3 въ годъ	30 „
Поминовеніе о здравіи и за упокой 12 разъ въ годъ	36 „
Одна треба на дому (крестины, похороны и т. п.)	30 „
Говѣніе 5 членовъ семьи, по 6 коп. съ каждаго	30 „
Итого сборовъ съ одного двора	4 р. 16 к.

При 16668 дворахъ уѣзда, весь доходъ церковныхъ причтовъ отъ сборовъ съ прихожанъ составитъ 69338 руб. 88 коп., что на одно хозяйство составитъ 278 руб. 47 коп.

Чтобы вычислить чистый доходъ духовенства, т. е. ту часть общаго дохода, которая останется за покрытіемъ необходимыхъ домашнихъ потребностей, мы возьмемъ итогъ валоваго дохода отъ жалованья и отъ сборовъ съ прихожанъ, что составитъ 86748 руб. 88 коп. Изъ этой суммы мы вычтемъ расходъ по содержанію членовъ причта и ихъ семействъ, число которыхъ равно 1175 лицамъ. При сравнительной скромности привычекъ духовенства и дешевой жизни въ деревнѣ, стоимость годоваго содержанія одного лица мы опредѣлимъ въ 72 рубля, причемъ треть этой суммы можетъ съ полной справедливостью быть отнесена на счетъ валоваго дохода отъ сельскаго хозяйства, которое повсюду въ Кирилловскомъ уѣздѣ ведется духовенствомъ съ особеннымъ стараніемъ и полнымъ успѣхомъ. Поэтому на денежные доходы духовенства упадетъ на содержаніе каждаго лица только 48 рублей, а всего на 1175 лицъ—56400 рублей, поэтому чи-

стый доходъ духовенства отъ жалованья и сборовъ съ прихожанъ составить 30348 руб. 88 коп. Присоединивъ сюда чистый доходъ съ земли 4884 руб. 81 коп., мы получимъ, что весь чистый доходъ духовенства Кириловскаго уѣзда составляетъ 35233 рубля 69 коп., или на одно хозяйство 141 рубль 50 копѣекъ. Чистый доходъ въ 141 руб. 50 коп., какъ остатокъ отъ покрытія всѣхъ необходимыхъ потребностей, не можетъ не считаться значительнымъ, и указанія опыта вполне подтверждаютъ наши вычисленія, такъ какъ большинство священниковъ, отличающихся бережливостью, имѣютъ крупныя сбереженія, достигающія иногда нѣсколькихъ тысячъ рублей и хранящихся или въ государственныхъ банковыхъ билетахъ или въ мѣстныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

3) Торговопромышленный классъ получаетъ доходъ: а) отъ земли, б) отъ заводской промышленности и в) отъ торговли. Эти три источника дохода возможны для вычисленія не съ одинаковою точностью.

а) Доходъ съ земли можетъ быть вычисленъ съ тою же точностью, съ какою мы вычисляли его для другихъ группъ плательщиковъ.

Торговопромышленники крупныя владѣютъ 125624 десятинами земли и мелкіе торговцы изъ крестьянъ 11579 дес., а всего торговому классу принадлежитъ 137203 дес. земли. Принимая во вниманіе, что усадебная земля составляетъ 0,18% всего количества, пашня 6,25%, сѣнные покосы 6% а остальное лѣса, мы получимъ, что торговопромышленный классъ владѣетъ 247 дес. усадебной земли, 8575 десятинами пашни, 8232 десятинами сѣннаго покоса и 120149 десят. лѣса. Доходность этой земли, при чистомъ доходѣ десятины усадебной, пашенной и сѣнокосной земли въ 1 руб. 20 коп. и лѣсной въ 21 коп., составитъ 45696 руб. 9 коп., или на одно среднее хозяйство 228 рублей 48 копѣекъ.

б) Доходъ отъ заводской промышленности не подлежитъ точному вычисленію и опредѣляется по добросовѣстному показанію владѣльцевъ. Заводовъ въ Кириловскомъ уѣздѣ въ

1884 году существовало девять, съ годовымъ оборотомъ въ 331000 рублей.

Принимая чистый доходъ въ 20⁰/₁₀₀ съ оборота (на лѣсопильныхъ и винокуренныхъ заводахъ онъ выше), мы получимъ чистый доходъ отъ фабричной промышленности 66200 рублей. На одно изъ девяти хозяйствъ, занимающихся этого рода промышленностью, причитается чистаго дохода 7355 рублей.

в) Доходъ отъ торговли еще менѣе подлежитъ статистическимъ изслѣдованіямъ и весьма разнообразится по отдѣльнымъ хозяйствамъ торговопромышленнаго класса. Купецъ Вальковъ, имѣющій миллионный оборотъ по хлѣбной и яичной торговлѣ, получаетъ чистаго дохода никакъ не менѣе 50000 руб. въ годъ, тогда какъ какой нибудь крестьянинъ Родинцевъ, имѣющій лавку и кабакъ въ деревнѣ Огарковской, несмотря на бойкость его торговаго промысла, едва ли получаетъ болѣе 700 или 1000 рублей въ годъ. Но на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій мы полагаемъ, что ни одно изъ регистрированныхъ нами торговыхъ хозяйствъ не получаетъ чистаго дохода менѣе 300 рублей. Поэтому мы и опредѣляемъ средній чистый доходъ одного торговаго хозяйства въ 500 руб., что на всѣ 200 хозяйствъ и составитъ 100000 руб.

Такимъ образомъ весь чистый доходъ торговопромышленнаго класса составитъ изъ 45696 руб., получаемыхъ съ принадлежащихъ ему земель, 66200 руб., отъ заводской промышленности и 100000 руб., доставляемыхъ торговою дѣятельностью, а всего изъ 211896 руб. Размѣръ чистаго дохода на одно среднее торговопромышленное хозяйство составитъ 1059 руб. 48 коп., а эта сумма въ 4 раза превосходитъ доходъ средняго дворянскаго хозяйства и 7 разъ доходъ хозяйства церковнослужителей.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію чистаго дохода крестьянскихъ группъ населенія, мы считаемъ необходимымъ и умѣстнымъ заняться вопросомъ, достаточно ли обезпечены въ кириловскомъ уѣздѣ землею всѣ три группы крестьян-

скаго сословія: крестьяне помѣщичьи, удѣльные и казенные? Мы знаемъ изъ предыдущаго, что на одинъ крестьянскій дворъ приходится земли:

у крестьянъ временнообязанныхъ	15 десятинъ
у крестьянъ удѣльныхъ	18 —
и у крестьянъ казенныхъ	20 —

Въ вышедшемъ недавно VII выпускѣ статистики поземельной собственности, изданномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, размѣры эти нѣсколько разнятся отъ нашихъ. Такъ, по этимъ даннымъ на одинъ дворъ у крестьянъ временнообязанныхъ причитается 18,8 дес.

у крестьянъ удѣльныхъ 15,9 —

и у крестьянъ казенныхъ 19,6 — ¹⁾.

Но наши свѣдѣнія мы имѣемъ основаніе считать болѣе точными, такъ какъ они собраны въ самое послѣднее время и на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ—окладныхъ книгъ земства и посемейныхъ списковъ и страховыхъ описей. Вообще свѣдѣнія центральнаго статистическаго комитета не чужды нѣкоторыхъ преувеличеній. Такъ, по этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ кириловскомъ уѣздѣ почти половина временнообязанныхъ крестьянъ (1671 душа) получила надѣлъ болѣе высшаго размѣра 7 десятинъ и 195 душъ отъ 10 и даже болѣе 15 десятинъ на душу ²⁾, что далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но кромѣ количества, важно еще и распредѣленіе земли по угодьямъ.

На одинъ дворъ пашни причитается у крестьянъ временнообязанныхъ 3,7 десятины

у крестьянъ удѣльныхъ 3,8 —

и у крестьянъ казенныхъ 3 —

Сѣннаго покоса на одинъ дворъ приходится у крестьянъ временнообязанныхъ 3,6 десятины

у крестьянъ удѣльныхъ 4,1 —

и у крестьянъ казенныхъ 4,3 —

¹⁾ Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Вып. VII, 1885 г., общая таблица.

²⁾ Тамъ же, стр. 32 и 33.

Средній же размѣръ на одинъ дворъ въ уѣздѣ пашни 3,5 десятины и сѣнаго покоса—4,1 десятины.

Общее число перворазрядной земли на одинъ дворъ при-
читается у крестьянъ временнообязанныхъ 7,3 дес.

у крестьянъ удѣльныхъ 7,9 —

и у крестьянъ казенныхъ 7,3 —

Такъ что лѣсныхъ пространствъ причитается на одинъ
дворъ крестьянъ временнообязанныхъ . . 7,7 десятины

крестьянъ удѣльныхъ 10,1 —

и крестьянъ казенныхъ 12,7 —

Въ этомъ количествѣ заключается и значительная доля
выгона, служащаго пастбищемъ крестьянскаго скота.

Для прокормленія среднего семейства, состоящаго изъ 5
лицъ, необходимо 5 четвертей ржи и около 3 четвертей овса,
что вполне достаточно при употребленіи въ пищу иныхъ
суррогатовъ хлѣба, какъ то: картофеля, грибовъ, гороху и
проч. Для прокормленія скота, состоящаго въ средней семьѣ
обыкновенно изъ лошади, 3 коровъ и 4 овецъ необходимо:

овса—1 четверть, сѣна—315 пудовъ и овсяной и ржаной
соломы 10 воевъ.

Для полученія этихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ
при среднихъ урожаяхъ ржи самъ 5 и овса самъ 3¹/₂ и
при укосѣ сѣна съ десятины 75 пудовъ, необходимо кре-
стьянскому двору имѣть.

пашни 3,7 дес., покосу 4,2 дес.

А всего угодій того и другаго рода 7,9 десятины.

Такое вслѣдствіе угодій имѣется на лицо лишь у кре-
стьянъ удѣльныхъ. У крестьянъ другихъ категорій замѣчается
недостатокъ, а именно недостатокъ на одинъ дворъ крестьянъ
временнообязанныхъ:

сѣнаго покоса 0,6 дес., а у крестьянъ казенныхъ—паш-
ни 0,7.

За то другихъ угодій замѣчается излишекъ: у крестьянъ
казенныхъ 0,1 десятины покоса.

Но этотъ недостатокъ настолько несущественный, что съ
удобствомъ пополняется раздѣльваніемъ лѣсныхъ запашекъ

на остальной части надѣла, расчистками покосовъ въ лѣсахъ, а иногда и арендою этихъ послѣднихъ у казны, удѣла и частныхъ лицъ. Средства для уплаты аренды даетъ доходъ отъ скотоводства, получаемый отъ продажи приплода и молочныхъ продуктовъ. Однимъ словомъ, размѣръ земельного надѣла въ данный моментъ еще обезпечиваетъ необходимыя потребности населенія, но только въ обрѣзъ, безъ всякаго избытка. Поэтому семьи, приписавшіяся къ обществамъ безъ земли, бывшіе дворовые люди и отставные солдаты прежней службы остаются безземельными и, несмотря на желаніе получить надѣлъ, не могутъ добиться его отъ обществъ, въ средѣ которыхъ живутъ. Между тѣмъ число ихъ довольно значительно. Такъ, на основаніи подворныхъ книгъ, въ 1884 году

въ монастырской волости было 427 домохозяевъ, изъ нихъ безземельныхъ	62, т. е. 14,5%
въ тигинской волости 1128 домохозяевъ, безземельныхъ	36, т. е. 3,2%
въ покровской волости 463 домохозяена, безземельныхъ	56, т. е. 12%.

Особенно большое число безземельныхъ крестьянъ въ монастырской волости объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эта волость населена бывшими помѣщичьими крестьянами и имѣетъ много помѣщичьихъ усадебъ, оставившихъ непристроенными много дворовыхъ людей. Впрочемъ, нѣкоторая, какъ крестьяне выражаются, „тѣснота“ (недостатокъ въ землѣ) замѣчается и среди земельныхъ крестьянъ, которые стремятся достигнуть равномѣрнаго и сообразнаго съ дѣйствительными потребностями распредѣленія земли при посредствѣ частныхъ передѣловъ, разверстанія по новымъ душамъ и ѣдокамъ и т. п. Бывали случаи даже аграрной борьбы между односельчанами при передѣлѣ земли и въ одномъ случаѣ взаимные споры партій перешли въ общую драку и кончились убійствомъ. Такой случай имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Большой печенгскаго прихода, петропавловской волости. Поэтому, въ виду постоянного возрастанія населенія,

увеличеніе площади надѣльной земли неминуемо въ ближайшемъ будущемъ должно стать вопросомъ дня. Можетъ быть, нѣкоторою палліативою въ этой нуждѣ будетъ служить дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка, который въ первый годъ дѣятельности его новгородскаго отдѣленія не выдалъ въ кириловскомъ уѣздѣ еще ни одной ссуды (отдѣленіе открыло свои дѣйствія 10 февраля 1885 г.). Но въ будущемъ коренная помощь можетъ быть оказана населенію лишь отводомъ добавочнаго надѣла на условіяхъ выкупа или вѣчной аренды. На недостаточность нынѣшней площади культурной земли и несоотвѣтствіе ея размѣрамъ населенія указываетъ и мѣстная земская управа въ своихъ докладахъ земскому собранію ¹⁾).

Въ русской литературѣ были попытки опредѣлить нормальной размѣръ крестьянскихъ надѣловъ. Такъ, Ю. Э. Янсонъ высказалъ предположеніе, что нормальный душевой надѣлъ долженъ равняться для черноземной полосы 5, а для нечерноземной 8 десятинамъ. Князь Васильчиковъ, основываясь на средней рабочей силѣ крестьянской семьи, опредѣлялъ размѣръ надѣла отъ 10 до 15 десятинъ на дворъ. Поэтому расчету надѣлы крестьянъ кириловскаго уѣзда, достигающіе 15, 18 и 20 десятинъ на дворъ, являются вполне достаточными, если не включать сюда безземельныхъ крестьянъ. Болѣе подробное изслѣдованіе о нормальныхъ размѣрахъ крестьянскаго надѣла произвелъ С. Н. Южаковъ въ статьѣ „Нормы народнаго землевладѣнія“ ²⁾). Путемъ вполне справедливыхъ доводовъ онъ дошелъ до заключенія, что minimum размѣра крестьянскаго надѣла долженъ опредѣляться площадью, соотвѣтствующею размѣрамъ среднихъ потребностей двора, а maximum—площадью, соотвѣтствующею размѣрамъ рабочей силы. По вычисленію г. Южакова для новгородской губерніи, принадлежащей къ полосѣ сѣвернаго полѣся,

¹⁾ Журналъ кириловскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1885 г., докладъ по народному продовольствію.

²⁾ „Русская мысль“, сентябрь 1885 г., стр. 1—40.

maximum долженъ равняться 8,25 десятины на ревизскую душу, 10,5 десятины на работника или 16,5 десятины на дворъ. Minimum же на одного потребителя, по его вычисленію, для петербургской и новгородской губерній будетъ равенъ 3 десятинамъ культурной земли и 7 десятинамъ всей площади ¹⁾. Этому высокому требованію, конечно, не могутъ удовлетворить земельные надѣлы крестьянъ кириловскаго уѣзда.

Доходность трехъ группъ крестьянскаго населенія получается изъ двухъ источниковъ: отъ земледѣльческаго труда и отъ подсобныхъ, т. е. отхожихъ, мѣстныхъ и кустарныхъ промысловъ. Основное хозяйственное значеніе для крестьянъ кириловскаго уѣзда, несмотря на сѣверное его положеніе и суровый климатъ, имѣетъ земледѣліе. Оно ведется по старой трехпольной системѣ, а потому третья часть безъ того незначительной по размѣрамъ пашни пустуетъ и находится подъ паромъ. Не мало страдаетъ земледѣліе отъ недостатка сельскохозяйственныхъ знаній и отсутствія самыхъ примитивныхъ улучшеній въ практическомъ хозяйствѣ. Отъ недостаточной канализаціи множество хлѣбныхъ полосъ и луговъ вымокаетъ до полной бездоходности. Сѣнные покосы въ большинствѣ случаевъ, даже въ самыхъ деревенскихъ поляхъ, покрыты кустарниками и кочками, уменьшающими производительность луговъ до половины, а иногда и до трети укоса. Непозволительный и буквально варварскій обычай пастьбы скота на скошенныхъ лугахъ еще болѣе портитъ тощіе полевые и лѣсные луга. Всѣ эти и подобные недостатки указываютъ на необходимость повысить уровень мѣстнаго сельскаго хозяйства путемъ распространенія специальныхъ свѣдѣній и практическаго, болѣе доступнаго пониманію народа, примѣра. Этотъ вопросъ всесторонне разсмотрѣнъ въ обстоятельномъ и весьма интересномъ докладѣ новгородской губернской земской управы собранію 1884 г. „о сельско-

¹⁾ С. Н. Южаковъ, Нормы народнаго землевладѣнія, Русская Мысль, 1885 г., № 9, стр. 29.

зяйственныхъ школахъ“. Признавая серьезное значеніе знаній для развитія сельскаго хозяйства, губернская управа находитъ, что при настоящихъ экономическихъ и моральныхъ условіяхъ сельскохозяйственныя школы не могутъ повести къ серьезному развитію крестьянскаго сельскаго хозяйства и расходы земства на этотъ предметъ останутся малопроизводительными. Какъ на обстоятельства, препятствующія серьезному примѣненію сельскохозяйственныхъ знаній въ крестьянскомъ быту, губернская управа указываетъ ¹⁾: 1) на недостатокъ общаго образованія въ крестьянской средѣ, недающій возможности распространенія въ ней какихъ либо знаній и парализующій всякую борьбу съ суевѣріемъ и невѣжествомъ народной массы; 2) на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, по ничтожности ихъ площади, препятствующую серьезнымъ улучшениямъ полевой культуры; 3) на недостатки въ области крестьянскаго землевладѣнія, какъ-то: чрезполосность и разбросанность владѣній, частые періодическіе передѣлы земли и т. п.; 4) на 36 ст. общаго положенія о крестьянахъ и 165 ст. полож. о выкупѣ, разрѣшающія выходъ изъ общины членамъ ея, выкупившимъ ранѣе односельчанъ свой полевой надѣлъ; 5) на отсутствіе оборотнаго капитала и долгосрочнаго поземельнаго кредита для крестьянъ, безъ чего невозможны затраты на сельскохозяйственныя улучшения, и 6) на общественныя бѣдствія, поражающія крестьянское хозяйство, въ родѣ пожаровъ, неурожаевъ и падежей скота, и на слабое развитіе помощи отъ нихъ на началахъ взаимнаго страхованія. По этимъ основаніямъ новгородская губернская земская управа, находя открытіе сельскохозяйственныхъ школъ до устраненія указанныхъ препятствій преждевременнымъ, признаетъ полезнымъ, для распространенія въ народѣ элементарныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, введеніе сельскаго хозяйства, какъ общеобразовательнаго предмета, въ курсъ учительскихъ семинарій, передачу элементарныхъ

¹⁾ „О сельскохозяйственныхъ школахъ“, докладъ новгородской земской управы собранію 1884 г., стр. 18.

сельскохозяйственных свѣдѣній въ народныхъ школахъ, устройство „опытныхъ полей“ при семинаріяхъ и образцовыхъ народныхъ школахъ и распространіе въ народѣ популярныхъ книжекъ по сельскому хозяйству.

Съ сущностью взглядовъ, высказанныхъ здѣсь новгородскою губернскою управою, нельзя не согласиться, хотя противъ нѣкоторыхъ частныхъ можно сдѣлать вѣскія возраженія. Во первыхъ, малоземелье у насъ на сѣверѣ еще не настолько велико, чтобы служить серьезнымъ препятствіемъ къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ, въ родѣ канализаціи, расчистки зарослей, введенія плодоперемѣнной системы, освѣженія сѣмянъ и т. п., хотя оно не даетъ возможности примѣнять сельскохозяйственныя машины, годныя для большой площади воздѣлываемой земли. Во вторыхъ, передѣлы уже не настолько вредны, чтобы разстроивать крестьянское хозяйство. При постоянныхъ наблюденіяхъ и при изслѣдованіи ракинской общины, монастырской волости, нами выяснено, что передѣлы у крестьянъ сравнительно рѣдки и вызываются не произволомъ, а измѣненіемъ числа работниковъ крестьянскихъ дворовъ. Да и при этихъ передѣлахъ община стараются, чтобы хорошо воздѣланныя и удобренныя полосы одного домохозяина доставались ему же и при передѣлѣ. Если ему дается плохая полоса другого сосѣда, то онъ справедливо протестуетъ и заявляетъ: „я на эту полосу не сяду!“ И община уважаетъ справедливыя притязанія. Наконецъ, мы не можемъ не видѣть противорѣчія въ докладѣ губернской управы, неодобряющей общинныя передѣлы и черезполосность, и въ то же время указывающей на необходимость отмѣны 36 ст. общаго положенія и 165 ст. полож. о выкупѣ, разрѣшающихъ выходъ изъ среды общины.

Земля въ рукахъ крестьянъ, лично ее обрабатывающихъ и видящихъ въ ней основу и смыслъ своей жизни, даетъ, если не большій, то уже, конечно, не меньшій чистый доходъ, чѣмъ во владѣніи другихъ сословій. Многіе изслѣдователи народнаго хозяйства въ Россіи, чтобы изучить самыя мельчайшія подробности крестьянскаго быта, вычисляютъ при-

мѣрный средній годовой бюджетъ крестьянскаго хозяйства съ самыми мельчайшими подробностями, опредѣляя отдѣльно стоимость обработки земли: пашни, бороньбы, посѣва, уборки хлѣба и проч., стоимость ухода за скотомъ и цѣнность даваемыхъ имъ продуктовъ, подробную стоимость пропитанія и другихъ расходовъ крестьянской семьи. При такихъ бюджетахъ обыкновенно оказывается или самый ничтожный доходъ, а иногда и просто дефицитъ. Такъ, мы имѣемъ подъ руками „Разсчетъ средняго крестьянскаго хозяйства“, сдѣланный предсѣдателемъ череповской земской управы И. Ф. Румянцевымъ ¹⁾ для череповскаго уѣзда, новгородской губерніи. По этому, хотя и прекрасно составленному, но слишкомъ проблематичному расчету выходитъ: 1) излишекъ дохода надъ расходами, включая въ нихъ и уплату податей, составляетъ въ годъ лишь 84 копѣйки; 2) семья изъ 5 душъ при двухъ душевомъ надѣлѣ не можетъ содержать себя за счетъ труда на своемъ хозяйствѣ, не говоря уже объ уплатѣ налоговъ; 3) стотоводство при одной лошади, двухъ коровахъ и двухъ овцахъ, приноситъ крестьянскому хозяйству ежегоднаго убытка 32 рубля 65 коп. Такіе выводы получаются еще при благоприятномъ, по мнѣнію автора, разсчетѣ, не принимая во вниманіе возможныхъ для крестьянской семьи бѣдствій: болѣзни ея членовъ, падежа скота, пожаровъ, градобитій и т. п. Но авторъ принялъ и поставилъ въ денежный разсчетъ: 1) каждый часъ ухода за скотомъ, что имѣетъ значеніе при наемномъ трудѣ, а не собственномъ крестьянскомъ трудѣ, который при отсутствіи зимою на него спроса, могъ бы пропасть совершенно непроизводительно; 2) стоимость сѣна, идущаго на кормъ скоту, между тѣмъ самъ онъ уже ранѣе включилъ въ расходъ по обработкѣ надѣла рабочее время, потраченное на уборку сѣна, слѣдовательно, сѣно поставлено въ расходы хозяйства два раза; 3) въ расходы крестьянской семьи

¹⁾ П. Грязновъ. Опытъ сравнительнаго изученія гигиеническихъ условій крестьянскаго быта и медикотопографія череповскаго уѣзда, прилож., стр. 49—52.

введены и далеко не необходимые продукты, въ родѣ 1½ ведръ воды на 6 руб. 60 коп. При такихъ почти микроскопическихъ вычисленіяхъ обыкновенно забываютъ, что крестьянское хозяйство есть живое органическое цѣлое, а не мертвая машина, составныя части которой возможны для самаго точнаго взвѣшиванія и оцѣнки. Часто, по внѣшнему виду, плохое хозяйство, благодаря энергіи, трудолюбію и разсчетливою экономіи его членовъ, поправляется и сводитъ концы съ концами. Наоборотъ, часто хорошо обставленныя хозяйства, вслѣдствіе индивидуальных недостатковъ хозяина, разстраиваются и приходятъ въ упадокъ. Поэтому, если возможны годовые бюджеты крестьянскихъ хозяйствъ, то они должны составляться въ общихъ и, слѣдовательно, болѣе вѣроятныхъ вычисленіяхъ, а не съ такими мелочными, имѣющими только внѣшнюю стройность, подробностями. Вотъ образецъ такого бюджета, составленнаго нами на основаніи данныхъ подворныхъ книгъ. Семейство крестьянина монастырской волости, деревни истоминской Маркела Яковлева ¹⁾ состоитъ изъ 3 лицъ: одного работника, одной работницы и подростка дѣвочки. Оно пользуется землею на 2 души, 14 десятинами и имѣетъ 7 строеній, стоимостью на 242 рубля, и скота: лошадей 1, коровъ 3 и мелкаго скота 4 штуки. На своемъ надѣлѣ Маркель Яковлевъ высѣваетъ: ржи 15 четвериковъ, овса—30 ч., ячменя—3 ч., картофеля—10 ч. и льна—30 фунтовъ.

Годовой доходъ его:

ржи 70 четвериковъ	70	рублей.
овса 120 —	60	—
ячменя 10 —	7	— 50 коп.
картофеля 70 —	21	—
льнянаго волокна 10 ф.	10	—
сѣна 700 пудовъ	70	—
масла отъ 2 коровъ 2 пуда	16	—
и отъ рыбной ловли	40	—
Весь доходъ		294 руб. 50 коп.

¹⁾ Подворная книга монастырской вол., кирillow. уѣзда, листъ 104.

Расходъ:

стоимость годового работника съ содержаніемъ	80	р.
годовая работница	40	"
содержаніе подростка	15	"
покупной одежды и обуви для трехъ лицъ на	24	"
ремонтъ строеній	12	"
кормъ скота	40	"
сѣмена	36	" 76 в.
подати и сборы	13	" 82 "
непредвидѣнные и мелочные расходы	5	"
Всего расхода	266	р. 57 в.
Избытокъ дохода	27	р. 93 в.

Чистый доходъ, получаемый крестьянами отъ земли, составить:

а) у крестьянъ помѣщичьихъ 22632 рубля, такъ какъ они владѣютъ: пашни 8194 дес., покоса 8027 дес. и лѣса 15080 дес.; чистую доходность мы принимаемъ, согласно земскихъ раскладовъ, для пашни и покоса 1 р. 20 в. за десятину, а для лѣсовъ— 21 коп. На одинъ дворъ средній доходъ равенъ 10 р. 20 в.

б) у крестьянъ удѣльныхъ, владѣющихъ 26621 десятиною пашни, 29078 дес. покоса и 69329 дес. лѣса, чистый доходъ составитъ 81397 руб. 89 коп., или на одинъ дворъ 11 руб. 50 коп.

и в) у крестьянъ казенныхъ, владѣющихъ 22524 дес. пашни, 32096 дес. покоса и 91231 дес. лѣса, чистый доходъ выразится въ 84702 руб. 51 коп., или на одинъ дворъ 11 руб. 48 коп.

Вторымъ источникомъ крестьянскаго дохода являются отхожіе, мѣстные и кустарные промыслы. Статистика этой отрасли крестьянскаго быта развита слабо и даже сами подворныя книги не содержатъ точныхъ и однообразныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Составленныя въ 22 волостяхъ разными лицами, съ неодинаковымъ развитіемъ и разной добросовѣстности, эти книги по разбираемому нами вопросу въ

однихъ волостяхъ заключаютъ свѣдѣнія какъ о родѣ промысловъ, такъ и размѣрѣ дохода, приносимаго ими крестьянскому двору, въ другихъ волостяхъ—одно названіе промысла, безъ опредѣленія его доходности, а въ третьихъ—даже не всѣ промыслы, а только тѣ, которыми занимается, по крайней мѣрѣ, одинъ членъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Доставленные намъ отъ волостныхъ правленій свѣдѣнія о заработкахъ очень отрывочны. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, главными подсобными промыслами крестьянъ являются: лѣсные вывозки, постройка судовъ, тяга судовъ, земляныя работы, извозъ и рыбная ловля. Очевидно здѣсь пропущены: охота на звѣря и птицу, весьма распространенная въ уѣздѣ, нѣкоторыя кустарныя занятія: сапожное, щепное, валяльное, кожевенное и мелкая перекупная торговля мѣстными произведеніями: рыбой, дичью, льнянымъ сѣменемъ, яицами и проч., не требующая уплаты промысловаго налога. О размѣрѣ отхожихъ промысловъ можно судить по количеству паспортныхъ билетовъ, выданныхъ волостными правленіями. Такъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго казначейства въ 1884 году въ 22 волостныя правленія уѣзда отпущено паспортныхъ бланковъ: годовыхъ 216, полугодовыхъ 509 и краткосрочныхъ билетовъ 7905, а всего 8630 паспортныхъ билетовъ. Это количество, въ виду покупки бланковъ правленіями по частямъ и сообразно дѣйствительной потребности, и можно считать выданнымъ въ дѣйствительности. Въ 1884 году (въ мартѣ мѣсяцѣ) мѣстная земская управа произвела школьную перепись во всѣхъ училищахъ уѣзда. Результаты переписи, выполненной учителями по карточной системѣ, оказались весьма удовлетворительными ¹⁾. Между прочимъ на карточкахъ былъ поставленъ вопросъ о занятіяхъ семьи ученика какимъ либо другимъ ремесломъ или промысломъ кромѣ земледѣлія. Результаты 1036 отвѣтовъ на этотъ вопросъ были скомбинированы и получились довольно точныя данныя о ремеслахъ и промыслахъ, которыми занимается крестьянское населеніе

¹⁾ Журналы кириловскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1884 г., стр. 60.

бариловскаго уѣзда, и о процентѣ, какой составляютъ тѣ или другіе ремесленники въ общемъ числѣ крестьянскихъ семействъ. По этимъ даннымъ, зная число дворовъ уѣзда и доходность каждаго промысла, можно было, съ нѣкоторою вѣроятностью, вычислить размѣръ годоваго дохода крестьянъ отъ мѣстныхъ, отхожихъ и кустарныхъ промысловъ. Комбинируя эти, хотя и не совсѣмъ точныя, но наиболѣе изъ всего имѣвшагося у насъ матеріала достовѣрныя данныя, мы вычислили годовый доходъ крестьянъ отъ промысловъ, который и составляетъ 315700 рублей. Такъ какъ промыслы распределены въ средѣ уѣзднаго населенія болѣе или менѣе равномерно и производятся въ теченіе длинной и незанятой земледѣльческимъ трудомъ зимы, то средняя доходность отъ подсобныхъ промысловъ для крестьянскаго двора разныхъ группъ будетъ одинаковою и составитъ 18 руб. 94 копѣйки. Поэтому весь чистый доходъ отъ земледѣлія и промысловъ на одинъ дворъ будетъ:

4) у крестьянъ помѣщичьихъ . . .	29 руб. 14 коп.
5) у крестьянъ удѣльныхъ . . .	30 — 44 —
и 6) у крестьянъ казенныхъ . . .	30 — 42 —

Есть еще у крестьянъ одинъ, не очень значительный и, въ тоже время, нелегальный источникъ дохода, прекращающійся съ изданіемъ питейныхъ правилъ 14 мая 1885 года,— это получаемая съ кабатчиковъ плата за разрѣшенія въ селахъ открыть питейныя заведенія.

Весь доходъ этого рода въ уѣздѣ составлялъ въ годъ не менѣе 4000 рублей. Изъ другихъ доходныхъ общественныхъ статей много указать нечего. Такъ, нѣкоторыя селенія введенской волости отдають въ аренду выколотые изъ надѣла покосы, употребляя деньги на устройство и поправку деревенскихъ часовенъ. Село Волокославинское получаетъ аренды за рыбныя ловли въ озерѣ 30 рублей и за мѣста подъ амбарами 10 рублей. Деревни зауломской волости получаютъ аренды за мельницы Лукинская 30 рублей и Ладунино 40 рублей.

Мы находимъ здѣсь вполне умѣстнымъ сказать нѣсколько

словъ о значеніи нѣкоторыхъ промысловъ въ жизни крестьянскаго населенія.

Вывозки лѣсовъ и судостроеніе составляютъ весьма распространенный въ кириловскомъ уѣздѣ промыселъ. Лѣсныя вывозки и судостроеніе, хотя и принадлежатъ къ тяжелымъ заработкамъ, но составляютъ выгодные промыслы, на которыхъ рабочій безъ лошади зарабатываетъ въ зиму отъ 60 до 75 руб., а рабочій съ лошадью до 100 и 120 рублей. Вывозка большемѣрнаго лѣса и пилака его отзываются весьма вредно на здоровьи населенія. Въ лѣсной мѣстности значительный процентъ больныхъ страдаютъ рапами, порѣзами, отъ вывиховъ и раздробленія костей, сопровождающихъ лѣсныя работы.

Тяга судовъ или бурлачество на маринской системѣ является однимъ изъ видовъ отхожаго промысла. Большинство изъ 7905 краткосрочныхъ паспортныхъ билетовъ, выданныхъ волостными правленіями, получено, безспорно, рабочими этой категоріи. Бурлачествомъ занимаются обыкновенно многочисленные семьи, изъ которыхъ уходятъ второй и третій работники. Бурлачество отнимаетъ самое дорогое для земледѣльца время—въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ—и рѣдко даетъ болѣе 4 и 5 руб. за недѣлю работы. Наоборотъ, вслѣдствіе большаго наплыва рабочихъ, цѣна иногда падаетъ до 2 руб. и до 1 руб. 50 коп. за недѣлю. Бурлачеству свойственны всѣ недостатки отхожаго промысла: рабочій излѣнивается, отвыкаетъ отъ коренной крестьянской работы, иногда спивается отъ тоски и дурной обстановки и еще чаще заболѣваетъ заразительными болѣзнями: сифилисомъ, тифомъ и т. п. Въ послѣдніе годы, съ введеніемъ на маринской системѣ механическихъ двигателей, размѣры бурлачества сокращаются. Лучшія средства для уничтоженія бурлачества и другихъ отхожихъ промысловъ—это развитіе мѣстной кустарной промышленности и расширеніе земледѣлія, что возможно, конечно, при увеличеніи площади владѣемой крестьянами земли и распространеніи профессиональныхъ знаній. Не менѣе вредна для населенія и конная тяга судовъ, чаще всего, при су-

ществованіи на системѣ сибирской язвы, ведущая къ окончательному обѣднѣнію занимающагося ею крестьянина.

Рыбная ловля—очень тяжелый, разрушительный для здоровья и часто обманчивый въ матеріальномъ смыслѣ промыселъ, но онъ имѣетъ одно несомнѣнное достоинство, онъ носитъ мѣстный кустарный характеръ и, занимаясь имъ, крестьянинъ ежедневно почувствуетъ въ своей собственной избѣ. Рыбная ловля даетъ средній доходъ на одно лицо до 30 руб. въ зиму. Въ счастливомъ случаѣ доходъ возрастаетъ до 100 рублей, а иногда и болѣе, но за то при неудачѣ онъ понижается до 10 рублей. Рыбаки, живя на берегу озера, обыкновенно занимаются ловлей въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время и не разстроиваютъ своего земледѣльческаго хозяйства. Въ виду этого и ради мѣстнаго характера промысла, освобождающаго крестьянина отъ ухода на дальніе заработки, желательно сохраненіе этого промысла. Кроме того, рыбная ловля, требующая для своей успѣшности соединенія многихъ единичныхъ силъ, поддерживаетъ въ крестьянствѣ артельное начало и чувство взаимной солидарности. По словамъ мѣстнаго изслѣдователя о рыбной ловлѣ въ Бѣломъ озерѣ, „Главная ловля производится здѣсь артелями, члены которыхъ не только состоятъ работниками, но и обязаны каждый доставлять опредѣленную часть общаго „завода снасти“. Кулаковъ-капиталистовъ, которые бы давали всю свою снасть и только допускали бы крестьянъ рабочими за плату или изъ части рыбы, между мѣстными приозерными жителями нѣтъ ни одного“¹⁾).

Мелкая торговля мѣстными произведеніями, какъ промыселъ, заключается въ томъ, что крестьянинъ, занимающійся ею въ качествѣ агента крупнаго торговца, обыкновенно на своей собственной лошади объѣзжаетъ сосѣднія деревни, гдѣ на дому у производителей скупаетъ мѣстные продукты: рыбу, дичь, льняное сѣмя, холстъ, яйца и т. п. Причина существо-

¹⁾ А. Т—евъ. Бѣлозерскія рыболовныя артели. Слово, сентябрь 1879 г., стр. 31.

ванія такого промысла—дальнее разстояніе селеній отъ мѣстъ сбыта и дурные пути сообщенія, мѣшающіе крестьянину доставлять свои продукты на рынокъ, гдѣ бы онъ могъ сбывать свои произведенія за болѣе высокую цѣну. Дѣлаемая имъ теперь скидка идетъ въ пользу странствующаго крестьянина-прасола. Въ недалекомъ будущемъ этотъ промыселъ съ улучшеніемъ дорогъ и съ развитіемъ въ крестьянствѣ предпріимчивости долженъ ослабѣть, если не исчезнуть окончательно.

Общее значеніе всѣхъ подсобныхъ промысловъ состоятъ въ томъ, во первыхъ, что они даютъ занятіе рабочимъ рукамъ, свободнымъ вовсе отъ земледѣлія; во вторыхъ, они даютъ работу и главнымъ членамъ крестьянской семьи въ зимнее время; въ третьихъ, они служатъ у насъ въ Россіи главнымъ источникомъ для уплаты податей и сборовъ. Выше, при исчисленіи чистаго дохода крестьянскаго двора, мы видѣли, что земледѣліе даетъ $\frac{1}{3}$ его, а подсобные промыслы—цѣлыхъ двѣ трети его. Профессоръ Ю. Э. Янсонъ доходы отъ заработковъ крестьянъ новгородской губерніи вычисляетъ въ 8855100 рублей ¹⁾. Изъ нихъ расходуются:

на покупку недостающаго хлѣба	3000000 руб.
на уплату податей	3300000 —
и на домашнія потребности крестьянъ	2500000 —

Между тѣмъ нормальный доходъ отъ земли по оцѣнкѣ равняется 2680000 рублямъ, т. е. онъ въ $3\frac{1}{3}$ раза менѣе дохода отъ крестьянскихъ заработковъ.

Но если принимать во вниманіе не одинъ чистый, а валовой доходъ, то мы должны будемъ признать, что земледѣліе есть главная и единственно прочная основа крестьянскаго быта въ кириловскомъ уѣздѣ. Валовой доходъ отъ него нами исчисленъ въ таблицѣ V и составляетъ.

отъ урожая зерновыхъ хлѣбовъ	1042969 руб.
и отъ укоса луговъ	645561 руб. 25 коп.

¹⁾ Э. Ю. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, стр. 38.

А всего—1688530 руб. 25 коп., что составит на одинъ средній дворъ въ уѣздѣ 101 рубль 30 коп. При солидной постановкѣ земледѣлія, общинной солидарности и неустанныхъ трудолюбіи и энергіи населенія, крестьянскія общины въ своемъ собственномъ глубоко правдивомъ сознаніи считаютъ себя сильными и матеріально и нравственно. Народная мудрость, характеризуя крестьянскій міръ, выражаетъ его силу и значеніе въ слѣдующихъ трехъ пословицахъ:

„Міръ—золотая гора“.

„Міръ—великъ человѣкъ“.

„Міръ—всѣхъ умнѣ“.

Полагаемъ, трудно рельефнѣе выразить сознаніе своей общественной матеріальной и духовной силы.

Такимъ образомъ, на основаніи предъидущихъ выводовъ, чистый доходъ у разныхъ группъ плательщиковъ выразится:

	Весь доходъ	На одно хозяйство.
1) у дворянъ	20827 р. 78 к.	176 р. 50 к.
2) у духовенства	35233—69—	141—50—
3) у торговаго класса	211896—	1059—48—
4) у крестьянъ помѣщичьихъ	64661—66—	29—14—
5) у крестьянъ удѣльныхъ	215332—56—	30—44—
6) и у крестьянъ казенныхъ	223347—50—	30—42—

А во всемъ уѣздѣ 771299 рублей 19 коп.

Слѣдовательно, самый большой доходъ получаетъ торгово-промышленное хозяйство, затѣмъ слѣдуютъ хозяйства дворянъ, духовенства, крестьянъ: удѣльныхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ. Если доходъ торговаго хозяйства принять за единицу, то:

хозяйство дворянъ даетъ только . . .	17°/о
— духовенства	14°/о
— крестьянъ удѣльныхъ . . .	3°/о
— — казенныхъ менѣе . . .	3°/о
— — помѣщичьихъ . . .	2,8°/о

III. Платежи и повинности.

Платежи и повинности, по опредѣленію науки и закона, суть періодическіе обязательные денежные взносы и личные услуги, производимые гражданами по требованію государства и органовъ самоуправления, по особымъ производимымъ ими на правильныхъ основаніяхъ раскладамъ. Но и это понятіе о налогахъ и повинностяхъ, по нашему мнѣнію, неполно. Юридическія и нравственно-экономическія условія народнаго быта могутъ требовать отъ крестьянскихъ, а иногда и другихъ хозяйствъ такихъ обязательныхъ уплатъ и услугъ, которыя обуславливаются не формальною, точно въ законѣ выраженною, а внутреннею обязательностью, выраженною въ бытовыхъ основахъ народа, его общественныхъ воззрѣніяхъ и уровнѣ культурнаго развитія. Такой характеръ формально необязательныхъ, но неизбѣжныхъ сборовъ имѣютъ суммы, платимыя прихожанами на содержаніе церковнаго причта, въ формѣ вознагражденія за требы, богослужебныя дѣйствія, петровщины, нови и другія натуральныя даянія, перечисленные нами выше (стр.) и составляющія ежегоднаго расхода на одинъ крестьянскій дворъ 4 рубля 16 копѣекъ. Нѣтъ никакого закона, обязывающаго крестьянина платить за молебны въ мѣстный праздникъ, давать причту въ Петровъ постъ масло и сметану, а осенью зерновой хлѣбъ, однако крестьянинъ, въ силу своихъ нравственныхъ убѣжденій, выдающихъ въ вознагражденіи причта богоугодное дѣло, и въ силу религіознаго значенія причта, могущаго причинить неплатежику нравственныя лишенія, въ родѣ неприхода съ крестомъ въ избу, отказа умершему члену семьи въ христіанскихъ похоронахъ и т. п., не рѣшится не исполнить какого либо изъ перечисленныхъ и адресованныхъ къ нему требованій приходскаго причта. Поэтому расходы крестьянъ на содержаніе духовенства имѣютъ всѣ условія налога или подати: во первыхъ, они обязательны, во вторыхъ, они взимаются періодически въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ третьихъ, они, въ случаѣ неуплаты, влекутъ за собою очень стро-

гія карательныя мѣры причта. Такой взглядъ на отношенія причта и прихожанъ, вполне согласный съ нашимъ, мы встрѣчаемъ у многихъ новѣйшихъ изслѣдователей народной жизни. Такъ, г. Приклонскій по этому поводу говоритъ: „въ качествѣ представителя культуры среди некультурной массы, церковный причтъ хочетъ, чтобы масса признавала его одного и больше никого своимъ руководителемъ. „Согласно такому требованію, взаимныя отношенія церковнаго причта и крестьянскаго міра должны установиться въ такомъ видѣ: причтъ руководить всѣмъ житейскимъ обиходомъ мірянъ, требуя безусловнаго подчиненія себѣ во имя христіанской культуры, а міръ обязанъ подчиняться культурному руководству причта, признавая всѣ предъявляемыя имъ требованія за обязательныя нормы для житейскаго обихода“ ¹⁾). Точно также, по нашему мнѣнію, характеръ налога имѣютъ расходы, которые несетъ населеніе вслѣдствіе преступленій. Нравственная и уголовная статистика уже давно установила, что число преступленій въ данномъ обществѣ соотвѣтствуетъ нравственнымъ и экономическимъ условіямъ его культурнаго развитія и при данныхъ условіяхъ не можетъ быть ни болѣе ни менѣе. Такимъ образомъ преступникъ, отбывающій свое наказаніе, столько же искупаетъ ошибки своей злой воли, сколько и несовершенства общественнаго строя окружающаго его общества. Поэтому наказаніе преступника поражаетъ матеріально и его согражданъ. Разстройство его хозяйства отражается на общественномъ хозяйствѣ даннаго селенія, а въ случаѣ долговременнаго лишенія свободы преступника, его жена и дѣти должны содержаться на добровольныя подаянія односельчанъ, которымъ чувство гуманности не позволяетъ бросить ихъ на произволъ судьбы. Намъ кажется, что слишкомъ долгосрочныя аресты и тюремныя заключенія, особенно лицъ крестьянскаго сословія, не могутъ быть оправданы и представляютъ собою неразсчитливое отягченіе по-

¹⁾ С. Приклонскій, Крестьянскій міръ и приходскій причтъ. Сѣверный Вѣстникъ 1883 г., сентябрь, стр. 47.

датной тяжести населенія. Оставаясь при данныхъ условіяхъ однимъ и тѣмъ же, число преступленій, при измѣненіи факторовъ общественной жизни, измѣняется въ ту или другую сторону. Съ увеличеніемъ умственного и нравственнаго развитія населенія число преступленій уменьшается. Съ уменьшеніемъ же матеріальной обеспеченности населенія, вслѣдствіе дороговизны жизненныхъ припасовъ, промышленныхъ кризисовъ, войнъ и безработицы, число преступленій увеличивается. Нѣкоторые интересные примѣры послѣдняго мы находимъ у Кольба. Въ 1846 году во Франціи были привлечены къ суду за кражу 31768 лицъ; это число въ 1847 г., отличавшемся дороговизною, возросло до 41626; въ слѣдующемъ 1848 г. оно вновь упало до 30000 ¹⁾). Въ Англіи въ 1834 г. число арестованныхъ за преступленія составляло 22451. Въ два ближайшіе года хлѣбныя цѣны упали и тогда уменьшилось и вышеозначенное число. Въ 1837 году наступили возвышеніе цѣнъ на жизненные припасы и промышленный кризисъ и число арестованныхъ увеличилось на 2600 ²⁾). Приведемъ фактъ уменьшенія преступности. Извѣстно, что московскія губернскае и уѣздныя земства относятся особенно внимательно къ нуждамъ народнаго образованія, развитіе котораго не осталось въ послѣдніе годы безъ замѣтнаго вліянія на духовную жизнь народа. На основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ бюро московской губернской земской управы о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи, въ общемъ числѣ пожаровъ поджоги составляли:

въ пятилѣтіе съ 1868 по 1873 г. 36,2°/о

въ пятилѣтіе съ 1873 по 1878 г. 32,8°/о

и въ пятилѣтіе съ 1878 по 1883 г. 30,4°/о.

Всего уменьшились поджоги съ 1868 г. на 6°/о ³⁾). Такое уменьшеніе справедливо объясняется замѣтнымъ по-

¹⁾ Fr. Kolb, Handbuch der vergleichenden Statistik, 1879, S. 516.

²⁾ Ibidem, стр. 517.

³⁾ В. Гольцевъ, Къ вопросу о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи, „Юридическій Вѣстникъ“ 1884 г. № 5—6, стр. 242.

вышеніемъ уровня народнаго образованія въ московской губерніи.

На основаніи высказанныхъ нами соображеній, мы должны понятіе о налогахъ и повинностяхъ расширить тѣми неизбежными для гражданъ уплатами и утратами средствъ, которыя они несутъ не по раскладкамъ государства и органовъ самоуправленія, а вслѣдствіе юридическихъ, нравственныхъ и экономическихъ условій народной жизни.

Теперь мы перейдемъ къ опредѣленію размѣра налоговъ и повинностей по группамъ плательщиковъ, взявъ для вычисленія и удобства одинъ опредѣленный платежный моментъ, именно 1884 годъ.

1) Дворяне въ кириловскомъ уѣздѣ уплачиваютъ: государственный поземельный налогъ, земскій сборъ, частный дворянскій сборъ и несутъ нѣкоторый расходъ по натуральному исправленію дорогъ. Вычислимъ отдѣльно размѣры каждаго сбора и укажемъ источники полученныхъ нами свѣдѣній.

а) Поземельный налогъ взимается на основаніи Высочайше утвержденнаго 17 января 1884 года мнѣнія государственнаго совѣта съ земель Новгородской губерніи по $\frac{1}{2}$ к. съ десятины. На 1884 годъ по раскладѣ, произведенной Новгородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, на кириловскій уѣздъ изъ 39284 рублей, назначенныхъ по губерніи, причиталось 2462 рубля ¹⁾. Эта сумма распределена уѣздною земскою управою, согласно основаній уѣздной раскладки, причемъ на земли дворянъ упало 254 рубля 8 коп., что на одно помѣщичье хозяйство составитъ 2 руб. 16 коп. или 1,22% чистаго дохода.

б) Земскій сборъ на уѣздныя и губернскія земскія потребности взимался въ 1884 году въ кириловскомъ уѣздѣ въ размѣрѣ 18% съ нормальнаго дохода ²⁾. По расчету, произведенному на основаніи окладныхъ книгъ, дворяне

¹⁾ Журналы Новгородскаго губернскаго земскаго собранія 1884 г. 3 февраля, ст. 3.

²⁾ Журналы Кириловскаго уѣзднаго земскаго собранія 1883 года стр. 32.

должны были уплатить 2987 руб., которые составляют 14,3% чистаго дохода. Разница процентовъ, вычисленныхъ нами и земствомъ, происходитъ по той причинѣ, что число десятиныхъ перваго разряда—пашни и покоса—въ земскихъ окладныхъ книгахъ уменьшено противъ дѣйствительности, такъ какъ свѣдѣнія о землѣ собраны въ 1865 и 1866 годахъ по показаніямъ самихъ владѣльцевъ. На одно дворянское хозяйство причтется земскаго сбора 25 руб. 31 коп.

в) Частный сборъ съ дворянскихъ имѣній кириловскаго уѣзда, по постановленію Новгородскаго губернскаго дворянскаго собранія 1884 г., взимается въ размѣрѣ одной копѣйки съ десятины, что составитъ въ годъ 625 руб. 57 коп. или 3% чистаго дохода. На одно хозяйство причтается 5 руб. 30 коп.

г) Изъ натуральныхъ повинностей дворяне, какъ привилегированное сословіе, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, несутъ только расходы по исправленію проселочныхъ дорогъ. Расходы эти въ кириловскомъ уѣздѣ, при отсутствіи требовательности со стороны представителей власти и населенія, не могутъ составить ежегодно болѣе трехъ рублей на хозяйство, а на всѣ дворянскія имѣнія 354 руб. или 1,7% чистаго дохода.

Дворяне, конечно, несутъ частью оплачиваемую, а частью и безвозмездную службу, но она не является для нихъ обязательной и носить добровольный характеръ. Обыкновенно этой службѣ дворяне посвящаютъ свои досуги, остающіеся отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ.

Поэтому всѣ налоги и повинности дворянъ кириловскаго уѣзда составляли въ 1884 году 4220 руб. 65 коп., или 20,22% чистаго дохода. На одно хозяйство причтется ежегоднаго расхода на налоги 35 руб. 77 коп.

2) Торговопромышленный классъ, какъ землевладѣльческій, несетъ уплату государственнаго поземельнаго налога и земскаго сбора и натуральную дорожную повинность, а какъ промышленный—платитъ промысловый налогъ и раскладочный сборъ, взимаемый съ доходности торговыхъ и промыш-

ленныхъ предприятий, на основаніи закона 15 января 1885 года, а также и земскій сборъ согласно закона 21 ноября 1866 года.

а) Государственного поземельнаго налога въ 1884 году торговопромышленный классъ долженъ былъ уплатить 540 р. 25 коп., что на одно хозяйство составитъ 2 руб. 70 коп.

б) Земскаго сбора за тотъ же годъ причитается: съ земли—5974 рубля, съ торговыхъ документовъ: по 25% съ патентовъ и гильдейскихъ свидѣтельствъ и по 10% съ прочихъ билетовъ—4450 руб. 50 коп., съ фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній 3642 руб. 97 коп. и съ торговыхъ помѣщеній 924 руб. 36 коп., а всего земскаго сбора торговопромышленный классъ въ 1884 году долженъ былъ внести 14991 руб. или немного болѣе 7% чистаго дохода. На одно среднее хозяйство земскаго сбора причтется 75 руб.

в) Расходъ на исправленіе проселочныхъ дорогъ у торговопромышленнаго класса составитъ болѣе значительную сумму на одно хозяйство, чѣмъ у дворянъ, и мы опредѣляемъ его приблизительно въ пять рублей на хозяйство или 1000 рублей со всего торговаго класса.

г) Промысловый налогъ взимается согласно положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ ¹⁾, какъ съ гильдейскихъ и другихъ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, такъ и со свидѣтельствъ и билетовъ на торговля и промышленныя заведенія. Такого сбора съ патентовъ и торговыхъ документовъ поступило по точнымъ свѣдѣніямъ кириловскаго уѣзднаго казначейства въ 1884 году 26303 руб. 52 коп. Изъ этого количества мы относимъ, на основаніи свѣдѣній о числѣ торговыхъ заведеній и лицъ, занимающихся торговлею въ городѣ и уѣздѣ, и о размѣрахъ самой торговли—одну треть дохода на городъ Кириловъ, а двѣ трети—на кириловскій уѣздъ, а потому мы получимъ, что торговопромышленный классъ въ уѣздѣ уплатилъ въ 1884 году промысловаго налога 17535 руб. 68 коп., что на одно хозяйство составитъ 87 руб. 65 коп.

¹⁾ Уставъ о пошлинахъ, сводъ законовъ т. V, ст. 464—589.

д) Раскладочный сборъ на новгородскую губернію въ росписаніи, приложенномъ къ Высочайше утвержденному 15 января 1885 г. мѣнью государственнаго совѣта, опредѣленъ въ 20000 руб. Согласно 14 пункта о дополнительномъ и процентномъ сборѣ, губернское присутствіе назначило изъ общей суммы его на кириловскій уѣздъ съ городомъ 1200 руб. Уѣздное податное присутствіе, опредѣливъ валовой доходъ торговцевъ, для вычисленія чистаго дохода приняло, что этотъ послѣдній составляетъ въ городѣ 5%, а въ уѣздѣ 10% валоваго общаго дохода. Послѣ этихъ вычисленій оказалось, что раскладочный сборъ составляетъ 1% чистаго дохода промышленныхъ предпріятій, которыя и обложены въ этомъ размѣрѣ на 1885 г. Хотя въ 1884 г. этого сбора не существовало, но для полноты картины мы приводимъ здѣсь и его сумму. Изъ 1200 рублей упало около одной трети на городъ и около $\frac{2}{3}$ — на уѣздъ, что составитъ 800 рублей или на одно промышленное хозяйство 4 рубля.

Такъ какъ ни одно изъ промышленныхъ предпріятій кириловскаго уѣзда не принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ и не платитъ процентнаго сбора, то всѣ налоги и сборы, вносимые торговопромышленнымъ классомъ, составятъ сумму 34866 руб. 93 коп., или 174 руб. 33 коп. на одно среднее хозяйство. Эта сумма составляетъ 16,45% чистаго дохода плательщиковъ.

3) Духовенство, какъ извѣстно, совершенно свободно отъ платежа государственныхъ и земскихъ налоговъ. На земскія повинности церкви платятъ лишь сборъ съ земель, пріобрѣтенныхъ ими не отъ казны, а отъ частныхъ лицъ. Такія земли имѣются лишь у одиннадцати церквей кириловскаго уѣзда. Съ нихъ въ 1884 году причиталось земскаго сбора 40 руб. 85 коп. Духовенство, кромѣ того, еще несетъ одинъ сословный сборъ, взимаемый въ формѣ вычета 2% изъ получаемаго отъ казны содержанія и предназначенный на жалованье членамъ консисторіи отъ духовенства. Хотя бѣлое духовенство и вноситъ значительныя суммы на особыя сословныя духовныя училища, въ пользу попечительства о бѣдныхъ ду-

ховнаго званія и въ другія учрежденія, преимущественно по подписнымъ листамъ, но средства эти берутся изъ церковныхъ суммъ и на размѣръ дохода духовенства не вліяютъ. Упомянутый же нами двухпроцентный сборъ съ казеннаго содержанія, составляющаго на всѣ причты кириловскаго уѣзда 17,430 рублей ¹⁾ равенъ 348 рублямъ 60 копѣйкамъ, что составитъ не много менѣе 1% всего чистаго дохода духовенства и на одно хозяйство причтется 1 рубль 40 коп. Упомянутый выше земскій сборъ почти не вліяетъ на размѣръ платежей духовенства. О значеніи освобожденія духовенства отъ налоговъ и сборовъ на мѣстныя потребности мы скажемъ ниже.

4) Платежи крестьянъ помѣщичьихъ мы разберемъ наиболѣе подробно, чтобы при разсмотрѣніи налоговъ двухъ другихъ группъ крестьянскаго населенія ограничиться одними статистическими данными. Сперва перечислимъ исключительно денежные сборы, затѣмъ повинности натуральныя и, наконецъ, платежи смѣшаннаго характера.

I. ДЕНЕЖНЫЕ СБОРЫ.

а) Подушная подать въ 1884 году взималась въ половинномъ размѣрѣ противъ нормальнаго оклада. Годовая сумма ея составляетъ съ семи помѣщичьихъ волостей 3686 руб. 91 коп., или 5,7% чистаго дохода. На одно хозяйство подушной подати причталось 1 руб. 66 коп. Въ виду состоявшейся окончательной отмены подушной подати съ помѣщичьихъ крестьянъ, она не представляетъ для насъ интереса.

б) Паспортный сборъ представляетъ такую же личную подать, какъ и отмененная нынѣ подушная, и финансистами практиками ошибочно причисляется къ пошлинамъ ²⁾, чѣмъ, до извѣстной степени, и объясняется существованіе этого весьма неравномѣрнаго налога. Размѣръ его нами вычисленъ

¹⁾ См. выше стр. 30.

²⁾ Л. Ходскій, Краткій курсъ политической экономіи, стр. 308.

на основаніи данныхъ мѣстнаго уѣзднаго казначейства о количествахъ и цѣнахъ отпущенной имъ въ 1884 г. въ волостныя правленія паспортной бумаги, стоющей для годоваго паспорта 1 р. 45 коп., полугодоваго—85 коп. и для кратко-срочнаго 10 коп. Число покупаемыхъ волостнымъ правленіемъ бланковъ, по нашему мнѣнію, мало разнится отъ числа выданныхъ правленіемъ билетовъ на отхожіе промыслы, такъ какъ бланки покупаются по дѣйствительной потребности, на основаніи опыта прежнихъ лѣтъ. Такъ, въ 1884 г. уѣздное казначейство въ семь волостей помѣщичьихъ крестьянъ продало паспортныхъ бланковъ на 138 руб. 60 коп. Размѣръ паспортнаго сбора сравнительно съ прочими прямыми налогами, конечно, незначителенъ и составляетъ на одно крестьянское хозяйство этой группы плательщиковъ лишь шесть коп.

в) Выкупные платежи помѣщичьихъ крестьянъ кириловскаго уѣзда за общимъ пониженіемъ ихъ по 1 рублю на душу и дополнительнымъ въ 8600 рублей на 4944 души помѣщичьихъ крестьянъ болѣе или менѣе приведены въ соотвѣтствіе съ платежными средствами населенія, хотя они все-таки оказались въ большинствѣ селеній въ полтора и два раза выше оброчной подати сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ. Для равномернаго распредѣленія дополнительнаго пониженія, мѣстная уѣздная земская управа въ докладѣ своемъ собранію 1883 г. раздѣлила селенія уѣзда на три группы и проектировала пониженіе для первой группы 1 руб. 20 коп. на одну душу или на одинъ земельный надѣлъ, для второй — 2 руб. 40 коп. и для третьей—3 руб. 20 коп.¹⁾ Къ первой группѣ были причислены волости: екимовская, островская, якипінская и пунемская, а во второй—прилуцкая, монастырская и липниковская. Къ третьей же группѣ отнесены 38 селеній крестьянъ съ совершенно разстроеннымъ хозяйствомъ. Послѣ сдѣланнаго дополнительнаго пониженія выкупные платежи крестьянъ выразились: въ селеніяхъ первой

¹⁾ Журналы кириловскаго уѣзднаго земскаго собранія 1883 г., докладъ управы, стр. 78.

группы—въ 5 руб. на душу при полномъ душевомъ надѣлѣ, второй группы—въ 3 руб. 80 коп. и въ селеніяхъ третьей группы—въ суммѣ отъ 50 коп. до 3 рублей на душу, смотря по степени нужды крестьянъ и хозяйственнаго ихъ разстройства. Проектъ управы былъ принятъ собраніемъ 27 сентября 1883 г., съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями ¹⁾). Въ 1884 г. выкупные платежи въ семи названныхъ волостяхъ равнялись 14451 руб. 51 коп., что составитъ 22,35% чистаго дохода помѣщичьихъ крестьянъ, а на одно среднее ихъ хозяйство причтется 6 руб. 51 коп. Мы видимъ, что одни выкупные платежи превышаютъ почти вдвое тяжесть всѣхъ налоговъ, платимыхъ торговопромышленнымъ классомъ, такъ какъ всѣ платежи послѣдняго составляютъ лишь 16 съ небольшимъ процентовъ чистаго дохода, получаемаго ими отъ земли, заводской дѣятельности и торговли.

г) Государственный поземельный налогъ крестьянами помѣщичьими въ 1884 г. былъ уплаченъ въ размѣрѣ 155 руб. 87 коп., что составитъ 0,24% чистаго дохода, а на одно хозяйство причтется 7 коп.

д) Земскій сборъ съ имуществъ кириловскаго уѣзда въ 1884 году взимался по 18% съ нормальной ихъ доходности. Крестьяне помѣщичьи должны были уплатить 3785 р. 60 к. что составитъ 5,85% съ чистаго дохода, получаемаго помѣщичьими крестьянами отъ земледѣлія и подсобныхъ промысловъ, а на одно ихъ хозяйство причтется земскаго сбора 1 руб. 70 коп.

е) Страховые платежи, взимаемые губернскимъ земствомъ по обязательному страхованію крестьянскихъ строеній, въ 1884 г. въ семи волостяхъ помѣщичьихъ крестьянъ равнялись 791 рублю 27 коп., что составитъ 1,22% всего чистаго дохода плательщиковъ, а на одно хозяйство причтается немногимъ болѣе 35 копѣекъ.

ж) Мирской сборъ, налагаемый на крестьянъ органами ихъ самоуправленія—волостными сходами, соответствуетъ по

¹⁾ Журналъ кирил. уѣзд. земск. собр. 1883 г., докладъ управы, стр. 20.
ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

своему внѣшнему характеру частному дворянскому сбору, такъ какъ оба они собираются въ средѣ особыхъ общественныхъ группъ. Имъ же отчасти соотвѣтствуетъ и сборъ съ духовенства, взимаемый посредствомъ вычета 2% изъ казеннаго жалованья и идущій на содержаніе членовъ консисторіи отъ духовенства. Мѣрской сборъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ 1884 г. составлялъ 3361 руб. 47 коп., или 5,2% чистаго дохода плательщиковъ, а на одно хозяйство причисляется 1 руб. 51 коп.

з) Сборъ по сельской общественной раскладкѣ существуютъ не постоянно и не во всѣхъ волостяхъ. Отличіе этихъ сборовъ отъ мѣрскаго состоитъ въ томъ, что они устанавливаются приходскими сходами временно или постоянно на приходскія нужды, какъ-то: на устройство и содержаніе приходской школы, на жалованье сельскихъ (особыхъ для каждаго прихода) писарей, ведущихъ разсчетныя податныя вѣнжки домохозяевъ и переписку сборщиковъ и т. п., на содержаніе лошадей для разъѣздовъ волостныхъ чиновъ по приходу и т. д. У разсматриваемой нами группы плательщиковъ сельскій общественный сборъ равенъ 197 р. 41 к.

Деньги эти были назначены кындскимъ и иткольскимъ приходами на мѣстныя школы.

II. Натуральныя повинности, къ которымъ принадлежать:

а) Обязательная общественная служба въ должностяхъ, за которыя не положено вознагражденія, составляетъ тяжелую повинность, влекущую за собою если не денежный убытокъ, то значительную потерю времени, необходимаго для труда и надзора за собственнымъ хозяйствомъ домохозяина. Къ бесплатнымъ и, на основаніи 119 ст. общаго положенія, обязательнымъ относятся должности: волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ и ночныхъ караульных (сторожей). По самому скромному разсчету, если оцѣнить годовой трудъ волостнаго судьи въ 9 руб., сельскаго старосты въ 7 р. 50 к., полицейскаго сотскаго въ 10 руб., полицейскаго десятскаго въ 3 руб. и ночнаго

караульнаго въ 8 руб., стоимость крестьянской бесплатной службы во всѣхъ 22 волостяхъ кириловскаго уѣзда въ 1884 году составляла 19888 руб. 50 к. Изъ этого числа на семь помѣщичьихъ волостей причитается 3769 рублей или около 6% чистаго дохода, а на одно хозяйство причитается 1 р. 70 коп.

б) Исправленіе дорогъ въ границахъ крестьянскаго на-дѣла составляетъ также значительную повинность и отличается неравномѣрностью, происходящею по причинѣ положенія селеній на болѣе и менѣе проѣзжихъ дорогахъ или отъ естественныхъ условій путей сообщенія, какъ-то: мостовъ, переправъ, и т. п. По вычисленію мѣстныхъ волостныхъ правленій стоимость труда, потраченнаго въ 1884 г. на исправленіе дорогъ, въ семи волостяхъ помѣщичьихъ крестьянъ, составляетъ 1208 руб. 15 коп., или 1,86% чистаго дохода, а на одно хозяйство 54 копѣйки.

в) Обязанности присяжныхъ засѣдателей, исполняемая безвозмездно и безъ возмѣщенія даже путевыхъ расходовъ, всею тяжестью лежатъ на крестьянскомъ населеніи. Во первыхъ, по свѣдѣніямъ за 1884 г. въ кириловскомъ уѣздѣ по спискамъ изъ всего числа 260 очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей крестьянъ было 177, т. е. около 68%¹⁾. Во вторыхъ, лица другихъ сословій или живутъ въ городѣ или имѣютъ съ нимъ тѣсную связь и дѣла, а потому являю къ исполненію обязанностей присяжнаго они приурочиваютъ къ своей хозяйственной дѣятельности, и въ третьихъ, наконецъ, они не могутъ столь сильно ощущать расходы на эту повинность, какъ недостаточный въ средствахъ крестьянинъ. Поэтому мы считаемъ исполненіе обязанностей присяжныхъ засѣдателей крестьянами ихъ тяжелою матеріальною жертвою, стоимость которой мы не можемъ не принять въ общій итогъ податныхъ расходовъ крестьянскаго населенія. Предполагая, что и въ числѣ дѣйствительно въ 1884 г. исполнявшихъ

¹⁾ Постановленія комисіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей.

обязанности присяжного заседателя крестьяне составляют 63%, мы получимъ, что крестьянъ въ 4 сессіи окружнаго суда участвовало около 96 человѣкъ; изъ этого числа на волости помѣщичьихъ крестьянъ, составляющія ¹/₈ уѣзднаго населенія, придется 12 человѣкъ. Обыкновенно присяжный заседатель кириловскаго уѣзда при продолжительности сессій въ 3 дня и при среднемъ разстояніи отъ города въ 100 верстъ, требующемъ для проѣзда впередъ и обратно четырехъ дней, долженъ затратить на исполненіе своихъ обязанностей не менѣе семи дней, что стоитъ ему никакъ не менѣе 7 рублей, а на всѣхъ 12 лицъ—84 рубля, что составитъ около 4 к. на одинъ крестьянскій дворъ, хотя равномѣрность этой повинности недостижима въ виду того, что къ исполненію ея призываются далеко не всѣ домохозяева.

III. Къ повинностямъ смѣшаннаго характера относятся:

а) Сборы на содержаніе духовенства, состоящіе изъ денежныхъ взносовъ и предметовъ домашняго хозяйства, какъ мы объяснили выше, на основаніи бытовыхъ условій, носятъ несомнѣнный податной характеръ. Они составляютъ по 4 руб. 16 коп. на крестьянскій дворъ средняго достатка. Со всѣхъ же помѣщичьихъ крестьянъ они составляютъ въ годъ 9231 руб. 4 коп., или 14,27% чистаго дохода.

б) Расходы, вызываемые преступленіями и проступками членовъ общества, какъ неизбежные по законамъ нравственной статистики, должны быть также приняты нами во вниманіе при опредѣленіи обязательныхъ расходовъ, вызываемыхъ коренными условіями государственнаго и общественнаго быта. Эти уголовные убытки въ 1884 г., въ кириловскомъ уѣздѣ могутъ быть вычислены слѣдующимъ образомъ:

1) содержалось въ мѣстной тюрьмѣ 126 лицъ, которые провели въ ней 11285 дней; считая среднюю стоимость дня въ 20 коп., получимъ 2257 руб.;

2) въ помѣщеніи для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей содержалось 94 лица, проводившихъ 3468 дней, что по той же цѣнѣ составитъ 693 руб. 60 коп.;

3) по приговорамъ волостныхъ судовъ были наказаны арестомъ до 100 лицъ по 3 дня—60 рублей,

и 4) штрафовъ на устройство мѣстъ заключенія въ 1884 году поступило 157 руб. 42 коп.

Всѣ расходы этой категоріи составляютъ 3168 руб. 2 коп. Въ виду подавляющаго преобладанія между осужденными крестьянъ, мы всю означенную сумму убытковъ относимъ на крестьянское сословіе. Помѣщичьи же крестьяне, составляя $\frac{1}{8}$ часть населенія уѣзда, примутъ на себя и $\frac{1}{8}$ часть этого расхода, т. е. 396 руб., вслѣдствіе чего на одно среднее хозяйство причтется 18 коп. Свѣдѣнія о числѣ арестантовъ и о суммѣ штрафа извлечены нами изъ отчетовъ за 1884 г. мѣстныхъ учреждений—тюремнаго отдѣленія, уѣздной земской управы и проч. Всѣ прямые налоги помѣщичьихъ крестьянъ, какъ личные, такъ и поимущественные, вмѣстѣ съ натуральными повинностями, составляютъ ежегодную сумму 41256 руб. 83 коп. или 65,8% чистаго дохода плательщиковъ. На одно среднее хозяйство причтается 18 руб. 59 коп.

Но такъ какъ съ 1 января 1886 года подушная подать помѣщичьихъ крестьянъ совершенно отмѣнена, то, за исключеніемъ 3686 руб. 91 коп. подушной подати настоящіе податные платежи составляютъ 37569 руб. 92 коп., или 58% чистаго дохода; на одно хозяйство причтется 16 руб. 93 коп.

5) Крестьяне удѣльные уплатили въ 1884 году налоговъ и сборовъ и выполнили повинностей:

а) подушной подати	13435	руб.	36	коп.
б) паспортнаго сбора	523	—	40	—
в) выкупныхъ платежей	40956	—	46	—
г) государственнаго поземельнаго налога	768	—	3	—
д) земскаго сбора	17589	—	—	—
е) страховыхъ платежей	2206	—	67	—
ж) мірскаго сбора	8721	—	44	—
з) сельскаго общественнаго сбора	2794	—	19	—

и) общественная служба на . . .	8215	—	—	коп.
к) исправленіе дорогъ на . . .	4408	—	70	—
л) обязанности присяжныхъ засѣдатель- дателей на	266	—	—	—
м) повинности въ пользу духо- венства на	29427	—	84	—
и н) убытки, причиненные пре- ступленіями	1360	—	—	—

Весь же податной расходъ удѣльныхъ крестьянъ вириловскаго уѣзда въ 1884 году равнялся 130671 руб. 89 коп., или 60,6% чистаго дохода плательщиковъ. На одно хозяй-ство причтется 18 руб. 47 коп. Съ отмѣною съ 1 января 1886 года подушной подати съ удѣльныхъ крестьянъ, годо-вой размѣръ платежей крестьянъ этой группы составитъ 117236 руб. 53 коп. или 54,5% ихъ чистаго дохода. На одно хозяйство будетъ причитаться 16 руб. 57 коп., на 36 коп. менѣе, чѣмъ на одно хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ.

6) Казенные крестьяне, поселенные въ восьми волостяхъ уѣзда, въ 1884 году вносили налоговъ и отправляли повин-ностей:

а) подушной подати	14797	руб.	42	коп.
б) паспортнаго сбора	889	—	35	—
в) оброчной подати	50817	—	78	—
г) государственнаго поземельнаго налога	743	—	77	—
д) земскаго сбора	17165	—	1	—
е) страховыхъ платежей	2294	—	70	—
ж) мірскаго сбора	9260	—	66	—
з) сельскаго общественнаго сбора не было.				
и) общественной службы на . . .	7904	—	50	—
в) исправленія дорогъ на	3250	—	50	—
л) обязанностей присяжныхъ за- сѣдателей на	280	—	—	—
м) сборовъ на духовенство . . .	30680	—	—	—

и н) убытковъ отъ уголовныхъ

преступленій 1412 — 2 —

Всѣ податныя тяжести казенныхъ крестьянъ по прямымъ налогамъ и повинностямъ въ 1884 году составляли сумму 139495 руб. 71 коп., или 62,4% чистаго дохода. На одно хозяйство причитается 18 руб. 91 коп., на 32 коп. менѣе, чѣмъ у крестьянъ помѣщичьихъ, и на 44 коп. менѣе, чѣмъ на одно хозяйство удѣльныхъ крестьянъ. Предположенная отгѣна подушной подати казенныхъ крестьянъ можетъ, въ податномъ отношеніи, пройти для нихъ незамѣченною, такъ какъ она, на основаніи закона 28 мая 1885 года, будетъ сопровождаться увеличеніемъ взимаемой съ нихъ оброчной подати или выкупныхъ платежей.

Такимъ образомъ сумма всѣхъ прямыхъ налоговъ и повинностей за 1884 годъ по группамъ плательщиковъ составитъ:

	Всего	На одно хозяйство.
1) дворянъ.	4220 р. 65 к.	35 р. 77 к.
2) духовенства.	389 — 45 —	1 — 40 —
3) торговаго класса. . .	34866 — 93 —	174 — 33 —
4) крестьянъ помѣщичьихъ	41256 — 83 —	18 — 59 —
5) „ удѣльныхъ	130671 — 89 —	18 — 47 —
и 6) „ казенныхъ	139495 — 71 —	18 — 91 —

Всѣ прямые платежи и повинности составляютъ у сельскаго населенія кириловскаго уѣзда въ годъ сумму 350901 р. 46 копѣекъ. Эта сумма составляетъ 45,5% чистаго дохода всего сельскаго населенія. По этому расчету ниже средней нормы уплачиваютъ:

дворяне на	25,28%
торговый классъ на	29,05%
и духовенство на	44, 5%

Выше средней нормы обложены налогами и повинностями:

крестьяне удѣльные на	15, 1%
крестьяне казенные на	16, 9%
и крестьяне помѣщичьи на	18, 3%

Кромѣ прямыхъ налоговъ, мы должны коснуться здѣсь еще воинской повинности, пошлйнъ' и косвенныхъ налоговъ и указать хотя приблизительную ихъ сумму, падающую на кариловскій уѣздъ.

1) Воинская повинность по уставу 1 января 1874 года составляетъ общую всесословную повинность, хотя всею своею тяжестью она ложится на крестьянское населеніе.

У привилегированныхъ классовъ образованіе даетъ значительное сокращеніе сроковъ службы. Наконецъ, молодой человѣкъ изъ дворянъ и духовнаго званія отъ 20 до 25 лѣтъ не представляетъ значительной хозяйственной силы и, если онъ пропитываетъ себя и не требуетъ ничего отъ семьи, эта послѣдняя не претендуетъ на плоды его заработка, тогда какъ въ крестьянской средѣ такой членъ есть реальная рабочая сила, которою онъ становится почти съ 17 лѣтъ. Изъ 254 лицъ, принятыхъ въ военную службу въ 1884 году, дворянъ не было, купцовъ также, духовнаго званія 4, мѣщанъ 13 и крестьянъ 237, т. е. 93,3% всего числа принятыхъ на службу составляли крестьяне. Убытки, причиняемые воинскою повинностью, имѣютъ одну особенность, состоящую въ томъ, что членъ семьи, находясь на службѣ и не принося семьѣ пользы, не требуетъ на свое содержаніе отъ нея ничего и во всемъ необходимомъ обезпеченъ государствомъ, а иногда еще обучается на его счетъ разнымъ техническимъ и общимъ познаніямъ, напр. неграмотныхъ солдатъ обучаютъ чтенію и письму и т. п. При обязательныхъ же услугахъ другаго рода, напр. общественной службѣ, исправленіи дорогъ и проч., оказывающей ихъ и содержится на счетъ средствъ своего хозяйства. Поэтому, воинская повинность не имѣетъ вполнѣ податнаго характера. Считая же годовую стоимость труда средняго работника въ 60 рублей, мы получимъ постоянный годовыи убытокъ населенія отъ воинской повинности, если число призванныхъ въ пять лѣтъ, новобранцевъ (по 250 въ годъ), т. е. 1250 человѣкъ умножить на 60, отчего и получится 75000 рублей. Число служа-

щихъ въ военной службѣ (1250) составляетъ 1,25% всего населенія кириловскаго уѣзда и города.

2) пошлины, взимаемая государствомъ за особыя услуги, составляютъ, сравнительно съ прямыми налогами небольшой процентъ. Такъ, въ 1884 году было выручено: а) мировыми судебными учрежденіями судебныхъ пошлинъ 687 рублей 52 коп. ¹⁾, что составляетъ лишь 0,09% чистаго дохода сельскаго населенія; б) уѣзднымъ казначействомъ отъ продажи гербовой бумаги за тотъ же 1884 г. получено 3203 рубля 80 коп.

3) косвенные налоги, за отмѣною съ 1881 года соляной пошлины, падаютъ хотя на предметы общераспространенные, но несоставляющіе безусловной необходимости. Вино, табакъ, сахаръ, принося пользу въ небольшомъ количествѣ, при чрезмѣрномъ употребленіи могутъ принести и вредъ населенію. Особенно два первые продукта служатъ причиною многихъ заболѣваній и даже полнаго хозяйственнаго разстройства. По изслѣдованіямъ крестьянскаго хозяйства московской губерніи, произведеннымъ В. И. Орловымъ, изъ всего числа разстроенныхъ хозяйствъ раззорились отъ пьянства цѣлыхъ 9,2%. Свѣдѣній о количествѣ потребляемыхъ населеніемъ кириловскаго уѣзда сахару и табаку и о суммѣ уплаченнаго имъ съ этихъ предметовъ акциза мы не имѣемъ. Акциза же съ вина и пива въ 1884 г., по свѣдѣніямъ мѣстнаго уѣзднаго казначейства, поступило 145669 руб. 33 коп., что составитъ на одного жителя 1 рубль 46 коп. Конечно, большинство этого косвеннаго налога уплачивается крестьянскимъ населеніемъ. Принимая въ расчетъ, что крестьяне уплатили 75% этого косвеннаго налога, мы получимъ, что на одно крестьянское хозяйство причтется 6 руб. 55 коп.

При изложеніи мѣстныхъ натуральныхъ повинностей мы пропустили расходы сельскихъ обществъ на устройство, содержание и пополненіе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Но

¹⁾ Отчетъ кириловской уѣзднои земской управы о денежныхъ суммахъ за 1884 г., стр. 4.

здѣсь мы руководствовались тѣмъ обстоятельствомъ, что сельскіе запасные магазины, какъ повинность, съ цѣлью, указанною имъ въ уставѣ и правилахъ народнаго продовольствія, уже перестали существовать въ кириловскомъ уѣздѣ. Въ 17 волостяхъ не существуетъ частью и самыхъ зданій, или же они стоятъ пустыми и хлѣбомъ не пополняются; въ пяти же волостяхъ: спасской, пунемской, казанской, тигинской и введенской они играютъ роль сѣменныхъ магазиновъ, куда свозится осенью лучшій сѣмянный хлѣбъ, который весною и лѣтомъ раздается въ ссуду положившимъ его крестьянамъ, безъ различія, нуждаются они или не нуждаются въ ссудѣ. Контроль земства за магазинами носитъ чисто бумажный и фиктивный характеръ. На запросъ, сдѣланный земскою управою въ 1883 г. волостнымъ сходамъ, желаютъ-ли они оставить хлѣбные запасные магазины, пополнивъ ихъ до законной нормы, или же образовать денежные продовольственные капиталы, крестьянскіе сходы 14 волостей отказались совершенно отъ хлѣбныхъ магазиновъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ранѣе ссуды раздавались неправильно, „по распоряженію высшаго начальства“ и совершенно нищимъ крестьянамъ, которые никогда ссудъ не возвращали, что неурожай не даютъ возможности пополнять магазины, что уже по 10 и 20 лѣтъ хлѣбъ не поступаетъ въ магазины и „самый порядокъ пополненія магазиновъ вслѣдствіе давности забыть“ ¹⁾. При такихъ условіяхъ, конечно, мы вполне правы, признавъ, что хлѣбные магазины въ кириловскомъ уѣздѣ, какъ натуральная повинность, совершенно прекратили свое существованіе.

А. Тютрюмовъ.

¹⁾ Журналы кириловскаго уѣзд. зем. собр. 1884 г. стр. 41 и 42.

ИНОСТРАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Лекція проф. Ферри противъ сентиментальной филантропіи нынѣшнихъ тюремныхъ порядковъ.—Бернская сессія международной тюремно-пенитенціарной комиссіи и ея подготовительные труды для будущаго С.-Петербургскаго тюремнаго конгресса.—О самой комиссіи и пересмотрѣ ея парижскаго регламента.—О шансахъ международной объединительной политики тюремныхъ конгрессовъ въ области карательнаго законодательства.—Нападки на судъ присяжныхъ; жалобы на слабость репрессіи и нецѣлесообразность карательной системы въ германской юридической прессѣ и литературѣ: требованіе отъ уголовнаго правосудія большей строгости, какъ знаменіе времени.

Знаменіе времени! XVIII вѣкъ завѣщалъ намъ лозунгъ гуманнаго Беккариа и другихъ философовъ-филантроповъ, протестовавшихъ противъ жестокостей судебной расправы своего времени. Этотъ лозунгъ: жалѣйте преступника! продолжаетъ быть краеугольнымъ камнемъ современнаго намъ уголовнаго законодательства и практики правосудія, но, должно полагать, дошелъ въ настоящемъ своемъ одностороннемъ развитіи до предѣла: *summum jus—summa injuria*. Уже слышится, съ компетентной, дѣловой стороны ропотъ неодобренія по адресу „сентиментальныхъ“ излишествъ „ухаживанья“ за преступникомъ, и формулируется, во имя здраваго смысла и справедливости, другой, протестующій противъ крайностей „уголовной филантропіи“, лозунгъ: пора пожалѣть и честнаго труженика—жертву преступленія!

Въ эпоху римскаго пенитенціарнаго конгресса (1885 г.) нынѣшній глава антропологическихъ криминалистовъ, про-

фессоръ Ферри, прочелъ публичную лекцію „о трудѣ и вѣльяхъ осужденныхъ“. Эта лекція — горячая филиппика противъ увлеченій классической школы криминалистовъ, являющихся рьяными послѣдователями тюремнаго филантропа Гоуарда. Отдавая должную справедливость создателямъ тюремно-пенитенціарныхъ теорій, уничтожившихъ варварскую практику — наслѣдіе среднихъ вѣковъ, Ферри находитъ, что тюремно-пенитенціарное дѣло начинаетъ впадать въ излишнюю сантиментальность, противъ которой слѣдуетъ реагировать. Чрезмѣрная заботливость криминалистовъ-филантроповъ объ улучшеніи физическаго и нравственнаго быта осужденныхъ преступниковъ создала ненормальное положеніе, въ силу котораго арестантскій бытъ оказывается обставленнымъ болѣе завидно, чѣмъ матеріальная и моральная обстановка громаднаго большинства честныхъ тружениковъ, съ трудомъ перебивающихся изо дня въ день, но стойко выдерживающихъ борьбу противъ искушеній преступности.

Всѣ усилія сосредоточены на личномъ исправленіи преступника, но ничего не дѣлается, чтобы предупредить самое зло преступленія, оздоровить бытъ той среды, въ которую долженъ будетъ вернуться осужденный по выдержаніи срока заключенія.

Но всего прискорбнѣе, по мнѣнію Ферри, то, что „человѣколюбивые“ криминалисты мало заботятся о невинныхъ жертвахъ преступленія, которыя съ гораздо большимъ основаніемъ заслуживали бы сожалѣнія и помощи со стороны общества, чѣмъ преступникъ, участь котораго всѣми мѣрами желаютъ облегчить и улучшить.

Слѣдуетъ положить предѣлъ столь одностороннимъ крайностямъ „уголовной“ филантропіи.

Нынче всякому осужденному преступнику, трудится онъ или нѣтъ, обезпечено содержаніе и довольствіе. Это — вопіющая несправедливость: кто не трудится — пусть голодаетъ, гласитъ практическая мудрость народа. Ферри требуетъ, чтобы всякій осужденный преступникъ, за исключеніемъ, конечно, больныхъ и безусловно неспособныхъ къ какой либо работѣ,

былъ обязанъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ также, какъ и вольный рабочій людъ.

Весь излишекъ въ арестантскомъ заработкѣ, за удовлетвореніемъ крайнихъ насущныхъ потребностей осужденнаго, слѣдовало бы обращать на покрытіе причиненнаго имъ вреда и убытка, а именно—либо на возмѣщеніе государству издержекъ по содержанію мѣстъ заключенія, либо въ пользу самой жертвы преступленія или семьи его. Только то, что останется за удовлетвореніемъ подобныхъ, безусловно обязательныхъ расходовъ, можетъ составить собственность осужденнаго.

Въ настоящее время тюремно-пенитенціарныя заведенія на западѣ являются сильными конкурентами частной, вольной промышленности. Съ другой стороны многія опасныя для жизни и вредныя для здоровья промышленныя производства составляютъ на волѣ удѣлъ честныхъ рабочихъ, тогда какъ осужденные преступники несутъ менѣе тяжкій трудъ и работу.

Позитивисты уголовной антропологіи желали бы избѣгнуть экономическихъ неудобствъ вредной для частной промышленности конкуренціи арестантскаго труда, а также устранить социальное неравенство въ свойствѣ труда рабочихъ обѣихъ категорій. Поэтому Ферри настаиваетъ на томъ, во 1-хъ, чтобы тяжкіе преступники были употребляемы на работы по осушкѣ болотъ, въ рудникахъ и копяхъ, по постройкѣ тюремъ и крѣпостей, устройству гаваней и портовъ и тому подобныя (по нашему, каторжныя) работы; во 2-хъ, чтобы *исправительные* арестанты занимались въ вельяхъ, а работы ихъ ограничивалась исключительно фабрикаціею предметовъ мѣстнаго тюремнаго обихода или необходимыхъ для публичныхъ администрацій, и въ 3-хъ, чтобы *случайные* преступники вовсе не подвергались заключенію, а подлежали бы обязательнымъ работамъ на волѣ, съ удержаніемъ части заработныхъ денегъ для вознагражденія потерпѣвшихъ и уплаты денежныхъ штрафовъ.

Здравый взглядъ представителя уголовно-антропологиче-

скаго позитивизма на задачи тюремно-пенитенціарнаго дѣла, отмѣтилъ въ современной практикѣ послѣдняго такіа очевидныя противорѣчія съ логикою правильныхъ общественныхъ порядковъ, что мысли Ферри не могли не произвести серьезнаго впечатлѣнія въ средѣ тюремовѣдцевъ. Критика Ферри не прошла безслѣдно. Она нашла отголосокъ въ трудахъ, которые представляютъ особый интересъ для русскаго общества въ виду имѣющаго быть въ 1890 г. у насъ въ Петербургѣ международнаго тюремно-пенитенціарнаго конгресса.

Передъ нами программа вопросовъ, выработанная для означеннаго конгресса на бывшей въ сентябрѣ прошлаго 1886 г. Бернской сессіи международной тюремно-пенитенціарной комисіи делегатовъ разныхъ странъ, подъ предсѣдательствомъ начальника нашего главнаго тюремнаго управленія Т. С. Галкина-Врасскаго.

Въ эту программу снова включены нѣкоторые неразрѣшенные римскимъ конгрессомъ вопросы, а также внесены новые вопросы, свидѣтельствующіе о желаніи руководителей дѣла конгресса подвергнуть обсужденію далеко не парадоксальныя положенія антропологистовъ.

Такимъ образомъ членамъ петербургскаго конгресса предстоитъ, между прочимъ, заняться рѣшеніемъ вопросовъ по секціи (II-ая) собственно „пенитенціарныхъ“ учреждений, о томъ:

а) Въ какой мѣрѣ тюремный трудъ вреденъ для свободной промышленности? Какъ организовать работы заключенныхъ, чтобы избѣгнуть, по возможности, неудобства конкуренціи? (Вопросъ 2-й программы комисіи).

б) Въ какой мѣрѣ заключенный можетъ свободно располагать своими денежными средствами? (Вопросъ 3-й).

в) Независимо отъ ссылки въ колоніи, какая можетъ быть принята система исполненія наказаній, сопряженныхъ съ бессрочнымъ лишеніемъ свободы или на срокъ свыше 5 лѣтъ, либо, смотря по законодательствамъ, свыше 10 лѣтъ?

Каковы должны быть—характеръ, организація и режимъ заведеній для помѣщенія осужденныхъ каждой изъ вышеуказанныхъ категорій? (Вопросъ 4-й).

г) Может ли быть признано, что известные преступники должны считаться безусловно *неисправимыми* и какія могли бы быть приняты мѣры для защиты общества противъ этой категоріи осужденныхъ? (Вопросъ 6-й).

Изъ серіи вопросовъ по секціи (III-я) „предупредительныхъ“ учреждений присоединимъ сюда вопросъ:

д) Не слѣдуетъ ли „патронатскимъ“ установленіямъ и обществамъ, для исполнѣ всесторонняго выполненія своей задачи, заботиться также и о положеніи и нуждахъ *семействъ* заключенныхъ до выпуска послѣднихъ на свободу, либо въ видахъ поддержанія семейныхъ привязанностей, либо въ видахъ оказанія необходимой помощи самимъ семьямъ и обезпеченія ихъ отъ послѣдствій того осужденія, которое постигло члена семьи. Какимъ образомъ подобная спеціальная задача попечительнаго патроната могла бы быть выполнена въ отношеніи семействъ осужденныхъ, не задѣвая щекотливыхъ самолюбій и извлекая изъ такого воздѣйствія на семью пользу для самаго исправленія заключеннаго и возвращенія его къ честной и трудолюбивой жизни? (Вопросъ 4-й).

Несомнѣнно, что постановка всѣхъ этихъ вопросовъ состоялась подъ вліяніемъ мыслей Ферри и его послѣдователей, отвергающихъ иллюзію исправимости въ классѣ такъ называемыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ и противопоставляющихъ девизъ: *salus bonorum civium suprema lex esto!* сантиментальному культу тюремно-пенитенціарнаго комфорта для тунеядныхъ и хищныхъ элементовъ, справедливо именуемыхъ „врагами общественнаго порядка“ ¹⁾.

¹⁾ Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки самые благотворные результаты даетъ Массачузетская тюремная реформа 1884 г. Тамъ всѣ заключенные обязаны работать. Существуетъ трехклассная классификація заключенныхъ по скромности, прилежанію, трудолюбію и суммѣ заработка. Вновь поступающій зачисляется въ средній (2-ой классъ) и переводится въ 1-й, пользующійся известными льготами, когда заработаетъ 400 руб. (при возможности заработать 2 руб. въ день). Заработавшій въ 1 классѣ менѣе 70 руб. переводится обратно во 2-й. Малоуспѣвающій во 2 классѣ переводится въ 3-й, гдѣ обращаются съ заключенными гораздо суровѣе и содержаніе хуже. Отчетъ „На-

Предстоящая петербургская сессія тюремнаго конгресса общаетъ быть очень интересною, судя по подготовительнымъ трудамъ вышепомянутаго Бернскаго собранія международной пенитенціарной комисіи. Широкая программа будущаго конгресса не ограничивается строгими предѣлами спеціально тюремно-пенитенціарнаго дѣла, но, по примѣру римскаго конгресса, захватываетъ область общихъ предметовъ карательнаго законодательства, а также сферу полицейскаго права. Подобная ширь и разносторонность конгрессныхъ дебатовъ въ данномъ случаѣ намъ весьма на руку. Труды конгресса могли бы служить весьма важнымъ подспорьемъ при составленіи или окончательной разработкѣ нашего новаго уголовного уложенія, если бы къ тому времени работы по созданію его оказались незаконченными.

Занятія конгресса будутъ специализироваться, подобно римскому конгрессу, въ трехъ секціяхъ: въ секціи уголовного законодательства (I-я), въ секціи пенитенціарныхъ учреждений (II-я) и въ секціи учреждений предупредительной полиціи (*institutions préventives*). Соотвѣтственно этому дѣлѣнію конгресса распредѣлены и предметы вопросной программы.

Кромѣ указанныхъ уже нами выше вопросовъ, отмѣтимъ еще сущность слѣдующихъ, какъ представляющихъ особый юридическій или общій интересъ по важности затронутаго предмета.

Въ отдѣлѣ предметовъ уголовного законодательства мы находимъ:

а) Вопросъ о юридическомъ значеніи *пьянства*, т. е. слѣдуетъ ли преслѣдовать его въ качествѣ самостоятельнаго правонарушенія, или же признавать только привходящимъ обстоятельствомъ, уничтожающимъ, уменьшающимъ или уве-

ціональнаго общества попеченія о тюрьмахъ“ удостовѣряетъ, что со времени этой реформы въ Массачузетскихъ тюрьмахъ исправилось почти 80% заключенныхъ. Безъ обязательнаго труда нельзя надѣяться на исправленіе. Опыты Саксоніи въ 1862 г., Германіи въ 1871 г. и другіе доказали, что хорошее содержаніе въ тюрьмахъ безъ работы только способствуетъ увеличенію числа заключенныхъ. (См. Новое Время 1887 г. № 3950 „Заграничныя мелочи“).

личивающимъ виновность содѣяннаго преступленія или проступка? (Вопросъ 2-й I-й секціи).

б) Вопросъ о томъ: въ какихъ случаяхъ и въ какой мѣрѣ представлялось бы умѣстнымъ ввести въ уголовное законодательство систему судебныхъ *выговоровъ* и *внушений*, въ замѣнъ всякаго иного наказанія, а также правило о неприведеніи въ *исполненіе* присужденнаго наказанія впредь до впаденія вновь въ преступленіе? (Вопросъ 4-й).

в) Вопросъ о судимости и наказаніи преступныхъ *дѣтей* т. е. о томъ, кто долженъ рѣшать ихъ судьбу, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ подвергать ихъ заключенію въ пенитенціарную тюрьму, помѣщать въ специальное исправительное заведеніе для порочныхъ или „недисциплинированныхъ“ дѣтей, отдавать въ публичное воспитательное заведеніе, и слѣдуетъ ли, при выборѣ этихъ мѣръ, принимать въ соображеніе только возрастъ виновнаго? (Вопросъ 5-й).

г) Вопросъ (постановленный уже на римскомъ конгрессѣ, но неразрѣшенный) о дѣйствительныхъ мѣрахъ къ репрессіи преступнаго промысла укрывательства (пристанодержательство, скупъ-сбытъ и т. п.) преступленія и преступника. (Вопросъ 6-й).

Въ отдѣлѣ „полицейскихъ мѣръ предупрежденія“ обращаютъ на себя вниманіе также вопросы (къ слову сказать, во французскомъ оригиналѣ немного тяжело редактированные):

а) Объ установленіи солидарности и единства дѣйствія между пенитенціарными администраціями и тѣми установленіями, которыя завѣдуютъ дѣлами общественной помощи и благотворительности, санитарною частью, полиціею и общественною безопасностью, преслѣдованіемъ нищенства и бродяжничества, устройствомъ и управленіемъ рабочихъ домовъ, убѣжищъ и т. п. (Вопросъ 2-й III-й секціи).

б) О системѣ помѣщенія состоящихъ подъ надзоромъ публичной власти дѣтей и молодыхъ людей въ благонадежныя семьи, вмѣсто отдачи въ соотвѣтственныя заведенія или въ связи съ такою отдачею. (Вопросъ 3-й).

в) О согласованіи дѣятельности попечительнаго патронаж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г.

ната и условій полицейской службы въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпечить общество и самихъ выпущенныхъ на волю (совсѣмъ или условно) арестантовъ отъ рецидива, не дѣлая, въ тоже время, гласнымъ ихъ прежняго состоянія и не подвергая стѣсненіямъ въ свободной жизни. (Вопросъ 5-й).

(NB. Это вопросъ о такъ назыв. „волчьемъ паспортѣ“ и о способахъ негласнаго полицейскаго надзора).

Ограничиваемся этими выдержками изъ вопросной программы будущаго петербургскаго конгресса. Сдѣланнаго нами краткаго перечня болѣе чѣмъ достаточно, чтобы имѣть понятіе о предстоящей ему крайне интересной дѣятельности.

Удовлетворительная разработка внесенныхъ въ программу конгресса, по большей части весьма сложныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ зависитъ, конечно, главнымъ образомъ отъ спеціальныхъ докладчиковъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать и первая формулировка резолюцій.

Выборъ и назначеніе такихъ докладчиковъ, вѣроятно, еще не состоялись. Въ бернской сессіи международной пенитенціарной коммисіи пока только постановлено разослать всѣмъ официальнымъ делегатамъ списокъ вопросовъ, съ просьбою указать тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые лучше всего могли бы разобрать тотъ или другой вопросъ и, заручившись ихъ предварительнымъ согласіемъ быть докладчиками въ конгрессѣ, составить имъ общій списокъ, изъ котораго будетъ сдѣланъ окончательный выборъ одного или нѣсколькихъ докладчиковъ по каждому вопросу программы.

Этимъ способомъ обезпечивается конгрессу сотрудничество выдающихся спеціалистовъ. Но и самый составъ конгресса, очевидно, долженъ обладать неоспоримою компетентностью, такъ какъ дебаты его призваны санкціонировать или отвергнуть представленныя на его обсужденіе выводы и положенія докладчиковъ. Въ этомъ отношеніи, понятно, имѣютъ рѣшительное значеніе тѣ правила регламента конгресса, которыя опредѣляютъ личный составъ его членовъ и порядокъ голосованія резолюцій.

Регламентъ римскаго конгресса отличался на этотъ счетъ

строкою разборчивостью и предусмотрительною осторожностью. На основаніи 2 статьи этого регламента, могли принимать участіе въ трудахъ конгресса только:

- а) офіціальные делегаты правительства;
- б) начальники (*hauts fonctionnaires*) тюремной администраціи;
- в) профессора университетовъ по каждаму уголовнаго права;
- г) делегаты пенитенціарныхъ обществъ;

д) лица, приглашенные для участія въ конгрессѣ международною пенитенціарною комиссіею, въ особенности же лица, извѣстныя своими научными трудами по пенитенціарной специальности, служащіе по вѣдомству тюремъ и исправительныхъ школъ, президенты обществъ патроната и т. п.

Кромѣ того, статья 3 гласила, что никто не можетъ быть допущенъ въ публичныя засѣданія общаго собранія, не будучи снабженъ именнымъ билетомъ, выданнымъ у входа въ помѣщеніе конгресса.

Бернская комиссія, обсуждая примѣненіе римскаго регламента къ петербургскому конгрессу, полагала, по поводу означенной выше 2 статьи, что слѣдовало бы сдѣлать доступъ въ конгрессъ свободнымъ для всѣхъ желающихъ (*accessible à tout le monde*) и допустить также къ участію въ трудахъ конгресса делегатовъ *администрацій* (какихъ?).

Далѣе, касательно голосованія въ общемъ собраніи конгресса заключеній докладчиковъ, римскій регламентъ опредѣлялъ, что (ст. 18) правомъ голоса пользуются только офіціальные делегаты и члены, приглашенные международною пенитенціарною комиссіею, и что (ст. 16) самое голосованіе происходитъ посредствомъ *поименной* переключки (*par appel nominal*).

Въ бернскомъ собраніи комиссія правило о поименной переключкѣ возбудило споры. Одни, опасаясь, что въ голосованіи вопроса могутъ принять участіе посторонніе конгрессу лица, высказались за сохраненіе этого правила на тотъ случай, когда извѣстное число членовъ конгресса потребуетъ

поименнаго голосованія. Другіе же полагали бы совсѣмъ вычеркнуть 16 статью о поименномъ голосованіи, на томъ (не совсѣмъ понятно формулированномъ) основаніи, что „голосованіе конгрессомъ предложенныхъ резолюцій не имѣетъ иного значенія какъ только то, чтобы, въ извѣстный моментъ, выразить мнѣніе собранія“ ¹⁾). Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію члена комисіи, профессора Гольцендорфа, слѣдовало бы каждый разъ спрашивать собраніе: желаетъ ли оно высказаться по возбужденному вопросу? (Изъ этихъ выраженныхъ въ бернской комисіи мнѣній какъ будто явствуется, что предполагается избѣгать на конгрессѣ категорическихъ рѣшеній, всегда болѣе или менѣе, хотя бы только нравственно, обязательныхъ для официальныхъ его членовъ, и ограничиться такимъ же *советцательнымъ обменомъ мыслей*, каковымъ, по толкованію регламента самой комисіею—о чемъ нѣсколько словъ ниже—должны быть ея собственные дебаты.)

Были сдѣланы въ комисіи еще замѣчанія и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ регламента конгресса. Такъ, нашли, что уплачиваемый при выдачѣ членскихъ билетовъ установленный взносъ слѣдовало бы взимать не на покрытіе издержекъ самаго конгресса (ст. 5), а лишь на расходы секретаріата. (Наше русское гостепріимство и не потерпѣло бы возмѣщенія собственно „конгрессныхъ“ расходовъ)!

Было высказано также замѣчаніе по поводу предусмотрительнаго правила статьи 22 римскаго регламента, гдѣ продолжительность каждой рѣчи ограничена 15 минутами и сдѣлано исключеніе только для докладчиковъ. Въ комисіи высказано было желаніе, чтобы этою льготою могли пользоваться и ораторы, возражающіе докладчикамъ, развѣ бы собраніе рѣшило не допускать подобнаго исключенія.

Въ концѣ концовъ, однако, бернская комисіа рѣшила передать вопросъ о регламентѣ будущаго конгресса и сдѣлан-

¹⁾ Le vote du Congrès sur des résolutions proposées n'ayant d'autre signification que d'exprimer, a un moment donné, l'opinion de l'assemblée.

ныя на него въ комисіи замѣчанія на предварительное заключеніе мѣстнаго с.-петербургскаго комитета объ организаціи конгресса.

Въ ряду другихъ подготовительныхъ мѣръ и распоряженій для обезпеченія петербургскому конгрессу плодотворнаго въ научномъ отношеніи успѣха заслуживаютъ также, безспорно, вниманія заботы бернской комисіи о собраніи необходимаго и полезнаго для цѣлей конгресса научно-литературнаго матеріала. Было выслушано предложеніе члена комисіи, извѣстнаго итальянскаго тюрьмовѣда Бельтрани-Скаліа о подготовкѣ во времени конгресса *историческихъ или научныхъ мемуаровъ по предметамъ вопросной программы*. Мѣстная петербургская комисія могла бы избрать тѣ мемуары, которые подлежали бы помѣщенію въ отчетъ (*comptes-rendus*) конгресса. Приняты также слѣдующія предложенія того же Бельтрани-Скаліа: просить официальныхъ делегатовъ представить донесенія касательно хода и развитія уголовной и пенитенціарной системы въ ихъ отечествѣ со времени римскаго конгресса до конца 1889 года; просить тѣхъ же делегатовъ доставить подробную *библіографію*, съ разборомъ сочиненій, по уголовной и пенитенціарной части, появившихся въ ихъ отечествѣ со времени римскаго конгресса; выработать *статистику* съ цѣлью изслѣдованія характерныхъ особенностей, хода и направленія „преступности“ (*de la criminalité*) и изученія криминальныхъ классовъ общества каждой страны.

Осуществленіе этихъ предположеній, безъ сомнѣнія, послужитъ весьма важнымъ подспорьемъ для дѣла конгресса.

Очень сочувственно отнеслась бернская комисія и къ заявленію Бельтрани-Скаліа о томъ, что издаваемый подъ его руководствомъ въ Италіи журналъ *Rivista di discipline carcerarie* предполагаетъ объявить къ предстоящему въ С.-Петербургѣ конгрессу *конкурсъ* для сочиненій на тему избраннаго ею пенитенціарнаго вопроса ¹⁾ и назначить въ распоряженіе

¹⁾ Вѣроятно того, который рекомендовалъ для этой цѣли въ комисіи

конкурснаго журі премію въ 2000 франковъ для присужденія автору увѣнчаннаго труда.

По предложенію Бельтрани-Скаліа, бернская коммисія выразила желаніе, чтобы и въ другихъ странахъ послѣдовали примѣру итальянской Rivist'ы.

Такая мѣра окажется весьма практичнымъ поощреніемъ въ обогащенію тюремно-пенитенціарной литературы научными трудами.

Бельтрани-Скаліа возбудилъ въ бернской коммисіи также вопросъ объ устройствѣ *международной выставки*, но, въ отличіе отъ обширной выставки римскаго конгресса, исключительно предметовъ воспитательно-исправительнаго режима *несовершеннолѣтнихъ преступниковъ*, молодыхъ бродягъ, брошенныхъ дѣтей и порочной молодежи, подвергнутой исправительному „интернированію“ по распоряженію родительской власти (*par voie de correction paternelle*). Для сравненія Бельтрани-Скаліа считалъ бы полезнымъ устроить параллельную выставку плановъ, статутовъ и прочихъ предметовъ воспитательно - образовательнаго распорядка въ промышленныхъ школахъ для неарестантской молодежи. Это предложеніе Бельтрани-Скаліа вызвало въ коммисіи живой обмѣнъ мыслей. Одни (Эрбеттъ) стояли за *общую* международную выставку всѣхъ пенитенціарныхъ службъ, въ особенности технической и профессиональной, а также по части санитарной, по предмету гигиены и прочимъ отраслямъ администраціи. Другіе же (Ягеманнъ) высказались рѣшительно противъ всякаго устройства каковой бы то ни было выставки: для специалистовъ тюремовѣдѣнія подобныя международныя, тюремно-пенитенціарныя выставки не могутъ представить столь существеннаго интереса, какъ для обыкновенной публики: онѣ лишены необходимаго единства; притомъ же краткосрочность конгресса лишаетъ возможности посвятить осмотру выставки необходимое

Бельтрани Скаліа, а именно: на какихъ принципахъ было основано въ прошедшіе вѣка исправительное воспитаніе молодыхъ преступниковъ и на какихъ принципахъ оно должно быть основано, чтобы гармонизировать съ современною цивилизаціею?

время, вслѣдствіе чего и впечатлѣніе получается эфемерное.

По предложенію профессора Гольцендорфа, коммисія, въ которой преобладало мнѣніе, что вопросъ этотъ требуетъ, главнымъ образомъ, соображенія съ мѣстными предположеніями, рѣшила передать выраженные Бельтрани-Скаліа и Эрбеттъ желанія касательно устройства и характера будущей конгрессной выставки въ С.-Петербургѣ на обсужденіе мѣстнаго петербургскаго комитета.

Судя по заявленію въ бернской коммисіи ея президента, тайнаго совѣтника Галкина-Врасскаго, можно заключить, что начальники нашего главнаго тюремнаго управленія лично предполагали бы организовать двѣ выставки: *осероссійскую тюремно-пенитенціарную* и *международную*, специально для произведеній *келейнаго* арестантскаго труда.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о встрѣченной сочувственнымъ одобреніемъ коммисіи мысли ея секретаря, извѣстнаго тюрьмовѣда Гильома объ организаціи *публичныхъ чтеній* во время конгресса. Рѣшено сообщить объ этомъ предположеніи петербургскому комитету.

Таковы намѣченныя бернскою коммисіею мѣропріятія касательно научной обстановки с.-петербургскаго конгресса.

Нѣсколько словъ о самой коммисіи, собравшейся въ Бернѣ не только *ad hoc* въ виду с.-петербургскаго конгресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для обсужденія нѣкоторыхъ другихъ общихъ вопросовъ, касающихся самаго института международныхъ тюремно-пенитенціарныхъ конгрессовъ, для которыхъ бюро коммисіи должно служить постояннымъ центральнымъ распорядительнымъ органомъ.

Учрежденіе постоянной „международной пенитенціарной коммисіи“, въ настоящемъ ея видѣ, относится ко времени стокгольмскаго конгресса 1877 г. Тогда же былъ выработанъ и ея регламентъ, который, однако, въ окончательной формѣ установленъ конференціею 1880 г. въ Парижѣ.

Въ 16 статьяхъ парижскаго регламента опредѣлена цѣль учрежденія комисіи, составъ ея, кругъ дѣятельности какъ собранія самой комисіи, такъ и бюро ея.

Комисія, по указанію регламента, состоитъ изъ правительственныхъ делегатовъ разныхъ странъ, приступившихъ къ регламенту; слѣдовательно характеръ ея теперь officialный, а не частный, какъ было раньше, въ эпоху, предшествовавшую стокгольмскому конгрессу.

Учреждена комисія, какъ гласитъ 1 статья ея регламента, „для собранія документовъ и свѣдѣній, касательно предупрежденія и репрессіи преступленій, равно какъ и по части пенитенціарнаго режима, въ тѣхъ видахъ, чтобы поставить правительства въ извѣстность на счетъ общихъ мѣръ, которыя должны быть приняты ради предупрежденія нарушеній уголовного закона и обезпеченія ихъ репрессіи, содѣйствуя въ тоже время нравственному исправленію виновныхъ“.

Такимъ образомъ задача комисіи касается не одного только спеціально тюремно-пенитенціарнаго дѣла, а всей совокупности уголовно-полицейскаго и карательнаго законодательства.

Комисія собирается въ обыкновенную сессію разъ каждые два года, поочередно, въ тѣхъ странахъ, которыя применили къ настоящему регламенту. Она выбираетъ свое постоянное бюро, издаетъ свой тюремно-пенитенціарный бюллетень, организуетъ международную пенитенціарную статистику, распоряжается, по соглашенію съ правительствами разныхъ странъ, устройствомъ конгрессовъ (съ промежутками не менѣе 5 лѣтъ между каждымъ конгрессомъ), составленіемъ программы конгресса и установленіемъ его регламента, входитъ въ сношеніе съ тюремными ассоціаціями и специалистами тюрьмовѣдѣнія, способствуетъ возникновенію новыхъ тюремныхъ обществъ, распоряжается своими финансовыми ресурсами, которые образуются изъ денежныхъ взносовъ государствъ, имѣющихъ въ комисіи своихъ представителей. Означенные взносы дѣлаются въ размѣрѣ отъ 25

до 50 франковъ на каждый миллионъ народонаселенія страны, участвующей въ комисіи. Изъ этихъ средствъ составляется бюджетъ отъ 8000 до 15000 франковъ, ежегодно ассигнуемый комисіею своему бюро на расходы по печатанію протоколовъ комисіи, циркуляровъ, донесеній и изслѣдованій, по части корреспонденціи и т. п.

Бюро комисіи дѣйствуетъ въ промежуткахъ сессій комисіи, какъ постоянный исполнительный его органъ.

Такова сущность нынѣ дѣйствующаго „парижскаго“ регламента 1880 г. комисіи.

На практикѣ оказалось, что этотъ регламентъ далеко не пользуется общимъ сочувствіемъ. Къ нему применили Россія, Италія, Голландія, Баварія, Швеція съ Норвегіей, Данія и Швейцарія.

Но Германская Имперія, Франція, Австро - Венгрія, Соединенныя Штаты Америки (откуда шелъ починъ тюремно-пенитенціарныхъ конгрессовъ), Испанія и *другія* государства (Бельгія, Англія?) устранились. Не потому ли, что, въ лицѣ комисіи, руководство международнымъ тюремно-пенитенціарнымъ дѣломъ, которое обязано своимъ возникновеніемъ свободной инициативѣ и участію частныхъ представителей науки и пенитенціарныхъ обществъ, перешло въ вѣдѣніе официальныхъ правительственныхъ делегатовъ, измѣнивъ приватный характеръ конгрессовъ въ смыслѣ преобладанія бюрократическаго элемента?

Что касается Франціи, то мы, говоря въ свое время о римскомъ конгрессѣ, имѣли уже случай указать, что тамъ были недовольны уклоненіемъ парижской пенитенціарной конференціи 1880 г., съ прежняго пути „свободы собранія и совѣщанія“ всѣхъ компетентныхъ радѣтелей пенитенціарной науки, по всѣмъ представляющимъ въ практикѣ ея вопросамъ и задачамъ, въ сторону болѣе ограничительной и непререкаемой дипломатической регламентаціи.

Другія страны, можетъ быть, тоже желали бы сохранить за институтомъ этихъ конгрессовъ характеръ ни къ чему официально не обязывающихъ, офиціозно-факультативныхъ, изслѣ-

дованій и совѣщаній и потому не принимаютъ офіціального участія въ коммисіи.

Это сдержанное положеніе многихъ прежнихъ крупныхъ участниковъ конгресснаго дѣла, отзываясь чувствительно на финансахъ коммисіи и комплектѣ сотрудническихъ силъ въ ея составѣ, весьма затрудняетъ, между прочимъ, выполненіе коммисіею двухъ возложенныхъ на нее регламентомъ задачъ, а именно: изданіе международнаго пенитенціарнаго Bulletin'я и такой же статистики. Изъ представленнаго бернской коммисіи ея секретаремъ Гилльомомъ доклада видно, что изданіе Bulletin'я и международной тюремной статистики приостановилось за недоставленіемъ необходимаго матеріала и недостаткомъ средствъ, несмотря на предложенную Бельтрани Скаліа безвозмездную публикацію Bulletin'я при журналѣ *Rivista di discipline carcerarie* и хлопоты его и Гилльома о добытій надлежащихъ статистическихъ свѣдѣній разныхъ странъ.

(Курьезно то обстоятельство, что въ то время, когда коммисія не имѣла офіціального характера, тюремныя администраціи относились къ ней равнодушно, какъ органу неофіціальному. Когда же она, въ силу парижскаго регламента, приобрѣла офіціальное значеніе, многія страны стали совсѣмъ уклоняться отъ сотрудничества).

Въ эпоху римскаго конгресса Бельтрани Скаліа вновь предложилъ безвозмездно печатать Bulletin при *Rivist'ѣ*, подъ условіемъ, чтобы администрація каждой страны обязалась сообщать свои документы въ французскомъ переводѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова внесъ, несмотря на неудачу прежнихъ опытовъ, предложеніе публиковать каждые два года международную пенитенціарную статистику, возложивъ этотъ трудъ поочередно на мѣстныя администраціи разныхъ странъ.

Въ тоже время былъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ самаго парижскаго регламента коммисіи.

Трудъ этого пересмотра выпалъ на долю бернской сессіи коммисіи, въ которой приняли офіціальное участіе только *Россія* (т. с. Галкинъ-Врасскій, президентъ), *Баварія* (профессоръ фонъ-Гольцендорфъ, вице - президентъ и казначей),

Италія (государ. совѣтникъ Бельтрани Скаліа), *Данія* (профессоръ Гоосъ), *Баденъ* (министерскій совѣтникъ фонъ-Ягеманнъ) и *Швейцарія* (директоръ невшательской пенитенціар. тюрьмы Гилльомъ, секретарь), и въ качествѣ *частныхъ* лицъ (*de manière personnelle*): *Эрбеттъ*, директоръ французской пенитенціарной администраціи, и *Лассло*, венгерскій министерскій совѣтникъ въ Буда-Пештѣ.

Представителей другихъ странъ не было. Изъ чего слѣдуетъ, что и въ 1886 году, непримкнувшіе къ парижскому регламенту государства продолжали устраниваться отъ участія именно въ *коммисіи*, такъ какъ въ отношеніи напр. Бельгіи извѣстно, судя по письму ея извѣстнаго тюрмовѣда Готье де-Рассъ, что въ собраніяхъ *конгрессовъ* бельгійское правительство будетъ имѣть своихъ представителей.

Сверхъ того пришлось нынѣ сожалѣть и объ отсутствіи бывшихъ сотрудниковъ въ *коммисіи* — представителей отъ Швеціи, Норвегіи и Голландіи, въ особенности же такихъ делегатовъ какъ Альмквистъ (Швеція) и Польсъ (Голландія), которые поддерживали на римскомъ конгрессѣ предложеніе о пересмотрѣ регламента для удержанія „отпавшихъ“ отъ *коммисіи* странъ.

Такъ какъ для предупрежденія дальнѣйшаго „дезертированія“, вопросъ о пересмотрѣ регламента являлся неотложнымъ, то бернская *коммисія* не медлила этимъ дѣломъ. Дѣйствуя въ духѣ примиренія и соглашенія противоположныхъ взглядовъ на значеніе означеннаго регламента, *коммисія* нашла, что для достиженія цѣли и привлеченія вновь на свою сторону оппонирующихъ нѣтъ вовсе надобности измѣнять въ чемъ либо самаго текста регламента. Достаточно установить, посредствомъ особаго „объяснительнаго протокола“, то толкованіе, которое должно быть дано на практикѣ всему регламенту и отдѣльнымъ статьямъ его. Въ этомъ *Acte interprétatif*, подробности котораго опускаемъ, проводится основная мысль, что международная пенитенціарная *коммисія*, собирающая отовсюду документы и свѣдѣнія по пенитенціарному дѣлу существуетъ для установленія живаго международного обще-

нія между офіційними дѣятелями тюремно - пенитенціарныхъ администрацій разныхъ странъ съ единственною цѣлью, путемъ *совѣщательнаго* обмѣна мыслей по предметамъ науки и практики, содѣйствовать изысканію и осуществленію лучшихъ способовъ и средствъ для предупрежденія и репрессіи нарушенія уголовного закона и исправленія преступниковъ, откуда ни въ чемъ не стѣсняя предположеній и приѣмовъ мѣстной системы и практики каждаго государства и ни къ чему формально не обязывая самихъ членовъ комисіи.

Удовольствуются-ли оппоненты такимъ категорическимъ засвидѣтельствованіемъ *необязательности* подобныхъ „академическихъ“ совѣщаній и рѣшеній комисіи, или потребуютъ новой редакціи регламента—покажетъ приѣмъ, который встрѣтитъ „истолковательный актъ“ въ странахъ, уклоняющихся отъ участія въ комисіи.

Во всякомъ случаѣ успѣхъ или неуспѣхъ новаго „толкованія“ долженъ выясниться раньше собранія с.-петербургскаго конгресса, такъ какъ, по новому толкованію 4 статьи регламента, хотя нормальнымъ мѣстомъ засѣданій комисіи долженъ быть избранъ швейцарскій городъ Бернъ, въ качествѣ пункта центральнаго въ Европѣ, представляющагося вообще удобнымъ для дѣятельности всякихъ комитетовъ и собраній международнаго характера, но въ годъ, предшествующій открытію каждаго тюремно-пенитенціарнаго конгресса и до закрытія его, комисіи можетъ быть созвана и засѣдать въ томъ городѣ, гдѣ имѣетъ быть конгрессъ (слѣдовательно въ 1889 г. у насъ въ С.-Петербургѣ), для большаго удобства въ подготовленіи конгресса и сношеній съ мѣстными его организаторами.

Что касается изданія Bulletin'a и международной статистики, то комисіи, обсудивъ вышеуказанное предложеніе своего члена Бельтрани Скаліа и 6 статью регламента, рѣшила издавать его средствами своего бюро, усиленнаго двумя членами комисіи и, притомъ, въ мѣстѣ нахожденія секретаріата, пока не будетъ признана необходимость и представится возможность учредить особое постоянное международ-

ное *справочное* бюро пенитенциарнаго союза, на которое могли бы быть возложены и работы по международной тюремной статистикѣ.

Въ настоящее же время, до осуществленія такого предположенія, лежащая по 6 статьѣ регламента на самой комисіи обязанность организовать такую статистику истолкована въ *Acte interprétatif* въ смыслѣ выраженного регламентомъ простаго *желанія* (*à titre de vœu*), которое слѣдовало бы выполнить въ предѣлахъ *возможнаго*, по мѣрѣ оказаннаго разными странами содѣйствія для достиженія этой цѣли.

При опредѣленіи же предѣловъ „возможнаго“, весьма важный пунктъ, конечно, представляетъ „финансовое“ содѣйствіе. Но и тутъ комисія, въ своемъ объяснительномъ актѣ въ регламенту, предпочла истолковать статью (11) регламента о денежныхъ ресурсахъ комисіи въ томъ смыслѣ, что ежегодные взносы государствъ, представленныхъ въ комисіи (25—50 франковъ за каждый миллионъ народонаселенія), и опредѣленіе общей ихъ суммы примѣрно въ 8000 — 15000 франковъ, отнюдь не имѣютъ значеніе какой-либо обязательной таксы или налога, а указываютъ лишь желательную норму добровольныхъ субсидій на покрытіе издержекъ труда, пользование которымъ вызываетъ *нравственную* обязанность такой поддержки, что можетъ быть сознано и странами, не имѣющими своихъ представителей въ комисіи, но вообще интересующимися дѣломъ тюремно-пенитенциарныхъ конгрессовъ.

Еще нѣсколько словъ о шансахъ объединительной политики тюремныхъ конгрессовъ въ видахъ осуществленія международнаго тюремно-пенитенциарнаго союза.

Городъ Бернъ въ Швейцаріи видѣлъ уже въ своихъ стѣнахъ возникновеніе международныхъ союзовъ, свидѣтельствующихъ объ общности интересовъ всѣхъ странъ европейской цивилизаціи и о стремленіи къ объединенію законодательствъ (союзы — почтовый, телеграфный, желѣзнодорожный и конвенція 1886 г. касательно собственности литературной и

художественной). Ему же, быть можетъ, предстоитъ сдѣлаться центромъ новыхъ стремленій къ объединенію карательныхъ законодательствъ. Нагляднымъ выраженіемъ такого стремленія могъ бы служить, въ извѣстной степени, институтъ международныхъ тюремно-пенитенціарныхъ конгрессовъ и учрежденіе центральной комисіи. Ихъ дѣятельность, возникшая на почвѣ науки и практики тюремовѣдѣнія и направленная въ началѣ исключительно въ сторону однихъ тюремно-пенитенціарныхъ реформъ, начинается въ дальнѣйшемъ развитіи своей программы отъ центра къ периферіи захватывать и другія соприкасающіяся съ пенитенціарнымъ тюремовѣдѣніемъ отрасли уголовного и полицейскаго законодательствъ.

Въ настоящемъ своемъ эмбрионическомъ состояніи все дѣло сводится, какъ мы видѣли, пока къ формѣ „совѣщательнаго обмѣна мыслей“, но силою вещей, особенно подъ вліяніемъ *doce violente* вопроса о взаимной выдачѣ преступниковъ, затронутого уже на римскомъ конгрессѣ, можетъ, пожалуй, дозрѣть до дипломатической формулы международной конвенціи по объединенію разнородныхъ уголовныхъ законодательствъ, принаровненныхъ къ какому-нибудь выработанному въ совѣщаніяхъ конгресса „нормально-общеевропейскому“ типу предупредительно-карательной системы.

Но такая вѣроятность объединенія возможна на практикѣ лишь относительно нѣкоторыхъ частныхъ уголовнаго законодательства; въ отношеніи же цѣлаго объема уголовнаго права и судопроизводства она должна быть отнесена къ области химеръ и утопій.

Едва-ли мы ошибемся, если будемъ того мнѣнія, что именно въ компетентномъ составѣ своей комисіи официальныхъ делегатовъ институтъ тюремно-пенитенціарныхъ конгрессовъ можетъ найти прекрасный регуляторъ для обезпеченія его дѣятельности отъ безплодныхъ увлеченій.

Примѣръ успѣха объединительныхъ конвенцій въ области *матеріальныхъ* интересовъ: по торговлѣ, промышленности и прочимъ подходящимъ предметамъ современнаго международ-

наго обихода, отнюдь не может служить убедительнымъ прецедентомъ для такой же практики въ сферѣ нравственныхъ интересовъ, съ которыми преимущественно имѣетъ дѣло уголовное законодательство. Въ этой послѣдней сферѣ, какъ извѣстно, только тѣ юридическія доктрины и формы оказываются вполне цѣлесообразными въ примѣненіи, которыя хорошо вяжутся и гармонируютъ съ народнымъ темпераментомъ, степенью его развитія и внутреннимъ складомъ его жизни.

Если немыслимо, на примѣръ, тождество педагогическихъ приемовъ при воспитаніи юношества разныхъ возрастовъ, состояній, классовъ общества, національностей, также точно и въ практикѣ карательно-исправительнаго режима и способахъ самаго отправленія уголовного правосудія было бы странно ждать успѣха отъ установленія какихъ-либо космополитныхъ шаблоновъ суда и расправы, якобы одинаково пригодныхъ народамъ романскаго происхожденія, англо-германской расы, и нашей славянской крови.

Все это, конечно, старья, избитыя истины, но развѣ только въ теоріи, на практикѣ же—вѣчно юныя и непризнанныя. Ихъ, повидимому, игнорируетъ международная „уголовно-объединительная“ политика (если только она дѣйствительно имѣется въ виду?) такихъ юридическихъ конгрессовъ, каковъ напр. „тюремный“ конгрессъ, тоже какъ бы зондирующий и подготовляющій почву для насажденія свѣжихъ продуктовъ „общеевропейской“ юридической мысли вездѣ, гдѣ европейская цивилизація не желаетъ считаться съ характерными особенностями и цѣлесообразными порядками мѣстной культуры.

А между тѣмъ культивируемая почва, какъ кажется, уже не та, не столь воспріимчива для доктринерскихъ эволюцій нивелирующаго свойства. Является усиленный спросъ уже не на „импортируемую“ цивилизацію, а на развитіе въ духѣ времени мѣстной національной культуры; связывается строго критическое отношеніе къ дѣятельности даже такъ называемыхъ „испытанныхъ“ европейскихъ институтовъ, скептиче-

ское разочарованіе въ цѣлесообразной пригодности нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Особенно любопытна „перемѣна фронта“, замѣчаемая на западѣ Европы въ отношеніи такого непререкаемаго института, какъ судъ присяжныхъ, безъ котораго ни одна судебная организація не считалась совершенною и за промахи котораго (дѣйствительные или мнимые) въ нашемъ, сравнительно юномъ, судѣ намъ жестоко доставалось въ иностранной юридической и неюридической литературѣ.

Теперь наша очередь сказать: врачу, исцѣлился самъ!

Оказывается, что теперь и на своего отечественнаго „присяжнаго засѣдателя“ обрушиваются наши западные порицатели и у нихъ въ юридическихъ сферахъ изъ за него возгорѣлся полемическій Kulturkampf, въ разгарѣ котораго, напр. въ Германіи, затрогивается самый институтъ, какъ учрежденіе „антинаціональное“, которому слѣдуетъ предпочесть свое, чисто германское учрежденіе „суда шеффеновъ“.

Нѣтъ надобности указывать, какъ на знаменіе времени, на проектированный въ Англіи такъ называемый ирландскій судебно-уголовный билль, отмѣняющій для аграрныхъ преступленій судъ присяжныхъ и вводящій крайне упрощенное судопроизводство. Подобныя вынужденныя чрезвычайными обстоятельствами экстренныя мѣропріятія только доказываютъ, что и Англія, когда громъ грянетъ, готова отнестись съ недовѣріемъ къ обыкновенному ягу мирнаго времени и, когда нужно, не прочь отъ суда съ атрибутами административной расправы. (Въ законодательствахъ же другихъ государствъ такія цѣлесообразныя „экстренности“ были бы съ англійской стороны, конечно фарисейски, признаны very shocking и служили бы для англичанъ формально „непреодолимымъ“ препятствіемъ для исполненія конвенцій о выдачѣ преступниковъ)!

Понятенъ также временный законъ австрійскаго Reichsrath'a отъ 25 іюня 1886 г., изъяснвшій дѣла объ „анархистахъ“ отъ подсудности австрійскихъ присяжныхъ въ предѣлахъ всей Цислейтаніи.

Но когда на Западѣ раздаются рѣзкія филиппики о не-

пригодности итальянскихъ, французскихъ и германскихъ присяжныхъ для правильного суда по *общимъ* преступленіямъ, то мы вправѣ удивляться смѣлости нашихъ иностранныхъ цѣнителей и судей, когда они рѣшаются третировать свысока вердикты нашихъ присяжныхъ засѣдателей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на Западѣ (за исключеніемъ, конечно, Англіи), вездѣ, гдѣ судъ присяжныхъ практикуетъ уже давно, но выросъ не на народной почвѣ, а принять извнѣ, какъ произведеніе заграничнаго юридическаго экспорта, судъ этотъ страдаетъ на практикѣ чуть ли не большими недостатками и несовершенствами, чѣмъ у насъ.

О нападкахъ уголовно-антропологической школы на итальянскихъ присяжныхъ мы уже упоминали въ нашей хроникѣ.

Указывали мы также на предлагаемыя во Франціи парламентскія законодательныя мѣры противъ „скандальныхъ“ оправдательныхъ вердиктовъ французскихъ присяжныхъ. Но и въ текущей юридической литературѣ открытъ противъ нихъ походъ. Сюда можетъ быть отнесенъ назидательный этюдъ генеральнаго прокурора при парижскомъ апелляціонномъ судѣ Desjardins о нынѣшней дѣятельности французскихъ присяжныхъ. Въ германской юридической прессѣ тоже не мало возмущаются снисходительностью сихъ послѣднихъ къ виновникамъ нѣкоторыхъ особенно возмутительныхъ убійствъ. Временный органъ XVII-го, висбаденскаго съѣзда, германскихъ юристовъ 1886 г. мѣстная „Рейнскій курьеръ“, въ статьѣ „Französische Schwurgerichte“, живо критикуетъ дурное отправленіе правосудія жюри современной республиканской Франціи, свидѣтельствующее о крайнемъ упадкѣ въ тамошнемъ обществѣ чувства законности послѣ погрома и прискорбныхъ событій 1870 года. Замѣчаемую за послѣднее десятилѣтіе особую „фривольность“ въ вердиктахъ французскихъ присяжныхъ слѣдуетъ, по мнѣнію означенной статьи, приписать, главнымъ образомъ, деморализующему вліянію газетныхъ органовъ крайнихъ республиканскихъ партій, въ родѣ „Cri du peuple“, „Lanterne“, съ энтузіазмомъ привѣтствующихъ каждый оправдательный при-
ж. гр. и у. пр. кн. v 1887 г. 14

говоръ въ отношеніи несомнѣнно виновнаго преступника, какъ бы нелѣпо подобное оправданіе ни было.

Другое объясненіе „легкомысленныхъ“ вердиктовъ находятъ въ самыхъ свойствахъ народнаго темперамента французовъ, о которыхъ уже Наполеонъ I сказалъ, что они вовсе не годятся въ присяжные.

Проводя параллель между ними и англійскими присяжными, газета висбаденскаго „юридическаго съѣзда“ находитъ, что французскій судъ присяжныхъ никогда, въ продолженіи своего скоро столѣтняго существованія со времени заимствованія его изъ Англіи, не могъ возвыситься до той спокойной объективности, которая въ столь завидной степени присуща англійскому jury.

Впрочемъ, замѣчаетъ газета, спокойствію и объективности англійскихъ присяжныхъ могли бы позавидовать всѣ вообще безъ исключенія континентальныя страны. Сравнивая французскихъ присяжныхъ съ германскими, „Рейнскій курьеръ“, какъ и слѣдовало ожидать, даетъ предпочтеніе послѣднимъ, но его похвальная аттестація не можетъ быть особенно лестна землякамъ, коль скоро на сторонѣ ихъ оказывается лишь преимущество отрицательнаго свойства, а именно, что „французскій присяжный еще въ тысячу разъ *неспособнѣе* германскаго освободиться отъ внѣшнихъ вліяній и впечатлѣній“.

Если характерный отзывъ нѣмецкой юридической газеты о французскихъ присяжныхъ, при наличности національнаго антагонизма, и могъ бы быть заподозрѣнъ въ нѣкоторомъ сгущеніи красокъ, то безусловно пристрастнымъ его назвать отнюдь нельзя, такъ какъ въ самой Франціи серьезные юристы возмущаются „скандально оправдательнымъ“ направленіемъ своихъ присяжныхъ и желали бы парализовать его законодательными мѣрами.

Въ пользу безпристрастія говоритъ и то, что означенная статья Рейнскаго курьера, какъ мы видѣли, и своихъ присяжныхъ считаетъ лишь „менѣе неспособными“, но вовсе не идеальными судьями общественной совѣсти.

Того же мнѣнія о своихъ компатріотахъ присяжныхъ, но въ болѣе рѣзко рѣшительной формѣ, и анонимный авторъ надѣлавшаго шуму сочиненія „Міръ берлинскихъ преступниковъ“¹⁾, которое было помѣщено въ юридическомъ журналѣ „Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“.

Подзадоренный нападками на него за неблагопріятный отзывъ о плохой дѣятельности отечественныхъ присяжныхъ, означенный авторъ (повидимому убѣжденный сторонникъ суда ученыхъ юристовъ, считающій, вообще, всякое участіе „свѣтскаго“, т. е. не юридическаго элемента, въ качествѣ ли присяжныхъ или только судебныхъ засѣдателей-шеффеновъ, пагубнымъ для правильного отправленія уголовного правосудія), мотивировалъ свое „антиприсяжное“ profession de foi въ бойкой полемической діатрибѣ „Gegen die Schwurgerichte“ (противъ судовъ съ присяжными), напечатанной въ той же Zeitschrift (1 тетрадь, VII тома, 1886 г.). Основываясь на статистическихъ данныхъ, собственныхъ наблюденіяхъ и объясненіяхъ самихъ присяжныхъ, онъ высказываетъ многія горькія истины своимъ соотечественникамъ касательно неудачной практики ихъ будто бы вполне „національнаго и испытаннаго“ института. Онъ напоминаетъ, что это, вовсе несоотвѣтствующее духу и природѣ германской націи, приобрѣтеніе 1848 г.—спеціально англійскій институтъ, попавшій къ нимъ обходнымъ путемъ черезъ Францію и который, какъ онъ картинно выражается, „проглоченъ нами съ такою же голодною жадностью, съ какою мы и теперь проглатываемъ парижскія моды“. Что же касается до судебной „испытанности“ института въ Германіи, то безпощадная критика автора разоблачаетъ несостоятельность его почти сорокалѣтней практики, грѣшащей и по днесъ, несмотря на вультурное превосходство, которымъ кичатся его земляки, точь въ точь тѣми же недостатками, которые заслуженно и незаслуженно ставятся въ вину двадцатилѣтней практикѣ нашихъ „сѣреныхъ“ и „несѣреныхъ“ составовъ присяжныхъ.

Въ Берлинѣ, центрѣ германской интеллигенціи, (авторъ,

¹⁾ Die Verbrecherwelt von Berlin.

очевидно, трактуеть о тамошнихъ присяжныхъ) не смотря на крайнюю осмотрительность и осторожность въ преданіи суду, оправдательные вердикты, по статистикѣ 1883 года и 1884 годовъ составляли 40—42%, а съ *полуоправдательными* до 60%. Замѣчено, что и тамъ присяжные не въ состояніи относиться къ дѣлу объективно, различать существенное отъ несущественнаго, взвѣшивать и анализировать всѣ обстоятельства и подробности дѣла; что они судятъ больше подъ влияніемъ безотчетныхъ внѣшнихъ впечатлѣній относятся къ дѣлу не судейски, а такъ сказать партикулярно и т. д.

Берлинскій криминалистъ не жалѣетъ густыхъ красокъ, говорить о дюжинахъ „возмутительныхъ“ (haarsträubende) вердиктовъ и считаетъ возможнымъ объяснить себѣ рѣдкіе случаи исполнѣ безупречныхъ рѣшеній только тѣмъ, что „вѣдь и слѣпая курица иногда находитъ ячменное зерно“. Уже въ то время, когда только что появились въ Германіи суды съ присяжными, одинъ весьма уважаемый адвокатъ выразился, что „они очень хороши для виновныхъ, но ужасны для невинныхъ“. Въ подкрѣпленіе своихъ аргументовъ о непригодности непрофессиональнаго „присяжнаго“ элемента для дѣла судебного, требующаго способности юридическаго мышленія, самостоятельности сужденія, навыка и судейской опытности, онъ приводитъ факты по отзывамъ самихъ присяжныхъ, свидѣтельствующіе, что добросовѣстные изъ нихъ сами тяготятся своимъ фальшивымъ положеніемъ, чувствуя свою беспомощность и несостоятельность при отправленіи уголовного правосудія.

„Я и еще другой — рассказывалъ присяжный — дѣлали все. Прочіе — только кивали утвердительно или качали отрицательно головой, смотря потому, говорили ли мы: да или нѣтъ!“

Одинъ присяжный откровенно сознавался: „слушаю я г. прокурора — я убѣждаюсь, что онъ правъ; слушаю я г. защитника — я убѣждаюсь, что онъ правъ. Ну какъ же мнѣ самому-то прійти къ собственному убѣжденію?!“

Когда еще существовало въ Германіи правило, что въ

случаѣ раздѣленія голосовъ присяжныхъ: семь—за обвиненіе и пять—за оправданіе, вопросъ о виновности подлежалъ разрѣшенію присутствія суда, можно было, говоритъ авторъ, дѣлать интересныя наблюденія, какъ въ сомнительныхъ дѣлахъ нерѣшительность присяжныхъ широко пользовалась этимъ правиломъ, въ качествѣ лазейки, чтобы уклониться отъ рѣшенія, сваливъ его на присутствіе суда ¹⁾.

Случаются въ Германіи и такіе курьезы. Присяжные однажды оправдали подсудимаго по обвиненію въ лжеприсягѣ. Вслѣдъ затѣмъ судился другой подсудимый за тоже. Его безусловно слѣдовало обвинить, но тѣ присяжные, которые стояли за обвиненіе перваго подсудимаго, отказались обвинить втораго, хотя и были вполне убѣждены въ его виновности. Они мотивировали свой отказъ тѣмъ, что если перваго оправдали, то слѣдуетъ оправдать и втораго. Они такъ и остались при подобномъ „убѣжденіи совѣсти“, не смотря на представленіе старшины, что они нарушаютъ этимъ свой долгъ и обязанности.

У автора встрѣчаются и другіе примѣры вліянія „субъективныхъ“ соображеній, („и со мной могло бы быть тоже!“) рѣшающихъ часто обвинительный или оправдательный исходъ дѣла.

Впрочемъ авторъ не скрываетъ, что часто самая редакція вопросовъ присяжнымъ такова, что ставитъ ихъ въ тупикъ, особенно когда съ вопросомъ факта въ преніяхъ стороны связываютъ и вопросъ права.

Лѣтъ девять тому назадъ, въ 1878 г., когда въ Германіи кражи со взломомъ были еще подсудны присяжнымъ, даже появилось въ одной изъ берлинскихъ газетъ, въ рубрикѣ „голоса изъ публики“ открытое письмо къ редактору отъ „присяжнаго“. Письмо трактовало о слѣдующемъ затрудненіи, испытанномъ присяжными при рѣшеніи одного дѣла

¹⁾ Подобный попрекъ обоюдоострый: отъ него, пожалуй, не свободны и судьи-юристы; напр. обвинительныя камеры, предпочитающія, вмѣсто прекращенія сомнительнаго дѣла, свалить его на присяжныхъ, особенно когда процессъ изъ числа „сенсационныхъ“, а судебная власть „зарвалась“!

о кражѣ со взломомъ. Само по себѣ дѣло это было совершенно ясно. Но защитникъ возбудилъ споръ противъ квалификации судимаго дѣянія въ качествѣ преступленія *взлома*, вслѣдствіе чего между нимъ и прокуроромъ возникло юридическое препирательство по вопросу о толкованіи законнаго понятія о взломѣ. Предсѣдатель, въ своемъ заключительномъ словѣ, удостовѣрилъ, что дѣйствительно въ судебной практикѣ это вопросъ спорный, но, съ своей стороны, согласился съ толкованіемъ прокурора. Присяжные, такимъ образомъ, были поставлены лицомъ къ лицу съ предметомъ, спорнымъ между самими юристами. Имъ предстояло основать свой вердиктъ на правильности того или другаго *юридическаго* толкованія, — другими словами, просто на просто самими рѣшить вопросъ юридическій. Будучи крайне смущены этимъ положеніемъ и не желая брать на себя подобную задачу, они чуть было не рѣшились прямооправдать несомнѣнно виновныхъ, чтобы только выйти изъ затрудненія.

Въ концѣ концовъ, однако, они согласились отнестись къ смущавшему ихъ вопросу чисто формальнымъ образомъ, а именно — принять безъ разсужденія мнѣніе большинства юристовъ, т. е. прокурора и предсѣдателя. Найдя такой исходъ для своихъ сомнѣній, они уже не задумались вынести подсудимъ обвинительный вердиктъ ¹⁾).

Для оцѣнки отношеній въ Германіи профессиональныхъ

¹⁾ И въ нашей практикѣ, обязанность прокурора объяснять присяжнымъ „*свойство и степень вины подсудимаго*“ (737 уст. угол. судопр.), право защиты принимать, во время судебныхъ преній, передъ присяжными *законы*, которыми опредѣляется *свойство* разсматриваемаго *преступленія* (746 ст.), и обязанность предсѣдателя касаться этого предмета въ своемъ заключительномъ словѣ (1 п. 801 ст.) — вводятъ присяжныхъ въ область *юридическихъ* опредѣленій и тѣмъ весьма усложняютъ на практикѣ ихъ задачу. Особенно часто присяжнымъ приходится выслушивать юридическія контроверзы въ дѣлахъ о мошенничествѣ, подлогахъ въ документахъ, квалифицированныхъ кражахъ и т. д., не говоря уже о такихъ спеціальныхъ дѣлахъ, какъ злостное банкротство, банковскія, служебныя преступленія. И если, въ добавокъ къ тому, въ составѣ присяжныхъ окажутся „свои юристы“, то присяжнымъ подчасъ бываетъ дѣйствительно, трудно разобраться въ дѣлѣ.

судей-юристовъ въ ихъ „присяжнымъ“ коллегамъ, характеристиченъ слѣдующій примѣръ, приведенный въ той же статьѣ анонима. Одинъ предсѣдатель на судѣ съ присяжными, открывая сессию, обратился къ присяжнымъ съ увѣщательнымъ наставленіемъ, которое начиналось приблизительно такъ: „гг. присяжные засѣдатели! я не скрою отъ отъ васъ, что суды съ присяжными не пользуются у насъ, юристовъ, большимъ уваженіемъ, именно по причинѣ многихъ, несомнѣнно ошибочныхъ рѣшеній, которыя они поставляютъ. Я надѣюсь и питаю искреннее желаніе, чтобы таковыя въ нашу сессию по возможности не имѣли мѣста“ и т. д. (слѣдуетъ увѣщаніе помнитъ свои обязанности, отрѣшиться отъ постороннихъ соображеній, домашнихъ дѣлъ и думать только о добросовѣстномъ исполненіи своего судейскаго долга).

„Смѣлъ бы развѣ предсѣдавшій—спрашиваетъ авторъ статьи—такъ говорить, если бы дурное правосудіе присяжныхъ не было давно признано безспорнымъ фактомъ? Смѣлъ бы развѣ онъ такъ говорить, если бы прежняя практика не служила доказательствомъ тому, изъ какаго плохаго матеріала часто образуется составъ присяжныхъ?“.

Если, скажемъ и мы, допустить, что анонимный авторъ міра „берлинскихъ преступниковъ“, не смотря на весьма возможные въ жару полемики преувеличенія, правъ въ существенныхъ пунктахъ защищаемаго имъ тезиса, то, значить, и въ Германіи съ судомъ присяжныхъ „слабо“.

Намъ, слѣдовательно, нечего завидовать „превосходству судебной культуры“ у нашихъ сосѣдей и горевать объ усматриваемомъ ими „сучеѣ въ глазу“ нашихъ присяжныхъ.

А такъ какъ собственно ради этого „quod erat demonstrandum“ мы коснулись обвиненій, взводимыхъ берлинскимъ криминалистомъ на институтъ германскихъ (въ частности берлинскихъ) присяжныхъ, то ничто бы, повидимому, не мѣшало поставить здѣсь точку, тѣмъ болѣе, что и другая мысль: что не всякое, возникшее въ Англіи и тамъ преуспѣвающее судебное учрежденіе eo ipso можетъ преуспѣвать

и у другихъ иноземныхъ, даже родственныхъ по крови или высокой культурѣ націй—находить себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ отмѣченныхъ нами явленіяхъ современной жизни западнаго европеизма.

Но картина будетъ неполна, если ограничиться только фактомъ сильно проявляющагося въ юридическихъ сферахъ Германіи антагонизма на почвѣ вопроса „о присяжныхъ“ судьяхъ. Необходимо отмѣтить и другое, тоже сильное, теченіе противъ догмата „непогрѣшимости“ въ примѣненіи къ практикѣ *юридическихъ* коллегій германскихъ Landgericht'овъ, соотвѣствующихъ нашимъ окружнымъ судамъ. Для характеристики этого теченія достаточно указать на знаменательный фактъ обнаружившагося въ средѣ самихъ профессиональных юристовъ движенія въ пользу упраздненія предоставленнаго Landgericht'амъ права постановлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ первой инстанціи окончательные приговоры. Такъ, внушительное *большинство* собравшихся въ 1884 г. на сѣздѣ въ Вюрцбургѣ германскихъ законовѣдовъ высказалось рѣшительно за необходимость допущенія апелляціи на подобные приговоры, дискредитированные случаями судебныхъ ошибокъ, которыя встревожили общественное мнѣніе и побудили депутатовъ Мункеля и Рейхеншпергера внести, какъ извѣстно, вопросъ объ апелляціи на обсужденіе германскаго рейхстага.

Эта агитация противъ прегрѣшеній Landgericht'овъ поставила на очередь вопросъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ постановленій германскаго устава уголовного судопроизводства. Въ этомъ отношеніи обратили на себя вниманіе предоставленные Landrichter'омъ *Ольсгаузену* въ 1884—1885 годовъ берлинскому юридическому обществу мемуары, воспроизведенные въ его „Beiträge zur Reform des Strafprocesses“ ¹⁾.

¹⁾ Ольсгаузенъ, между прочимъ, желалъ бы лишить присяжныхъ права высказываться на счетъ „снисхожденія“, такъ какъ оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ вліять на наказуемость, должна принадлежать тому судеб-

Вообще въ Германіи недовольны отправленіемъ уголовнаго правосудія. Слышатся жалобы на то, что „повидимому, мечъ правосудія становится тупымъ и ржавымъ и, поэтому, не въ состояніи дать себя почувствовать злодѣямъ. Кто сопоставить увеличеніе цифры тѣлесныхъ поврежденій съ явою слабостью (Schlaffheit) обвинительныхъ приговоровъ, кто наблюдаетъ, какъ часто самыя возмутительныя проявленія дикой грубости (Roheiten) караются лишь нѣсколькими мѣсяцами заключенія вслѣдствіе того, что судъ признаетъ нетрезвое состояніе преступника обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, — тотъ поневолѣ спросить, вмѣстѣ съ Шпильгагеномъ: „что же это будетъ“? Пора, наконецъ, чтобы наступила въ этомъ отношеніи перемѣна, иначе крики о помощи подвергающагося нападеніямъ почти беззащитнаго населенія потребуютъ непосредственнаго энергичнаго вмѣшательства государственной власти“.

Эти тревожныя мысли внушены висбаденской газетѣ „Рейнскій курьеръ“ слѣдующими данными уголовной статистики, опубликованными центральнымъ имперскимъ органомъ администраціи германской юстиціи (Reichsjustizamt) за 1885 г. Означенныя данныя показываютъ замѣтное улучшеніе въ разрядѣ преступленій противъ собственности, но сильное ухудшеніе въ категоріи преступленій противъ личности.

Въ изслѣдованномъ статистикою 1885 году было осуждено за простую кражу 69241 лицо, тогда какъ въ 1882 г. ихъ было 79116. Такое уменьшеніе, въ данномъ случаѣ на 10 тысячъ за 4 года, замѣчается и по предмету тяжкой кражи. Напротивъ, по части простыхъ тѣлесныхъ поврежденій обнаруживается иное соотношеніе между 1882 и 1885 годами: въ 1882 г. было осужденныхъ 16527, а въ 1885 г. — уже 18620. Еще разительнѣе такой плюсъ въ разрядѣ опасныхъ тѣлесныхъ поврежденій: онъ составляетъ перевѣсъ въ 13158, такъ какъ въ 1882 г. было 38291, а въ

ному органу, который примѣняетъ къ вердикту присяжныхъ законное наказаніе, т. е. присутствію суда.

1885 г. — 51449 осужденій. Такъ называемыя „тяжкія поврежденія“ поднялись съ 573 на 663.

По мнѣнію указанной газеты, хотя эти цифры еще не установлены окончательно, однако уже теперь можно утверждать, не рискуя впасть въ ошибку, что въ германской уголовной статистикѣ въ весьма сильной степени преобладаютъ проявленія дикой грубости и насильственные дѣйствія. „Ничѣмъ — говорить помянутая газета — нельзя такъ ясно удостоверить усиленіе въ Германіи огрубѣлости (die Zunahme der Rohheit in Deutschland), какъ помянутыми цифрами. Они впрочемъ, не обнаруживаютъ ничего новаго или неожиданнаго. Напротивъ, уже нѣсколько лѣтъ наблюдаютъ этотъ фактъ и съ серьезными предостереженіями обращаютъ на него вниманіе; уже нѣсколько лѣтъ настойчиво взываютъ къ государству, обществу, судебному правосудію и администраціи остановить дальнѣйшее развитіе удручающаго огрубѣнія нравовъ (unheimliche Verrohung)“.

Въ германской „фритрѣдерской“ прессѣ появились извлеченія изъ новаго труда тайнаго совѣтника Старке, объясняющаго означенный фактъ усиленія преступности не огрубѣніемъ нравовъ, а увеличеніемъ дороговизны жизненныхъ припасовъ. Висбаденскій „Р. курьеръ“ критикуя „ложный оптимизмъ“ ученаго статистика, недоумѣваетъ: какъ могло появиться такое объясненіе въ виду несомнѣннаго и значительнаго уменьшенія числа кражъ и не случайнаго, конечно, совпаденія означеннаго обстоятельства съ удешевленіемъ цѣнъ на рожь?

Съ своей стороны, не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе точныхъ причинъ увеличенія случаевъ тѣлесныхъ поврежденій, эта газета считаетъ, однако, возможнымъ отнести къ числу важнѣйшихъ причинъ: „во 1-хъ непомѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ (Schnapssauferei), которое усиливается изо дня въ день и все болѣе и болѣе вырождается въ такое страшное распутство (Völlerei), что безшабашнѣе и животнѣе его въ исторіи мало примѣровъ; во 2-хъ мягкость уголовного правосудія, все еще необладающаго необходимою энергіею

для рѣшительной борьбы съ проявленіями дикой огрубѣлости“.

Не одними, впрочемъ, судебными приговорами, будь они вердикты присяжныхъ или рѣшенія суда юристовъ, недовольны въ Германіи. Тамъ раздаются болѣе или менѣе компетентные голоса и противъ системы наказаній, сопряженныхъ съ лишеніемъ преступника свободы. Въ то время какъ одни продолжаютъ жаловаться на *неуманность* будто бы тюремнаго вѣдомства, не предоставляющаго-де нѣкоторымъ арестантамъ тѣхъ удобствъ, которыя желательны чувствительнымъ душамъ, другіе, напротивъ, — и такихъ оказывается больше — протестуютъ противъ болѣзненной *архигуманности* (*Ueberhumanität*) въ режимѣ тюремнаго заключенія, не только не уменьшающаго преступленій, но прямо способствующаго увеличенію ихъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ *Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft* за 1886 г. помѣщена статья Р. Медема, соавтѣника ландгерихта и приватдоцента грейфсвальдскаго университета въ Пруссіи „Опредѣленіе и исполненіе наказанія“. Въ этой статьѣ доказывается примѣрами рецидива *привлекательность* арестантскаго быта для лицъ, лишенныхъ на волю „архигуманныхъ“ удобствъ тюремнаго содержанія. О привлекательности рабочаго дома (*Arbeitshaus*) свидѣлствуютъ толпы бездомныхъ бродягъ, изъ году въ годъ являющихся къ полицейскому судѣ ради пріюта въ „домѣ“, какъ они называютъ это мѣсто заключенія. Но нѣкоторые предпочитаютъ ему простую тюрьму. „Мнѣ—говорилъ Медему одинъ плотникъ—нуженъ былъ только пріютъ на пару зимнихъ мѣсяцевъ“ и ради такого пріюта онъ обокралъ своего хозяина, такъ какъ не желалъ за прошеніе милостыни попасть на болѣе долгую высылку въ рабочемъ домѣ. Вовсе не страшнѣе также и строгій исправительный домъ (*Zuchthaus*). Напротивъ, подобно тому, какъ во Франціи (см. нашу январскую хронику) ссылочная Новая Каледонія считается „раемъ преступниковъ“, такимъ же раемъ является, въ извѣстныхъ случаяхъ,

въ Германіи и помянутый Zuchthaus. Медемъ ссылается на примѣръ двухъ поджигателей-рецидивистовъ, только что выпущенныхъ изъ исправительнаго дома, одинъ послѣ 4-хъ лѣтъней, а другой послѣ 2-хъ лѣтъней „высидки“ въ немъ. Обоихъ этихъ преступниковъ, не нашедшихъ для себя на волѣ подходящей работы, которая была бы имъ по нутру, таянуло обратно въ исправительный домъ. Чтобы вновь попасть на готовые казенные хлѣба, первый поджегъ амбары своего роднаго города, а второй—донесъ самъ на себя о поджогѣ, совершенномъ имъ раньше послѣдней судимости.

Удивляться этому, впрочемъ, нечего: даровая пища, почти такая же, которою довольствуются солдаты въ казармахъ, не особенно тягостный обязательный трудъ, хорошее обращеніе тюремнаго начальства, все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствительно можетъ служить приманкою для германскихъ рецидивистовъ. „Если, замѣчаетъ Медемъ, письма, которыя пишетъ арестантъ къ себѣ домой, почти всегда аккуратно начинаются такъ: Я, слава Богу! пока здоровъ и веселъ (noch wohl und munter), то это отнюдь не фраза, а сущая истина. И такая-то „веселость“, разсуждаетъ Медемъ (въ pendant къ подобнымъ же мыслямъ итальянскаго криминалиста Ферри), „покупается весьма часто цѣною слезъ его семейства, томящагося въ нуждѣ безъ своего кормильца, и всегда цѣною тяжкаго труда честнаго гражданина, который, въ потѣ лица своего, долженъ помогать добывать средства на покрытіе издержекъ тюремной администраціи и котораго, вдобавокъ, тотъ же „веселый“ арестантъ, можетъ быть, лишилъ трудового достатка“.

Отсюда единодушное требованіе объ усиленіи наказанія, въ смыслѣ уничтоженія его „привлекательности“ для рецидивистовъ.

Правда, условія быта освобожденнаго арестанта могутъ быть на волѣ таковы, что отвергнутый честными людьми, обязанный ограничиться обществомъ однокашниковъ по исправительному дому и не будучи въ состояніи поддерживать свое существованіе честными средствами, онъ, весьма понятно, будетъ тяготѣть къ болѣе обезпеченной и, сравнительно, вольгот-

вой жизни, „на всемъ готовомъ“ въ Zuchthaus'ѣ. Но что исправительный домъ вообще плохо исправляетъ, доказываетъ, если взять напр. Пруссію, статистическая таблица рецидивистовъ этого дома за время 1869—1883 и 1884 гг. (въ сочиненіи *Иллинг* „Цифры преступности въ Пруссіи за 1854—1884 г.“). По этой таблицѣ изъ числа арестантовъ исправительнаго дома только 56% не оказались рецидивистами. Прочіе же 44% уже побывали въ такомъ домѣ, причемъ изъ нихъ 36% стали рецидивистами въ первый же годъ послѣ выпуска изъ Zuchthaus'а и столько же на второй годъ, всего, значить, 72% въ первые два года по освобожденіи изъ заключенія. Засимъ, изъ остальныхъ 28%, примѣрно половина, впала въ рецидивъ на 3-ій и 4-й годъ и, приблизительно, столько же въ позднѣйшіе годы.

Эти цифры даютъ Медему основаніе заключить, что исправительно или—что въ данномъ случаѣ тоже—устрашительно исправительный домъ въ Пруссіи дѣйствуетъ лишь на половину (56%) своего контингента. Въ другой половинѣ (44%) цѣлыхъ $\frac{3}{4}$ (72%) оказываются столь мало исправленными или уstraшенными, что способны немедленно впасть вновь въ преступленіе. „Лишь мало по малу, когда, по выраженію Медема, постепенно парализуется вліяніе исправительнаго дома какими либо другими обстоятельствами, уменьшается опасность рецидива“.

Уже Гольцендорфъ, говоря объ альбомѣ „Souvenir du 3-ème Congrès pénitentiaire international (Римъ, 1885 г.), гдѣ собраны краткіе отзывы и мнѣнія тюрьмовѣдцовъ, участниковъ римскаго тюремнаго конгресса, нашелъ, что „судя по содержанію этого альбома можно считать установленнымъ, что практическій результатъ нынѣшняго уголовнаго правосудія долженъ быть названъ повсемѣстно совершенно неудовлетворительнымъ“.

Разборъ „важнѣйшихъ уголовно-статистическихъ публикацій 1886 года“ доктора Беннеке въ Марбургѣ (въ *Zeitschrift f. ges. Strafr.*, 1886) показываетъ, что въ Германіи, считавшейся до сихъ поръ родиною „непрактичныхъ“ теоретиковъ, начинаютъ преобладать и въ дѣлѣ уголовнаго право-

судія взгляды, болѣе сродственные англійской практической философіи. Такъ, въ Германіи приходятъ къ убѣжденію, что въ борьбѣ съ преступленіемъ слѣдуетъ начать реформу въ области „исполненія наказанія“, съ установленія болѣе цѣлесообразныхъ карательно-исправительныхъ мѣръ противъ преступной молодежи, которая нынѣ подвергается окончательной порчѣ въ общихъ тюремныхъ заведеніяхъ, гдѣ она, вмѣсто исправленія, лишь успѣшно проходитъ, въ общеніи съ взрослыми, теоретическую школу преступности, чтобы затѣмъ доставить готовый контингентъ міру преступниковъ. Дѣло, должно быть, дѣйствительно крайне безотрадно, если отъявленный противникъ тѣлеснаго наказанія Кроне вынужденъ сказать: „стараятся отмѣнить, въ интересахъ гуманности, тѣлесное наказаніе (Stockprügel); но если сажаютъ молодыхъ людей въ такія дома (общія тюремныя заведенія) и тамъ морально ихъ губятъ, такъ что не найдется такого нравственнаго болота, съ которымъ бы они въ 19 лѣтъ не были уже знакомы, то, въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, тѣлесное наказаніе будетъ гуманностью и non plus ultra педагогическаго искусства“.

Беннеке, съ своей стороны, радуется, что эти „времена, въ которыя, вмѣсто заботъ объ исправленіи молодыхъ преступниковъ, строили дорогія тюрьмы для производства часто очевидно безнадежныхъ исправительныхъ опытовъ надъ воорами рецидивистами и тому подобными категоріями преступниковъ, что времена эти скоро пройдутъ. „Указавъ на проектированныя повсемѣстно въ Пруссіи мѣста заключенія для молодыхъ преступниковъ, Беннеке полагаетъ, что такія заведенія (отдѣляющія молодыхъ арестантовъ отъ взрослыхъ) дѣйствительно сократятъ число въ конецъ испорченной молодежи, но онъ не ожидаетъ отъ нихъ успѣха въ отношеніи неисправимыхъ, т. е. такихъ, которыхъ не удерживаетъ отъ преступленій мягкое наказаніе. Для этихъ послѣднихъ, равно какъ и для такой молодежи, которая отличается грубою жестокостью, онъ рекомендовалъ бы тѣлесное наказаніе и голоданіе. Предвидя возраженіе, Беннеке мотивируетъ цѣлесообраз-

ную пригодность этих мѣръ разными практическими соображеніями.

Все это—знаменія времени. Западные криминалисты, очевидно, начинаютъ „перемѣнять фронтъ“ въ сторону болѣе энергичной репрессіи.

На петербургскомъ конгрессѣ тюрьмовѣдовъ этотъ походъ противъ „сентиментальности“, вѣроятно будетъ предметомъ жаркихъ преній *ad maiorem justitiae gloriam*.

Н. Я.

Важнѣйшія опечатки въ апрѣльской книгѣ.

Въ статьѣ: *Двадцатилѣтняя практика Кемецкаго волостнаго суда.*

стр. 63	строка 16	сверху	напеч.:	огородъ	читай:	огородамъ
— 69	— 19	—	—	дѣловыя	—	долевыя
— 70	— 2	—	—	по отношеніямъ	—	по отношенію
— 72	— 13	снизу	—	обѣимъ сторонамъ	—	обѣихъ сторонъ
— 97	— 16	сверху	{	95	—	96
— —	— 11	снизу				
— 103	— 16	сверху	—	вознаграждена	—	вознагражденіе

Въ иностранной юридической хроникѣ:

			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
стр. 182	строка 11	даровитѣйшими	даровитѣйшими	
— 183	— 22	толь	только	
— 184	— 26	предстательству	предательству	
— 188	— 33	раздавшимя	раздавшимя	
— 190	— 18	Не рѣдко	не только	
— 203	— 17	имѣло	имѣла	
— "	— 20	позуется	пользуется	
— 206	— 25	хотѣль	хотѣлъ	
— 207	— 2	малодой	молодой	
— "	— 12	осталоса	осталось	
— "	— 19	отвратильнѣе	отвратительнѣе	
— 208	— 15	безпорниго	безспорнаго	
— 211	— 22	доставило	доставили	

Въ русской юридической хроникѣ.

стр. 220	строка 2	характера	характера
— "	— 36	палала	палата
— 226	— 5	Газарова	Назарова
— "	— 33	Нозорова	Назарова
— 230	— 34	наемный	несомнѣнный
— 232	— 28	послѣднія	послѣдствія
— 236	— 30	губернія	губерніи

Сверхъ сего, въ статьѣ Проектъ русскаго уголовного уложенія (переводъ замѣчаній профес. Майера) стр. 14 строка 14 — послѣ слова „въ признаніи“ слѣдуетъ добавить „уголовно-частнымъ преступленіемъ“.

ЗАМѢТКИ.

ИЗЪ УГОЛОВНОЙ ПРАКТИКИ МИРОВАГО СУДА.

Наша литература по вопросамъ уголовной практики мирового суда обладаетъ уже весьма цѣнными комментаріями Н. Неклюдова, но комментаріи эти появились въ 1868 г. и хотя возобновлены въ 1872 г., тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръросло не мало новыхъ вопросовъ, нуждающихся въ разработкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если созданіе цѣлаго юридическаго института является плодомъ взаимодѣйствія творческой силы законодателя и науки, то за то разработка подробностей, при которыхъ институтъ этотъ дѣйствуетъ, есть дѣло практики и жизни. Подобно тому, какъ въ большихъ, прекрасно задуманныхъ механизмахъ, не послѣднюю роль играетъ тотъ или другой винтъ, который опытный механикъ измѣняетъ и выработываетъ сообразно указаніямъ опыта и наблюденія, точно также и окончательная разработка детальныхъ вопросовъ процесса въ мировомъ судѣ, можетъ быть сдѣлана правильно только на основаніи данныхъ, выработанныхъ опытомъ и наблюденіемъ. Нашему разсмотрѣнію мы подвергнемъ лишь тѣ статьи устава уголовного судопроизводства, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло на практикѣ, и которыя вызываютъ тѣ или другіе вопросы. При разборѣ ихъ мы будемъ держаться порядка статей закона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

0 подсудности (ст. 33 — 41 уст. угол. суд.).

Статья 33 устава, опредѣляющая предѣлы вѣдомства мирового судьи, не нуждается въ комментаріяхъ. Примѣчаніе къ ней измѣнено недавнимъ закономъ отъ 18 декабря 1885 г. въ томъ смыслѣ, что къ вѣдомству мировыхъ судей отнесены и нарушенія промышленности фабричной, заводской и ремесленной, предусмотрѣнныя

ж. гр. и у. пр. вѣн. в 1887 г.

уложеніемъ и спеціальными уставами, если нарушенія эти по карательнымъ послѣдствіямъ не выходятъ изъ предѣловъ предоставленной мировымъ судьямъ власти. Указанное расширеніе компетенціи едва-ли будетъ особенно замѣтно въ практикѣ мировыхъ судей; гораздо ощутительнѣе измѣненіе, сдѣланное тѣмъ же закономъ 155, 156, 158, 159 и 161 статей мирового устава. Извѣстно, что по закону 18 мая 1867 г. (ст. 22) вѣдомству мировыхъ судей подлежали лѣсныя порубки въ частныхъ и общественныхъ лѣсахъ, на сумму не болѣе 100 руб.; въ настоящее время по закону 18 декабря 1885 г. лѣсныя порубки подсудны мировымъ судьямъ до 300 руб. и, притомъ, порубки, совершенныя какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ лѣсахъ. Такое увеличеніе мировой подсудности нельзя не признать вполне правильнымъ и согласованнымъ съ требованіями жизни. Лѣсныя порубки представляются преступленіями чисто мѣстнаго характера и, притомъ, по своей эпидемичности, требуютъ скорого и возможно болѣе упрощеннаго суда, а этимъ именно условіямъ вполне отвѣчаетъ мировой судъ. Желательно было бы въ этомъ отношеніи и дальнѣйшее расширеніе мировой подсудности, хотя не думаемъ, чтобы лѣсныя порубки на сумму болѣе 300 руб. могли бы быть явленіемъ частымъ. Послѣ закона 18 декабря отпадаетъ и практика сената, растолковавшаго, за отсутствіемъ прямого закона, подсудность порубокъ въ казенныхъ лѣсахъ мировымъ судебнымъ установленіямъ до 125 руб. Теперь порубка въ частныхъ и казенныхъ лѣсахъ одинаково подсудна мировымъ учрежденіямъ до 300 рублей. Говоря о законѣ 18 декабря 1885 г., не можемъ не отмѣтить, что законъ этотъ усилилъ компетенцію мировыхъ учреждений весьма осторожно и разумно. Не произошло той огульной передачи мировымъ судьямъ большинства дѣлъ, вѣдаемыхъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, какъ объ этомъ гласили слухи, распространившіеся до появленія закона 18 декабря.

Замѣтимъ, что примѣчаніе къ 33 ст. устава получило въ практикѣ нашего кассационнаго сената не вполне удачное разъясненіе. Въ 4 п. 33 ст. уст. угол. суд., послѣ изданія извѣстнаго закона о кражахъ со взломомъ, компетенція мировыхъ учреждений была расширена тѣмъ, что имъ стали подсудны проступки, влекущіе уже не годовое тюремное заключеніе, а одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Очевидно, въ этихъ предѣлахъ, въ силупримѣ-

чанія къ 33 ст., стали подсудны мировымъ учрежденіямъ и нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, о повинностяхъ и т. д. Иначе взглянулъ на этотъ вопросъ сенатъ. Одинъ изъ окружныхъ судовъ призналъ подсуднымъ мировому судѣ дѣло о нарушеніи постановленій воинской повинности, влекущемъ за собою тюремное заключеніе до 1 года и 4 мѣсяцевъ (9 п. 506 ст. улож. о нак.). Правительствующій сенатъ, до котораго дошло это дѣло, отмѣнилъ приговоръ съѣзда мировыхъ судей, признавъ дѣло подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ (рѣш. угол. кассац. депар. по дѣту Субботинныхъ и Теммулина 1883 г. № 3). При этомъ сенатъ разъяснилъ, что законъ 18 мая 1882 г. усилилъ карательную власть мировыхъ судей лишь по дѣламъ о кражахъ со взломомъ. Однако такое толкованіе совершенно не согласуется съ текстомъ примѣчанія къ 33 ст. уст. угол. суд. изд. 1883 г., такъ это примѣчаніе прямо говоритъ, что мировые судьи вѣдаютъ нарушенія нѣкоторыхъ уставовъ, „не выходя изъ предѣловъ предоставленной имъ въ сей статьѣ власти“. Интересно то, что при составленіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II редакцію этого примѣчанія предполагалось изложить съ пропускомъ словъ „въ сей статьѣ“, но слова эти дополнены по Высочайше утвержденному 15 декабря 1883 года докладу главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ. Практикѣ, конечно, остается подчиняться прямому смыслу закона, а не сенатскому рѣшенію, такъ какъ рѣшеніе сената не можетъ отмѣнить закона.

34 статья уст. угол. суд. указываетъ условія, при которыхъ дѣла, означенныя въ предыдущей статьѣ, изъемяются изъ вѣдѣнія мировой юстиціи. Къ числу этихъ условій принадлежитъ присоединеніе къ наказанію по закону закрытія торговаго или промышленнаго заведенія (1 п. 34 ст.). До закона 28 мая 1883 г., видоизмѣнившаго взысканія за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ, 1 п. 34 ст. не возбуждалъ сомнѣній, въ особенности въ виду многократныхъ разъясненій кассационнаго сената (рѣш. 1876 г. № 67, 1876 г. № 320, 1869 г. № 906, 1870 г. № 20 и мн. др.); но закономъ 1883 г. введены, какъ карательныя мѣры, „отобраніе патента для уничтоженія“ и „отобраніе патента впредь до полученія надлежащаго разрѣшенія на открытіе заведенія“ (п.п. 24 и 25 правилъ 28 мая 1883 г.). На практикѣ возникъ вопросъ, какъ опредѣлить подсудность такихъ нарушеній, которыя влекутъ „отобраніе патента“? Въ округѣ нижегородскаго суда вопросъ этотъ

разрѣшенъ, по нашему мнѣнію, довольно удовлетворительно. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли считать „отобраніе патента“ равносильнымъ закрытію заведенія? Съ одной стороны, отвѣтъ получается, какъ будто, утвердительный, а съ другой — возникаетъ нѣсколько довольно существенныхъ сомнѣній въ правильности такого разрѣшенія этого вопроса. Если съ отобраніемъ патента закрывается заведеніе, но содержатель его, возобновивъ патентъ, можетъ снова продолжать торговлю въ томъ же заведеніи, то такое отобраніе патента можетъ и не повлечь закрытія заведенія. Не подлежитъ однако же сомнѣнію, что отобраніе патента „для уничтоженія“, будетъ скорѣе походить на закрытіе заведенія, чѣмъ такая же мѣра, принятая лишь временно до полученія надлежащаго разрѣшенія на открытіе заведенія. Въ нижегородскомъ округѣ, въ силу этого соображенія, нарушенія питейнаго устава, предусмотрѣнныя п. 24 правилъ 28 мая 1883 г. и влекущія отобраніе патента „для уничтоженія“, отнесены къ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, а нарушенія, предусмотрѣнныя п. 25 тѣхъ же правилъ и влекущія лишь временное отобраніе патента—къ вѣдѣнію мировой юстиціи.

Наравнѣ съ закрытіемъ заведенія, изъ вѣдѣнія мировыхъ учреждений изъемяются дѣла, влекущія запрещеніе производить торговлю или промыселъ. Объ этомъ изъятіи упоминаемъ вскользь, чтобы напомнить многократныя разъясненія сената о подсудности общимъ судебнымъ мѣстамъ дѣлъ о противозаконной торговлѣ клейменными, но невѣрными вѣсами, предусмотрѣнной 1176 ст. улож. о нак. (рѣш. угол. касс. деп. 1873 г. № 758, 1874 г. № 598 и 1875 г. № 661). Въ рѣшеніи 1884 г. № 26 сенатъ далъ весьма важное разъясненіе, что опредѣляемое въ 1176 ст. улож. сверхъ наказанія лишеніе виновнаго права на торговлю, относится исключительно къ лицамъ, которыя производятъ торговлю по особымъ, оплачиваемымъ пошлиною свидѣтельствамъ и билетамъ, и не можетъ быть примѣняемо къ сельскимъ обывателямъ при продажахъ ими на базарахъ, рынкахъ, съ возовъ, лодокъ и ларей и т. п. продуктовъ сельскаго хозяйства, дозволенной закономъ безъ всякихъ свидѣтельствъ.

Слѣдующее условіе, изъемяющее дѣло изъ вѣдѣнія мирового суда, будетъ, когда искъ о вознагражденіи за причиненные проступкомъ вредъ или убытки превышаетъ 500 рублей (2 п. 34 ст.

уст. угол. суд.). Нельзя не согласиться съ Неклюдовымъ ¹⁾, что выраженіе „искъ“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „заявленнаго иска“. Нѣкоторые мировые судьи, а въ особенности чины полиціи направляя дознанія о преступленіяхъ по подсудности, понимаютъ однако же 2 п. 34 ст. уст. угол. суд. иначе. Они предполагаютъ, что подсудность по цѣнѣ убытковъ опредѣляется наличностью послѣднихъ, а не предъявленіемъ со стороны потерпѣвшаго гражданскаго иска. Въ противномъ убѣждаютъ мотивы закона, который въ этомъ случаѣ не хотѣлъ предоставить мировому судѣ болѣе широкой компетенціи чѣмъ та, которая ему дана 29 ст. уст. гр. суд., причемъ 2 п. 34 ст. уст. угол. суд. составляетъ буквальное повтореніе этой статьи. Понятно, что гражданскій искъ долженъ быть заявленъ до открытія судебного засѣданія по уголовному дѣлу (7 ст. уст. уг. суд.); заявленіе же иска, превышающаго 500 руб., передъ самой, на примѣръ, постановкой приговора, не даетъ мировому судѣ права передать такое дѣло по подсудности судебному слѣдователю. Надлежитъ отмѣтить, что въ своей практикѣ сенатъ пытался давать весьма пространное толкованіе тѣхъ случаевъ, когда заявленіе гражданскаго иска въ мировыхъ учрежденіяхъ должно считаться исполненнымъ. Такъ, въ одномъ рѣшеніи, сенатъ дошелъ до того, что выраженіе просителя „поступить по закону“—призналъ равносильнымъ заявленію иска (рѣш. угол. кас. деп. 1870 г. № 728). Конечно такое толкованіе болѣе чѣмъ произвольно, и самъ сенатъ, по другому дѣлу (рѣш. угол. кас. деп. 1870 г. № 1011), въ тѣхъ же выраженіяхъ не нашелъ предъявленія иска. Сочувствуя вполнѣ развитію возможно меньшаго формализма въ нашихъ мировыхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ производство должно быть доводимо до возможной простоты, намъ думается, что лучше всего сомнѣнія,—заявленъ ли по дѣлу гражданскій искъ или нѣтъ, могутъ быть устраняемы, если мировые судьи, передъ открытіемъ судебного засѣданія, будутъ предлагать потерпѣвшимъ вопросы, отыскиваютъ-ли они убытки или нѣтъ. Надо же помнить, что мировой судъ учрежденъ для мѣстнаго населенія, которое по преимуществу состоитъ изъ простаго люда, мало развитаго и мало свѣдущаго въ судебномъ дѣлѣ. Не слѣдуетъ также смѣшивать, какъ справедливо замѣчаетъ Неклюдовъ, просьбу потерпѣвшаго о возвращеніи вещи, добытой преступленіемъ, съ предъявленіемъ иска, такъ какъ обиженный по-

¹⁾ Руководство для мировыхъ судей т. I стр. 131.

лучаетъ ее обратно въ силу самаго закона (777 ст. уст. уг. суд.) Отсюда прямой выводъ, что стоимость вещи, полученной преступленіемъ, не имѣетъ вліянія на подсудность, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда то положительно въ законѣ указано (напр. у насъ кража на сумму болѣе или менѣе 300 руб.).

Послѣдняя часть 34 ст. устава уголовного судопроизводства касается проступковъ, подлежащихъ вѣдомству волостныхъ судовъ. Не будемъ приводить многочисленной и довольно пестрой практики сената о томъ, какіе проступки подсудны волостнымъ судамъ; замѣтимъ только, что она весьма казуистична, противорѣчива, и приводитъ самымъ судьей къ неправильному толкованію. Такъ, намъ извѣстно, напр., что нѣкоторые сѣзды, руководствуясь рѣшеніемъ кассационнаго сената по дѣлу Стефанова (1869 г. № 610), толкуютъ подсудность волостному суду всѣхъ маловажныхъ проступковъ, а не только однихъ имущественныхъ (какъ бы слѣдовало), въ томъ смыслѣ, что если проступокъ сопровождался особо увеличивающими обстоятельствами, предусмотрѣнными не въ общихъ статьяхъ мирового устава (14—16), а въ спеціальныхъ, то дѣло о такомъ проступкѣ подсудно мировымъ установленіямъ. На этомъ основаніи нѣкоторыми сѣздами признается, что обида, совершенная при условіяхъ, указанныхъ 131 ст. мирового устава (въ многолюдномъ собраніи, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ и т. п.), всегда подсудна мировымъ судамъ; кража, совершенная ночью и т. д., точно также подсудна мировой юстиціи. Къ слову замѣтимъ, что относительно подсудности, напримѣръ, кражи ночью, въ практикѣ сената имѣются совершенно противорѣчивыя рѣшенія: такъ, рѣшеніями уголовного кассационнаго департамента 1868 года № 605, 1870 г. № 983 и многими другими, такая кража признана подсудною мировымъ судебнымъ установленіямъ, а рѣшеніемъ 1867 г. № 452 признается, что она подсудна волостному суду. Вопросъ, неоднократно поднимавшійся въ литературѣ, слѣдуетъ ли считать подсудными волостному суду такіа кражи и мошенничества, которыя сопровождаются особо увеличивающими обстоятельствами, предусмотрѣнными 170 и 175 ст. мирового устава, разрѣшается обыкновенно на практикѣ отрицательно и дѣла о подобныхъ кражахъ передаются въ мировыя учрежденія. По толкованію сената, для подсудности дѣла мировымъ установленіямъ нужно только, чтобы указаніе на обстоятельства, особо увеличивающія вину, имѣлось при возбужденіи дѣла, хотя бы оно впослѣдствіи и не подтвердилось. Не удиви-

тельно, что при этих условіяхъ всякую кражу можно сдѣлать подсудною мировому судѣ, чему мы были не разъ очевидцами: стоитъ только изобразить въ жалобѣ мировому судѣ, что кража совершена ночью или что обида нанесена въ многочисленномъ собраніи.... Несравненно было бы правильнѣе, да и едва-ли не болѣе согласно и съ текстомъ 553 ст. сельско-судебнаго устава, такое толкованіе, по которому особо увеличивающія вину обстоятельства, при тѣхъ проступкахъ, которые подсудны волостному сѣду, не считались измѣняющими подсудность. Проступки же, сопровождаемые обстоятельствами, квалифицирующими самое дѣяніе (напр. взломъ при кражѣ), признавались изъятими изъ вѣдѣнія волостнаго суда.

Статья 35 мирового устава, къ которой мы затѣмъ обращаемся, есть, можно сказать, дѣтище нашего мирового института, благодаря которому онъ воспріялъ и свое наименованіе „мирового“. По словамъ составителей судебныхъ уставовъ, мировой судья есть, между прочимъ, „посредникъ для соглашенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ кажутся противоположными, но возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, легко могутъ быть примирены“. Примирительное разбирательство у мирового судьи установлено для всѣхъ уголовно-частныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть прекращены примиреніемъ (ст. 157 улож. о нак. и 19 и 20 ст. мир. уст.). Въ судебныхъ уставахъ порядокъ производства этихъ дѣлъ изложенъ въ самыхъ общихъ чертахъ и законодательству будущаго предстоитъ дальнѣйшее развитіе общихъ положеній нашего закона. Практика же, основываясь на извѣстномъ, весьма неудачномъ впрочемъ, разъясненіи общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената отъ 11 февраля 1880 г. за № 10, выработала порядокъ направленія дѣлъ частнаго обвиненія, который явно не согласуется съ *ratio legis*. Вопросъ этотъ прекрасно разработанъ въ статьѣ г. Рудановскаго „О дѣлахъ, возникающихъ по частнымъ жалобамъ“ ¹⁾.

35 статья устава изложена такимъ образомъ: „сверхъ дѣлъ, предоставленныхъ разбирательству мировыхъ судей по роду опредѣленныхъ за преступныя дѣйствія наказаній, вѣдомству ихъ подлежатъ собственно для склоненія сторонъ къ миру дѣла, которыя хотя и влекутъ за собой наказанія болѣе строгія, но по закону

¹⁾ Юридическій Вѣстникъ 1885 г. № 9.

начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ или убытки, и могутъ быть прекращены примиреніемъ“ (улож. о нак. ст. 157). Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣла частнаго обвиненія, по точному смыслу 35 ст. уст. угол. суд., должны быть вчиняемы непосредственно у мирового судьи, который приступаетъ по нимъ къ примирительному разбирательству. Право прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей принимать частныя жалобы и направлять ихъ къ мировому судѣ, нигдѣ закономъ не предусмотрено и существованіе такого права должно быть подвергнуто большому сомнѣнію. Оно можетъ привести къ тому положенію, что прокурорскій надзоръ вмѣшается въ дѣло, отъ котораго законъ его совершенно устраняетъ (см. 5 и 540 ст. уст. угол. суд.), а судебный слѣдователь приметъ такую жалобу, по которой онъ не выправѣ произвести до примирительнаго разбирательства ни одного слѣдственнаго дѣйствія? Возраженіе, что прокуроръ и слѣдователь уполномачиваются на передачу жалобы, въ уваженіе къ тому, что иначе частное лицо, несвѣдущее въ премудростяхъ закона, можетъ понять отказъ прокурора или слѣдователя въ смыслѣ уклоненія ихъ отъ своей прямой обязанности—что конечно нежелательно—устраняется тѣмъ выработаннымъ на практикѣ приѣмомъ, что частному лицу на поданную жалобу выдается подробное объявленіе съ указаніемъ, къ какому мировому судѣ онъ долженъ обратиться. Дѣла частнаго обвиненія, по полному устраненію въ нихъ публичнаго начала, могутъ быть сравнены съ дѣлами гражданскими, а между тѣмъ никто не возражаетъ противъ того, что судебный слѣдователь или прокуроръ, получивши исковое прошеніе, должны возратить его по принадлежности частному лицу, а не направлять или передавать это прошеніе въ судъ гражданскій. Приведеннымъ же выше опредѣленіемъ сената отъ 11 февраля 1880 г. установлено, наоборотъ, что жалобы по дѣламъ частнаго обвиненія приносятся не только мировымъ судьямъ, но и судебнымъ слѣдователямъ, прокурорамъ и ихъ товарищамъ и полицейскимъ чинамъ, причемъ слѣдователь, прокуроръ или полиція обязаны передавать жалобы мировому судѣ тогда лишь, когда будутъ произведены надлежащія розысканія и необходимыя слѣдственныя дѣйствія. Съ такимъ взглядомъ мы никакъ согласиться не можемъ.

Въ объясненіяхъ составителей уставовъ, подъ ст. 546, (уст. уг. суд. изд. государственной канцеляріи), прямо говорится, что дѣла, подле-

жація прекращенію за примиреніємъ сторонъ, „вчинаются“ у мирового судьи, слѣдовательно мировой судья есть лицо, исключительно уполномоченное закономъ принимать жалобы по дѣламъ частнаго обвиненія. Кромѣ того, по рѣшеніямъ сената (1868 г. № 88, 1870 г. № 1653) допущеніе прокурорскаго надзора къ участию въ производствѣ дѣлъ частнаго обвиненія влечетъ за собой отиѣну всего производства. Какъ же можетъ послѣ этого прокуроръ или его товарищъ производить по частной жалобѣ какіянибудь розысканія? Существенный вопросъ о томъ, кто долженъ въ этомъ случаѣ принять мѣры къ задержанію преступника, или сохраненію слѣдовъ преступленія, или отобранію плодовъ преступленія, разрѣшается весьма просто. Съ одной стороны обязанность эта безусловно лежитъ на полиціи, которая, въ силу 48 ст. уст. угол. суд., обязана оказать содѣйствіе частному лицу, обратившемуся къ ней съ жалобой. Съ другой же стороны и мировой судья, къ которому поступила жалоба, обязанъ предпринять своею властью всѣ безотлагательныя дѣйствія, иначе высокой смыслъ примирительнаго разбирательства превратился бы въ тормазъ, вредящій интересамъ правосудія и потерпѣвшаго. Отсутствіе прямого указанія на это право мирового судьи въ законѣ, есть весьма существенный пробѣлъ, подлежащій восполненію. Высказаннаго нами толкованія о правѣ мирового судьи предпринимать необходимыя слѣдственные дѣйствія держится Неклюдовъ, а противнаго — Фойницкій и Макалинскій. Неклюдовъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что если бы мировой судья не имѣлъ права принимать безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, то было бы правильнѣе отсылать стороны къ мировому судѣй не до, а послѣ уже производства слѣдствія судебнымъ слѣдователемъ. Наконецъ, если мировой судья обязанъ принимать такіа дѣйствія въ отношеніи жалобъ на проступки, ему подсудные, то какія же основанія ограничивать это его право въ отношеніи другихъ дѣлъ, поступающихъ къ нему для склоненія сторонъ къ миру и, притомъ, дѣлъ болѣе важныхъ. Разъясненіе сената, кромѣ неправильной исходной точки, грѣшитъ еще и непослѣдовательностью въ томъ, что если неопытный жалобщикъ обратится прямо къ мировому судѣй, помимо полиціи, слѣдователя и прокурора, то судьба слѣдовъ преступленія и вообще всего дѣла, если оно требуетъ немедленныхъ мѣропріятій, будетъ самая печальная, такъ какъ мировой судья, по сенатскому толкованію, можетъ только послать повѣстки о вызовѣ сторонъ, а затѣмъ дол-

женъ дожидаться ихъ явки, а розысканій никакихъ произвести не можетъ. Очевидно, такое положеніе слишкомъ ненормально. Сенатъ и по отдѣльнымъ вопросамъ высказывалъ, что мировые судьи не имѣютъ права предпринимать въ порядкѣ примирительнаго производства слѣдственныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ рѣшеніи уголовнаго кассационнаго департамента по дѣлу Любомірова (1869 г. № 938) разъяснено, что мировой судья не вправе въ дѣлахъ судебно-мирового производства приобщать къ дѣлу какія либо вещественныя доказательства.

Что касается порядка примирительнаго разбирательства, то 35 статья не даетъ по этому поводу никакихъ указаній и мировымъ судьямъ приходится руководствоваться существующею довольно противорѣчивою практикою сената. Для примирительнаго разбирательства особенно важно разрѣшить слѣдующіе вопросы: какія послѣдствія имѣетъ неявка сторонъ къ мировому судѣй, въ чемъ заключается примирительное разбирательство и какова роль въ этомъ случаѣ мирового судьи и дальнѣйшее направленіе дѣла, неокончившихся примиреніемъ.

Неявка обвинителя безъ уважительныхъ причинъ, равносильна отказу отъ жалобы. Это положеніе вытекаетъ изъ 135 ст. уст. угол. суд. и признано рѣшеніями уголовнаго кассационнаго департамента сената (1868 г. № 81, 1869 г. № 922). Замѣтимъ, что точно также, по уставу гражданскаго судопроизводства (ст. 145 и 358) неявка истца влечетъ прекращеніе дѣла. Нѣсколько сложнее разрѣшается вопросъ о послѣдствіяхъ неявки обвиняемаго по дѣламъ частнаго обвиненія. Есть одно рѣшеніе кассационнаго сената (1869 г. № 1064), въ которомъ за мировымъ судьей признано право подвергать такого обвиняемаго приводу, за то въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ (1881 г. № 28) сенатъ высказалъ, что мировой судья въ случаѣ неявки обвиняемаго долженъ прекратить примирительное разбирательство. Съ подобнымъ толкованіемъ нѣтъ никакой возможности согласиться. Прежде всего, приводъ обвиняемаго въ этихъ случаяхъ является весьма желательнымъ уже потому, что склоненіе къ миру, со стороны мирового судьи, благодаря судью личному воздѣйствію, можетъ привести къ успѣшному результату между сторонами совершенно неожиданно для нихъ и лишить его права привода обвиняемаго — значило бы остановиться на полдорогѣ въ стремленіи привести дѣло къ миролюбивому окончанію. Да на приводъ обвиняемаго прямо уполномачиваетъ мирового судью и законъ. Прежде всего обра-

тимся къ 61 ст. уст. угол. суд., по которой мировой судья может подвергать обвиняемаго приводу по дѣламъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, влекущихъ тюремное заключеніе или „наказаніе болѣе строгое“. Къ какимъ дѣламъ относятся послѣднія приведенныя слова 61 статьи? Строже тюремнаго заключенія нѣтъ наказанія, которое мировой судья могъ бы примѣнять къ дѣламъ, разбираемымъ имъ по существу. Очевидно слова „наказаніе болѣе строгое“ разумѣютъ дѣла, поступающія къ мировому судѣ для склоненія сторонъ къ миру, потому что другихъ дѣлъ и придумать нельзя, къ которымъ бы эти слова относились. Что наше умозаключеніе не праздное, видно, между прочимъ, и изъ содержанія 134 ст. уст. угол. суд., повторяющей слова „тюремное заключеніе или наказаніе болѣе строгое“ и обязывающей мирового судью, въ случаѣ нерозысканія обвиняемаго, по дѣламъ такого рода постановлять заочное рѣшеніе по иску объ убыткахъ. Въ всякаго сомнѣнія, неавка обвиняемаго по дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ, по которымъ присутствіе его на судѣ необязательно (133 ст. уст. угол. суд.) влечетъ за собою постановку заочнаго рѣшенія по существу дѣла. По всѣмъ же другимъ дѣламъ частнаго обвиненія, влекущимъ тюремное заключеніе или наказаніе болѣе строгое, мировой судья, приступивъ къ примирительному разбирательству, въ случаѣ неявки обвиняемаго подвергаетъ его приводу. Въ дѣйствительности, сколько приходилось наблюдать, мировые судьи такого порядка не держатся, а въ случаѣ неявки обвиняемаго передаютъ дѣло по подсудности. Относительно обязанности мирового судьи въ случаѣ нерозысканія обвиняемаго постановить заочное рѣшеніе объ убыткахъ (ст. 134), должны имѣть силу общіе предѣлы подсудности гражданскихъ дѣлъ. Выраженіе 134 статьи „за нерозысканіемъ обвиняемаго“ прямо указываетъ, что мировой судья въ случаѣ неизвѣстности, гдѣ проживаетъ обвиняемый, производитъ розыскъ его въ порядкѣ, указанномъ для общихъ судебныхъ мѣстъ. Сенатъ однако по этому поводу разъяснилъ, что 386 ст. уст. угол. суд. о сыскѣ обвиняемаго чрезъ публикацію примѣняется и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ (118 ст.), но лишь по проступкамъ, влекущимъ за собою тюремное заключеніе и непрекращаемымъ примиреніемъ (рѣш. уголовного кассационнаго департамента 1871 г. № 1054).

Примирительное разбирательство состоитъ въ склоненіи сторонъ къ миру, причемъ мировой судья, по словамъ сената, „обя-

занъ убѣждать стороны“ къ окончанію дѣла миромъ, изыскывая и предлагая имъ способы примиренія, „наиболѣе соотвѣтствующіе положенію каждой изъ сторонъ и взаимнымъ ихъ отношеніямъ“. Очевидно, все дѣло и весь смыслъ этого разбирательства заключается въ томъ авторитетѣ и уваженіи, которое мировой судья долженъ имѣть въ средѣ мѣстнаго населенія. Наши наблюденія надъ дѣйствительнымъ выполненіемъ обряда примиренія не даютъ намъ никакого основанія желать отмены этого прекраснаго института.

Для примирительнаго разбирательства вопросъ коренной важности заключается въ томъ, имѣетъ ли право мировой судья входить въ разсмотрѣніе доказательствъ, представленныхъ жалобщикомъ въ подтвержденіе своей жалобы, и, равнымъ образомъ, входить въ оцѣнку наличности въ жалобѣ признаковъ уголовно-наказуемаго дѣянія? Примирительному разбирательству предшествуетъ подача потерпѣвшимъ жалобы. Въ такой жалобѣ, согласно 46 ст. уст. угол. судопр., должны быть указаны, въ числѣ прочихъ условій, преступное дѣйствіе, обвиняемый или заподозрѣнное лицо и доказательства, подкрѣпляющія жалобу. Отсюда прямой выводъ, что если въ жалобѣ не заключается признаковъ преступления или не приведено никакихъ доказательствъ, то мировой судья обязанъ возвратить подобную жалобу, прекративъ по ней всякое производство. Если же въ жалобѣ указано хотя бы одно доказательство, то мировой судья не можетъ прекращать дѣла за недостаткомъ доказательствъ, такъ какъ оцѣнка этого вопроса будетъ предметомъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла по существу, если стороны не помирятся. Практика сената по этому вопросу довольно запутанна. Въ однихъ случаяхъ сенатъ находилъ, что мировой судья не вправѣ передавать слѣдователю, обвиненій, неподкрѣпленныхъ доказательствами (рѣш. уголов. кассац. департ. 1868 г. № 399); въ опредѣленіи же отъ 11 февраля 1880 г. сенатъ призналъ, что мировые судьи, не имѣя права разрѣшать дѣла, имъ неподсудныя, не могутъ обсуждать и доказанность такихъ дѣлъ, которыя поступили къ нимъ только для примирительнаго разбирательства. Однако же въ этомъ опредѣленіи сенатъ признаетъ, что совершенное неуказаніе доказательствъ можетъ послужить къ отказу мирового судьи въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Еще менѣе установленъ въ практикѣ сената вопросъ о томъ, можетъ ли мировой судья прекратить разбирательство по жалобѣ, не заключающей въ себѣ признаковъ преступления (въ рѣшеніи 1869 г. № 973 вопросъ рѣшенъ отрица-

тельно, а въ рѣшеніи 1874 г. № 507—утвердительно). Автору настоящихъ замѣтокъ пришлось встрѣтиться на практикѣ съ такимъ случаемъ. Къ мировому судѣ обратилась съ жалобой женщина, обвиняя соблазнившего ее юношу въ обольщеніи ея торжественнымъ обѣщаніемъ жениться (1531 ст. улож. о наказ.). Жалобница указывала при этомъ, что она уже два года состоитъ въ любовной связи съ своимъ возлюбленнымъ и что обѣщаніе жениться онъ ей далъ не до связи, а спустя почти годъ. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ въ жалобѣ не заключалось признаковъ преступленія, а между тѣмъ мировой судья принялъ ее къ примирительному разбирательству, а затѣмъ, за несостоявшимся примиреніемъ, слѣдователь приступилъ къ производству слѣдствія, но убѣдясъ въ бесполезности своей работы, направилъ слѣдствіе по 277 ст. уст. угол. судопр., которое судомъ и прекращено. Не проще ли было мировому судѣ не принимать совсѣмъ подобной жалобы, такъ какъ она не заключала въ себѣ указанія на преступное дѣяніе.

Опредѣленіе мирового судьи о непринятіи жалобы по неуказанію доказательствъ или по отсутствію признаковъ преступленія можетъ быть обжаловано въ съѣздъ, хотя по этому поводу въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній. Практикой сената установлено, что такія опредѣленія должны быть излагаемы въ формѣ приговоровъ и подлежать обжалованію на общемъ основаніи (рѣш. угол. кассац. департ. 1873 г. № 882, 1871 г. № 1800, общ. собран. кассаціон. департ. 1875 г. № 58). Не трудно однако же видѣть, что такія опредѣленія только искусственно могутъ быть относимы къ приговорамъ, на самомъ же дѣлѣ это частныя постановленія, не разрѣшающія дѣла по существу, которыя со ірсо должны быть обжалуемы въ частномъ порядкѣ. Въ нижегородскомъ округѣ практикою нѣкоторыхъ съѣздовъ приняты частныя жалобы на подобныя постановленія мировыхъ судей, и нельзя не пожелать, чтобы такая практика получила санкцію въ законѣ. Статья 152 уст. угол. суд., предусматривающая случаи, когда допускаются частныя жалобы, очевидно неполна, но къ этой статьѣ мы вернемся еще ниже въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ, что уставъ гражданскаго судопроизводства разрѣшаетъ принесеніе частныхъ жалобъ на непринятіе исковой просьбы (166 и 268 ст. уст. гражд. судопр.); уголовныя же дѣла, производящіяся въ порядкѣ частнаго обвиненія, по господству въ нихъ частнаго интереса, близко подходятъ къ дѣламъ гражданскимъ.

Поканчивая съ существомъ примирительнаго разбирательства, остановимся еще на вопросѣ: можетъ ли одностороннее отреченіе обвинителя влечь за собою прекращеніе дѣла? Сенатъ въ своей практикѣ встрѣтился съ подобнымъ случаемъ и разрѣшилъ его въ отрицательномъ смыслѣ (рѣш. угол. кассац. департ. 1880 г. № 31). Едва ли и съ такимъ толкованіемъ можно согласиться. Мы уже указали на сходство дѣлъ частнаго обвиненія съ гражданскими, а между тѣмъ въ гражданскомъ процессѣ основное правило гласитъ: *ne procedat iudex sine actore*. Понятное дѣло, что если потерпѣвшій отказывается отъ преслѣдованія, то дальнѣйшее продолженіе судебной процедуры было бы безсмысленно. Кто же будетъ представлять доказательства, избличать обвиняемаго? Да наконецъ, отчего же неавка потерпѣвшаго влечетъ прекращеніе дѣла, тогда какъ это есть такое же отреченіе, только выраженное въ молчаливой формѣ. Что же касается обвиняемаго, то въ случаѣ явно неосновательнаго обвиненія онъ можетъ преслѣдовать обвинителя, во время отступившагося, за клевету, взыскивать съ него убытки и т. д. Словомъ, по нашему мнѣнію, одностороннее отреченіе обвинителя прекращаетъ примирительное разбирательство.

Обращаемся теперь къ разрѣшенію вопроса: какъ долженъ поступить мировой судья съ жалобой, по которой не состоялось примиренія? Замѣтимъ предварительно, что дѣло, по которому состоялось примиреніе, прекращается навсегда, и постановленіе судьи по этому предмету должно считаться окончательнымъ и неподлежащимъ обжалованію. Хорошо бы было повторить и въ уставѣ уголовного судопроизводства текстъ статей 1364 и 1366 устава гражданского судопроизводства о томъ, что примиреніе признается равносильнымъ судебному рѣшенію, вошедшему въ законную силу и неподлежащему обжалованію, и что дѣло, прекращенное мировою сдѣлкой, почитается навсегда оконченнымъ, и какъ тяжущіеся, такъ и наслѣдники ихъ, не могутъ возобновить этого дѣла.

Дѣла, по которымъ примиреніе не состоялось, направляются мировымъ судьей различно, смотря по тому, подсудно ли дѣло мировымъ учрежденіямъ или общимъ, и въ послѣднемъ случаѣ различно, смотря потому, подсудно ли оно окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или безъ ихъ участія. Въ первомъ случаѣ, мировой судья приступаетъ къ разбирательству дѣла по существу, а во второмъ — передаетъ отъ себя дѣло судебному слѣдователю или окружному суду. Ни въ какомъ случаѣ мировой судья, по нашему

мнѣнію, не можетъ передать дѣло прокурору, который, повторяемъ, не долженъ принимать никакого участія въ дѣлахъ частнаго обвиненія. Если дѣло подсудно окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдательей, то мировой судья передаетъ его къ судебному слѣдователю, такъ какъ въ силу 544 ст. уст. угол. судопр., по дѣламъ этого рода должно быть произведено предварительное слѣдствіе. Если судебный слѣдователь—представимъ себѣ такой случай—разсмотрѣвъ поступившую къ нему отъ мирового судьи переписку, убѣдится, что въ ней нѣтъ признаковъ уголовно-наказуемаго дѣянія, то, намъ думается, онъ поступитъ совершенно правильно, возвративъ частную жалобу лицу, ее принесшему, съ подробнымъ указаніемъ соображеній и мотивовъ, вызвавшихъ такое распоряженіе. Лицо же потерпѣвшее на такое распоряженіе слѣдователя можетъ принести жалобу окружному суду, отъ котораго и будетъ зависѣть окончательное разрѣшеніе вопроса о правильности распоряженія слѣдователя (49 ст. уст. угол. судопр.). Такое толкованіе подкрѣпляется тѣмъ порядкомъ, котораго по существующей практикѣ держатся слѣдователи въ отношеніи жалобъ, непосредственно имъ поданныхъ и незаключающихъ въ себѣ признаковъ преступленія. Подобныя жалобы всегда возвращаются слѣдователями по принадлежности. Можетъ быть приведенное нами толкованіе встрѣтитъ возраженіе со стороны практиковъ, которые, сколько намъ извѣстно, всегда держатся того взгляда, что по дѣлу, переданному слѣдователю мировымъ судьей за несостоявшимся примиреніемъ, онъ обязанъ приступить къ слѣдствію или возбудить пререканіе. Но вѣдь законнаго повода и достаточнаго основанія для производства слѣдствія не будетъ въ случаѣ отсутствія признаковъ преступленія (такъ какъ предварительное слѣдствіе производится только о преступленіяхъ—249 ст. уст. угол. судопр.); пререкаться же въ этомъ случаѣ слѣдователю съ мировымъ судьей не о чемъ. Наконецъ, еще однимъ выходомъ изъ такого положенія для слѣдователя была бы 309 ст. уст. угол. судопр., но нечего и говорить, что къ дѣламъ частнаго обвиненія она никакого отношенія имѣть не можетъ. Остается такимъ образомъ единственно возможный и согласный съ разумомъ закона путь—возвращать жалобы просителямъ, съ указаніемъ имъ способа обжалованія.

Относительно дѣлъ, подсудныхъ окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдательей, мировые судьи обязаны (хотя никогда на практикѣ они этого не выполняютъ) передавать ихъ окружнымъ

судамъ, но отнюдь не прокурору. Въ 3 п. 543 ст. уст. угол. суд. прямо говорится, что окружный судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ по жалобѣ частнаго обвинителя, не получившей разрѣшенія у мирового судьи, а въ 546 ст. сказано, что судъ можетъ обойтись по жалобѣ частнаго обвинителя безъ предварительнаго слѣдствія, если находить это возможнымъ и если дѣло подлежитъ суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Разъясненіе, преподанное правительствующимъ сенатомъ 11 февраля 1880 г., напротивъ, установило въ нашей практикѣ тотъ порядокъ, чтобы мировые судьи передавали дѣла, неокончившіяся примиреніемъ и имъ неподсудныя, или слѣдователю, или прокурору, забывая при этомъ, что самъ кассационный сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Бѣлюстина 1867 г. № 352, высказалъ, что мировыя учрежденія не должны передавать дѣлъ, возникшихъ по частнымъ жалобамъ, прокурорскому надзору, который не имѣетъ въ нихъ никакого участія. Еще одно возраженіе, которое могутъ намъ сдѣлать, что прокуроръ поступившую къ нему жалобу обязанъ только препроводить въ окружный судъ—отпадаетъ само собою, такъ какъ мировому судѣ не возбраняется сноситься съ окружнымъ судомъ непосредственно.

Въ статьяхъ 36, 37, 38, 39 и 40 устава разсматривается вопросъ о подсудности дѣлъ мировымъ судьямъ и о разрѣшеніи пререканій о подсудности. Нельзя не указать на нѣкоторый пробѣлъ въ законѣ относительно права стѣзда переносить дѣла изъ одного мирового участка въ другой. Извѣстно, что для общихъ судебныхъ мѣстъ порядокъ и основанія перенесенія дѣлъ предусмотрѣны 247 и 248 ст. устава. Сенатъ, распространяя ихъ и на мировую юстицію, указалъ, что на перенесеніе дѣла должно быть испрошено разрѣшеніе судебной палаты, хотя несоблюденіе этого порядка признано несущественнымъ, если изъ дѣла видно, что въ мѣстѣ разсмотрѣнія дѣла дѣйствительно проживаютъ обвинитель, обвиняемый и свидѣтели (рѣш. угол. кассац. департ. 1869 г. № 519, 1870 г. № 975 и 1870 г. № 1394). Такое толкованіе сената нельзя признать удачнымъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не предоставить права переноса изъ одного мирового участка въ другой мировымъ стѣздамъ, т. е. высшимъ, въ порядкѣ подчиненности, инстанціямъ? Замѣтимъ, что самыя основанія переноса дѣлъ, указанныя 247 ст. и для общихъ судебныхъ мѣстъ оказываются недостаточными. Слѣдовало бы поэтому предоставить стѣздамъ право переносить дѣло изъ одного участка въ другой, не только въ случаѣ проживанія

обвиняемаго и свидѣтелей въ другомъ участкѣ, но и если по мѣстнымъ условіямъ представляется несравненно удобнѣе и желательнѣе разсмотрѣніе дѣла въ другомъ участкѣ. Для общихъ судебныхъ мѣстъ закономъ 1885 года 248 ст. устава измѣнена въ томъ смыслѣ, что сенатъ, по соединенному присутствію перваго и кассационныхъ департаментовъ, можетъ переносить дѣло изъ одного округа въ другой и въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла.

Практика пререканій о подсудности между мировыми судьями и слѣдователями указываетъ иногда на такіе случаи: какъ мировой судья, такъ и слѣдователь вмѣсто того, чтобы первый, по 117 ст. уст. угол. суд., а второй — по 482 ст. уст. уг. суд., передавать другъ другу дѣла по подсудности, возвращаютъ ихъ иногда въ полицію, указывая, что дѣло имъ неподсудно и такимъ образомъ обѣ инстанціи, сбывъ дѣло въ полицію, уклоняются отъ возбужденія пререканія. Единственное спасеніе дѣла, находящагося въ такомъ положеніи, если оно попадетъ въ руки прокурорскаго надзора, что однако бываетъ не всегда. Нечего и говорить, сколько въ такомъ сбываніи дѣлъ съ рукъ заключается произвольнаго и прямо незаконнаго.

Не касаясь вопроса о томъ, какія инстанціи разрѣшаютъ пререканіе, замѣтимъ только, что между съѣздомъ мировыхъ судей и судебнымъ слѣдователемъ—по закону не можетъ быть пререканія. Поэтому, если судебный слѣдователь получить изъ мирового съѣзда дѣло, то ему, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ съѣзда о подсудности, остается представить объ этомъ окружному суду, который можетъ войти въ пререканіе со съѣздомъ; обратно, съѣздъ, разсматривая дѣло, по которому слѣдователь уже высказался по вопросу о подсудности, если онъ не раздѣляетъ мнѣнія слѣдователя, обращается по этому поводу, какъ разъяснилъ сенатъ (рѣш. угол. кассацион. департ. 1868 г. № 748) къ прокурору. Очевидно, законъ и въ этомъ случаѣ страдаетъ недомолвкой. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, пререканіе между мировымъ судьей и окружнымъ судомъ (40 ст.) возможно, а между съѣздомъ мировыхъ судей и судебнымъ слѣдователемъ пререканіе не допускается, тогда какъ на практикѣ оно болѣе чѣмъ возможно. Представимъ себѣ, что слѣдствіе передано слѣдователемъ по 482 ст. мировому судѣ и тотъ согласился съ мнѣніемъ слѣдователя, а когда дѣло, перейдя по жалобѣ одной стороны въ съѣздъ, признается имъ неподсуднымъ, то неужели здѣсь не будетъ пререканія между слѣдователемъ и съѣздомъ?

Точно также весьма условно толкованіе, что слѣдователь, получивъ дѣло впервые изъ сѣзда, можетъ представить его въ судъ; нѣкоторые практики, напротивъ того, находятъ, что слѣдователь долженъ приступить къ слѣдствію и уже затѣмъ можетъ его направить по 277 ст. Очевидно и между сѣздомъ и слѣдователемъ возможно пререканіе, разрѣшеніе котораго всего правильнѣе предоставить судебной палатѣ. Таковы замѣчанія, которыя возбуждаются примѣненіемъ постановленій главы о подсудности. Изъ всѣхъ статей этой главы наибольшаго вниманія, конечно, заслуживаетъ 35 ст., настоятельно требующая самой болѣе полной разработки въ законѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О порядкѣ начатія дѣлъ у мировыхъ судей.

Поводы къ начатію дѣлъ (ст. 42 — 53). Процедура судебного разбирательства на мировомъ судѣ является хотя и сокращенною, но за то широко проникнутою началами устности, гласности и состязательности сторонъ. Обвинительное начало, требующее въ судебномъ дѣлѣ раздѣленія труда, нашло себѣ полное приложеніе и въ мировой юстиціи. Функции судьи, обвинителя и защитника отдѣлены въ ней другъ отъ друга и получили каждая свою точно очерченную роль. При такомъ положеніи судья имѣетъ свою строго опредѣленную задачу разрѣшенія уголовного преслѣдованія, заявленнаго передъ нимъ обвинителемъ.

Въ процессѣ, построенномъ на началѣ состязательности, большое вниманіе закона должно быть отдано точному опредѣленію тѣхъ поводовъ, по которымъ для судьи наступаетъ обязанность приступить къ разсмотрѣнію дѣла. Судебная дѣятельность слишкомъ близко соприкасается съ самыми животрепещущими интересами общества, а потому строгое подчиненіе ея закону должно быть проведено во всѣхъ подробностяхъ. Въ этомъ случаѣ на первый планъ выступаетъ, конечно, вопросъ о поводахъ къ начатію дѣлъ или о формальныхъ условіяхъ уголовного преслѣдованія. Безъ этихъ поводовъ нѣтъ и не можетъ быть уголовного преслѣдованія. Въ уставѣ уголовного судопроизводства точно перечислены поводы начатія дѣлъ у мировыхъ судей (42 ст.), у судебныхъ слѣдователей (297 ст.) и въ окружныхъ судахъ (543 ст.). Труднѣе всего законодателю опредѣлить поводы къ начатію дѣлъ у мировыхъ судей, такъ какъ неудачный выборъ такихъ по-

водовъ въ законѣ можетъ повлечь къ цѣлому ряду самыхъ нежелательныхъ для правосудія послѣдствій, которыя въ производствѣ общихъ судебныхъ мѣстъ могутъ еще быть исправлены своевременнымъ прекращеніемъ уголовного преслѣдованія, а въ мировыхъ судахъ, вслѣдствіе упрощенности судебной процедуры, могутъ оказаться непоправимыми. Достаточно вспомнить, что подготовительное производство въ мировыхъ учрежденіяхъ настолько упрощено, что оно почти сводится къ нулю, и весь центръ тяжести лежитъ въ судебномъ разбирательствѣ. Привлеченіе же лицъ не виновныхъ къ суду есть такого рода актъ, котораго судъ долженъ остерегаться, а между тѣмъ вопросъ этотъ находится въ значительной зависимости отъ того, какіе поводы служатъ къ началу дѣла. Неудивительно поэтому, если, сравнивая тѣ три повода, по которымъ мировой судья приступаетъ къ разбирательству (42 ст.), съ поводами, по которымъ приступаетъ къ производству предварительнаго слѣдствія судебный слѣдователь (297 ст.), мы найдемъ, что послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Объясняется это тѣмъ, что судебный слѣдователь производитъ только „предварительное“ слѣдствіе, которое еще не влечетъ за собой неминусово судебного слѣдствія; для мирового же судьи предварительнаго слѣдствія не существуетъ. Замѣтимъ при этомъ, что поводы началія дѣлъ у мировыхъ судей указаны въ законѣ съ большою осторожностью и осмотрительностью.

Только по тремъ основаніямъ мировой судья начинаетъ дѣло, причемъ 42 статья устава должно быть даваемо самое ограниченное толкованіе. Въ практикѣ сената нѣкоторыми рѣшеніями (1868 г. № 808, 1873 г. № 131) установлено, что приговоръ судьи по дѣлу, возбужденному не по одному изъ поводовъ, указанныхъ въ 42 статьѣ уст. угол. суд., подлежитъ отміну со всѣмъ производствомъ и не прерываетъ теченія давности. Однако въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ сената (1869 г. № 234) есть и отступленія отъ этого кореннаго начала мирового судопроизводства. Нарушеніе мировымъ судьей 42 ст., какъ нарушеніе одного изъ самыхъ существенныхъ и основныхъ обрядовъ судопроизводства, должно влечь отміну всего производства, помимо даже требованія сторонъ. Есть такія положенія, которыя слишкомъ глубоко затрагиваютъ государственннй публичный интересъ, чтобы при нарушеніи ихъ признавать какую нибудь юридическую силу за такимъ актомъ, которымъ эти положенія нарушены.

Къ числу ихъ, безъ сомнѣнія, относятся поводы къ начатію дѣлъ у мировыхъ судей, а слѣдовательно производство, начатое съ нарушеніемъ постановленій этого рода *ipso jure* ничтожно. Къ прискорбію въ практикѣ сената мы не находимъ подтвержденія нашей мысли. Въ рѣшеніи по дѣлу Щеголева (1872 г. № 94) уголовный кассационный департаментъ высказалъ, что кассационный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о правильности или неправильности начатія дѣла, если на то не было указано въ апелляціонномъ отзывѣ. Едва ли однако можно предоставлять случайному усмотрѣнію сторонъ такое важное нарушеніе, лишающее все производство мирового судьи его законнаго основанія.

І п. 42 ст. уст. угол. суд. касается жалобы потерпѣвшаго отъ преступленія. Потерпѣвшій это лицо, понесшее не только извѣстный имущественный вредъ, но и вредъ нравственный. Изъ комментаторовъ Неклюдовъ ¹⁾ находитъ, что потерпѣвшимъ будетъ лицо, испытавшее нравственный вредъ отъ преступленія „если только дѣяніе обвиняемаго не составляетъ такого проступка, который преслѣдуется въ силу самого закона только въ видахъ публичности или обезпеченія имъ не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлаго общества или собранія“. Съ такимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. Нельзя смѣшивать и приравнивать понятіе потерпѣвшаго отъ преступленія, съ лицомъ пострадавшимъ по дѣлу частнаго обвиненія (первое гораздо шире), а намъ кажется, что мнѣніе г. Неклюдова приводитъ именно къ такому смѣшенію. Если проступокъ преслѣдуется потому, что онъ обезпечилъ цѣлое общество, то потерпѣвшими будутъ не только всѣ тѣ, взятые вмѣстѣ, которые сдѣлались жертвами такого безпокойства, но и каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Точно также нельзя согласиться и съ дальнѣйшимъ выводомъ, который дѣлаетъ г. Неклюдовъ, что въ проступкахъ, причиняющихъ безпокойство цѣлому обществу (напр. безстыдныя дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, буйство и нарушеніе общественной тишины, нарушеніе порядка при разъѣздахъ), частное лицо можетъ быть обвинителемъ только тогда, когда дѣяніе такого рода „было направлено умышленно и непосредственно на него самого“. Разсмотримъ, согласно ли съ закономъ подобное толкованіе? По точному смыслу 3 ст. устава уго-

¹⁾ Указан. сочин. стр. 244 и слѣд.

ловнаго судопроизводства, по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ предоставляется потерпѣвшимъ, а также полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Этой статьей судебные уставы воспроизвели упраздненный практикою процесса по своду законовъ институтъ частныхъ обвинителей по преступленіямъ публичнымъ. Институту этому желательно придать возможно большую живучесть и развитіе, хотя нельзя не сознаться, что пока развитіе это очень слабо. вмѣстѣ съ частными обвинителями въ правѣ преслѣдованія публичныхъ преступленій у мировыхъ судей конкурируетъ полиція. На ней лежитъ почти исключительная обязанность преслѣдованія нарушеній правилъ общественнаго благоустройства, благочинія и безопасности. Мы говоримъ почти исключительная, такъ какъ думаемъ, что въ тѣхъ рѣдкихъ, но однако же возможныхъ случаяхъ, когда кто либо изъ пострадавшихъ отъ такого нарушенія частныхъ лицъ пожелаетъ поддерживать обвиненіе, въ правѣ этомъ не можетъ быть отказано, хотя бы нарушеніе и не было обвиняемымъ предпринято именно противъ даннаго лица, выступающаго обвинителемъ. Право частныхъ лицъ въ возбужденіи и дальнѣйшемъ преслѣдованіи подобныхъ нарушеній ограничивается только въ отношеніи тѣхъ отдѣльныхъ уставовъ благоустройства и благочинія, которые, въ силу приложенія къ 1214 ст. уст. угол. суд., подлежатъ непосредственному и исключительному вѣдѣнію административныхъ мѣстъ. Въ этомъ же смыслѣ разъясненъ затронутый нами вопросъ и въ практикѣ сената (рѣш. гражд. кассационнаго департамента по дѣлу Уткиной 1875 г. № 151). Условіе же, выставляемое Неклюдовымъ, что потерпѣвшее лицо можетъ быть только тогда обвинителемъ по нарушенію, колеблющему общественное спокойствіе, если нарушеніе направлено умышленно на него самого, безъ нужды вноситъ искусственное разграниченіе подобныхъ дѣлъ на практикѣ и сѣуживаетъ права частныхъ обвинителей. Понятіе потерпѣвшаго отъ преступленія разработано сенатомъ въ кассационной практикѣ ¹⁾, въ общемъ, довольно правильно, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ широко. Такъ, сенатъ установилъ, что потерпѣвшимъ является не только понесшій непосредственный ущербъ

¹⁾ См. Судебные уставы изданіе С. Щегловитова, рѣшенія подъ ст. 3 уст. угол. судопр.

отъ правонарушенія, но и тотъ, напимѣрь, котораго нравственная репутація не только пострадала отъ дѣйствій обвиняемаго, но даже только могла пострадать (рѣш. уголовн. кассацион. департамента 1869 г. № 274, 1871 г. № 1052, 1868 г. № 386). Конечно такое расширеніе этого понятія излишне.

Потерпѣвшимъ сенатъ призналъ, между прочимъ, въ своихъ рѣшеніяхъ и лицо, занимавшее комнату въ томъ коридорѣ, гдѣ обвиняемый произвелъ шумъ и ругался неприличными словами (рѣш. 1871 г. № 1084). Далѣе сенатъ разъясняетъ, что въ преступленіяхъ имущественныхъ потерпѣвшимъ будетъ тотъ, въ фактическомъ обладаніи котораго вещь находится, хотя бы она не была его собственностью. Такъ, потерпѣвшими могутъ быть управляющіе имѣніями (рѣш. уголовного кассац. департамента 1870 г. № 150, 1871 г. № № 1179, 1652, 1869 г. № № 958, 1028, 1874 г. № 169). Правомъ возбужденія дѣла въ этихъ случаяхъ пользуется и собственникъ, напимѣрь въ случаѣ самоуправнаго задержанія какихъ либо порученныхъ другому лицу предметовъ (рѣш. 1870 г. № 768). Для понятія потерпѣвшаго безразлично, было ли преступленіе окончено или оно остановилось на покушеніи, было ли оно совершено однимъ лицомъ или нѣсколькими. Замѣтимъ, что нашему закону извѣстенъ синонимъ слова „потерпѣвшій“. Въ ст. 20 мирового устава говорится: „въ случаѣ примиренія обиженнаго или потерпѣвшаго убытокъ“, такъ что законъ для пострадавшаго знаетъ два термина: „потерпѣвшій“ и „обиженный“.

Второй поводъ для начатія дѣлъ у мировыхъ судей составляютъ сообщенія полицейскихъ и другихъ административныхъ властей. Поводъ этотъ конечно возможенъ только въ отношеніи дѣлъ о публичныхъ преступленіяхъ. Мы знаемъ на практикѣ такой случай, что мировой судья, по протоколу урядника, принялъ къ своему разсмотрѣнію дѣло по заявленію посторонняго лица объ угрозахъ поджогомъ, сказанной въ присутствіи заявителя однимъ лицомъ другому. У мирового судьи потерпѣвшій давалъ показаніе, какъ свидѣтель, но нигдѣ въ дѣлѣ не было упомянуто, что онъ желаетъ преслѣдовать обвиняемаго за угрозу. Въ результатѣ получилось дѣло, возбужденное по уголовно-частному проступку полиціей, безъ жалобы потерпѣвшаго. Дѣло это дошло до сѣзда мировыхъ судей, въ который была подана обвиняемымъ апелляціонная жалоба, написанная полуграмотно и стремившаяся доказать, что обвиненіе въ угрозахъ по дѣлу недоказано. Исходя изъ положенія, что суще-

ственное нарушение 42 и 49 ст. устава, допущенное мировым судьей, хотя и неуказанное апелляторомъ, не можетъ оставлять въ силѣ производство и рѣшеніе по этому дѣлу, неправильно начатому, съѣздъ отмѣнилъ приговоръ судьи и все производство, освободивъ обвиняемаго отъ всякой отвѣтственности. Кромѣ примаго смысла закона и сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Давыдова (1869 г. № 624) разъяснилъ, что полиція имѣетъ право вчинать у мирового судьи только дѣла, возбуждаемыя безъ жалобы потерпѣвшаго.

Разсмотримъ кстати интересный вопросъ, много разъ поднимавшійся на практикѣ, имѣетъ-ли право прокурорскій надзоръ возбуждать дѣла у мирового судьи? Рѣшеніемъ кассационнаго сената по дѣлу Васильева (1867 г. № 290) признано, что право это принадлежитъ прокурорскому надзору, хотя право это, разумѣя подъ нимъ возможность прокурорскаго надзора непосредственнымъ обращеніемъ къ мировому судѣй возбуждать преслѣдованіе, должно быть, по нашему мнѣнію, отвергнуто. Прокурорскій надзоръ не есть ни власть полицейская, ни власть административная, а специально состоящая при извѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ обвинительная власть — власть, предназначенная, въ силу 4 статьи устава, для обличенія обвиняемыхъ передъ судомъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Затѣмъ прокурорскій надзоръ имѣетъ извѣстное, отведенное ему закономъ, участіе въ мировыхъ учрежденіяхъ, предъявляя заключенія на мировыхъ съѣздахъ и, притомъ, по дѣламъ, какъ неоканчивающимся примиреніемъ, такъ и оканчиваемымъ примиреніемъ. Роль прокуратуры въ этихъ случаяхъ является не обвинительною, а, если можно такъ выразиться, правоохранительною, направленною къ охраненію закона и правильному его истолкованію и примѣненію. Если бы прокурорскій надзоръ имѣлъ право возбуждать дѣла у мирового судьи, то за нимъ слѣдовало бы признать право быть обвинителемъ у мирового судьи, что противорѣчило бы прямому смыслу закона (3 и 4 ст. уст. угол. суд.) и нарушило бы основную идею участія прокуратуры въ мировыхъ съѣздахъ ¹⁾. Да и едва-ли прокурорскій надзоръ и нуждается на

¹⁾ См. журн. гражд. и угол. права за 1884 г. № 7, статья Н. Муравьева „Задачи прокурорскаго надзора“.

практикѣ въ признаніи за нимъ права на возбужденіе дѣлъ у мировыхъ судей. Фактически это право косвеннымъ образомъ ему принадлежитъ. Дѣятельность полиціи по производству дознаній о преступленіяхъ находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокуратуры, которой принадлежитъ и руководительное направленіе такой полицейской дѣятельности. Къ прокуратурѣ стекаются всѣ дознанія, въ которыхъ нѣтъ признаковъ преступленія, подлежащаго вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ или мировыхъ учреждений, какъ отъ полиціи (253 ст. уст. дополненная закономъ 1 мая 1884 г.), такъ и отъ судебного слѣдователя (309 ст. уст.). Если же, говоритъ законъ 1 мая 1884 г., при разсмотрѣніи дознанія прокуроромъ будутъ усмотрѣны признаки преступленія или проступка, то онъ передаетъ такое дознаніе судебному слѣдователю, или поручаетъ полиціи возбудить преслѣдованіе у мирового судьи. Полиція же, получивъ предписаніе, передаетъ дознаніе мировому судѣ, направляетъ его по принадлежности, а въ случаѣ непріятія такого дознанія мировымъ судьей обязана донести объ этомъ прокурорскому надзору, который передаетъ вопросъ о законности постановленія мирового судьи на разсмотрѣніе мирового сѣзда. Едва-ли при существованіи такого порядка есть какая-нибудь надобность въ предоставленіи прокуратурѣ права непосредственно вчинять дѣло у мировыхъ судей. На практикѣ мы придерживались всегда этого порядка и не было случая, чтобы онъ возбуждалъ какія-нибудь затрудненія.

Третій поводъ, по которому мировой судья приступаетъ къ разбирательству дѣла, касается непосредственно усмотрѣнныхъ имъ, преступныхъ дѣйствій, преслѣдуемыхъ помимо частной жалобы. Поводъ этотъ нарушаетъ обвинительное начало процесса, по которому возбужденіе дѣла отнюдь не принадлежитъ суду. Право мирового судьи начинать дѣло по непосредственному усмотрѣнію, практика понимаетъ въ томъ смыслѣ, что подводитъ сюда какъ возбужденіе мировымъ судьей по проступку, усмотрѣнному во время разбирательства уже находящагося въ производствѣ дѣла, такъ и по случайно непосредственно усмотрѣнному дѣянію. Въ этомъ же смыслѣ толкуетъ 42 статью и сенатъ. Наблюденіе надъ примѣненіемъ мировыми судьями права возбуждать обвиненіе, усмотрѣнное во время разбирательства дѣла, свидѣтельствуешь о томъ, что мировые судьи подвергаютъ обвиняемаго взысканію безъ составленія особаго постановленія о привлеченіи

его къ суду, по новому усмотрѣнному ими обвиненію, чѣмъ очевидно нарушается 91 ст. устава. Надо давать возможность обвиняемому приготовиться къ новому обвиненію, тогда только привлеченіе его по новому обвиненію будетъ правильно. На практикѣ при примѣненіи 3 п. 42 ст. возникалъ вопросъ, относится-ли этотъ пунктъ до мировыхъ сѣздовъ и сенатъ (рѣш. угол. кассац. деп 1868 г. № 763, 1867 г. № 23, 1869 г. № 293, 1868 г. № 444 и др.) совершенно правильно разъяснилъ, что сѣздъ мировыхъ судей не имѣетъ права возбуждать у мировыхъ судей дѣла о непосредственно усмотрѣнныхъ преступленіяхъ, причемъ сѣздъ можетъ въ этомъ случаѣ сообщить объ усмотрѣнномъ или полиціи или прокурорскому надзору. Нечего и говорить, что правомъ возбуждать дѣла по непосредственному усмотрѣнію не могутъ пользоваться почетные мировые судьи, юрисдикція которыхъ ограничивается исключительно дѣлами, прекращаемыми примиреніемъ по взаимному выбору сторонъ.

43 статья устава указываетъ, что жалобы частныхъ лицъ подаются мировому судѣ или самими потерпѣвшими или тѣми, коимъ по закону предоставлено право ходатайства за нихъ, или повѣренными. Что касается вопроса, кто тѣ лица, которыя по закону являются представителями, то онъ разрѣшается 18 ст. мирового устава и 19 ст. устава гражд. судопр. Такъ, законными представителями являются: 1) родители—по отношенію къ дѣтямъ и, притомъ, по толкованію сената, несовершеннолѣтнимъ и совершеннолѣтнимъ, находящимся у нихъ на попеченіи; 2) мужъ — по отношенію къ женѣ, но не наоборотъ (рѣш. угол. кассац. департ. 1867 г. № 129),—замѣтимъ, что такое толкованіе едва-ли правильно, тѣмъ болѣе, что 18 ст. мир. уст. упоминаетъ вообще о супругахъ, не различая мужа и жену; 3) опекуны и попечители—въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ подъ опекою по несовершеннолѣтію, душевнымъ или физическимъ недугамъ.

44 статья устава касается повѣренныхъ по уголовнымъ дѣламъ, которыми могутъ быть, кромѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, и другія лица, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайство по чужимъ дѣламъ, причемъ соблюдаются правила, указанныя въ 45—50 ст. уст. гражд. суд. При толкованіи 44 ст. возникаетъ очень интересный вопросъ, могутъ-ли быть повѣренными у мирового судьи женщины и неграмотные? Вопросъ о правѣ женщинъ быть повѣренными, по справедливому замѣчанію Неклю-

дова ¹⁾, возникъ не вслѣдствіе сомнѣнія, вызываемаго по этому по воду закономъ, а лишь рѣдкостью подобныхъ случаевъ. По закону (246 и 45 ст. уст. угол. суд.) женщинамъ не воспрещается быть повѣренными, а потому вопросъ этотъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ. Неклюдовъ справедливо замѣчаетъ, что „ежели законъ не запрещаетъ женщинамъ защищать на судѣ лично свои собственные интересы, ежели онъ не воспрещаетъ имъ выдавать довѣренности другимъ и являться представителями на судѣ интересовъ малолѣтнихъ, то нѣтъ и основанія запрещать имъ являться на судѣ не отъ своего лица, а въ качествѣ повѣренныхъ постороннихъ имъ лицъ“. Право неграмотныхъ быть повѣренными по дѣламъ, производящимся въ мировыхъ учрежденіяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, если сравнить 45 и 246 ст. уст. гражд. суд. Нѣсколько труднѣе разрѣшить вопросъ, имѣетъ-ли неграмотный повѣренный право принести отъ себя кассационную жалобу въ сенатъ? Въ практикѣ гражданского кассационнаго департамента вопросъ этотъ разрѣшенъ такъ, что подобная жалоба не подлежитъ разсмотрѣнію и устраняется даже въ томъ случаѣ, если бы она была принесена нѣсколькими повѣренными, изъ коихъ только одинъ неграмотный ²⁾. Такое толкованіе сената неправильно и противорѣчитъ смыслу 45 ст. уст. гражд. суд., по которой неграмотные могутъ быть повѣренными въ мировыхъ учрежденіяхъ. Разрѣшеніе неграмотнымъ быть повѣренными превратилось бы въ пустой звукъ, если бы они не могли приносить жалобы въ сенатъ на рѣшенія сѣздовъ мировыхъ судей, такъ какъ тогда для перенесенія дѣла въ сенатъ потребовалось бы тяжущемуся пріискивать новаго повѣреннаго, грамотнаго, и выходило бы, что неграмотные, будучи повѣренными, не могутъ доводить дѣла до конца, если того требуютъ интересы ихъ довѣрителей; послѣднимъ же придется въ подобныхъ случаяхъ разоряться на пріисканіе другаго повѣреннаго. Въ заключеніе замѣтимъ, что довѣренностью повѣренные въ мировыхъ учрежденіяхъ могутъ быть уполномочены и на словахъ передъ мировымъ судьей, который заноситъ объ этомъ въ протоколъ. Довѣренность на веденіе дѣла въ мировыхъ учрежденіяхъ, какъ разъяснилъ сенатъ (рѣш. угол. кассац. деп. 1868 г. № 866) всегда предполагаетъ право повѣреннаго прекратить дѣло миромъ во время производства дѣла въ этихъ учрежденіяхъ.

¹⁾ Указ. соч. стр. 293.

²⁾ Рѣш. гражд. кассац. депар. отъ 16 марта 1877 г.

Слѣдующія 45 и 46 статьи устава указываютъ на необходимыя составныя части жалобъ. Мировой судья, по смыслу 41 ст. учр. суд. уст., обязанъ принимать прошенія и жалобы не только въ камерѣ, но вездѣ и во всякое время и даже, какъ прекрасно разъяснить сенатъ, внѣ своего участка, напр. въ мѣстѣ засѣданія мирового съѣзда. На практикѣ большое значеніе имѣетъ вопросъ, должна ли жалоба быть приносима лично потерпѣвшимъ или его повѣреннымъ, или она можетъ быть прислана по почтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что присылка по почтѣ жалобъ должна быть допущена; въ статьяхъ устава уголовного судопроизводства общихъ судебныхъ мѣстъ есть прямое указаніе по этому поводу. Такъ, 867 ст. устава говоритъ, что срокъ на принесеніе апелляціонной жалобы не считается пропущеннымъ, если до истеченія его отзывъ отправленъ по почтѣ. По силѣ же 118 ст. устава всѣ затрудненія въ судопроизводствѣ мировой судья разрѣшаетъ, соображаясь съ правилами, установленными для общихъ судебныхъ мѣстъ. Наконецъ, возможность присылки прошеній и отзывовъ по почтѣ указана въ 828 ст. уст. гражд. судопр. Говоря о прошеніяхъ и жалобахъ, присылаемыхъ по почтѣ мировому судѣ, возникаетъ еще вопросъ большой важности, съ какого времени считать по возбуждаемому преслѣдованію давность прерванной: со дня ли сдачи прошенія на почту или со дня его полученія мировымъ судьей? Въ уставѣ гражданского судопроизводства, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи установлено 828 статьей суровое правило, что при поступленіи прошенія съ почты принимается въ расчетъ тотъ день, когда бумага получена на почтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится судъ. Мы назвали это правило суровымъ, такъ какъ имъ устанавливается привиллегія, ничѣмъ неоправдываемая, для лицъ, живущихъ въ самомъ мѣстѣ нахожденія суда или въ близкомъ сосѣдствѣ отъ него и, наоборотъ, создается большое затрудненіе для тѣхъ, которые живутъ вдали, можетъ быть, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ мѣста, гдѣ помѣщается судъ, тогда какъ, казалось бы, суду такимъ лицамъ приличествовало бы приходить на помощь. Но можетъ ли правило, указанное въ приведенной статьѣ, быть распространяемо на процессъ уголовный, гдѣ господствуетъ стремленіе къ истинѣ во что бы то ни стало, хотя бы формальныя условія ей не благопріятствовали. Какъ извѣстно, въ уставѣ уголовного судопроизводства, къ сожалѣнію, не указаны общія правила исчисленія сроковъ и, по неоднократнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената, уголовный судъ въ этомъ случаѣ руковод-

ствуется 816—831 ст. уст. гражд. судопр. Такое аналогичное распространение правил гражданского процесса на процесс уголовный не может быть одобряемо. Въ уставѣ уголовного судопроизводства есть, какъ мы видѣли, 867 статья, которая мимоходомъ, по отношенію къ апелляціоннымъ отзывамъ и протестамъ, затрогиваетъ вопросъ и объ исчисленіи сроковъ и разрѣшаетъ его вовсе не въ духѣ гражданского супропроизводства. Правительствующій же сенатъ вмѣсто того, чтобы развить 867 статью на случаи ей аналогичные, далъ ей, напротивъ того, ограничительное толкованіе. Такъ въ рѣшеніи уголовного кассационнаго департамента по дѣлу Спасовскаго, 1872 года № 275, сенатъ разъяснилъ, что статья 867 относится только къ случаямъ исчисленія сроковъ на обжалованіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, относительно же исчисленія сроковъ давности должно быть примѣняемо общее правило ст. 828 устава гражд. судопр. Мы увѣрены, что въ средѣ цивилистовъ немногіе будутъ отстаивать цѣлесообразность 828 ст. для гражданского процесса. Сенатъ же распространяетъ ее и на уголовный судъ. Очевидно, что лицо, проживающее вдали отъ того мирового судьи, которому надлежитъ подать жалобу, со дня сдачи жалобы на почту должно считать преслѣдованіе возбужденнымъ, уголовный искъ заявленнымъ. Иначе нѣсколько случайныхъ часовъ запозданія почты могутъ повліять на истеченіе уголовной давности и будетъ совершенно непонятно, почему живущему около мирового участка предоставится большій срокъ на подачу жалобы, чѣмъ живущему вдали отъ участка. Резюмируя все сказанное, мы находимъ, что въ уставѣ уголовного судопроизводства заключается пробѣлъ относительно исчисленія сроковъ и что пробѣлъ этотъ долженъ быть восполненъ дальнѣйшимъ развитіемъ 867 ст. уст. угол. судопр.

Относительно жалобъ, подписываемыхъ вмѣсто жалобщиковъ лицами, которымъ они довѣряютъ, слѣдуетъ признавать общее правило, что безъ надлежащей довѣренности другое лицо не можетъ подписать жалобы. Поэтому жалоба, подписанная постороннимъ человекомъ безъ довѣренности, не можетъ быть принята мировымъ судьей. Однако жизнь смягчила это строгое правило по отношенію къ лицамъ неграмотнымъ, за которыхъ подписываютъ тѣ, которыхъ они словесно объ этомъ просятъ. Въ практикѣ мирового суда намъ никогда не приходилось замѣчать, чтобы мировые судьи требовали въ подобныхъ случаяхъ формальной довѣренности отъ неграмотнаго

на подписаніе жалобы другимъ лицомъ. Передъ такимъ явленіемъ нельзя не преклониться, такъ какъ въ противномъ случаѣ масса нашего неграмотнаго простаго люда была бы лишена всякой возможности заявлять о совершившемся надъ ними преступленіи, настолько процедура выдачи довѣренности бываетъ затруднительна для простолюдиновъ, да и не всегда она имъ и по карману.

Содержаніе жалобъ, подаваемыхъ мировому судѣ, исчислено въ 6 пунктахъ 46 статьи, причемъ законъ, устанавливая ихъ, видимо не придаетъ имъ безусловно обязательнаго значенія, говоря, что они должны быть „по возможности“ указаны. Нѣкоторыя изъ составныхъ частей жалобы, по нашему мнѣнію, безусловно необходимы. Таково, прежде всего, указаніе имени, фамиліи, званія и мѣста жительства обвинителя. Только бродяги, говорить Неклюдовъ ¹⁾, не въ состояніи указать своего званія и имени, *но и тѣ все-таки* имѣютъ имена, по которымъ отличаются другъ отъ друга. При этомъ Неклюдовъ требуетъ, ссылаясь на 310 и 311 ст. уст. гражд. суд., чтобы обвинитель избралъ себѣ мѣсто жительства въ томъ мировомъ округѣ, гдѣ производится судъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія Неклюдовъ ссылается на 2 п. 642 ст. уст. угол. суд., по которому прожительство свидѣтеля въ предѣлахъ другаго судебного округа даетъ ему право не являться въ судъ. Едва ли это мнѣніе можетъ быть признано правильнымъ. Разбирая его, необходимо различать дѣла частнаго обвиненія и публичныя. По первымъ, для примирительнаго разбирательства необходима наличность сторонъ, причемъ, какъ мы уже указывали, неявка обвинителя влечетъ за собой прекращеніе уголовнаго преслѣдованія. Фактически, по дѣламъ частнаго обвиненія, обвинителю, проживающему въ другомъ судебно-мировомъ округѣ, придется явиться въ судъ или лично, или чрезъ повѣреннаго, если онъ не желаетъ прекращенія дѣла. По дѣламъ же публичнымъ присутствіе и проживание въ мировомъ участкѣ потерпѣвшаго необходимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, если онъ желаетъ быть обвинителемъ; если же онъ заявляетъ только о происшествіи и проситъ возбудить преслѣдованіе, то онъ остается въ роли простаго свидѣтеля, допросъ котораго долженъ быть произведенъ въ порядкѣ 72 ст. устава мѣстнымъ мировымъ судьей и пользоваться ему 2 п. 642 ст. уст. угол. суд., конечно, не придется. Понятно, что указаніе

¹⁾ Указан. соч. стр. 255.

въ жалобѣ обвинителя и его мѣста жительства важно потому, что при этомъ условіи, съ одной стороны, правосудію извѣстенъ весьма существенный, а иногда и единственный свидѣтель происшествія, какимъ часто бываетъ лицо потерпѣвшее, а съ другой стороны, въ случаѣ предъявленія ложнаго, недобросовѣстнаго обвиненія, извѣстно кто долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за ложный доносъ. Существенную часть жалобы составляетъ также указаніе въ ней преступнаго дѣйствія (2 п. 46 ст.), съ обозначеніемъ, по возможности, времени и мѣста его совершенія. Преступное дѣйствіе должно быть указано въ жалобѣ, иначе она превращается въ бумагу, неимѣющую для суда ни какого значенія, такъ какъ судъ призванъ разсматривать лишь дѣянія преступныя. Поэтому, если мировой судья не усмотритъ въ жалобѣ потерпѣвшаго признаковъ преступленія, онъ обязанъ, по нашему мнѣнію, возвратить ее обратно, и на подобное его распоряженіе должно быть предоставлено право принести частную жалобу въ мировой сѣздъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что 152 ст. устава не разрѣшаетъ принесенія частныхъ жалобъ на непринятіе первоначальныхъ жалобъ, однако практика выработала такія частныя жалобы; для того же, чтобы не оставлять потерпѣвшаго безъ права обжалованія, сенатъ въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ (1873 г. № 882, 1875 г. № 332), долженъ былъ выставить то положеніе, что при отсутствіи въ жалобѣ указаній на проступокъ или при отсутствіи въ обжалуемыхъ дѣйствіяхъ признаковъ какого либо преступленія, мировой судья, въ силу 1 ст. уст. угол. суд., обязанъ постановить о томъ прямо оправдательный приговоръ, не приступая къ вызовамъ и допросамъ. Выше, по поводу примирительнаго разбирательства, было уже замѣчено, что сенатъ совершенно искусственно даетъ такому частному постановленію наименованіе приговора. Достаточно указать, къ какимъ выводамъ приводитъ такое толкованіе. На приговоръ мирового судьи потерпѣвшій приноситъ апелляціонную жалобу въ сѣздъ, и, если сѣздъ усмотритъ въ его первоначальной жалобѣ признаки преступленія, то не обращая дѣло къ мировому судѣ (что было бы нарушеніемъ апелляціоннаго производства) обязанъ разсмотрѣть его по существу. Въ результатѣ же окажется, что подобное дѣло будетъ лишено настоящей апелляціонной инстанціи и по существу будетъ разсматриваться только одинъ разъ, такъ какъ на приговоръ сѣзда можно жаловаться только въ кассационномъ порядкѣ. Предвидя такую несообразность, сенатъ уже совершенно произ-

вольно, по дѣлу Селлявы (рѣш. угол. кас. деп. 1874 г. № 186), разъяснилъ, что въ случаѣ отмѣны опредѣленія по дѣлу, по которому не былъ никто вызванъ и допрошенъ, сѣздъ долженъ обратить его вновь къ тому же мировому судѣ. Понятно, что при такомъ толкованіи происходитъ полное смѣшеніе апелляціоннаго производства съ кассационнымъ. Представимъ себѣ далѣе, что въ первоначальной жалобѣ заключаются признаки проступка, подлежащаго вѣдѣнію волостнаго суда. Мировой судья, по толкованію сената, долженъ и по такой жалобѣ постановить оправдательный приговоръ, а это приведетъ къ тому, что оправданный приговоромъ суда будетъ судиться вторично за то же дѣяніе волостнымъ судомъ. Произойдетъ такимъ образомъ нарушеніе основнаго начала процесса *pop bis in idem*, указаннаго въ 21 ст. устава. При такихъ условіяхъ одинъ только выходъ—это признать, что если жалоба не заключаетъ признаковъ проступка, подсуднаго мировому судѣ, онъ жалобу такую обязанъ возвратить жалобщику. Постановленіе судьи по этому поводу будетъ частнымъ опредѣленіемъ, подлежащимъ обжалованію въ частномъ порядкѣ, но отнюдь не приговоромъ. Въ жалобѣ, по возможности, должно быть указано время и мѣсто совершенія преступленія, такъ какъ первымъ опредѣляется, не истекла ли давность, а вторымъ выяснится самая подсудность дѣла. Въ практикѣ сената приведено такое толкованіе, что неуказаніе времени и мѣста совершенія преступленія не должно служить основаніемъ къ непринятію жалобы (1869 г. №№ 452 и 171), тѣмъ болѣе, что выясненіе этихъ обстоятельствъ можетъ быть произведено мировымъ судьей черезъ допросъ потерпѣвшаго. Далѣе, согласно 3 п. 46 ст., должны быть указаны понесенные обвинителемъ вредъ и убытки. Нечего и говорить, что это требованіе вовсе необязательно для жалобы. Прежде всего, не отъ всякаго проступка можетъ послѣдовать реальный вредъ, да и наконецъ право отыскивать убытки вполне зависитъ отъ усмотрѣнія обвинителя. Четвертый пунктъ 46 ст. требуетъ, чтобы въ жалобѣ было указано обвиняемое или подозрѣваемое лицо и его мѣстожительство. Для дѣлъ частнаго обвиненія требованіе это есть *conditio sine qua non*, безъ котораго самая жалоба не можетъ быть принята (рѣш. угол. кас. деп. 1874 г. № 328, по дѣлу Благодарева). Мѣсто жительства обвиняемаго по этимъ дѣламъ должно быть указано, если оно извѣстно обвинителю, въ противномъ же случаѣ мировой судья приступаетъ къ розыску обвиняемаго. По дѣламъ же публичнаго обви-

ненія указаніе обвиняемаго или подозрѣваемаго не обязательно. Такъ, 47 ст. уст. прямо разрѣшаетъ мировому судѣ въ подобныхъ случаяхъ поручать мѣстной полиціи собраніе необходимыхъ по дѣлу свѣдѣній. Если же мѣры эти не приведутъ къ обнаруженію обвиняемаго и онъ останется неизвѣстнымъ, мировой судья прекращаетъ дѣло. Дѣло можетъ быть возобновлено по обнаруженіи какихъ либо новыхъ обстоятельствъ, конечно, въ предѣлахъ давностнаго срока. На такое опредѣленіе, по нашему мнѣнію, должно быть допущено обжалованіе въ частномъ порядкѣ, хотя въ законѣ нѣтъ даже намека не только на порядокъ подобнаго обжалованія, но и на самое допущеніе опредѣленій о прекращеніи дѣла. Ниже мы вернемся еще къ этому интересному вопросу, замѣтимъ только, что сенатъ и въ этомъ случаѣ требуетъ, чтобы мировой судья постановилъ приговоръ, подлежащій обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ (рѣш. 1871 г. № 1600, 1882 г. № 17).

Пятый пунктъ 46 ст. требуетъ, чтобы въ жалобѣ были указаны свѣдѣтели или другія доказательства. По поводу примирительнаго разбирательства мы уже развили то положеніе, что для дѣлъ частнаго обвиненія жалоба, неподкрѣпленная никакими доказательствами, не можетъ имѣть ровно никакого значенія и должна подлежать возвращенію. По дѣламъ же о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ помимо жалобы, совершенное неуказаніе доказательствъ не даетъ мировому судѣ права возвращать такую жалобу, а обязываетъ его, въ силу 47 ст. уст. угол. суд., потребовать отъ полиціи дополнительныхъ свѣдѣній. Если же полиція уликъ не обнаружитъ, то дѣло о такомъ обвиняемомъ должно быть прекращено. Наконецъ, послѣднее требованіе 46 ст.—обозначеніе въ жалобѣ времени ея подачи вовсе обязательно. Гораздо важнѣе другое требованіе, которое слѣдовало бы особо оговорить въ законѣ, это подпись жалобы лицомъ, ее подающимъ или его повѣреннымъ. Вопросъ о подписи жалобы нами уже разобранъ выше.

Содержаніе 47 статьи устава мы привели вскользь, такъ какъ по поводу ея не имѣемъ никакихъ замѣчаній, равно какъ и по поводу 48 ст., разрѣшающей частнымъ лицамъ обращаться съ жалобами въ мѣстную полицію, которая обязана произвести по жалобѣ розысканіе и представить ее затѣмъ мировому судѣ. Сенатъ во многихъ рѣшеніяхъ разъяснилъ, что мировой судья, получивъ отъ полиціи, вмѣстѣ съ частной жалобой, дознаніе, не вправе

требовать новой жалобы отъ потерпѣвшаго (рѣш. угол. кассацион. департ. 1871 г. № 917, 1872 г. № 174, 1873 г. № 385 и др.).

Въ статьѣ 49 устава, законъ переходитъ къ сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ административныхъ лицъ, которыя служатъ достаточнымъ основаніемъ для начатія дѣлъ, подлежащихъ преслѣдованію безъ жалобы частнаго лица. Въ законѣ отъ сообщеній полицейскихъ и другихъ административныхъ властей требуется соблюденіе извѣстныхъ требованій. Одна изъ составныхъ частей сообщеній на практикѣ вызываетъ иногда недоразумѣнія. Въ законѣ говорится, что въ сообщеніи полиціи должно быть указано, на кого падаетъ подозрѣніе и какія на то есть доказательства. Отсюда нѣкоторые мировые судьи дѣлаютъ такой выводъ, что если въ сообщеніи подозрѣваемое лицо не указано, то сообщеніе это не соотвѣтствуетъ будто бы требованіямъ закона и подлежитъ возврату полиціи, которая обыкновенно препровождаетъ сообщеніе прокурорскому надзору, по закону 1 мая 1884 года, „для прекращенія“. Въ нашей практикѣ, въ подобныхъ случаяхъ, мы всегда обращались въ сѣзды мировыхъ судей съ просьбою предписать, въ порядкѣ надзора, мировому судѣ, принять подобное дознаніе и не было ни одного случая, чтобы сѣзды не соглашались съ подобными предложеніями. Да наконецъ, циркулярнымъ указомъ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ сената отъ 15 января 1877 года, (сбор. № 26), прямо разъяснено, что мировой судья прекращаетъ дѣла, возбужденныя полиціей, въ трехъ случаяхъ: 1) когда сообщеніе не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступленія; 2) когда въ сообщеніи полиціи не указывается на кого падаетъ подозрѣніе или кто именно обвиняется въ совершеніи проступка, и 3) когда въ сообщеніи полиціи не содержится рѣшительно никакихъ доказательствъ обвиненія. Такъ что въ случаѣ необнаруженія полицейскимъ дознаніемъ виновнаго, мировой судья обязанъ принять дознаніе и прекратить его. Хорошо было изложить 2 п. 50 ст. устава такъ, какъ разъяснено содержаніе сообщеній и дознаній, передаваемыхъ полиціей мировому судѣ, въ образцовой „инструкціи чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій“ прокурора московской судебной палаты Н. В. Муравьева. Въ § 18 этой инструкціи говорится, что въ сообщеніяхъ полиціи должно быть между прочимъ, указано: „падаетъ ли на кого либо подозрѣніе, и если падаетъ, то какія на то есть доказательства“. При такомъ текстѣ не можетъ возникнуть сомнѣнія, что дознаніе, въ коемъ

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1887 г. 3

обвиняемый не указанъ, должно быть принято мировымъ судьей. Указаніе въ сообщеніи мѣстожительства подозрѣваемаго обязательно до тѣхъ поръ, пока выполнение этого требованія возможно. Если же мѣсто жительства обвиняемаго не можетъ быть указано, напр. вслѣдствіе того, что обвиняемый скрылся, то мировой судья долженъ принять дознаніе и, какъ разъяснено тѣмъ же циркулярнымъ указомъ сената отъ 1877 года, долженъ, не ограничиваясь розыскомъ обвиняемаго въ мѣстѣ временнаго его проживанія, принять противъ него одну изъ мѣръ, указанныхъ въ 77 ст. устава угол. судопр. Кроме того, рѣшеніемъ уголовного кассационнаго департамента сената по дѣлу Ливошина (1871 г. № 1054) признано, что 386 статья устава, обязывающая судъ, въ случаѣ нерозысканія обвиняемаго, сдѣлать распоряженіе о сыскѣ его чрезъ публикацію, имѣть примѣненіе и къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, но только по проступкамъ, влекущимъ тюремное заключеніе и не прекращаемымъ примиреніемъ. Последняя прибавка рѣшенія сената вызываетъ противъ себя не мало возраженій. Почему, въ самомъ дѣлѣ, по дѣламъ, прекращаемымъ примиреніемъ, публикація и розыскъ обвиняемаго не можетъ имѣть мѣста? Говоря выше о примирительномъ разбирательствѣ мы высказали, что мировой судья по подобнымъ дѣламъ долженъ производить розыскъ обвиняемаго, можетъ подвергать его приводу и т. п. Если толкованіе сената послѣдовало по соображеніямъ финансоваго свойства, то развѣ нельзя установить такой порядокъ, чтобы потерпѣвшій или обвинитель представляли мировому судѣ деньги, необходимыя на производство розысковъ и печатаніе сыскныхъ статей, какъ это и дѣлается по гражданскимъ дѣламъ.

Сообщенія, о которыхъ говоритъ 50 ст. устава, касаются какъ чиновъ полиціи, такъ и административныхъ мѣстъ, которымъ предоставлено возбуждать дѣла о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій. При этомъ должны быть соблюдаемы тѣ требованія о порядкѣ составленія протоколовъ, которыми констатируется фактъ нарушенія (1130 ст. уст. угол. судопр.) и которыя спеціально предусмотрены въ раздѣлѣ IV устава уголовного судопроизводства о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія. Замѣтимъ, что вообще въ нашемъ законѣ формальностямъ протокола дано значеніе лишь въ отношеніи нарушеній постановленій отдѣльныхъ уставовъ казеннаго управленія, общественнаго благоустройства и благочинія.

По дѣламъ же общаго характера протоколы полиціи имѣютъ цѣлью удостовѣрить событіе преступленія и указать лицо, въ немъ виновное, провѣрка же этого, во всякомъ случаѣ, должна быть произведена на судѣ. Нарушенія только тѣхъ уставовъ благоустройства и благочинія должны быть облечены въ формальные протоколы, которыя перечислены въ приложеніи къ 1214 ст. уст. угол. суд., (напр. уставъ врачебный, уставъ карантинный); для проступковъ же противъ благоустройства и благочинія вообще (напр. буйство) не требуется формальныхъ протоколовъ. Во французскомъ *Code d'instruction criminelle* протоколамъ полиціи придано гораздо большее значеніе и они имѣютъ характеръ предустановленныхъ доказательствъ ¹⁾. Нашъ сенатъ, въ одномъ рѣшеніи 1875 года (ненапеч.), по дѣлу Николенковой, прямо призналъ, что неправильности въ составленіи полицейскаго протокола не уничтожаютъ основаній къ судебной отвѣтственности. По поводу выраженія 50 ст. устава „полицейскія и другія административныя власти“, Неклюдовъ ²⁾ совершенно правильно толкуетъ, что подъ этими властями нельзя понимать судебныхъ слѣдователей, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они передаютъ дѣло по подсудности мировому судѣ. Поступившее такимъ путемъ дѣло должно быть, прежде всего, провѣрено въ правильности возникновенія, соответствуетъ ли оно требованіямъ разобранныхъ нами статей устава. Что же касается права непосредственно возбуждать передъ мировымъ судьей преслѣдованіе по усмотрѣннымъ проступкамъ, то ни окружный судъ, ни судебныя палаты, ни судебный слѣдователь этого права не имѣютъ, а должны лишь объ усмотрѣнномъ сообщить на распоряженіе полиціи. Въ практикѣ нѣкоторыхъ сѣздовъ до сихъ поръ еще встрѣчается сомнѣніе, вправѣ ли мировые судьи принимать дознанія отъ унтеръ-офицеровъ желѣзнодорожныхъ жандармскихъ полицейскихъ управленій или возбужденіе преслѣдованія предоставлено лишь начальникамъ этихъ управленій. Вопросъ этотъ разрѣшенъ и въ практикѣ сената и циркуляромъ миистерства юстиціи, отъ 28 іюня 1872 г. за № 9705, въ томъ смыслѣ, что и нижніе чины желѣзнодорожныхъ управленій могутъ вчинать уголовное преслѣдованіе у мирового судьи.

51 статья устава предоставляетъ полиціи подвергать обвиняе-

¹⁾ *Code d'instr. crim. art. 154.*

²⁾ Указ. соч. стр. 261.

маго приводу въ тѣхъ случаяхъ: 1) если онъ застигнуть при самомъ совершеніи проступка и не представитъ удостовѣренія о своей личности и 2) когда по дѣлу о преступленіи, за которое положено заключеніе въ тюрьмѣ или „наказаніе болѣе строгое“, можно опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожитъ слѣды преступленія. По инструкціи прокурора московской судебной палаты ¹⁾, полиція въ этихъ случаяхъ обязана составить постановленіе, копию котораго препровождаетъ въ то мѣсто заключенія, куда помѣщается задержанный въ ожиданіи мирового судьи. Право привода обвиняемыхъ предоставлено по закону и нѣкоторымъ чинамъ административныхъ вѣдомствъ (1133, 1148 и 1223 ст. устава уголовн. судопр.)

Опредѣленіе въ нашемъ законѣ дѣйствій полиціи по изслѣдованію и обнаруженію преступленій, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ, чрезвычайно кратко и неполно. Какихъ границъ должна придерживаться полиція—остается въ законѣ совершенно не указаннымъ, тогда какъ жизнь требуетъ возможно болѣе точной регламентаціи этого вопроса. Въ законѣ говорится вскользь въ нѣкоторыхъ статьяхъ, что полиція производитъ „розысканія“ и „собраніе свѣдѣній“, но въ чемъ эти дѣйствія могутъ заключаться—законъ не опредѣляетъ. Только вопросъ о приводѣ обвиняемаго разрѣшается точно закономъ, въ приведенной 51 статьѣ, о томъ же могутъ ли чины полиціи производить осмотры, обыски, выемки и освидѣтельствованія, законъ не даетъ ровно никакихъ указаній. 105 ст. устава выставляетъ какъ общее правило, что осмотры, освидѣтельствованія и выемки производятся или самимъ мировымъ судьей или, по его порученію, чинами мѣстной полиціи. Отсюда могъ бы быть сдѣланъ одинъ только выводъ, что виѣ порученія мирового судьи полиція не можетъ своею властію предпринимать указанныхъ дѣйствій. Въ принципѣ мы сами привѣтствовали бы такое положеніе, если бы условія нашей жизни допускали полное его примѣненіе. Въ жизни бываютъ случаи, извѣстные подъ именемъ „петерпачихъ отлагательствъ“, когда по горячимъ слѣдамъ застигнутое преступленіе требуетъ немедленныхъ мѣръ къ отобранію скрытаго на глазахъ полиціи поличнаго, или когда слѣды преступленія до прибытія судьи могутъ изгладиться и т. д. Оче-

¹⁾ Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій П. В. Муравьева 1885 года § 20.

видно, отказывать полиціи въ правѣ произвести въ подобныхъ случаяхъ обыскъ, осмотръ, значило бы лишить судебную власть возможности обнаружить виновниковъ совершившагося. Дознаніе или розысканіе, производство котораго законъ возлагаетъ на полицію, конечно не обнимаетъ собою такихъ чисто слѣдственныхъ дѣйствій, какъ обыскъ, выемка и осмотръ. По опредѣленію инструкціи прокурора московской судебной палаты (§ 11) дознаніе можетъ заключаться въ негласныхъ словесныхъ разспросахъ, неформальномъ личномъ удостовѣреніи, собраніи письменныхъ и словесныхъ справокъ, но не въ производствѣ такихъ дѣйствій, которыя требуютъ особыхъ формальностей, какъ-то: осмотровъ, освидѣтельствowań, обысковъ, вымоковъ и допросовъ. Подобныя дѣйствія полиціи предпринимаетъ въ исключительныхъ случаяхъ, замѣняя собою судебную власть. До прибытія судебного слѣдователя полиціи въ крайнихъ, нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, предоставлено это право (258 ст. уст. угол. суд.). По отношенію къ мировымъ учрежденіямъ слѣдуетъ также дать полиціи въ тѣхъ же предѣлахъ это право, такъ какъ оно вызывается самою необходимостью. Практикою право это за нею санкціонировано и никогда не возбуждается сомнѣній о превышеніи полиціей власти. Въ виду важности такихъ полномочій, пробѣлъ въ законѣ является весьма существеннымъ. Признавая за полиціей право производить вышеприведенныя слѣдственныя дѣйствія, мы полагаемъ, что право это можетъ ей принадлежать лишь до момента передачи дознанія мировому судѣ, послѣ чего самостоятельно приступать къ осмотрамъ, выемкамъ и т. п. она не можетъ. У насъ на практикѣ было такое дѣло: въ одной деревнѣ становой приставъ, по просьбѣ мѣстнаго землевладѣльца, приступилъ къ отобранію бересты, надранной крестьянами въ лѣсной его дачѣ, причемъ предъ тѣмъ было возбуждено тѣмъ же землевладѣльцемъ преслѣдованіе по поводу этой бересты у мирового судьи. Отобрать бересту крестьяне становому приставу не дали, вслѣдствіе чего противъ нихъ было возбуждено преслѣдованіе за сопротивленіе властямъ. Это послѣднее дѣло было прекращено нижегородскимъ окружнымъ судомъ въ виду того, что дѣйствія становаго пристава въ данномъ случаѣ были незаконны, такъ какъ послѣ возбужденія дѣла о надранной берестѣ у мирового судьи, становой уже не имѣлъ права приступать къ отобранію ея у крестьянъ безъ порученія мирового судьи.

Поканчивая съ вопросомъ о правѣ полиціи по дѣламъ, подсуд-

нымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, производить осмотры, обыски и выемки, остановимся на мнѣніяхъ, существующихъ по этому поводу въ нашей литературѣ. Неклюдовъ ¹⁾, въ своемъ руководствѣ для мировыхъ судей, не высказался прямо объ этомъ, но изъ его разсужденій по поводу 105 ст. уст. слѣдуетъ заключить, что онъ не признаетъ за полиціей права производить осмотры. Подробнѣе развито это положеніе Квачевскимъ ²⁾. „Дѣятельность полиціи, говоритъ онъ, по дознанію и розыску, въ дѣлахъ мирового суда, законъ называетъ „собраніемъ свѣдѣній“, „розысканіемъ“, „предварительнымъ розысканіемъ“. Самое подробное означеніе, въ чемъ должны содержаться свѣдѣнія, находится въ 50 ст. уст. угол. суд. Изъ смысла словъ „указывать“, „сообщеніе“ и притомъ „словесное“ нельзя не вывести заключенія, что дѣйствія полиціи и властей административныхъ, по обнаруженнымъ ими проступкамъ, должны ограничиваться собраніемъ свѣдѣній, свойственныхъ дознанію и розыску, и не распространяются на установленіе доказательствъ, свойственное слѣдствію: указаніе не есть слѣдственное дѣйствіе“. Далѣе Квачевскій указываетъ, что полиція можетъ производить осмотры, освидѣтельствowanія и обыски въ видѣ исключенія, не иначе, какъ по порученію мирового судьи. Разсужденія свои онъ заканчиваетъ такъ: „Но этимъ разграниченіемъ полицейскаго дознанія и мирового разбирательства не заслоняется дорога къ своевременному производству осмотра, освидѣтствованія и обыска: полиція, усмотрѣвъ необходимость въ этихъ дѣйствіяхъ, можетъ и прежде разбирательства представить о томъ мировому судѣ, который долженъ или самъ произвести ихъ или поручить полиціи, если встрѣтятся тѣ обстоятельства, которыя даютъ право на такое порученіе. Конечно, въ этомъ требованіи есть свое неудобство, но оно никогда не можетъ уравниваться съ тѣмъ неудобствомъ, которое извѣдано опытомъ отъ предоставленія самой полиціи, по ея усмотрѣнію, производить осмотръ, освидѣтствованіе и обыскъ, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣтили редакторы устава, мировымъ судьямъ придется имѣть дѣло съ полицейскими служителями, у насъ почти незнакомыми съ слѣдственнымъ порядкомъ“. Сколько теоретичности въ этомъ прекрасномъ разсужденіи, къ сожалѣнію, неосуществимомъ! При нашихъ большихъ простран-

¹⁾ Указан. сочин. стр. 481 и слѣд,

²⁾ Объ уголовномъ преслѣдованіи. ч. II, § 93, стр. 12,

ствахъ и отдаленности мировыхъ участковъ, нѣтъ никакой возможности въ безотлагательныхъ случаяхъ отказывать полиціи въ правѣ производства отдѣльных формальныхъ слѣдственныхъ дѣйствій; пришлось бы пожертвовать слишкомъ дорогими интересами правосудія! Впрочемъ, въ самомъ законѣ можно найти намеки на такое право полиціи. При обнаруженіи преступленій, относящихся до разныхъ частей административнаго управленія, законъ разрѣшаетъ производство осмотровъ, освидѣтельствowanій, обысковъ и вымоковъ или административными чинами (ст. 1131—1133, 1137, 1139, 1144, 1223 уст. угол. суд.), или замѣняющею ихъ полиціею (ст. 1129, 1132), кромѣ обысковъ и вымоковъ въ частныхъ жилищахъ, гдѣ, говоритъ законъ, „о производствѣ обыска или выемки должностныя лица казеннаго управленія сообщаютъ мировому судѣ или судебному слѣдователю, по принадлежности, а за отсутствіемъ ихъ — полиціи“ (1151 ст. уст. угол. суд.). Последнее выраженіе закона обозначаетъ, что полиція имѣетъ право, наравнѣ съ мировымъ судьей, за его отсутствіемъ, производить обыскъ. Не зачѣмъ было бы административному управленію обращаться къ полиціи за отсутствіемъ мирового судьи, если бы она не имѣла права обыска, въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, безъ разрѣшенія мирового судьи. Статья 1150 устава разрѣшаетъ чинамъ таможеннаго вѣдомства и самостоятельно производить обыски въ частныхъ жилищахъ, если обвиняемый, преслѣдуемый по горячимъ слѣдамъ, скроется въ этомъ жилищѣ.

Последнія двѣ статьи (52 и 53) разбираемаго нами отдѣла устава уголовного судопроизводства не вызываютъ на практикѣ никакихъ замѣчаній и затрудненій.

Прежде чѣмъ обратиться къ слѣдующему отдѣленію о вызовѣ сторонъ и свидѣтелей, считаемъ необходимымъ остановиться еще разъ на полномъ отсутствіи постановленій о принятіи жалобъ и сообщеній полиціи мировымъ судьей и о порядкѣ прекращенія уголовного преслѣдованія. Слѣдуетъ различать отказъ мирового судьи въ возбужденіи уголовного преслѣдованія отъ прекращенія дѣла. Непринятіе жалобы, есть отказъ суда отъ принятія жалобы по основаніямъ, не касающимся до существа дѣла, прекращеніе же преслѣдованія, есть оставленіе жалобы безъ послѣдствій по самому ея существу. Жалоба частнаго лица или сообщеніе полиціи могутъ настолько противорѣчить требованіямъ закона, что приступить по нимъ къ разбирательству мировой судья будетъ не въправѣ. Напримѣръ, въ сообщеніи полиціи нѣтъ признаковъ преступленія,

жалоба никѣмъ не подписана, въ ней не указано никакихъ доказательствъ, сообщеніе прислано не подлежащему мировому судѣ и т. д. Приступить по такимъ даннымъ къ производству было бы для мирового судьи нарушеніемъ 42 ст. устава. Поэтому въ законѣ слѣдуетъ внести дополненіе о подобныхъ частныхъ опредѣленіяхъ мирового судьи, подлежащихъ обжалованію въ частномъ порядкѣ. Теорія сената, приравнивающая такіа опредѣленія къ приговорамъ, отчасти уже разобрана нами. Она совершенно не выдерживаетъ критики и вызвана лишь необходимостью пополнить существующій въ законѣ пробѣлъ. Еще менѣе извѣстно закону прекращеніе уголовного преслѣдованія мировымъ судьей. Въ случаяхъ, когда такое прекращеніе имѣетъ мѣсто, приравниваніе сенатомъ постановленій судьи къ приговорамъ не страдаетъ уже такой натажкой, какъ въ предыдущемъ случаѣ, однако и здѣсь соединяются понятія разныхъ категорій. Прекращеніе дѣла есть актъ предохранительный, которымъ оберегается отъ судебной процедуры всякое производство, страдающее или юридическимъ или фактическимъ недугомъ. Смѣшно было бы настаивать на судебномъ разбирательствѣ дѣла, по которому истекла давность, необнаруженъ обвиняемый, примирились стороны, умеръ обвиняемый и т. д. Очевидно постановленіе судьи, прекращающее такое дѣло, не будетъ приговоромъ, разрѣшающимъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго. Практикою сената уже установлено въ нашихъ мировыхъ учрежденіяхъ прекращеніе дѣлъ, остается только ввести ее въ законъ, предоставивъ при этомъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ право обжалованія такихъ постановленій въ частномъ порядкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. Щеловитовъ.

О ТРЕТЕЙСКОМЪ СУДѢ.

Третейскій судъ принадлежитъ къ древнимъ русскимъ учрежденіямъ, хотя въ положительныхъ узаконеніяхъ въ первый разъ явился лишь въ уложеніи 1649 года. Первоначально юрисдикція третейскаго суда была крайне ограниченная, но съ теченіемъ времени она постепенно расширялась и по своду законовъ 1857 года третейскому суду могли подлежать уже всѣ тяжбы и иски, какіе производились въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ дѣлъ о личномъ состояніи, о малолѣтнихъ и опекаемыхъ, дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны, обществъ, сословій и заведеній и дѣлъ, соединенныхъ съ преступленіями или проступками. Судъ этотъ, по своду законовъ 1857 года, былъ двухъ видовъ: добровольный—учреждаемый по взаимному согласію сторонъ, и обязательный, узаконенный—учреждаемый независимо отъ такого соглашенія. Сохранивъ въ полномъ объемѣ установленную сводомъ 1857 года юрисдикцію третейскаго суда, судебные уставы 1864 г. изъ двухъ его видовъ оставили одинъ—судъ по взаимному согласію сторонъ, т. е. судъ добровольный. Въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ, по поводу третейскаго суда, между прочимъ, говорится: „Конечно, обыкновеннымъ способомъ прекращенія споровъ должно быть рѣшеніе суда—органа верховной власти, но избраніе посредниковъ для рѣшенія дѣлъ, касающихся исключительно частныхъ интересовъ, съ одной стороны, утверждаетъ полную свободу взаимныхъ отношеній между частными лицами, съ другой же—освобождаетъ правительство отъ обязанности входить въ сужденіе такихъ споровъ, которые могутъ, безъ неудобства, быть предоставляемы разбору людей, добровольно избранныхъ самими тяжущимися. Сей порядокъ, не стѣсня ничьей воли въ средствахъ достигнуть цѣли разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла, способствуетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, правильному сужденію и тѣхъ дѣлъ, которыя по свойству своему или по желанію тяжущихся, будутъ подлежать разбору судебныхъ установленій“. На практикѣ третейскій судъ нерѣдко уклоняется отъ своего прямаго назначенія и чаще всего служитъ однимъ изъ легальныхъ способовъ обхода закона въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, къ суду по „совѣсти“ прибѣгаютъ для сокрытія имущества отъ кредиторовъ, для переукрѣпленія недвижимаго имущества безъ соблюденія нотаріаль-

ныхъ формальностей и сбереженія при этомъ расходовъ по совершенію актовъ, гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ. При отчужденіи недвижимаго имущества черезъ посредство третейскаго суда не служатъ препятствіемъ долги, обезпеченные запрещеніями, даже закладныя крѣпости и долги кредитнымъ учрежденіямъ. Кромѣ того, въ девяти западныхъ губерніяхъ къ третейскому суду прибѣгаютъ съ цѣлю переукрѣпленія недвижимости лицу польскаго происхожденія, вопреки Высочайшаго повелѣнія 10 декабря 1865 г., о воспрещеніи имъ приобрѣтенія имѣній, или съ цѣлю установить арендныя права, въ обходъ закона 27 декабря 1884 г., воспрещающаго долгосрочныя аренды. Тѣмъ же путемъ обходятся и временныя правила о евреяхъ 3 мая 1882 года. Въ подобныхъ случаяхъ предметомъ спора, обыкновенно, служитъ какое либо фиктивное взысканіе по векселю, по запродажной записи или споръ о самомъ имѣніи и арендныхъ на имѣніе правахъ. Третейскими рѣшеніями истцу присуждается въ собственность опредѣленное недвижимое имущество съ указаніемъ границъ, устанавливаются арендныя права на извѣстныхъ условіяхъ, производятся раздѣлы недвижимыхъ имѣній и т. п.

Такимъ образомъ, съ помощью третейскаго суда, т. е. воплотивъ легальнымъ способомъ, совершаются явные нарушенія не только частныхъ интересовъ, общественнаго кредита, интересовъ фискальныхъ, но и интересовъ политическаго свойства. Рѣшенія третейскаго суда тѣмъ авторитетнѣе, что они безапелляционны. Правда, они представляются въ коронный судъ, но послѣдній существа рѣшенія и даже рѣшенія съ самыми очевидными, такъ сказать грубыми, обходами закона касаться не вправе. На долю короннаго суда (окружнаго суда или мирового судьи) выпадаетъ незавидная роль безстрастнаго зрителя зла, совершающагося на его глазахъ; онъ блюдетъ лишь за порядкомъ составленія третейской записи, за порядкомъ постановки и объявленія рѣшенія и за сроками, а затѣмъ на его же долю выпадаетъ роль посредника по выполненію третейскаго рѣшенія, т. е. выдача исполнительныхъ листовъ (ст. 1395 устава гражд. судопр.). При такихъ условіяхъ коронный судъ оказывается безусловно безсильнымъ предотвратить вредъ, могущій произойти отъ злоупотребленія судомъ третейскимъ.

По закону третейскимъ судьей (посредникомъ) можетъ быть всякій, не могутъ быть ими только лишеныя по суду всѣхъ осо-

бренныхъ правъ и преимуществъ (ст. 43 улож. о наказ. 1885 года). Въ рукахъ людей неразборчивыхъ въ средствахъ и вообще въ рукахъ людей не высокой нравственности и дѣйствующихъ ради корыстныхъ расчетовъ, третейскій судъ представляется орудіемъ для достиженія намѣченной цѣли и, притомъ, орудіемъ весьма сильнымъ и въ тоже время безопаснымъ, въ виду легальной его оболочки. Поэтому, казалось бы, что ограниченіе круга лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ посредники, въ значительной степени предотвратило бы случаи злоупотребленія третейскимъ судомъ. На нашъ взглядъ было бы цѣлесообразнымъ допускать въ посредники только присяжныхъ повѣренныхъ, какъ образованныхъ юристовъ и какъ лицъ, состоящихъ подъ контролемъ корпоративныхъ совѣтовъ или судебныхъ мѣстъ (гдѣ нѣтъ совѣтовъ). Другимъ способомъ предотвращенія обхода законовъ могло бы быть совершенное изъятіе изъ компетенціи третейскаго суда всѣхъ вообще дѣлъ, касающихся правъ на недвижимое имущество. Такое изъятіе согласовалось бы и съ первоначальнымъ характеромъ третейскаго суда, вѣдѣнію котораго подлежали только дѣла коммерческаго свойства. Такъ, къ вѣдѣнію третейскаго суда отнесены были дѣла таможенные (1727 г.), дѣла о конкурсахъ (1800 г.), дѣла питейныхъ откупщиковъ съ ихъ служителями (1802 г.), дѣла страховыхъ обществъ и компаній (1827, 1835 и 1838 г.), дѣла всѣхъ компаній на акціяхъ (1836 г.) и дѣла по спорамъ о привилегіяхъ (1833 г.). Наконецъ, вполне возможно мѣрою представляется и совершенная отмѣна законоположеній о третейскомъ судѣ, въ виду существованія ст. 30 уст. гражд. судопр., по которой мировой судья можетъ принять къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если объ стороны будутъ просить его о разрѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти, причемъ состоявшіяся вслѣдствіе такихъ просьбъ рѣшенія считаются окончательными и не подлежатъ апелляціи. Въ мотивахъ къ приведенной 30 ст. сказано, что мировой судья, разбирая дѣло по совѣсти, согласно ст. 30, дѣйствуетъ въ качествѣ третейскаго суда. Предоставленіе функціи третейскаго суда мировымъ судьямъ можно бы считать достаточною гарантіею добросовѣстности рѣшенія и охраны интересовъ частныхъ, общественныхъ и государственныхъ, такъ какъ мировые судьи избираются изъ лучшихъ представителей мѣстнаго общества или назначаются самимъ правительствомъ и дѣятельность ихъ состоитъ подъ контролемъ мировыхъ съѣздовъ и высшей судебной власти. Но этихъ гарантій нѣтъ и нельзя

ожидать отъ непомѣрно обширнаго контингента лицъ, изъ среды которыхъ нынѣ могутъ быть избираемы посредники, такъ какъ исключаются изъ этой среды, какъ выше упомянуто, только лица, лишенные по суду всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При существованіи же суда по ст. 30 уст. гражд. судопр., одновременное и параллельное съ нимъ существованіе еще другаго вида суда по совѣсти, по ст. 1368 устава, врядъ ли вызывается необходимостью и едва ли можетъ быть чѣмъ либо оправдываемо.

Изъ практики можно привести не мало весьма краснорѣчивыхъ примѣровъ для иллюстраціи творимыхъ третейскими судами рѣшеній.—Это составитъ предметъ особой статьи.

А. Гауеръ.

ПО ПОВОДУ „РЕЗЮМЕ“ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ СУДА.

Авторъ помѣщенныхъ въ журналѣ статей, озаглавленныхъ „Судъ присяжныхъ“, разбирая различные вопросы, сопряженные съ производствомъ дѣлъ въ уголовныхъ судахъ, касается, между прочимъ, и того, правильно ли поступили составители судебныхъ уставовъ, обязавъ предсѣдающаго въ судѣ съ присяжными, напутствовать ихъ передъ рѣшеніемъ ими дѣла рѣчью, заключающею въ себѣ разъясненіе дѣла и законовъ; благотворно ли вліяніе предсѣдателя на присяжныхъ; можетъ ли предсѣдатель относиться совершенно безпристрастно къ предмету, при исполненіи упомянутой обязанности своей?

Авторъ приходитъ, въ сущности, къ отрицательнымъ выводамъ. Ему думается, что составители уставовъ едва ли поступали цѣлесообразно, введя упомянутое правило, — что средній типъ предсѣдающаго въ русскомъ судѣ съ присяжными не соответствуетъ тому идеальному типу, который имѣли въ виду составители уставовъ; что въ связи съ этимъ находятся нѣкоторыя „непонятныя“ рѣшенія присяжныхъ, порождающія нареканія на самый институтъ; что предсѣдатель суда не можетъ поступать иначе, какъ высказывать свой личный взглядъ на дѣло при произнесеніи „резюме“, и что, слѣдовательно, онъ не является тѣмъ совершенно безпристрастнымъ судьей, какового имѣли въ виду составители уставовъ. Далѣе авторъ указываетъ на то, что несмотря на сознаніе громад-

наго большинства, что председатели говорят не безпристрастным резюме, ни печать, ни общество, ни члены судебного вѣдомства, не анализировали причину такого явленія, и приписываетъ личности председателя то, что лежитъ въ условіяхъ его дѣятельности, при которой онъ отъ собственныхъ взглядовъ и убѣжденій отречься не можетъ. Авторъ выводитъ еще изъ практики, что председатели наши не придерживаются какого либо опредѣленнаго направленія, обвинительнаго (какъ французскіе, добавимъ мы) или оправдательнаго, а дѣйствуютъ въ томъ или другомъ духѣ, по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ.

Въ выводахъ автора заключается, по нашему мнѣнію, несомнѣнная доля правды, но только доля ея. Въ общемъ же, положенія его, касательно заключительной рѣчи председателя, недостаточно выяснены, а потому и не исключаютъ необходимости дальнѣйшаго развитія.

Начавъ съ замѣчанія автора, что „ни печать, ни общество, ни члены судебного вѣдомства, не анализировали причину явленія“ (отсутствіе совершенной объективности при произнесеніи заключительной рѣчи председателемъ), мы скажемъ, что едва ли это замѣчаніе совершенно вѣрно. По этому предмету слѣдано много наблюденій у насъ. Да кромѣ того, нужно замѣтить еще и слѣдующее: составители судебныхъ уставовъ не сочиняли ихъ отъ начала до конца изъ своей головы. Напротивъ того, западно-европейскія законодательства и судебная практика послужили матеріаломъ, которыми они въ значительной степени воспользовались. Западно-европейская юридическая литература была для нихъ, какъ она остается и для русскихъ юристовъ, драгоценнымъ подспорьемъ, и въ ней мы почти всегда можемъ найти данныя, которыя объясняютъ намъ многія аналогичныя явленія изъ нашей судебной жизни, между прочимъ и объясненіе того, какимъ причинамъ слѣдуетъ приписать недостатки, обнаруживающіеся въ дѣятельности председателей судовъ съ присяжными.

Относительно заключительной рѣчи, съ которою почти у всѣхъ европейскихъ народовъ, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, председатель суда обращается къ нимъ передъ тѣмъ, какъ они удаляются для совѣщанія, слѣдуетъ установить прежде всего, что упомянутая рѣчь именуется въ разныхъ странахъ нѣсколько различно, и это различіе выражается не только въ словахъ, но оно соответствуетъ и самой сущности предмета.

Въ Англіи эта рѣчь называется charge (наставленіе), во Франціи—*resumé* (краткое изложеніе), въ Германіи: въ законахъ—*Belehrung* (поученіе), въ юридической литературѣ—*Rechtsbelehrung* (поученіе о правѣ), у насъ—заключительная рѣчь. Слово „резюме“ перешло къ намъ изъ Франціи, вмѣстѣ съ другими, къ сожалѣнію, понятіями о судѣ присяжныхъ. Мы говоримъ „къ сожалѣнію“, такъ какъ нѣкоторые изъ насъ почерпнули несомнѣнно изъ французскаго же источника мысль о „самодержавіи присяжныхъ“ (*souverainité de jury*) и о „внутреннемъ убѣжденіи“ (*conviction intime*) насколько оно противопоставляется убѣжденію, основанному на разумной оцѣнкѣ доказательствъ (*conviction raisonnée*). Но французское слово „резюме“ неточно выражаетъ понятіе о заключительной рѣчи предсѣдателя, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой она установлена нашимъ закономъ. Существенное различіе между французскимъ *resumé* и заключительною рѣчью русскаго предсѣдателя состоитъ въ слѣдующемъ: французское *resumé*, пока оно еще существовало (объ отмѣнѣ его закономъ 19 іюня 1881 г. будетъ рѣчь ниже) должно было заключать въ себѣ только краткое изложеніе существа дѣла, безъ всякихъ ссылокъ на законъ. О законахъ предсѣдателью не подобало говорить. Статья 336 *code d'inst. crim.* изданія 1808 г. была изложена такъ: „*Le président résumera l'affaire. Il fera remarquer aux jurés les principales preuves pour ou contre l'accusé. Il leur rappellera les fonctions qu'ils auront à remplir*“. Неупоминаніе о законахъ объясняется тѣмъ, что французы полагали и, кажется, до сихъ поръ полагаютъ, что присяжные—„судьи фактовъ“, которые они могутъ признавать или отвергать по усмотрѣнію, какъ имъ Богъ на душу положить, а коронные судьи—„судьи права“; что присяжные должны установить лишь фактическую сторону дѣла, не заботясь о томъ, что гласитъ законъ, такъ какъ о законахъ думаетъ за нихъ коронный судья; что присяжныхъ не слѣдуетъ даже стѣснять напоминаніемъ о законахъ, такъ какъ высшій законъ для нихъ —голосъ ихъ совѣсти.

Рѣчь русскаго предсѣдателя имѣетъ другое значеніе. Она заключается не только въ изложеніи „существенныхъ обстоятельствъ дѣла“, но и въ объясненіи законовъ, относящихся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія или проступка. Изъ этого мы выводимъ, что, по русскому уставу уголовного судопроизводства, присяжные должны понимать смыслъ того закона, которымъ воспрещено подъ страхомъ наказанія приписываемое подсудимому дѣяніе,— что

присяжные рѣшеніемъ своимъ признають подсудимаго подлежащимъ или неподлежащимъ карѣ за нарушение правовой нормы, санкціею которой служить уголовный законъ;—что они разрѣшаютъ вопросъ не о томъ, совершились ли тѣ или другіе факты, а совершилось ли преступленіе. Такимъ образомъ, русскіе присяжные—судьи въ полномъ смыслѣ слова, судьи, которые должны знать законъ, уважать его и поддерживать уваженіе къ нему въ обществѣ. Взглядъ нашего законодательства на обязанности присяжныхъ, если бы его послѣдовательно провести, могъ бы послужить основаніемъ къ устраненію постановки многочисленныхъ и дробныхъ вопросовъ о фактахъ, которыми такъ усложняется во Франціи и у насъ производство дѣлъ съ присяжными. Со временемъ, когда мы болѣе проникнемся разумомъ нашего закона, то найдемъ, быть можетъ, возможнымъ упростить постановку и разрѣшеніе присяжными вопросовъ, и спрашивать ихъ, какъ это дѣлается въ Англіи, совершено ли то или другое преступленіе,—а не будемъ ихъ запутывать, подобно французамъ, безчисленными подробностями, среди которыхъ имъ такъ трудно бываетъ разобраться въ совѣщательной комнатѣ.

И такъ, слово „резюме“ неточно обозначаетъ заключительное слово предсѣдателя, дѣйствующаго на основаніи судебныхъ уставовъ.

Указавъ на различіе въ наименованіи, которое носить у разныхъ народовъ объясненіе предсѣдателя, мы постараемся уяснить, вкратцѣ, какъ это различіе произошло.

Въ Англіи, отечествѣ суда присяжныхъ, уже съ давнихъ временъ, какъ извѣстно, существуетъ теорія судебныхъ доказательствъ. Она установилась путемъ обычая, путемъ судебной практики, но тѣмъ не менѣе суды, при рѣшеніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, должны придерживаться ея, и она равно обязательна и для коронныхъ судовъ и для присяжныхъ. Тѣ и другіе должны знать ее. Но такъ какъ она вообще неизвѣстна присяжнымъ и такъ какъ они обязаны съ нею познакомиться для произнесенія вердикта, то предсѣдатель суда объясняетъ имъ каждый разъ теорію доказательствъ, насколько она касается обстоятельствъ даннаго дѣла. Но для того, чтобы преподать надлежащее наставленіе присяжнымъ, предсѣдатель долженъ разобрать весь матеріалъ, изъ котораго складывается дѣло. Онъ долженъ напомнить имъ о всѣхъ фактахъ, приведенныхъ сторонами, сгруппировать эти факты, отдѣлать существенное отъ не-

существеннаго, указать какіе факты могутъ быть приняты за доказательство, какой вѣсъ имѣетъ то или другое доказательство, наконецъ, какіе факты должны быть установлены допускаемыми закономъ доказательствами, чтобы совокупность ихъ соотвѣтствовала понятію о преступленіи, о которомъ идетъ рѣчь на судѣ. Для исполненія своей задачи предсѣдатель англійскаго суда разбираетъ все дѣло въ мельчайшихъ подробностяхъ и приводитъ каждый фактъ въ соотвѣтствіе съ закономъ. Онъ изготовляетъ, такъ сказать, рѣшеніе въ окончательной формѣ, подъ которымъ подписываются присяжные. Наставленіе предсѣдателя составляетъ центр тяжести всего производства въ судѣ съ присяжными. Предсѣдатель суда не учитъ присяжныхъ, чтобы они такъ или иначе рѣшили дѣло. Но мнѣніе его о томъ, какой слѣдуетъ вынести вердиктъ, сквозитъ обыкновенно въ его словахъ, несмотря на полную объективность изложенія. Если предсѣдатель суда сказалъ, напримѣръ, что оговоръ въ глазахъ закона ровно никакого значенія не имѣетъ, а что противъ такого-то подсудимаго ничего кромѣ оговора не представлено, то присяжные уже знаютъ какъ рѣшить дѣло. И весьма часто случается, что предсѣдатель суда выражаетъ присяжнымъ, послѣ произнесенія ими вердикта, одобреніе свое, когда онъ находитъ, что они вынесли правильное рѣшеніе. Такая руководящая роль предсѣдателя нисколько не вліяетъ на безпристрастіе его, напротивъ того, едва ли гдѣ найдутся болѣе безпристрастные судьи, стремящіеся только къ раскрытію истины въ дѣлѣ, чѣмъ предсѣдатели англійскихъ судовъ. Англійскій предсѣдатель не усматриваетъ нарушенія, съ своей стороны, правила судейскаго безпристрастія, когда ему приходится указывать, что обвиненіе представило болѣе вѣскія доказательства, чѣмъ защита или наоборотъ. Сэръ Александръ Кокборнъ, въ заключеніе наставленія своего присяжнымъ въ чудовищномъ процессѣ Тичборна—онъ произносилъ его въ теченіи цѣлаго мѣсяца и напечатано оно было впоследствии въ Лондонѣ въ видѣ большаго тома, равняющагося по размѣрамъ своимъ одному изъ томовъ нашего полнаго собранія законовъ—сказалъ между прочимъ, приблизительно, слѣдующее: „надѣюсь, что никто не упрекнетъ меня въ нарушеніи судейскаго безпристрастія за то, что я, раскладывая на вѣсахъ правосудія весь матеріалъ процесса, привелъ къ тому результату, что одна изъ чашъ этихъ вѣсовъ перетянула другую. Я только исполнилъ свой долгъ“.

Вліяніе предсѣдателя суда на присяжныхъ не только не ума-

ляют значенія ихъ въ Англіи, но напротивъ того, благодаря этому вліянію, нигдѣ институтъ присяжныхъ не стоитъ такъ высоко, какъ въ означенной странѣ. Англичане съ давняго времени смотрятъ на институтъ присяжныхъ какъ на одну изъ гарантій свободы своей. Къ чему служили бы, думаютъ они, всѣ многочисленныя гарантіи политической свободы, которыми они пользуются, если бы право присужденія гражданина къ позорищному наказанію находилось всецѣло во власти судьи, зависимаго отъ центральной власти и ею назначеннаго?..

Англійскіе присяжные выслушивая наставленіе предсѣдателя суда, подчиняются ему насколько оно разумно и законно, и постановляютъ приговоръ по свободному убѣжденію своему, которое, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сходится съ убѣжденіемъ судьи, такъ какъ судья отыскиваетъ только истину въ дѣлѣ и искусно содѣйствуетъ присяжнымъ въ изслѣдованіи ее.

Институтъ присяжныхъ былъ перенесенъ на континентъ Европы въ концѣ прошлаго столѣтія французами, которые пропандируя этотъ институтъ среди другихъ народовъ, положили на него свой собственный отпечатокъ. Имъ была чужда англійская теорія судебныхъ доказательствъ. Они ее не знали и не хотѣли знать. Имъ не желательно было, какъ сказано выше, обременять присяжныхъ—этихъ судей по наитію совѣсти, какъ имъ думалось,—разрѣшеніемъ какихъ либо сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Юридическіе вопросы должны были быть предрѣшены обвинительною камерою, а присяжнымъ надо было только дать волю своей совѣсти и вѣщанія по гласу ея. Изъ этого взгляда проистекло то, что французскій уставъ уголовного судопроизводства 1808 г. обязалъ предсѣдателя ассизовъ излагать передъ присяжными вкратцѣ дѣло, съ указаніями главныхъ доказательствъ за и противъ подсудимаго и безъ всякаго упоминанія о законахъ. Съ этого времени появилось пресловутое „резюме“, которое, съ легкой руки французовъ, стало произноситься и въ судахъ другихъ европейскихъ государствъ. Но вскорѣ почти повсемѣстно обнаружились тѣ недостатки, которые сказываются и въ дѣятельности предсѣдающихъ въ русскихъ судахъ съ присяжными. Такихъ судей, которые стояли бы и по дарованіямъ, и по объективному отношенію къ предмету, и по привычкѣ къ публичной рѣчи, на одномъ уровнѣ съ англійскими судьями нашлось немного на континентѣ Европы. Да и требованія къ нимъ представлялись иныя. Обязанность излагать обстоятельства

дѣла, не упоминая ни о законахъ, ни о какой либо теоріи судебныхъ доказательствъ и, при этомъ, недѣлая изъ всего сказаннаго никакого вывода, оказалась задачею трудно исполнимую на практикѣ. Стали раздаваться жалобы на то, что предсѣдатель суда нарушаетъ равновѣсіе при борьбѣ сторонъ и вовсе не вноситъ въ дѣло того объективнаго элемента, который присущъ дѣятельности англійскаго предсѣдателя.

Нѣмцы, въ меньшихъ государствахъ своихъ, первые сдѣлали поворотъ къ возвращенію къ англійскому типу присяжнаго суда. Не вводя у себя какую либо теорію судебныхъ доказательствъ и не освобождая предсѣдателя отъ обязанности излагать обстоятельства дѣла передъ присяжными, они установили правило, что предсѣдатель долженъ истолковать присяжнымъ относящіеся къ дѣлу законы, и предоставлять затѣмъ ихъ сужденію, насколько приписываемое подсудимому дѣяніе соотвѣтствуетъ признакамъ предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ преступленія. Этимъ самымъ былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ въ практикѣ присяжнаго суда. Искусственное отдѣленіе вопросовъ факта отъ вопросовъ права, сочиненное французами, потеряло кредитъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ изслѣдованій и законодательныхъ работъ. Нѣмцы измѣнили самое названіе предсѣдательской рѣчи: вмѣсто „резюме“ появилось у нихъ „поученіе“ предсѣдателя, приближающееся къ англійскому „наставленію“. Увлеченные новыми вѣяніями бельгійцевъ, брауншвейгцы пошли дальше и вовсе отбѣнили „резюме“ предсѣдателя. Нѣсколько лѣтъ спустя, 19 іюня 1881 г., французы сдѣлали тоже самое и при этомъ проявили рѣшительность, свойственную этой симпатичной націи. Чрезвычайно оригинальна новая редакція ст. 336 code d'inst. crim., первоначальный текстъ который приведенъ былъ выше. Эта статья изложена теперь такъ:

„Le président, après la cloture des débats, ne pourra, à peine de nullité, résumer les moyens de l'accusation et de la défense. Il rappellera aux jurés les fonctions, qu'il auront à remplir et il posera les questions“.....

И такъ, отрицательное правило—простое запрещеніе произносить какое бы то ни было „резюме“ и предписаніе только напомнить присяжнымъ объ обязанностяхъ ихъ. И никакого упоминанія объ истолкованіи законовъ, что свидѣтельствовало бы объ измѣненіи къ лучшему взгляда на существо обязанностей присяжныхъ.

Любопытны мотивы къ этому закону, изложенные въ докладѣ, представленномъ палатѣ депутатовъ 3 іюля 1880 г.

Вотъ они:

„Законодатель 1808 г. предполагалъ, что резюме не будетъ посягать на свободу защиты. Кто же въ настоящее время можетъ придерживаться такого наивнаго заблужденія, и найдетъ ли хотя одинъ судья, присяжный или адвокатъ, который сталъ бы утверждать, что предсѣдатель ассизнаго суда излагаетъ только безпристрастный докладъ дѣла и никогда не произноситъ—въ иныхъ случаяхъ даже не отдавая себѣ отчета въ томъ—вторую обвинительную рѣчь, болѣе опасную для подсудимаго, чѣмъ рѣчь прокурора, по двумъ причинамъ: на нее нельзя возражать и положеніе оратора устраняетъ всякое недовѣріе къ нему со стороны присяжныхъ. Не вправѣ ли мы предположить, что если бы законодатель 1808 года предвидѣлъ это злоупотребленіе (abus), то онъ послѣ провозглашенія имъ начала свободы защиты, воздержался бы отъ стѣсненія ея институтомъ предсѣдательскаго резюме? Можемъ ли мы иначе смотрѣть на предметъ, когда продолжительный опытъ намъ доказалъ, что предначертанія законодателя не осуществились, что свобода защиты и предсѣдательское резюме несовмѣстимы другъ съ другомъ и что необходимо избрать между уваженіемъ къ первой или отмѣною послѣдняго. Эти рѣшающія вопросы соображенія побудили вашу комиссію предложить вамъ отмѣну резюме, которое она признаетъ, впрочемъ, и ненужнымъ, и опаснымъ“.

Такимъ образомъ Франція, эта классическая страна предсѣдательскаго „резюме“, торжественно отреклась отъ своего дѣтища.

Въ послѣднее время всего правильнѣе былъ поставленъ вопросъ о заключительномъ словѣ предсѣдателя въ уставѣ уголовного судопроизводства для германской имперіи, введенномъ въ дѣйствіе 1 октября 1879 г. Статья 300. касающаяся его, изложена такъ: „Предсѣдатель, не входя въ оцѣнку доказательствъ, поучаетъ присяжныхъ касательно правовыхъ положеній, которыя они должны принять въ соображеніе при исполненіи возложенной на нихъ задачи. Поученіе предсѣдателя не подлежитъ возраженію ни съ чьей стороны“.

Послѣднее правило, включенное въ эту статью и лишшающее стороны возможности внести въ протоколъ засѣданія неправильное толкованіе закона со стороны предсѣдателя, встрѣтило основатель-

ную оппозицію въ палатѣ при обсужденіи законопроекта, но оно было принято при третьемъ чтеніи, по настоянію правительства, желавшаго поддержать авторитетъ предсѣдателя суда.

Нѣмецкій предсѣдатель, по упомянутому уставу, освобожденъ отъ обязанности излагать передъ присяжными существо дѣла, и онъ даетъ имъ только то наставленіе, въ которомъ дѣйствительно нуждаются присяжные. Комментаторы объясняютъ, впрочемъ, что предсѣдатель, излагая юридическое поученіе свое, можетъ касаться и фактической стороны дѣла, насколько это необходимо для уясненія его мысли.

Составители судебныхъ уставовъ, при написаніи правилъ заключительной рѣчи предсѣдателя, сгруппировали все лучшее, что въ то время встрѣчалось въ законодательствахъ другихъ народовъ. Никакой „великой ошибки“ они не допустили. Правда, они обязали предсѣдателя излагать „существенныя обстоятельства дѣла“. Но тогда, когда разрабатывались судебные уставы, краткое изложеніе обстоятельствъ, почти повсемѣстно, кромѣ Бельгіи и Брауншвейга, признавалось существовою принадлежностью предсѣдательской рѣчи. Составители уставовъ не перенесли къ намъ французскихъ теорій о судѣ присяжныхъ, а возложивъ на предсѣдателя суда обязанность разъяснить присяжнымъ законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступнаго дѣянія, они тѣмъ самымъ установили, что присяжные засѣдатели разрѣшаютъ вопросъ о виновности въ полномъ его составѣ. Составители уставовъ предоставили предсѣдателю, въ случаѣ надобности, возстановлять обстоятельства, неправильно изложенныя сторонами, или истинный разумъ закона, не точно ими истолкованный, не обнаруживая однако собственнаго своего мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго. Наконецъ, они обязали предсѣдателя излагать общія юридическія сужденія о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу или противъ подсудимаго, не въ видѣ какой либо законченной теоріи о доказательствахъ, а какъ выводъ изъ юридическихъ теорій и судебной практики.

Въ эпоху составленія судебныхъ уставовъ ни въ одномъ изъ законодательствъ западной Европы не встрѣчалось лучшихъ, болѣе рациональныхъ правилъ. Составители уставовъ не мечтали о предсѣдателѣ суда, обладающемъ какимъ то особеннымъ „идеальнымъ безпристрастіемъ“. Ихъ вполне удовлетворялъ типъ обыкновеннаго, средняго судьи, ищущаго только истины въ дѣлѣ и руководящаго

присяжными въ отысканіи ея. „Рѣчь предсѣдателя“—сказано въ судебныхъ уставахъ, изданныхъ государственною канцеляріею (ч. II, стр. 294)—должна возстановить обстоятельства дѣла въ истинномъ видѣ и значеніи“. Но отысканіе истины въ дѣлѣ, при вполнѣ объективномъ отношеніи къ нему, не равносильно отсутствію всякаго убѣжденія, отсутствію собственнаго мнѣнія. Предсѣдатель, по мысли уставовъ, не долженъ обнаруживать своего мнѣнія о винѣ или невинности, не долженъ высказывать окончательнаго вывода изъ фактовъ, имъ сгруппированныхъ, но если извѣстный выводъ логически необходимо вытекаетъ самъ собою, при правильной группировкѣ фактовъ, то этимъ самымъ предсѣдатель только содѣйствуетъ присяжнымъ въ исполненіи задачи, на нихъ возложенной. Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчено въ мотивахъ къ уставу уголовного судопроизводства для германской имперіи, когда предсѣдатель очень искусно скрываетъ свое мнѣніе, то онъ этимъ иногда только сбиваетъ съ толку присяжныхъ, не привлекая къ всѣмъ утонченностямъ подобной рѣчи. Не въ безпристрастіи тутъ дѣло! Все дѣло въ томъ, что и слѣдователю, и прокурору, и защитнику не только дозволено дѣлать окончательный выводъ изъ того, что они утверждаютъ, но это безусловно обязательно для нихъ; предсѣдателю же оно воспрещено. Вотъ въ этомъ вся трудность. И эта трудность, сознаваемая теперь не только у насъ, при дѣятельности предсѣдательствующихъ на нашихъ сессіяхъ, которыхъ мы помянемъ только добрымъ словомъ, зная какую тяжелую службу они несутъ, но и въ Германіи, и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, привела къ тому, что „резюме“ или вовсе отмѣнено, или замѣнено поученіемъ о юридическихъ вопросахъ ¹⁾. Въ Англіи дѣло поставлено иначе. Тамъ предсѣдатель менѣе стѣсненъ въ обнаруженіи собственнаго мнѣнія. И благодаря высокому положенію, въ которое поставлены судьи, благодаря огромному содержанію, которое они получаютъ, къ предсѣдательствованію въ судахъ привлекаются самые отборные, опытные, талантливые юристы, основательно подготовленные къ публичной дѣятельности. При такихъ условіяхъ англійскому предсѣдателю легче справиться съ своей задачей, хотя въ нее входитъ и обязанность разобрать весь фактический матеріалъ дѣла.

¹⁾ Въ Италіи еще существуетъ прежнее французское „резюме“; въ Австріи—изложеніе обстоятельствъ дѣла и объясненіе законовъ.

Если со времени введенія судебныхъ уставовъ нашъ собственный опытъ и опытъ другихъ народовъ насъ чему либо научилъ, то это тому, что предсѣдателя суда слѣдовало бы освободить отъ обязанности излагать „существенныя обстоятельства дѣла“, послѣ выясненія ихъ судебнымъ слѣдствіемъ и судебными преніями. Предсѣдательствующіе на сессіяхъ были бы, вѣроятно, несказанно рады такому нововведенію, а дѣло бы только выиграло. Они чувствовали бы себя спокойнѣе въ своей предсѣдательской роли и говорили бы только то, что дѣйствительно нужно сказать, не возбуждая противъ себя обвиненія, что они, по случайнымъ причинамъ, воспроизводятъ преимущественно доводы то одной, то другой стороны. Все остальное, что постановлено нашимъ закономъ относительно предсѣдательской рѣчи, должно остаться въ силѣ. Безъ поученія предсѣдателя присяжные обойтись не могутъ, но не слѣдуетъ возлагать на предсѣдателя обязанность трудно выполнимую и едва ли полезную. Предлагаемая нами реформа тѣмъ болѣе, кажется, возможна, что и при проведеніи ея останется въ силѣ правило, что предсѣдатель суда въ случаѣ надобности, возстановляетъ обстоятельства дѣла, неправильно изложенныя сторонами (802 ст. уст. угол. суд.).

Изяснить законъ, дать присяжнымъ добрые совѣты относительно „юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ“, возстановить факты, искаженные сторонами,—это можетъ исполнить удовлетворительно и судья „средняго типа“. Но изложить въ плавной рѣчи все дѣло, ясно, систематично, послѣдовательно, полно, тщательно воздерживаясь при этомъ отъ напрашивающагося само собою заключенія, ставить послышки, не дѣлая выводовъ, расположить матеріалъ процесса на вѣсахъ правосудія такъ искусно, чтобы присяжные, взглянувъ на вѣсы, тотчасъ же сказали, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній, которая изъ чашъ должна перетянуть,—это задача гораздо болѣе трудная и требующая способностей нѣсколько высшаго разряда. Въ неудачной погонѣ за исполненіемъ ея, судья „средняго типа“ попадаетъ не туда, куда стремится, и роняетъ значеніе и достоинство предсѣдательскаго „резюме“.

Мы заканчиваемъ нашу краткую замѣтку пожеланіемъ, чтобы въ указанномъ нами смыслѣ былъ измѣненъ 1 пунктъ 801 статьи устава уголовного судопроизводства.

И. Закревскій

По поводу 702 ст. устава гражд. судопр.

Всѣ современные законодательства признають за судомъ право, въ дѣлахъ сложныхъ и требующихъ продолжительныхъ совѣщаній, не постановлять резолюціи въ послѣднемъ засѣданіи по дѣлу, а отлагать ея постановленіе до другаго засѣданія. Право это имѣеть, конечно, весьма важное значеніе, какъ гарантія правильности рѣшенія; нѣкоторое замедленіе производства окупается тѣмъ, что судъ постановитъ рѣшеніе, надлежащимъ образомъ обдуманное, рѣшеніе, являющееся результатомъ всесторонняго обсужденія. Кромѣ незначительнаго замедленія, никакихъ другихъ неудобствъ и невыгодъ для тяжущихся такія отсрочки за собою влечь не должны, и, прежде всего, тяжущимся и лицамъ заинтересованнымъ, благодаря такой отсрочкѣ, не должно быть затруднено ознакомленіе съ резолюціею: она должна быть имъ также доступна, какъ и резолюція, постановленная въ томъ засѣданіи, въ которомъ дѣло ихъ слушалось. Тяжущемуся должно быть извѣстно не только то, что резолюція будетъ постановлена, но и когда она будетъ постановлена. Этотъ вопросъ не имѣеть особеннаго интереса для тяжущихся лишь по тѣмъ законодательствамъ, которыя не обязываютъ судъ провозглашать резолюціи, но за то обязываютъ его отсылать копію резолюціи къ тяжущимся. Такое правило принято австрійскимъ уставомъ ¹⁾, подъ вліяніемъ стараго общегерманскаго процесса ²⁾. Судъ отлагаетъ постановленіе резолюціи быть можетъ на неопредѣленное время, затѣмъ постановляетъ ее и отсылаетъ копію къ сторонамъ; такъ что имъ становятся извѣстными какъ моментъ постановленія, такъ и содержаніе ея. По законодательствамъ же, обязывающимъ судъ провозглашать резолюцію, принимаются мѣры къ тому, чтобы въ случаѣ отсрочки сдѣлать резолюцію доступною тяжущимся. Такъ, по германскому уставу 1877 г., судъ, отлагая постановленіе рѣшенія, объявляетъ сторонамъ, что рѣшеніе *будетъ объявлено въ такой-то день*, причемъ между днемъ засѣданія, въ которомъ объявлено объ отсрочкѣ, и днемъ объявленія рѣшенія не должно пройти болѣе недѣли ³⁾. Тяжущіеся, присутствующіе въ за-

¹⁾ Allgem. Gerichtsordnung § 250.

²⁾ Ср. Eudemann—Das d. Civilprocessrecht § 143, Renard—Lehrbuch des gem. d. Civilprocessrechts § 156 и др.

³⁾ Civilprocess. Ordnung § 281; слова „sofort anzuberaumenden Termin“ Hellmann—Lehrb. d. Civilprocess. s. 320 передаетъ такъ: „sofort festzusetzenden Sitzung“—не совѣмъ точно.

сѣданіи, слѣдовательно, узнаютъ отъ предсѣдателя когдаимъ слѣдуетъ явиться въ судъ для выслушанія резолюціи. Французскій кодексъ не содержитъ въ себѣ столь яснаго и категорическаго правила; въ немъ сказано лишь, что судьи могутъ продолжить разсмотрѣніе дѣла и провозгласить резолюцію въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій ¹⁾. Правило это менѣе удовлетворительно, чѣмъ германское, въ двухъ отношеніяхъ: 1) не указывается въ точности терминъ, далѣе котораго постановленіе резолюціи не можетъ быть отложено; „одно изъ послѣдующихъ засѣданій“ столь широкое выраженіе, что даетъ суду право отложить дѣло „въ долгій ящикъ“; 2) не указывается, обязанъ ли судъ, отлагая постановленіе резолюціи, объявить сторонамъ когда именно она будетъ постановлена. Французскіе процессуалисты обыкновенно и не останавливаются на этомъ вопросѣ ²⁾; онъ для нихъ ясенъ; по ихъ мнѣнію, въ этомъ случаѣ имѣется *gemise* ³⁾ отсрочка, а отсрочка, по существу, предполагаетъ точное обозначеніе термина, когда отсрочиваемое дѣйствіе должно быть совершено ⁴⁾. Раутеръ, однако, останавливается на этомъ вопросѣ и категорически заявляетъ, что предсѣдатель долженъ объявить день постановленія резолюціи ⁵⁾. Такъ что умолчаніе въ законѣ о необходимости указать день объявленія резолюціи отнюдь не истолковывается въ томъ смыслѣ, что предсѣдатель можетъ ограничиться объявленіемъ, что постановленіе резолюціи отлагаетъ де до *друго* раза.—Въ нашъ уставъ вошло цѣликомъ правило французскаго кодекса, со всѣми его недостатками. Статья 702 редактирована такимъ образомъ: „по дѣлу сложному или требующему продолжительныхъ совѣщаній, дозволяется отложить постановленіе резолюціи до другаго засѣданія, о чемъ предсѣдатель суда объявляетъ публично“. Статья эта возбуждаетъ и возбудила въ теоріи и практикѣ два вопроса: что такое „другое засѣданіе“ и обязанъ ли предсѣдатель объявить публично день, когда резолюція будетъ постановлена и провозглашена. К. И. Малышевъ ⁶⁾ и мы ⁷⁾ не считали нужнымъ останавливаться на этихъ совершенно ясныхъ

¹⁾ Code de proc. civ. art. 116.

²⁾ Boitard. Leçons d. pr. c. t. I, p. 196, Ronnier-Elements dr. pr. c. p. 97 и др.

³⁾ Mourlon-Repetit. еcr. sur le Code de pr. c. p. 106.

⁴⁾ Мой Учебникъ русск. гражд. суд. стр. 204.

⁵⁾ Rauter, Cours dr. pr. c. p. 247.

⁶⁾ Курсъ гражд. судопр. т. I стр. 411.

⁷⁾ Назв. сочин. стр. 305.

вопросахъ, но К. П. Побѣдоносцевъ и К. Н. Анненковъ удѣлили имъ нѣкоторое мѣсто. По первому вопросу г. Анненковъ высказался въ томъ смыслѣ, что подъ словомъ „до *другаго* засѣданія“ слѣдуетъ разумѣть—„до *другаго ближайшаго* засѣданія“. Мотивируется это мнѣніе тѣмъ, что: 1) цѣль 702 ст., указанная въ соображеніяхъ редакторовъ устава (въ изданіи госуд. канцел.), заключается въ предупрежденіи со стороны суда медленности въ постановленіи рѣшенія; цѣль эта можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, когда постановленіе резолюціи будетъ откладываться не до какого-либо засѣданія суда, а именно до ближайшаго; 2) тѣ два или три дня, которые составляютъ промежутокъ между засѣданіями, вполне достаточны для обсужденія каждаго дѣла, какъ бы оно ни было сложно и затруднительно для разрѣшенія ¹⁾. Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго комментатора. Подъ „другимъ“ засѣданіемъ слѣдуетъ разумѣть „одно изъ послѣдующихъ“ засѣданій, какъ выражаетъ непосредственный источникъ нашего устава, французскій кодексъ. Затѣмъ, цѣль 702 ст., указанная въ мотивахъ редакторовъ, не совсѣмъ вѣрно понята г. Анненковымъ. Подъ статьею въ изданіи госуд. канцел. помѣщены лишь слѣдующія десять словъ: „правило это принято для отвращенія произвольной медленности со стороны суда“. Г. Анненковъ полагаетъ, что мотивъ этотъ, прежде всего, касается времени назначенія новаго засѣданія, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, прежде всего, касается повода, по которому отлагается постановленіе резолюціи: сложности и трудности дѣла; если бы не было этого правила, то можно было опасаться, что судъ, по разнымъ болѣе или менѣе уважительнымъ поводамъ, отлагалъ бы постановленіе резолюціи—что, конечно, невыгодно отразилось бы на интересахъ тяжущихся. Во избѣжаніе этого, поводы отсрочки точно указаны въ законѣ, а благодаря этому, въ свою очередь, отвращена „произвольная медленность“. Наконецъ, указаніе г. Анненкова на достаточность двухъ-трехъ дней для разрѣшенія самаго сложнаго и труднаго дѣла, едва ли вѣрно. Намъ, теоретиковъ, всегда поражаетъ быстрота въ дѣятельности практиковъ—труднѣйшіе вопросы науки, въ безконечному изумленію теоретиковъ, разрѣшаются практиками съ замѣчательной быстротой. Къ несчастью, конечно, быстрота и правильность рѣшенія не суть понятія, всюду сопровождающія

¹⁾ Опытъ комментарія къ уст. гражд. суд. т. IV стр. 36—37.

друг друга..... Съ точки зрѣнія теоретика, для разрѣшенія въ коллегіи сложнаго и труднаго дѣла, нужно, по меньшей мѣрѣ, три совѣщанія, съ достаточными, для изученія матеріала, промежутками. Требовать, чтобы эти три совѣщанія происходили въ упомянутые два-три дня, невозможно при той массѣ работы, которая лежитъ на членахъ нашихъ окружныхъ судовъ. И такъ, намъ кажется, что судъ вправѣ отложить постановленіе резолюціи. какъ сказано во французскомъ кодексѣ, *до одного* изъ послѣдующихъ засѣданій, а не до слѣдующаго, какъ и разъяснено кассац. департ. сената въ рѣшеніи 1876 г. № 588. Конечно, председатель, памятуя ст. 255 учр. суд. уст., долженъ озаботиться о томъ, чтобы резолюція была постановлена по возможности скорѣе. Въ виду отсутствія указанія въ законѣ на срокъ объявленія резолюціи, какъ это сдѣлано въ германскомъ уставѣ, приходится положиться на тактъ председателя суда.—По второму вопросу г. Побѣдоносцевъ высказываетъ то положеніе, что „надлежитъ, по возможности, объявлять до какого именно засѣданія отлагается постановленіе резолюціи“ ¹⁾. Положеніе это, согласное съ прямымъ указаніемъ германскаго устава и общимъ смысломъ французскаго кодекса, совершенно правильно, но безъ той ограничительной оговорки „по возможности“, которая сдѣлана г. Побѣдоносцевымъ. Суду не только надлежитъ по возможности, но безусловно обязательно объявить тяжущимся, когда резолюція будетъ постановлена и провозглашена. А между тѣмъ незаконченность 702 ст. была причиною того, что во многихъ окружныхъ судахъ, по сложнымъ и труднымъ дѣламъ, председатель только объявляетъ, что постановленіе резолюціи отлагается до другаго засѣданія. Такая практика не можетъ быть одобрена. Въ началѣ этой замѣтки я сказалъ, что отсрочка резолюціи не должна затруднять тяжущимся доступъ къ ознакомленію съ нею. Провозглашая резолюцію по отложенному дѣлу въ неизвѣстный для тяжущагося день, судъ не только затрудняетъ этотъ доступъ, но и можетъ быть виновникомъ потери правъ. И дѣйствительно, представимъ себѣ тяжущагося, самолично ведущаго дѣло; ему объявляютъ, что резолюція отложена; онъ уходитъ изъ суда, предполагая, что будетъ извѣщенъ о днѣ постановленія; извѣщенія нѣтъ, какъ нѣтъ; черезъ полгода онъ отправляется въ судъ узнать, когда же резолюція будетъ постановлена—оказывается, что она давно постановлена и

¹⁾ Судебное Руководство тез. 418.

объявлена, съ назначеніемъ дня для прочтенія рѣшенія, и рѣшеніе уже вступило въ законную силу—апелляціонный срокъ истекъ. Что тяжущимся, дѣйствительно, представляется, что судъ обязанъ ихъ извѣстить о днѣ объявленія резолюціи, это видно изъ практики. Вопросъ объ этомъ доходилъ до сената, который, въ сущности совершенно правильно, не призналъ такое извѣщеніе для суда обязательнымъ (рѣш. 1869 г. № 966). Тяжущійся потерялъ право, благодаря практикѣ, лишенной всякаго смысла. Мы взяли крайній случай—*jus vigilantibus scriptum est*,—а потому могутъ быть и другіе: тяжущійся не теряетъ права, а вынужденъ по нѣскольку разъ на недѣлѣ являться въ судъ и справляться; это сопряжено съ потерей времени и средствъ, ничѣмъ не вознаградимой. Къ чему же все это сводится? А къ тому, что судъ внушаетъ тяжущемуся мысль, что самому вести дѣло не слѣдъ, а надо нанять адвоката,—мысль несогласная съ духомъ нашего законодательства, отказавшагося отъ принципа обязательной адвокатуры. Ни затрудненія доступа къ ознакомленію съ рѣшеніемъ, ни причиненія ущерба, ни потери правъ, ни нарушенія принциповъ—ничего бы не было, если бы суды, въ которыхъ практикуется вышеуказанный пріемъ, ознакомились съ первоисточникомъ нашего устава и его литературою и вообще съ иностранными законодательствами и съ дѣйствительнымъ смысломъ закона, и при объявленіи объ отсрочкѣ упоминали о днѣ постановленія резолюціи. Такое опредѣленіе этого дня никакихъ затрудненій представить не можетъ: если резолюція будетъ отложена на недѣлю, на двѣ недѣли, даже на мѣсяцъ, то тяжущіеся отъ этого не пострадаютъ, а такіе промежутки времени достаточны для разрѣшенія сложныхъ и трудныхъ дѣлъ. Вотъ почему второй вопросъ, возбуждаемый 702 статьею, долженъ быть разрѣшенъ такъ, какъ предлагаетъ г. Побѣдоносцевъ, но въ безусловномъ смыслѣ.

А. Гольмстенъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1887 году.

(Годъ девятнадцатый).

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИГИ.

I. Психологія преступности (*продолженіе*). Д. А. Дриля. II. Вопросы адвокатской дисциплины. Г. А. Джаншјева. III. Результаты московской переписи 1882 года. Е. Н. Тарновскаго. IV. Очеркъ экономическаго быта курской губерніи. А. И. Чупрова. V. Новый законъ объ организаціи фабричнаго надзора. П. Н. Обиньскаго. VI. Къ вопросу о возникновеніи на Дону частной поземельной собственности. А. VII. Отхожіе и кабальные рабочіе. А. Макаренко. VIII. Земская хроника Н. М. Астырева. IX. Библіографія. X. Разныя извѣстія и замѣтки. Положеніе англійскихъ фермеровъ.—Ростъ крупной промышленности въ Германіи.

Журналъ издается подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго, при ближайшемъ участіи въ редакціи Н. А. Каблукова.

Цѣна восемь р. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки семь р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора Н. Н. Пенчковской, и въ книжномъ магазинѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

Члены Московскаго Юридическаго Общества, желающіе получать журналъ съ доставкою на домъ, благоволятъ прислать въ редакцію почтовыми марками или внести въ кассу Общества деньгами одинъ рубль, сообщая при семъ свои адреса.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885 и 1886 годъ высылаются по 8 р., отдѣльныя книжки по 1 руб. Лица, выписывающія журналъ сразу за семь, за шесть, за пять, за четыре и за три года, благоволятъ высилать по разсчету *шести* рублей за годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъвъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться за ясность и четкостью писемъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лица, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылаются 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылаются 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

2.11.85
5/9/05

Объ изданіи въ 1887 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . 8 р. ||| съ пересылкой въ другіе города . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . 8 р. 50 к. ||| за-границей 12 р.
отдѣльно книга журнала 3 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассацион. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ Анисимова: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкой и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе одновременно весь комплектъ за шесть лѣтъ, уплачиваютъ 42 руб. съ пересылкой и 30 руб. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкой.

Редакторъ В. Володими́ровъ.